КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXII.

1903 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 іюня 1903 года.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина[1].

Худоба.

Позднеи осенью, зимой и ранней весной на небольшомъ, чисто выметенномъ крестьянскомъ дворѣ средняго порядочнаго хозяина собирается обыкновенно вся живая движимость (худоба), которая въ другое время года въ разбродѣ. У круглыхъ плетенныхъ яселъ лошакъ бодро хватаетъ соломинки, блестя живыми глазами, и дремлетъ кобыла; волы, корова или телка мирно жуютъ неприхотливую пищу. Изъ овчарни или особой загородки доносится блеяніе овецъ, и кабанъ сердито приподымаетъ крышку въ сажѣ, требуя корма. По двору летаютъ голуби, прохаживаются утки, иногда гуси и всегда куры. Въ сторонѣ пѣтухъ сверкаетъ яркимъ гребнемъ и золотыми перьями хвоста на солнцѣ. Народное отношеніе къ каждому изъ этихъ домашнихъ животныхъ, лишь въ малой степени и отрывочно затронутое этнографіей, составитъ предметъ настоящихъ очерковъ.

I. Кони.

Понятіе крестьянина о внѣшнихъ и внутреннихъ качествахъ лошади: о ея статьяхъ и характерѣ. Лошадь купленная и доморослая. Содержаніе и работа лошади. Болѣзни и врачеваніе.

Обыкновенная мѣстная крестьянская лошадь происходитъ отъ первоначальной среднеазіатской породы, распространившейся

[1]) См. очеркъ: „Вокругъ жилья" въ Кіев. Стар. 1903 г., II, 181—217, и III, 349—377.

въ давнія времена дикими табунами по средней и восточной Европѣ [1]), въ томъ числѣ и по всей Малороссіи, такъ что Владимиръ Мономахъ ловилъ дикихъ коней возлѣ Чернигова. Позже лошади сохранились въ дикомъ состояніи только въ южныхъ степяхъ, въ которыхъ татары и запорожцы держали многочисленные полудикіе табуны [2]).

Древнѣйшее, преимущественно боевое, значеніе лошади сохранялось за нею и въ героическій, козацкій періодъ малорусской исторіи, но затѣмъ козацкій конь—боевой товарищъ, старый другъ и собесѣдникъ, провожавшій тѣло козака и дававшій близкимъ знать о его смерти, отходитъ въ область преданій старой поэзіи, замѣняясь въ дѣйствительности рабочей лошаденкой. Съ отмѣной крѣпостного права происходитъ даже замѣченное мѣстной статистикой [3]) перемѣщеніе лошади отъ болѣе зажиточной группы козаковъ, сохранившихъ еще воловъ, къ крестьянамъ, работающимъ въ большинствѣ случаевъ исключительно лошадьми. Цѣня въ лошади рабочую силу, крестьянинъ заботится преимущественно о крѣпости сложенія; красота имѣетъ въ его представленіи лишь второстепенное значеніе, какъ можно, между прочимъ, убѣдиться изъ слѣдующаго общаго очерка требованій, предъявляемыхъ крестьяниномъ къ «доброму коню». У хорошей лошади общій видъ веселый, бодрый (шустрый); у нея небольшая голова съ нѣсколько опущеннымъ, а не приподнятымъ храпомъ (горбоноса, горбатенька, а не кирпата). На языкѣ не должно быть темныхъ полосъ (сходъ, смугивъ), потому что такая лошадь недолговѣчна: «у симъ литъ здохне». Хорошо, если между костями нижней челюсти (вылыцямы) [4]) вмѣщаются два пальца, такъ какъ

---

[1]) Ю. Липпертъ. Истор. культ. С.-Петерб. 1895 г. I, 92.

[2]) П. Цорнъ. Еженедѣльн. для охотн. до лошад. С.-Пет. 1832 г. VI, 96 и XIV, 217, 232.

[3]) Сборн. хоз. стат. полт. губ. IV. Луб у. Пол. 1885 г., 56.

[4]) Названія частей лошадинаго тѣла въ Лубенщинѣ сходны съ великорусскими, кромѣ слѣдующихъ: щелепы, вылыци—верхнія и нижнія челюсти, перенисья, хряпы, шія, корпусъ, лопаты, перси, здуховыны (вздохи), пахвы, крыжъ.

такую лошадь легче откормить. Короткая шея, выражающая крѣпость лошади, предпочитается длинной, но она дожна быть крутою, полукруглою (хоботомъ), а не оленьей (выкоченою) [1]). Густая, длинная грива предпочитается также, какъ свидѣтельство крѣпости. Грудь у хорошаго коня бываетъ широкою, толстою, «бо винъ персамы везе», да и весь онъ долженъ быть ширококостнымъ («костыстымъ»), длиннымъ, ровнымъ «шобъ корпусъ и крыжъ прави», но выпуклость (горбына) по направленію къ крестцу [2]) одобряется: «така коняка крипша», а вислозадость не считается важнымъ недостаткомъ. Но лошадь съ дурнымъ образованіемъ реберъ, плоскоребрая (худоконна) не годится; ребра дожны быть крутыми, а разстояніе между послѣднимъ ребромъ и крестцомъ—небольшимъ, такъ, чтобы пахъ выходилъ круглымъ (съ запасомъ), а не впалымъ. Лошадь съ впалыми, большими пахами неспособна откармливаться, сытость же свидѣтельствуетъ о здоровьи лошади и повышаетъ цѣну ея. Хорошъ толстый, курчавый хвостъ. Переднія и заднія ноги должны широко раздвигаться, особенно у колѣнъ—«то дебелый кинь». Главное достоинство лошади--крѣпкія ноги; не годятся поэтому лошади съ выдавшимися или вогнутыми колѣнями (съ козинцемъ), на низкихъ бабкахъ. Лошади съ мозолистыми наростами подъ бабками признаются крѣпкими, безъ нихъ слабыми (млявыми). Не одобряются полнокопытыя и съ сторчевыми копытами лошади. Быстро потѣющую въ поѣздкѣ лошадь признаютъ слабой. Оцѣнивая лошадь со стороны ея способности къ труду, крестьянинъ придаетъ масти второстепенное значеніе, практически важное лишь потому, что извѣстному хозяину идутъ въ руку только опредѣленной масти лошади, другія не поправляются, не полнѣютъ, заставляя напрасно издерживаться на кормъ. Но при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, крестьянинъ предпочитаетъ

---

[1]) Въ описаніи статей лошади XVIII в. (Малор. домаш. лечеб. Кіев. Ст. 1890 г. I, прилож., 18) о шеѣ сказано: «шіи вынесенной и крутой».

[2]) Плохо связанная въ поясницѣ, съ запавшею поясницей (почкой) лошадь бракуется. (Прав. для полк. лош. Полтава 1901 г., 17).

вороныхъ коней, воспѣваемыхъ во многихъ пѣсняхъ, особенно свадебныхъ. Караковая, гнѣдая, рыжая и буланая масти считаются средними по красотѣ; ниже поставлены: чалые, мышастые лошади и такъ называемые отмастки. Пѣгая (рябая) масть настолько нелюбима, что хозяинъ, предки котораго ѣздили на пѣгихъ лошадяхъ, навсегда получилъ фамилію Рябокинь. Между прочимъ рябой заболѣвшей лошади затруднительно шептать, такъ какъ заговаривать можно лишь извѣстную, опредѣленную масть, а у пѣгой лошади двѣ масти. Затѣмъ пѣгіе кони рѣже идутъ въ руку. Разные оттѣнки сѣрой масти: сыви, сывозализни, яблукови очень нравятся, особенно молодежи; за то бѣлые кони, священные у древнихъ персовъ, римлянъ, славянъ и германцевъ, изображавшіеся на щитахъ и знаменахъ владѣтельныхъ фамилій и подводившіеся въ видѣ дани сюзерену [1],—совсѣмъ не цѣнятся въ дѣйствительсти, и единственное воспоминаніе о древнемъ значеніи бѣлой масти выразилось лишь въ томъ, что клады появляются въ видѣ бѣлаго коня, да еще развѣ въ томъ, что адъютантъ Императрицы Екатерины II на такомъ конѣ объявилъ монастырскимъ крестьянамъ освобожденіе отъ зависимости монастырю.

Не менѣе, если не болѣе внѣшнихъ качествъ лошади, важны и ея внутреннія, зоопсихологическія свойства. Главное достоинство коня заключается въ томъ, чтобы онъ былъ доброѣзжимъ: «добрымъ, щирымъ, везючимъ». Отклоненіе отъ этого основного достоинства въ обѣ стороны равно нежелательно; не бѣда нѣсколько лѣнивая (ледаченька) лошадь, ее трудно испортить, съ окончательно же лѣнивой (ледачою, прыгиршлывою)—одно мученье. Лѣнь и упрямство нѣкоторыхъ лошадей дѣлаетъ ихъ неспособными къ выѣздкѣ. «Йе така клята, шо не пиде у визъ, и такъ вона ходыть по ярмаркахъ, покы пропаде». Нехороши также и слишкомъ горячія лошади: ихъ легко запалить, возвращаясь съ ярмарки или со свадьбы. Есть горячія, пока не обошлись. «Йе така кобыла, шо якъ запрягать, то вона уся тремтыть, якъ на

---

[1]) Липпертъ. Ист. культ. 95. Цорнъ. Еженед. № XXV и XXVI, 411, 412.

огни. И тоди роскрывай ворота, одскакуй, и вона якъ шелесне! Пробижыть гоны, оббиглась, охмолосталась и пишла гарно». И боязливыя (харапудлыви) лошади часто носятъ, испугавшись мостовъ, грудъ камней, дерева, внезапнаго появленія людей или животныхъ, шороха и шума Къ числу относительныхъ достоинствъ лошади принадлежитъ ея способность запоминанія, «памятливость». Такая лошадь помнитъ дорогу, не собьется и въ мятель, но она же заворачиваетъ въ каждый дворъ, въ которомъ, бывала, подвозитъ хозяина къ трактиру; а проданная—убѣгаетъ къ прежнему владѣльцу. Безъ сомнѣнія большинство зоопсихологическихъ качествъ узнается постепенно, при случаѣ, и не можетъ быть обнаружено во время покупки лошади на ярмаркѣ.

Лошадь пріобрѣтается на ярмаркѣ съ соблюденіемъ слѣдующихъ торговыхъ обычаевъ [1]), остатковъ сѣдой древности. Продавецъ запрашиваетъ всегда отъ 5—15 руб. сверхъ дѣйствительной цѣны [2]) лошади, покупщикъ долго торгуется, находя недостатки; сойдясь, оба снимаютъ шапки и крестятся. Покупщикъ платитъ деньги и получаетъ лошадь въ недоуздкѣ изъ полы въ полу [3]). Взявъ лошадь, онъ кружитъ ее трижды вокругъ себя,

---

[1]) Варіантъ такихъ обыкновеній указанъ у проф Н. Ѳ. Сумцова: «Культ. переж.» Кіев. Ст. 1890 г., II, 324.

[2]) Цѣна средней крестьянской рабочей лошади долго держалась нормы указанной у Чубинскаго (Зап. Ю. З. Геогр. Общ. II, 178) 25--40 руб. или немного больше, сначала же XX в. удвоилась.

[3]) Къ объясненію приводимыхъ торговыхъ обычаевъ могутъ послужить слѣдующія общечеловѣческія обыкновенія. У персовъ, кельтовъ, германцевъ договоры о куплѣ-продажѣ животныхъ скрѣплялись рукобитьемъ, безъ чего нарушеніе договора не такъ строго преслѣдовалось. (Rejnier. Ackerb. der. Alten, 299). Передача купленнаго изъ полы развилась изъ торговой тайны. Персы и Мидяне, взявшись за руки и накрывъ ихъ изъ предосторожности полой, переговариваются условными знаками: вытянутый палецъ обозначаетъ цифру 10, согнутый 5, конецъ пальца—1, кисть руки—100, согнутая кисть—1000. (Ш. Летурно. Эвол. торг. въ Міp. Бож. 1898 г., XI, 147). Продажа лошадей и быковъ у римлянъ совершалась торжественно въ присутствіи свидѣтелей (mancipatio). В. И: Герье. Консер. у римл. Вѣстн.

а продавецъ стегаетъ сзади «шобъ не жалила за хазяиномъ». Затѣмъ покупщикъ беретъ съ правой стороны горсть земли и третъ спину лошади, приговаривая: «Йижъ гній, а беры на себе лій». Потомъ наставляетъ полу и проситъ талану: «А ну, свате, на таланъ, шо Богъ давъ». Продавецъ долженъ бросить въ полу 1—2 коп., которыя покупщикъ спускаетъ съ полы на землю, перекрестивъ ихъ, и наблюдая которой стороной они упали. Паденіе монеты лицевой стороной возбуждаетъ восторгъ продавца и свидѣтелей сдѣлки.—Ну, ходимъ, свату, могорычу—приглашаетъ покупщикъ; ставитъ 1—2 чвертки, и, распивая, спрашиваетъ продавца: «Будь здоровъ, свату, скажы: чы годытся?—буду держать, а ни—продамъ.—Годытся, веды прямо до-дому.

Отъ купленной такимъ образомъ кобылы хозяинъ можетъ ожидать со временемъ приплода, но о случкѣ заботятся мало; только достаточные хозяева водятъ кобылъ къ казеннымъ или панскимъ жеребцамъ; кобылы мелкихъ крестьянъ сами случаются съ лошаками гдѣ-нибудь на выгонѣ. И обращеніе съ жеребой кобылой самое незатѣйливое; только мѣсяца за два до родовъ остерегаются, чтобы не напоить ее горячей, на возъ, въ который она впряжена, кладутъ не свыше 8—10 пуд. клади, но такія предосторожности не всегда соблюдаются, и кобыла иногда скидаетъ «якъ обийстся, потрудытся, впаде, або хто іи вдарыть». Своевременныя роды мѣстной матки, за самыми рѣдкими исключеніями, происходятъ быстро и правильно, въ какіе-нибудь четверть часа. Плодъ выходитъ клинообразно; морда лошонка прижата къ переднимъ колѣнямъ и весь передъ покрытъ пузыремъ, полнымъ воды. Затрудненныя, медленныя роды бываютъ только

Евр. 1875 г. IX, 233). Бросаніе металлическихъ знаковъ (jacta missilia)—чековъ на предъявителя составляло traditio (Нов. Время 1903 г., № 9662, 3). Въ нѣмецкомъ обычномъ правѣ могорычъ (Mittrinken, мѣстами Wingkoff, Leinkauf) сначала для всего общества, потомъ для однихъ только контрагентовъ свидѣтельствовалъ о заключеніи договора. У мазуровъ остатокъ вина выливаютъ черезъ голову, чтобъ купленное пошло въ прокъ. (C. Haberland. Ueber Gebr. und Aberglaub. beim Essen. въ Zeitschr. für Volkerpsych. 1888, IV, 384).

при слабыхъ потугахъ истощенныхъ кобылъ. Неправильные роды, когда лошонокъ выходитъ хвостомъ вмѣсто головы также неслишкомъ опасны, только поперечное положеніе смертельно, но его почти никогда не бываетъ [1]). Послѣдъ отходитъ также самъ собой. Такимъ образомъ въ дѣлѣ родовъ всё рѣшается благодѣтельной природой, не требуя никакихъ акушерскихъ пріемовъ со стороны крестьянина. Изрѣдка только при трудныхъ родахъ хозяинъ потягиваетъ слегка лошонка за ноги или за хвостъ, остерегаясь тянуть за шею изъ боязни, чтобы впослѣдствіи лошонокъ не мытился трудной формой подъ шеей, хотя коннозаводческая практика разрѣшаетъ тянуть и за шею [2]). Хозяину слѣдуетъ дернуть (смыкнуть) новорожденнаго за хвостъ, тоди воно вычыстытся (будетъ мытыться) задомъ». Затѣмъ хозяинъ одинаково довольный, родился ли болѣе выносливый конь или болѣе пригодная въ хозяйствѣ, прибыльная кобылка, не обращаетъ уже никакого вниманія на лошонка; только рѣдкіе, зажиточные хозяева наблюдаютъ, чтобы лошонокъ кормился сѣномъ съ земли, а не съ яселъ и такимъ образомъ лучше расправлялся [3]), а также даютъ ему немного овса для увеличенія роста. По истеченіи года лошонка стригутъ, для того чтобы грива не была слишкомъ мягкой и не сбивалась бы въ колтуны подъ хомутомъ [4]). По второму году лошонокъ (лоша) получаетъ названіе: стрыжакъ, стрыгунъ, стрыга, стрыжчя, а по третьему—лошакъ и лошыця. Впослѣдствіи у мелкихъ хозяевъ, обладающихъ одной лошадью, послѣдняя по-

---

[1]) Волгеборнъ. Объ усоверш. кон. завод. перев. П. Бурнашова. С.-Петерб. 1816 г., 96, 101, 113—115.

[2]) Ibid. ч. II, 102. Также. П. Цорнъ, Еженед. XXII, 368.

[3]) Для жеребятъ вредны высокія ясли, потому что отъ постояннаго подыманія головы вверхъ шея дѣлается оленьей, и получается выгибъ спины. Волгеборнъ, 27.

[4]) Востотное обыкновеніе; арабы стригутъ жеребятъ на восемьнадцатомъ мѣсяцѣ. Подъ колтуномъ разумѣется не болѣзнь, а просто грязные, спутанные волосы, которые трудно разобрать. (П. Цорчъ: 1, еженед. XXX и XXXI, 504, 2, запис. для любит. лошад. 1826 г., V и VI 8).

ситъ общую видовую кличку: кинь, коняка, кобыла, шкапа; обладатели же нѣсколькихъ лошадей для удобства даютъ имъ еще особыя названія, заимствованныя или отъ наружнаго вида, особыхъ примѣтъ и масти лошади, напр.—лысый, билоногый, кучерява, чубара, галка, или отъ ея внутреннихъ качествъ: горда, орлыця, или отъ лица продавца и мѣста продажи: попокъ, цыганъ [1]), вовчанка, самарка, или наконецъ—отъ именъ людей и человѣческихъ отношеній: Васька, Машка, Параска, кума, баба. Съ третьяго года лошака холостятъ для чего приглашается особый castratorius, коновалъ, получающій 50 коп. за операцію, производимую общеизвѣстнымъ способомъ [2]). Образовавшуюся рану прижигаютъ мѣднымъ купоросомъ (синимъ каминцемъ).

Съ распространеніемъ лошади среди крестьянъ и болѣе мелкихъ козаковъ соединяется ухудшеніе ея содержанія, какъ лѣтняго, съ 23 апрѣля до перваго снѣга, такъ и зимняго, въ остальное время года. Прежде весеннее и лѣтнее содержаніе лошади въ лубенскомъ уѣздѣ не представляло никакихъ затрудненій. По окраинамъ уѣзда разстилались дѣвственныя степи, по рѣкамъ луга, въ центрѣ лѣсъ, одинаково открытые табунамъ, которые сгонялись сюда жителями по снятіи сѣна и оставлялись до зимы подъ охраной жеребцовъ. Здѣсь сами лошади становились въ кругъ съ лошонками посрединѣ для защиты отъ звѣрей. Отдѣльныхъ запольныхъ владѣній тогда не было; всѣ земли были въ смѣнахъ и подлежали общему сѣвообороту, поэтому какъ толока, такъ и стерни предоставлялись также общему пользованію. По панской землѣ бродили козачьи лошади и наоборотъ. Только межеваніе, упорядочивъ земледѣліе, отозвалось невыгодно на скотоводствѣ. Послѣ размежеванія многія земли отошли изъ общихъ смѣнъ въ отрубные куски и толоки уменьшились, послѣдствіемъ чего было

---

[1]) Кличка цыганка, цыганъ особенно распространенна, встрѣчается въ дневникѣ Маркевича въ Кіев. Стар. 1901 г., XI, 92.

[2]) Судя по обозначенію у малороссовъ кастраціи нѣмецкимъ терминомъ валашить (walachen, Walach—меринъ) можно допустить, что и самое обыкновеніе заимствовано отъ нѣмцевъ. Оно не было извѣстно ни древнимъ грекамъ, ни арабамъ, (Rejnier. Ackerb. 86).

постепенное уничтоженіе общественныхъ табуновъ, оставшихся въ видѣ пережитка лишь въ нѣкоторыхъ селахъ засульской волости, въ которыхъ принимаютъ на пастьбу лошадей съ платежемъ 50—60 коп. и гарнца муки отъ головы. И землевладѣльцы, прежде охотно принимавшіе лошадей по 3 руб. каждую, съ развитіемъ земледѣлія отказались отъ пріема, предоставляя лишь въ наемъ часть сѣнокосовъ по 5—12 руб. десятину, а затѣмъ не нашли выгоднымъ и эти наймы, такъ что въ настоящее время крестьянинъ долженъ выпасывать лошадь какъ самъ знаетъ: на голой толокѣ и такомъ же выгонѣ, по рвамъ, межникамъ, вдоль проселочныхъ и почтовыхъ дорогъ, а на стерняхъ и отавахъ—по особому договору. Въ зависимости отъ распашки степей измѣнился и зимній лошадиный кормъ. Мѣсто сѣна (кромѣ крупнаго, кислаго лучного) занято ячной, овсяной соломой, остатками соломы изъ-подъ вымолоченнаго хлѣба (сбоинами) и разными отбросами ячменя (дертью) и при вѣяніи зерна (половой). Полова, обваренная кипяткомъ и обмѣшанная ячной мукой, представляется лучшимъ кормомъ для старыхъ лошадей, которыхъ особенно трудно укармливать со второй половины зимы. Овесъ дается лошадямъ рѣдко, больше въ дорогѣ.

Работы лошадью можно раздѣлить на общія и особенныя. Первыя, общія всему уѣзду, заключаются въ обработкѣ земли лошадьми, для чего два и больше хозяевъ соединяются вмѣстѣ, спрягаютъ своихъ коней и успѣваютъ вспахать десятину на паръ и полдесятины на зябъ. Боронятъ легкой бороной въ одну лошадь. Изъ особыхъ работъ лошадью грабарство распространено въ засульской волости у Лубенъ, гдѣ грабарь доставкой песка, земли, льда вырабатываетъ 50—60 коп. въ день, а разныя формы извоза извѣстны издавна въ сѣверовосточномъ углу уѣзда,—такъ ломка діабаза, а прежде и алебастра въ Исачкахъ содѣйствовала развитію извоза въ окресностяхъ этого села. Доставкой камня и всякой клади мѣстный извозчикъ (фурщикъ) вырабатываетъ 20—50 руб. въ годъ (по расчету $1^1/_2$ коп. за 10 верстъ съ пуда). Затѣмъ, крестьяне волчковской волости перевозятъ 5—8 богомольцевъ на повозкѣ съ восточной границы уѣзда до парома у

Писокъ возлѣ Мгарского монастыря, зарабатывая такимъ образомъ 50 коп. на лошадь. Къ особымъ формамъ извоза принадлежатъ подряды извозчичьихъ артелей жителей с. Beресточи на доставки: зерна, муки, каменнаго угля и товаровъ съ залогомъ въ 500 руб., остающимся въ случаѣ порчи товара и другихъ неисправностей отправителямъ. Жители сосѣдняго Волчка отправляются на все лѣто въ южныя губерніи и доставками пшеницы на пристани, зарабатываютъ 30—50 руб. на лошади. Разсчитано, что при трехъ лошадяхъ двѣ приносятъ по рублю въ день дохода, а третья идетъ въ «раскатъ», т. е. окупаетъ содержаніе всѣхъ трехъ: издержки на сѣно, овесъ, деготь и т. п. Прежде же, когда выходило до 500 лошадей [1]) изъ уѣзда, хозяинъ вырабатывалъ 60—100 руб. на лошади. Прежде, бывало, фурманъ даетъ свои деньги купцу на покупку товара, а по доставкѣ послѣдняго получаетъ и свои деньги, и плату за извозъ. Желѣзныя дороги уничтожили извозъ. «Теперъ тихъ фуръ нема, теперъ мала фура» — говорятъ крестьяне.

Итакъ, безпорядочная случка, недостатокъ питанія, ранняя работа служатъ причинами ослабленія крестьянской лошади. Къ этимъ причинамъ слѣдуетъ еще присоединить и неумѣлое лѣченіе [2]). Одно уже частое бросаніе крови, по отзыву спеціалиста [3]) «больше умерщвляетъ лошадей, чѣмъ всѣ болѣзни, вмѣстѣ взятыя». Обыкновенные хозяева крестьяне различаютъ слѣдующія болѣзни лошади, расположенныя по органамъ, подверженнымъ заболѣванію. Бѣльмо на глазу, о также и воспаленный глазъ лѣчатъ задуваніемъ соли и сахара [4]). Насосъ—опухоль неба—скалываютъ и натираютъ солью или кормятъ лошадь сухимъ ячменемъ (сби-

---

[1]) Короновскій. Стат. опис. луб у. въ полт. губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2.

[2]) О лѣкарствахъ и лѣченіи лошади въ старой Малороссіи много свѣдѣній заключается въ сообщенныхъ Потебнею «Малор. лѣчебн. XVIII в.» въ Кіев, Стар. 1890 г., I, Прил. 18—23.

[3]) Волгеборнъ. Объ усовер. конск. завод. 107.

[4]) По Кривенку (Бесѣды о лош. С.-Петерб. 1894 г., 49) бѣльмо задуваютъ свинцовымъ сахаромъ.

ваютъ). Волчьи зубы выбиваютъ. Мытъ—катарральное состоянie, развивающееся чаще весной, одновременно съ линянiемъ и ослабленiемъ лошади [1]), и соединенное съ истеченiемъ изъ ноздрей и опухолью железъ (залозъ),—признается народомъ неизбѣжной болѣзнью: «Кажный кинь залозуе або ноздрямы, або провалытся пидъ горломъ». Мытъ не лѣчатъ. Сапъ, повальная болѣзнь, обнаруживающаяся язвами въ ноздряхъ съ истеченiемъ блѣдной, клейкой жидкости, справедливо признается народомъ неизлѣчимымъ. «Дрянь иде носомъ и кинь не прысне. Потимъ здохне». Обыкновенныя опухоли [2]), происходящiя отъ разныхъ причинъ, лѣчатъ квасцами, селитрой, роговою мазью, глиной [3]) и камфорой съ бураковымъ квасомъ. И сибирская язва (телiй) часто соединена съ мѣстными страданiями. «Зробытся опухъ, гуля, якъ пиде у середыну до грудей—то коняка здохне. Черкають, обсицають ножемъ, покы пухле [4]). Мажуть кислымъ молокомъ и глыною зъ уксусомъ». Затѣмъ лишаи и другiя кожныя пораженiя обмываютъ растворомъ соли, натираютъ солью съ куринымъ пометомъ, а чесотку (коросту)—смѣсью дегтя, сѣрки и гречаной золы. Что касается до страданiй растительныхъ органовъ, то пораженiе кашлемъ дыхательныхъ путей, приписывается крестьянами червямъ, гнѣздящимся въ горлѣ лошади, и лѣчится конoплянымъ сѣменемъ примѣшиваемымъ къ корму; кашель же при удушьи, соединенный съ затрудненнымъ дыханiемъ и прерывистымъ движенiемъ реберъ (запалъ), признается неизлѣчимымъ [5]). Опаснѣй-

---

[1]) П. Цорнъ. Зап. для охотн. до лошад. IV, 260.

[2]) Между прочимъ въ Дагестантѣ опухоль приписываютъ сглазу. (Пржецлавскiй. Дагес. въ Вѣстн. Евр. 1867 г., IX, 190).

[3]) Объ употребленiи глины. Кривенко. Бесѣд. 52.

[4]) Въ «Наставл. для дѣйст. противъ сибир. язвы», составленномъ Ветеринарнымъ Комитетомъ, весьма основательно запрещенно коноваламъ производить кровопусканiя и прорѣзывать опухоли (ст 7) въ предупрежденiе распространенiя заразы.

[5]) Обыкновенно кашель бываетъ припадкомъ другой болѣзни: воспаленiя легкихъ, мыта и т. д. Запалъ есть также слѣдствiе другихъ страданiй: анатомическихъ измѣненiй дыхательныхъ путей, недостатковъ сердца, грудобрюшной преграды и т. д. (Г. Ундрицъ. Дом. скотолѣч. С.-Пет. 1873 г. 52, 53).

шимъ, иногда смертельнымъ страданіемъ пищеварительныхъ органовъ признается чемеръ [1]), по народнымъ наблюденіямъ соотвѣтствующій сояшницамъ и завинамъ у людей [2]), бывающій «витрянымъ, водянымъ, найиздным». Лошадь въ чемерѣ катается по землѣ, садится, хватается зубами за животъ и очень потѣетъ, Лошадь проводятъ, снаружи мажутъ животъ дегтемъ, а внутрь даютъ пить разсолъ или яичный бѣлокъ съ водкой, водку съ золой [3]), также олею. Рвоту у лошади лѣчатъ бураковымъ квасомъ со спиртомъ внутрь или разсоломъ съ олеей, также куринымъ яйцомъ, животъ мажутъ дегтемъ. Окормленную лошадь проводятъ и также мажутъ дегтемъ. Отъ запора даютъ внутрь олею съ разсоломъ, отъ поноса—гарнецъ проса, отъ глистовъ—антимоній въ кормѣ. Запоръ мочи у лошади лѣчатъ смазываніемъ ей губъ и рта овечьимъ каломъ. Затѣмъ въ различныхъ болѣзняхъ ногъ употребительны слѣдующіе пріемы врачеванія. Свихнутую въ плечѣ ногу [4]) потягиваютъ, растираютъ потомъ водкой съ оливой и кладутъ припарку изъ льняного сѣмени. Растираютъ скипидаромъ и при губчатой опухоли колѣна, колѣнномъ грибѣ («якъ росте хрящъ у колини»). и при ревматизмѣ колѣна, «луковкѣ» («якъ воно хрустыть»). И опой есть также ревматическое воспаленіе копытъ и отекъ ногъ, поражающее разгоряченную, напоенную холодной водой лошадь [5]). По народнымъ понятіямъ: «Опой йе такый, шо опухъ буде, нарве и провалытся, а йе и такый, шо напада кровъ». Въ предупрежденіе опоя приговариваютъ, наповая коня: «Пый, коню, воду, не бійся опою. Иванъ Хрестытель перехрестывъ своею правою рукою, шобъ не було опою». Есть еще и такое шептаніе противъ опоя: «Госпоäы благословы нарожденій, благословеній скотыни воды дать. Одъ усти

---

[1]) Колики отъ скопленія газовъ въ кишкахъ. Нельзя давать кататься лошади, иначе можетъ быть заворотъ кишки. (Ib. 28, 29. Кривенко. Бес. 67).

[2]) См. мою «Нар. медиц. въ луб. у.» Кіевъ 1902, 80 81.

[3]) Спиртъ въ этомъ случаѣ не совѣтуется. (Ундрицъ, 29).

[4]) Сплекъ есть растяженіе плечевыхъ связокъ.

[5]) Кривенко. Бес. 67 и Нов. Время 1898 г. № 8139, 4.

и до вершыны ричокъ симдесять чотыри. Ой, пый, коню, пый сю воду, це орданьска вода не бійсь опою» [1]). Опоенной лошади бросаютъ кровь и ставятъ заволоку [2]): «По за шкурою протягають глычкою шворку». Кромѣ того павшую на ноги лошадь, какъ и въ другихъ случаяхъ хромоты. ставятъ въ холодную воду. Наконецъ, мокрецъ,—воспаленіе путового состава преимущественно заднихъ ногъ лошади, съ отдѣленіемъ ѣдкой жидкости («якъ пидъ бабкою слезыть») лѣчатъ прикладываніемъ куринаго помета (курякивъ) къ больному мѣсту.

II. Волы.

Признаки хорошаго вола; сложеніе, масть, названіе воловъ. Покупка, содержаніе, работа воловъ. Лѣченіе рогатаго скота, заговоры.

Волъ, давній сотрудникъ человѣка [3]), долженъ по народнымъ понятіямъ, отличаться слѣдующими признаками силы и красоты. Онъ долженъ быть рослымъ, длиннымъ, ровнымъ; «щобъ маслакъ правый», съ полной шеей (волыстый), съ крѣпкой, выдавшейся холкой (препоромъ). Волъ съ слабой холкой (безъ препору) мало годенъ въ работѣ: ярмо жметъ шею, волъ деретъ голову вверхъ и хрипитъ; лишь до нѣкоторой степени помогаетъ въ этомъ случаѣ привѣска тяжести мѣшка (торбы) съ землей къ ярму. Волъ долженъ имѣть хорошо развитой костный скелетъ: «щобъ бувъ вязыстый, костыстый, круторебрый, густоребрый, щобъ крыжъ

---

[1]) Записаны: въ Солоницѣ и Мгарѣ.

[2]) Заволокой называется искусственная язвина, сдѣланная для того, чтобы ввесть тясму между кожей и мускуломъ. Она производитъ притокъ соковъ и нагноеніе (П. Цорнъ. Еженед. XL--XLIV, 662). Примѣненіе ея почти уничтожилось.

[3]) Быки приручены еще въ каменный вѣкъ (Хетчинсонъ. Очер. доист. міра въ Мірѣ Бож. 1897 г., IX, 153) изъ туземнаго дикаго быка (Липпертъ. Ист. культ. I, 89). Сѣрая украинская порода выведена изъ Валахіи (Арендар. Зап. I, 70).

бувъ пьядь съ корхомъ» [1]), и длинный, толстый хвостъ. Безхвостый (куцый) волъ не только самъ по себѣ цѣнится ниже, но и понижаетъ еще цѣну своего парнаго товарища. Главнымъ украшеніемъ волу служатъ крутые рога: лирой или полумѣсяцемъ: «таки, якъ лушни». Козлиные (козловати) и горизонтальные (мелати) рога одинаково нелюбимы. Самыми красивыми мастями рогатаго скота признаются различные оттѣнки сѣрой: «сира, сыва, прыкро-сыва (свѣтло-сѣрая) и голуба (стальная, желѣзистая)». Затѣмъ, различаютъ еще слѣдующія одноцвѣтныя и разноцвѣтныя масти: гниду, красну, рыжу, чорну, полову (сливочнаго цвѣта), лысу (съ бѣлой полосой на мордѣ), пидласу (съ бѣлыми пахами и брюхомъ), перисту (съ бѣлой спиной и черными боками), мургу, муру, красномуру и чорномуру (съ пестро-сѣрымъ, переливчатымъ цвѣтомъ шерсти [2]), зозулясту, напоминающую кукушку, и рябу. Хотя красивѣйшими мастями и признаются сѣрая, голубая, какъ выше сказано, отчасти рыжая, тѣмъ не менѣе хозяинъ, при выборѣ скотины, руководится не одной красотой,— какъ не одной крѣпостью, здоровьемъ животнаго; ему необходимо также знать: какая масть идетъ въ руку, такъ какъ счастливцы, которымъ каждая масть «у двиръ иде», рѣдки. Хозяинъ узнаетъ какая именно масть ему ко двору не только изъ опыта, хозяйничая и перебирая животныхъ разной шерсти, а также изъ наблюденій надъ своимъ домовымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ повѣрій.

1.

Щобъ побачыть домовыка треба прынесты зъ страсти додому свитло и въ хату не иты, а на оселю злизты. Якъ покажеться у шерсты, то по тій шерсты купувать скотъ, а якъ покажеться якъ дытына голе, або таке, якъ китъ,—то нищо нейтыме въ руку.

---

[1]) Т. е. 7 вершковъ въ обѣ стороны, лучшій кряжъ въ аршинъ ширины.

[2]) См. Основу 1862 г., X, 135.

2.

Домовыкъ йе въ кожній осели. У насъ, що ни куплять чы товаряку, чы коняку, то вона й погыбне. Чоловикъ навчывъ батька: «Якъ пидете на страсть, то лизте съ страстною свичкою на горыще». Батько злизлы на хату, колы лежыть пидъ верхомъ. Батько думаютъ: чы здоровкаться, чы мовчать? Не здоровкалысь, мовчкы подывылысь; половына чоловика, половына въ шерсты. Шерсть рыжа, а ногы били и духъ хорошый. Съ того часу сталы батько купувать рыжу скотыну и мовъ полову, стала вона хороше держаться.

Кромѣ наблюденій надъ домовыми, слѣдуетъ еще разсматривать пасху, освященную на первый день свѣтлаго праздника и принесенную въ домъ. Какого цвѣта ворсинка или волоконце (ость, роса) окажется на ней, такой же масти долженъ хозяинъ покупать скотину [1]).

Мастью же часто опредѣляется и названіе вола: напримѣръ мураго вола называютъ мурашкой. Другія названія [2]) даются по формѣ рогъ: рогай, рожко, козелъ, мелатый, турко (у котораго рога похожи на рога жука тура—lethrus cervus); по сходству съ животными: галка, горобець, заець («сторожкій», пугливый), индыкъ, карась, китъ, комарь, курипей, курочка, огарь, орелъ, пивень, сокилъ, соловей, цапъ, шпакъ и шулика. Воловъ называютъ также по сходству съ неодушевленными предметами: качанъ, каюкъ (лодка), квитка, шпилька (узкозадый); по внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ: довгый, малюкъ, юрко, чемтукъ (сытый), красюкъ, ласько, мазуръ, орюня, спивакъ, страшко и, наконецъ, по національности, фамиліи и ремеслу хо-

---

[1]) То же замѣчаніе встрѣчается: въ ст. В. Щ. «Пища и пит. малор. въ Этн. обозр. 1899 г. № I и II, 318 и у Гринченка: «Изъ устъ нар.» 37.

[2]) Настоящія названія изложены частью въ порядкѣ, принятомъ въ ст. г-на Венгрженовскаго «Раб. волы на Врацлавщ.» (Кіев. ст. 1898 г. VII, VIII, 41—48).

зяевъ, отъ которыхъ пріобрѣтены, напр.: бандай, бондарь, бундыло, гончарь и жыдокъ.

Какъ бы ни предпочитался хозяиномъ доморослый скотъ, все же безъ покупки и промѣна воловъ обойтись никто не можетъ. Обыкновенно хозяинъ держитъ хорошихъ воловъ 5—10 лѣтъ [1]), затѣмъ откармливаетъ и продаетъ, себѣ же покупаетъ меньшихъ, по пословицѣ: «сытого продамъ, ласого куплю». Цѣна воловъ растетъ постепенно, быстро возвышаясь лишь по временамъ. Примѣръ внезапнаго удвоенія цѣнъ представляется въ самомъ началѣ XVIII в. До 1700 г. цѣна пары воловъ въ Малороссіи была 2 р. 50 к., съ этого же года она возвысилась до 4—5 р. [2])

Въ половинѣ прошлаго столѣтія пара воловъ въ Лубенскомъ уѣздѣ стоила 50—70 руб. [3]); а въ семидесятыхъ годахъ во всей Малороссіи 75—115 руб. [4]). Съ этого времени до самаго конца прошедшаго вѣка цѣна слабо возвышалась и вдругъ опять почти удвоилась въ первые годы настоящаго столѣтія, дойдя до 120—250 руб. за пару и до 500 руб. за лучшихъ. Обыкновенія при куплѣ—продажѣ воловъ почти тѣ же, что и при покупкѣ лошадей. Сторговавъ воловъ, покупщикъ и продавецъ бьютъ другъ друга по рукѣ, крестятся, приговаривая: «Господы поможы! Дай, Боже, щобъ я поблагодарывъ тебе за волы, а ты мене за гроши». Продавецъ передаетъ скотыну съ полы, а покупщикъ деньги, и, проговоривъ: «Йижъ гній, та беры на себе лій»! посыпаетъ вола навозомъ.

— Ну, выкынь мени талану (или на таланъ—на счастье), проситъ покупщикъ. Продавецъ выбрасываетъ 2—3 коп. въ заполъ покупщика, который машетъ полой и, выбросивъ деньги, трижды креститъ ихъ и разсматриваетъ: если деньги упали орломъ, то говоритъ: «ну, орлы будуть»! По народной примѣтѣ:

---

1) См. Сбор. хоз. стат. Полт. губ. IV. Луб. у., 71.

2) Костомаровъ. „Мазепа“ въ Рус. Мыс. 1882 г., III, 120.

3) Короновскій. Стат. опис. Луб. у. въ Полт. Губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2.

4) Чубинскій, въ Запис. Ю. З. отд. Геогр. Общест. II, 178.

«Якъ гроши упадуть короною наверхъ, то волы будуть у пользи; та ще якъ волы накаляють—то то на таланъ». Необходимо также признаніе на торгѣ продавцомъ «норововъ» уступаемыхъ воловъ, такъ какъ въ случаѣ признанія, послѣдніе могутъ оставить дурные норовы. Затѣмъ, продавецъ, ударивъ воловъ, говоритъ: «Прощайте! идить до другого хазяина, а за мною не скучайте»! Торгъ заканчивается могорычомъ: по чверткѣ съ каждой стороны.

Хозяинъ долженъ отвесть для купленныхъ такимъ образомъ воловъ лучшее пастбище: толоку или сѣнокосъ по разсчету $1^1/_2$ десятины на двухпарный плугъ, а не имѣя своей земли, помѣщаетъ воловъ, по необходимости, въ общественную череду, гдѣ послѣдняя сохранилась, хотя пасть рабочій скотъ вмѣстѣ съ гулевымъ и коровами неудобно. Тамъ же, гдѣ нѣтъ и общественной череды, хозяину предстоитъ нанять сѣнокосъ за деньги (15 руб. за десятину) или за отработокъ (убрать за десятину двойное количество посѣва). Зимой волъ кормится соломой, преимущественно просяной, а къ веснѣ и въ рабочую пору—сѣномъ.

Быки пріучаются къ работѣ съ трехъ лѣтъ, сначала въ пустомъ возѣ, потомъ въ колишнѣ плуга [1]) при двухъ парахъ старыхъ воловъ, «абы носылы яремце, абы наламувалысь». Иногда сразу обнаруживается негодность быка къ работѣ,—лежащаго въ ярмѣ, но одна только лѣнь не признается особымъ недостаткомъ. Лучшій волъ ставится въ плугъ справа и называется «борозен-

---

[1]) Плугъ вѣроятно азіатское изобрѣтеніе. Первоначальная модель легкаго плужка, въ какой впрягали женщинъ и рабовъ, найдена на Целебесѣ (Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. С. Петерб. 1895 г., I, 264). Персамъ извѣстенъ былъ какъ малый, такъ и большой плуги, (Rejnier. Ackerb. 277) также грекамъ (Н. 179); дальнѣйшее усовершенствованіе плуга принадлежитъ римлянамъ, поставившимъ градиль на колеса и придѣлавшимъ сошникъ. Слово кельтское (Липпертъ. Ист. Культ. I, 32) извѣстно нѣмцамъ, англичанамъ (plough) и славянамъ. Устройство мѣстнаго плуга и названіе частей такое же какъ у Чубинск. (VII, ч. III, 398 399).

нимъ», лѣвый—«пидручній»—можетъ быть слабѣйшимъ. Впередъ посылаются опытные волы, понимающіе «собъ и цабе» [1]).

Прежде, при старомъ, неуклюжемъ, римскаго образца плугѣ, успѣвали напахать въ день лишь $^3/_4$ десятины на паръ и $^1/_2$ дес. на зябъ, теперь, когда деревянный плугъ почти повсемѣстно замѣненъ новымъ, желѣзнымъ, пашутъ уже около десятины въ день. Теперь чаще встрѣчается смѣшанная упряжка изъ пары воловъ и пары лошадей.

Народныя представленія о болѣзняхъ рогатаго скота, ихъ опредѣленіе и лѣченіе, удобнѣе всего складываются въ три отдѣла: 1) страданія органовъ чувствъ, 2) болѣзни внутреннихъ растительныхъ органовъ и 3) пораненія и кожныя страданія.

Обыкновенное воспаленіе глазъ, случающееся большею частью отъ механическихъ причинъ—толчковъ, ударовъ, пыли,—излѣчиваютъ, промывая глаза холодной водой. Извѣстно, что запущенное воспаленіе глазного яблока, соединенное съ язвинками, оставляетъ постоянное помутнѣніе и даже бѣльмо [2]). По народнымъ же повѣріямъ бѣльмо у скотины образуется въ томъ случаѣ, если хозяева ея вытираютъ вспотѣвшія окна по праздникамъ и воскресеньямъ. Бѣльмо лѣчатъ слѣдующими средствами: задымаютъ ихъ чрезъ камышъ, очищенный отъ пленокъ: солью обыкновенной и освященной, сахаромъ [3]), «кришталемъ» (толченымъ сте-

---

[1]) Изъ программы американскаго профессора H. Carrington Bolton „Terms used in talking to domes tic animals" видно, что наше малорусское восклицаніе гей и тождественное нѣмецкое hei похоже на восклицанія при управленіи движеніями животныхъ и у другихъ народовъ: get, dee, haw; у англичанъ: juh, gio, у американцевъ: gee, у французовъ: hue.

[2]) Ундрицъ. Домашн.ското-лѣчебн. 137.

[3]) То же средство указано въ ст. г. В. К. «Лики моего села» въ Кіев. Стар. 1902 г., IX, 332.

кломъ); также прикладываютъ къ больному глазу: яичный желтокъ и сокъ дождевыхъ червей [1]).

Отъ бѣльмъ шепчутъ:

1.

Господы поможы мени, свята царыця небесна, стань мени на помочи первымъ разомъ и божимъ часомъ сей день святый господень вивторокъ; и вси святіи, преподобни, богоносни станьте мени на помочи рожденій, благословеній сирій коровоци, нашій Мотроноци одъ сёго горенька, одъ оціи болизни, одъ бильма. Буде се бильмо наспане, буде воно й наслане; буде воно й зъ трудивъ, испытене, изйидене и водяне и витряне и прозирне и навіяне и нанесене и подумане и погадане и помыслене и вранишне и вденишне и вечирне. Буде се бильмо и чоловиче и жиноче и парубоче и дивоче, и стритене и супротывне и задавпене, занехаяне, и будешъ ты, бильмо, неотчаяне; а я се бильмо шепчу и выпиптую и выклыкаю и вызываю Божымы словамы, Божымы молытвамы и своимы сахарными устами одъ рожденои, благословенной сирои коровочкы, своеи Мотроночкы я се бильмо на дыкы степа, на дыкы болота высылаю де люды не ходять, людьскій гласъ незаходыть и сонце праведне не сходыть. Тоби, бильмо, въ неи не стояты и ока не заступаты, сирои масты не сушыть и въ голову іи не быть, чыстого серця не тошныть, жовтои косты не ломыть и по еи суставахъ не ходыть и червонои крови не нудыть. И ты, бильмо, соби изступы, изійды якъ туманъ по долыни, морозъ на калыни, силь на води, щука рыба у води. И якъ воно все розійдется, такъ и ты бильмо изступы, изійды и посчезны, пропады! (Отъ Хомулиной изъ Волчка).

2.

Ишла Божая Маты черезъ золотый мистъ золотимъципочкомъ пидпиралась. Оглянулась назадъ, бижыть тры собаки: одна

---

[1]) Тоже въ моей «Нар. мед. въ Луб. у «Кіевъ 1902 г., 35.— Продѣваніе въ ухо скотинѣ красной шелковинки отъ бѣльма (Манжура. Сборн. Хар. Ист. филол. общ. II, 154) дѣлается рѣдко.

сира, друга била, а третяя руда. Сира лызнула слёзы, руда крови, а била бильма. (с. Губское).

3.

Господы поможы и пресвятая Богородица станьте въ помочи! Ишовъ самъ Ісусъ Хрыстосъ сриблымъ мостомъ, сриблымъ и золотымъципкомъ подпирався. За нымъ ишло тры хорты: одынъ билый, другый сирый, третій чорный. Билый бильмо изгоня, сирый слёзу утыра, чорный чоловичкы дае. Я шепчу, одшиптую одъ сирои шерсты, одъ жовтои косты. Бильмо бильмыще, полуда, полудыще!

4.

Йихавъ Юрій, Мыколаивъ братъ, на билому кони, державъ сокола въ руци, а за нымъ бигло тры хорты: одынъ чорный, другый рудый, третій билый. Сокилъ зорнувъ, чорный хортъ сокола нагнавъ, рудый розирвавъ, а третій сирому волу бильмо злызавъ [1]).

5.

Йихавъ святый Гурій на билому кони и кинь спиткнувся. Стій, мій кинь добрый! чого ты спотыкаесся, чого требуешъ? Я требую, щобъ се бильмо тутъ не було. (Отъ кр. с. Хитцовъ Гаврила Нагорянскаго).

6.

Ихавъ билій царь на билимъ кони, на билимъ сидли въ билій сорочци, въ билій жилетци, въ билихъ штаняхъ, въ билихъ и сапьянахъ. Я буду одъ бильма шептаты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божа помочъ. (Отъ кр. с. Хорошковъ Софіи Сысиной).

7.

Йихавъ Войменъ сывымъ конемъ, пидъ правымъ плечемъ сокола державъ. Сокола впустывъ и кровъ спустывъ. За нымъ

---

1) Слизываютъ и трижды плюютъ въ глазъ.

тры ведмеди йшло. Одынъ чорный, другый сывый, а третій билый. Чорный кровъ спустывъ, а сывый полызавъ, а билый свитъ показавъ [1]). (с. Губское).

Органъ вкуса, языкъ, поражается иногда такъ называемымъ курдюкомъ, подъ которымъ понимается трещина, ранка, произведенная остюкомъ соломы. Курдюкъ сдираютъ ногтемъ до крови и натираютъ солью, потомъ смазываютъ синимъ купоросомъ однимъ или пережженнымъ съ дегтемъ, табакомъ, чеснокомъ, куринымъ или гусинымъ пометомъ. Эти же средства употребляются и при заболѣваніяхъ совершенно другого характера, заразномъ ящурѣ, называемомъ также иногда въ Лубенскомъ у. «обрывомъ», поражающемъ языкъ и губы животнаго особыми пузырьками, полными бѣловатой жидкости, и производящемъ иногда хромоту [2]). Пузырьки «сколюють» шиломъ или большой иглой и смазываютъ синимъ камнемъ съ указанными средствами и еще сельдями и сѣркой.

Опаснѣйшимъ страданіемъ внутреннихъ растительныхъ органовъ по народному мнѣнію признаются приливы крови (якъ кровъ напада, наляга). Болѣзнь эта, бывающая отъ опоя скотины горячею, отъ вѣтра, сглаза (урокивъ), также отъ того, что хозяева, несоблюдая праздниковъ, стираютъ въ праздничные дни лавы, выражается тѣмъ, что скотина невесела, ложится, уши ея отвисаютъ и дѣлаются холодными, она тяжело дышетъ, поводя боками и не отрыгаетъ жвачки (не ремыга). Отъ крови лѣчатъ разными способами. Заливаютъ больную скотину «четверговой» солью, положенной въ чистый четвергъ на окно и собранной на восходѣ, разсоломъ изъ подъ сала или огуречнымъ съ олеей и яйцомъ. Въ глотку бросаютъ десятокъ яицъ въ скорлупѣ и освященное сало, а ротъ смазываютъ дегтемъ; ноздри и уши заду-

---

[1]) Примѣчаніе. Предъ произнесеніемъ этого заговора нужно перекреститься и разъ зѣвнуть.—Варіанты заговоровъ: Манжура., 150; въ моей «Нар. мед.», 35.

[2]) Ундрицъ. 157—159. Бажановъ. Попуп. наст. наст. объ ухза рпгат. скотомъ. Моск. 1852. 74—76.

ваютъ солью, Если эти средства не помогаютъ, то прибѣгаютъ къ кровопусканію изъ шейной вены или отрѣзая кончикъ уха «якъ напада верхова кровъ». Нѣкоторые хозяева не разрѣшая этой опасной операціи, могущей вызвать анемію мозга, совѣтуютъ бросать кровь съ хвоста. Если наляжетъ внутренняя (степна) кровь, то кровопусканіе производятъ изъ шейной вены, а если скотина захромала,—то съ ноги.

Для отклоненія одной изъ причинъ описываемой болѣзни—опоя, приговариваютъ пьющей воду скотинѣ: «Пыйте волыкы іорданьску воду, небійтесь опою. Сей день Божый--свята середа, будьте сыльни, здорови якъ іорданська вода. Водыци напьется, воно все й мынеться». Въ самой болѣзни шепчутъ и отъ урокивъ, главной ея причины, и отъ крови:

1.

Уси святи станьте мени въ помочи одъ велыкои немочи, одъ урокивъ шептать. Господь буде, маты Божа, маты Хрыстова помагать. Мои слова, Божа помичъ. И вы, врокы, врочыща! вы стритени, вы зйидени, вы й подумани, вы й погадани, вы й невымовчени, вы и сказани, вы й задавнени, вы й спротывнени, вы й спрозорени, вы й витряни, вы й водяни, вы й хлопьячи вы й дивчачи, и оступиться одъ коровы нарожденои, одъ іи ригъ, одъ іи нигъ, одъ іи очей, одъ іи коровьячихъ плечей, одъ іи хвоста, одъ коровьячого стану. И тутъ вамъ не стоять и не гулять и парусивъ не пускать, веселого серця не нудыть, чорнои крови не пыть, жовтои косты не ломыть. Идить соби на далеки миста, на глыбоки ямы, куды витеръ не завіе и сонечко не загріе, де гора зъ горою на сходытся.

2.

Ишла Божая Маты, изостривсь Іисусъ Хрыстосъ.—Куды ты идешъ, Божая Маты?—Пиду до скотыны шептаты. Я буду шептаты, а Господь буде помагаты: одъ ёго очей, одъ ёго плечей, одъ ёго печинокъ, одъ щырого серця, одъ голосу и одъ волосу, одъ товарячого стану. Ссылаю васъ на болота, на черета де люде

не ходять, де дзвоны не дзвонять, де пивнячый гласъ не заходыть. Щобъ вы тамъ гулялы, буялы, жовтои косты не ломалы, червонои кровы не былы и въ голову не былы и веселого серця не нудылы. (Отъ крест. с. Хорошковъ Евдокіи Матяровой).

3.

Ишла Божа Маты, зостривъ Сусъ Хрыстосъ, ставъ пытаты: «куды ты идешъ, Божая Маты»?—Иду до скота шептаты. Одъ ёго косты, одъ рыжои масты и одъ ёго очей и одъ ёго плечей. Изсылаю васъ на черета, на болота, де люды не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де пивнячій гласъ не заходыть. (Отъ крест. с. Хорошковъ Евдокіи Матяровой).

4.

У мори стоялы тры столы заслани, за ными сыдило тры паны. Та не вмилы воны ни шыты, ни прясты, ни жовтей жовтыть, ни билей билыть, та вмилы воны урокы урочыща одшиптувать и одмовлять и одганять одъ сирои шерсты: мужыцьки, жоноцьки, парубоцьки, дивоцьки, хлопячи, дивчачи, подумани, погадани, промовляни, прыговоряни, соньцови и витряни, нагляддени и витромъ навивани,—то я васъ одшиптую и одмовляю: идить соби на мхи и на очерета.

5.

Йихавъ Юрій, Мыколаивъ братъ, на дванадцяты быкахъ, дванадцяты жребьяхъ и дванадцяты баранахъ до царыци Зосымовій на собраніе. Якъ началы воны пыть та гулять, начала я одъ крови шептать, ставъ Господь мылосердый помичъ давать. Туды я кровъ зсылаю, де скотъ не ремыгае, и земли на роси не пахае; де дивка зъ парубкомъ не стояла, косы не чесала. Куды христіянській гласъ не заходыть, туды ся кровъ заходыть.

6.

Бигло два браты рятуваты, крови замовляты нерожденій коровы одъ іи косты, и одъ іи масты и одъ іи ригъ и одъ іи нигъ, одъ коровьячого стану и одъ іи головы и довгого хвоста. И тутъ

тоби не стояты и косты не ломыты и коровы не нудыты, покорму не дбираты. (Отъ Ф. Матвіенковой, изъ Шекъ).

7.

Ишла дивка на камьяну гору; зустрила тры рички: одна камяная, одна писковая, а друга водяная, а третя кривавая. Пискова розсунулась, а водяна розлылась, а кривава по костяхъ розійшлась. Одъ чернои масты, червонои крови. (м. Снѣтина).

8.

Я тебе одмовляю и я тебе одвертаю и я тебе замовляю: щобъ ты тутъ не стояла и стачыны не забавляла. (м. Снѣтина).

Среди страданій пищеварительныхъ органовъ часто встрѣчается у скота раздутость брюха («якъ скотына обидмется»), т. е. увеличеніе желудка, преимущественно рукава (rumen) отъ развивающихся во время пищеваренія газовъ, случающееся отъ зеленаго корма, смоченнаго дождемъ или обильной росой, особенно отъ клевера [1]). Раздутіе брюха, по народнымъ наблюденіямъ, бываетъ и тогда еще, когда скотина наѣстся мокрыхъ травъ изъ семействъ лютиковыхъ и маревыхъ, также веха! [2]) или росистой травы, по которой лазилъ тарантулъ. Лѣчатъ больной скотъ пріемами внутрь: разсола изъ подъ огурцовъ, мятаго конопляннаго сѣмени, освященнаго сала, горсти смолы; горло и ротъ мажутъ дегтемъ. Скотину гоняютъ сколько возможно долѣе, а если она, ложась, вздохнетъ или облизываясь, достаетъ ноздрей, то надѣются на выздоровленіе. Убиваютъ также оборотомъ руки (на выдли) паука и оборотомъ же руки бьютъ больную скотину, приговаривая: «Помылуй насъ, Господы, и увесь твій мыръ сохраны одъ усякои погыбели». Наконецъ прокалываютъ вздохъ швайкой, взамѣнъ троакара.

---

[1]) Ундрицъ. 134—136. Бажановъ. 83—85.

[2]) Иначе: бехъ, виха, вомига (cicuta virosa. L.) по словарю Роговича 117—118.—Одно изъ ядовитѣйшихъ растеній, встрѣчающееся у тихихъ водъ. (В. Григорьевъ. Руков. къ ботан. 219).

Заболѣвшую обыкновеннымъ поносомъ заливаютъ: спиртомъ съ солью, мятымъ пшеномъ, растертой свадебной шишкой, скотскимъ пометомъ, квасцами, кирпичемъ, распущенными въ водѣ, осьминой или двумя дегтя, а хвостъ перевязываютъ весильнымъ гарусомъ (жычками).

Отъ запора лѣчатъ: разсоломъ, разсоломъ съ олеей.[1]), олеей съ мыльной водой, водкой съ мыломъ, сыровцомъ съ яйцомъ и дегтемъ и отваромъ сокирокъ (delphinium consolida L.).

Гораздо опаснѣе этихъ обыкновенныхъ заболѣванiй желудочныя колики или рѣзь (перелоги), соотвѣтствующiя конскому чемеру и сояшницамъ у людей. «Якъ нападуть перелогы скотыну, то вона бьется, пада, качается, дрыга ногамы. Воны бувають одъ крови, воды, зъ витру, зъ людей». Перелоги нападаютъ и по особой причинѣ: если скотина перейдетъ первая раньше даже, чѣмъ птица перелетитъ, то мѣсто, на которомъ каталось какое-либо животное, раждающееся слѣпымъ: собака, котъ, заяцъ или волкъ. Отъ перелоговъ даютъ внутрь льняное масло, вздохи мажутъ дегтемъ, и больную скотину обвязываютъ штанами, также обводятъ ими трижды поперекъ животнаго отъ спины подъ животомъ; обводятъ и шапкой [2]), а въ селѣ Губскомъ еще и котомъ такимъ образомъ. «Сирого кота, абы бъ не билого, треба укынуть у мишокъ и перевернуть скотыни тричи кругомъ черезъ спыну. Скотыни мынется, а китъ не вдержытся. Той найдется, що его задушыть».

Отъ перелоговъ шепчутъ такъ:

1.

Перелогы витряни и водяни, подумани, погадани, наслани! Я васъ и вызываю, я васъ и высылаю изъ ёго нигъ, изъ ёго

---

[1]) Конопляное масло совѣтуется и ветеринарiей (О мѣр. предохр. отъ скот. падеж. Полт. 1867 г., 13).

[2]) Въ очеркѣ М. Горькаго «Ярмарка въ Голтвѣ» (Разск. т. III, изд. II, 89) переданъ случай перелогъ. Когда корова упала въ корчахъ, то хозяинъ растиралъ ей шапкой хребетъ и трижды обвелъ ею вокругъ рогъ, шеи и хвоста. Глотку залили дегтемъ и скипидаромъ, потомъ бросили кровь съ шеи больному животному.

жовтои кости, изъ его червонои крови. Тоби тутъ не ходыты, косты не сушыты, червонои крови не ялыты. Пиды ты туды, де люде не ходять, де людській гласъ не заходе! (с. Волчокъ).

2.

Перелогы, переложыщи! витряни и огняни и прозирни. Вы испытени, вы изйиздени, вы истритени, вы й оступиться, вы й одкотиться одъ его костей, одъ его мастей, одъ его жылъ, одъ его пажылъ, одъ его восьмыдесяты суставъ и одъ волового стану, одъ сирои мастыны, одъ нарожденои скотыны. (д. Шеки, отъ Е. Купріевой).

3.

Господы поможы! Мыколаю, угодныче Божый, рыжій скотыни! Йихавъ Кузьма и Демьянъ на гнидому кони и одлычивъ трыдевять коливъ[1]), и трыдевять коливъ положывъ и скоро ти перелогы перебывъ. Розійдитеся вы перелогы, якъ витеръ въ степу, а туманъ на води. (с. Калайденцы).

4.

Перелогы, переложыщи! Я васъ вызываю и выклыкаю одъ гнидои скотыны, я васъ высылаю Иродови въ ногы. Изойдить соби, изступить соби и посчезнить, пропадить у Ирода (с. Волчокъ, отъ Хомулиной).

5.

Перелогы ходылы коло дорогы, а я ти перелогы на очерета, на болота, на попови ворота, а зъ поповыхъ воритъ, сатани въ жывитъ. (с. Литвяки, отъ В. Кириченка).

6.

Сыдыть пипъ на покути, а дякъ на лави, чортъ на порози. Попови чачавыця, а дякови рукавыця, а чортови перелогы—въ

1) Кольевъ.

ёго велыки роги. Винъ болотомъ затрясе и перелогы понесе изъ билои масты, изъ жовтои косты изъ сёмыдесяты суставивъ, зъ червонои крови. (д. Солоница).

7.

Иде пипъ чытае, дякъ замичае. Попови горщыкъ, дякови каша, жыдови перелогы межъ ногы. (с. Михновцы).

8.

Йихало тры попы, а за нымы тры чорты. Одынъ каже: «я буду одъ перелогивъ шептать», а другый каже: «я буду розгонять», а третій каже: «я буду помогать. А я васъ всихъ розжену и самъ поможу. (с. Губское).

9.

Перелогы, логы, логы ишлы на лозы, а зъ лизъ десь узявся ченець, завьязавъ перелогамъ кинець [1]). (с. Бересточь, отъ П. Величкиной).

Разнородныя пораненія скота лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Если волъ сотретъ себѣ шею дурно пригнатымъ ярмомъ или во время работы подъ дождь, то рану замазываютъ молокомъ или свинымъ смальцемъ; оборванныя копыта (обирвани ратыци) залѣчиваютъ саломъ, зажареннымъ на горячемъ желѣзѣ (пидиску), дегтемъ и роговой мазью; растрескавшіяся ноги (подсѣдъ) смазываютъ также растопленнымъ саломъ. Порѣзную или колотую рану засыпаютъ кое-гдѣ сушеной, стертой въ порошокъ черепахой или такъ называемымъ землянымъ духомъ—растеніемъ, похожимъ на цикорій, всего чаще сокомъ конoплянаго сѣмени, сжареннаго на угляхъ въ просверленномъ снизу горшкѣ. Струящуюся изъ раны кровь стараются остановить такими шептаніями.

---

[1]) Варіантъ заговора противъ перелоговъ встрѣчается у М. Комарова: Нова збир. малор. нар. прыказ. Одесса, 1900 г., 112.

1.

Мыръ тоби сира корова! Хата твоя, а воля моя. Аминь, аминь, аминь. Я тебе кровъ замовляю и заговоряю, щобъ ты не цянула и не капнула безъ мого видома; що я тебе шептала, я тебе заговоряла Божымы словамы и молытвами и своимы сахарнымы устамы. (с. Волчокъ, отъ Хомулиной).

2.

Ишла свята Пречыста зъ Кіева и несла изъ рызъ платочокъ рану затуляты и кровъ замовляты (с. Хитцы, отъ М. Ганенковой).

3.

Ишлы Божи старци по воду зъ золотымы видрамы, золотымы коромыслами. Коромысла поламалысь, видра побылысь, а вода розлылась. А въ нарожденои скотыны кровъ унялась. (д. Шеки, отъ Е. Купріевой).

4.

Ишла красна дивыця зъ камянòю дійныцею до камянóи коровы. Колы зъ камянóи коровы молоко побижыть, то тоди изъ рожденного сирого вола и кровъ побижыть. (Хитцы, отъ Ф. Копаня).

5.

Ишла дивка калынова черезъ калыновый мистъ тай стала, у нарожденои благословенной сирои коровы кровъ перестала. (с. Хитцы, отъ Глушковой).

6.

Сіяла дивка рожу, рожа не зійшла и кровъ щобъ у нарожденои рыжои коровы не пишла. (с. Губское, отъ А. Павленка).

7.

Ишлы тры чоловикы зъ-за билои ричкы, лозу рубалы, лоза не зійшла и кровъ щобъ не пишла. (с. Губское, отъ А. Павленка).

8.

Ишовъ баранъ черезъ сынее море, оглянется—бижыть джерело. Скынувъ зъ себе руно и заткнувъ джерело. [1]) (с. Губское, отъ Павленка).

Запущенную рану, въ которой зародились черви, очистивъ отъ послѣднихъ, мажутъ дегтемъ или роговой мазью и шепчутъ такъ:

Бувъ соби молодожинъ та державъ девьять жинъ, одъ девяты до восьмы, а одъ восьмы до семы, одъ семы до шесты, одъ шесты до пяты, одъ пяты до чотыри, одъ чотыри до тры, одъ тры до двп, одъ дви до одніи, щобъ не було въ половои коровы червяка ни одного [2]). (д. Шеки, Ф. Матвіенковой).

Животному, искусанному бѣшеной собакой, скалываютъ раскаленной иглой синіе пузырьки подъ языкомъ, такъ называемые щенята или песики, а внутрь даютъ: нѣсколько маекъ (littaves catoria) въ хлѣбѣ, смѣсь изъ $1/_2$ кв. спирта, $1/_2$ ф. селитры и $1/_2$ ф. квасцовъ въ бураковомъ квасѣ черезъ каждые четыре часа по полъ кварты на пріемъ, и особенно дрокъ (genista tinctoria L.).

Рану, произведенную менѣе опаснымъ укушеніемъ змѣи обводятъ дегтемъ для того, чтобы опухоль не распространялась и колютъ иглой, потомъ выдавливаютъ и натираютъ солью, для утоленія же жара мажутъ ранку кислымъ молокомъ или прикладываютъ къ ней лягушку.

---

[1]) Варіанты заговоровъ отъ крови: у Комарова. Нов. Зб. 110, Гринченка. Изъ устъ нар. 60 и въ моей «Народн. Мед.» 1902 г., 24, 25.

[2]) «Казать такъ, щобъ выговорыть не оддыхаючи, тоди на правій пяти окрутнуться; землю зъ пидъ пяты зирать и затоптать де червы».

Отъ змѣй заговариваютъ слѣдующимъ образомъ:

1.

Господы поможы! Мыколай святый угодныкъ Божій и стань мени у помочи изъ усима святымы. Въ чыстимъ поли сынее море. У сынимъ мори стоить чорный явиръ, на явори соколове гниздо; въ тому гнизди гадына Тетяна. Гадыно Тетяно! зупыняй свои зросты, зупыняй ихъ, выклыкай ихъ: чорни, рябй, куци, слипи. Якъ не будешъ зупыняты, буду тоби ризать зубы, губы й пагубы. И туть ядови не стояты, червонои крови не пыты, жовтои косты не ламыты, гнидои масты не знобыты. И розійдыся ты, пухле, якъ витеръ у степу, а туманъ на води (с. Хелебцы).

2.

На мори на Дунаи и на острови Кіяни и тамъ стоявъ дубъ дупленатый, а въ тому дуби гниздо, а въ тому гнизди лежыть царыця Оленыця. Ты царыце Оленыце! закажы своёму війську старому и малому, крывому и слипому щобъ Господь на помичъ дававъ (с. Мгарь, отъ Бойкиной).

3.

У поли потикъ, а въ тому потоци стоить дубъ гилюватый и лыстоватый, а на тому дубови гниздо, а въ тому гнизди сыдыть гадына, царыця полова, а до іи прыйшла ще й друга. Годи тоби, гадыно царыце, тутъ сыдиты, ходимъ на осіянську гору каминя глодаты. Не пидешъ ты каминя глодаты,—буде тоби пры рыпици хвистъ одпадаты, а нарожденій корови, буйвалыци, сёмирижныци буде опухъ опадаты.

4.

У лиси пидъ деревомъ грушою гниздечко йе, а въ тимъ гниздечку тры гадыны сыдыть: одна ряба, друга полова, третя

чорна. Ряба не дуже зла и полова не дуже зла, и высыплются у неи зубы одъ іи зла [1]).

Разнородныя формы накожныхъ страданій: лишаи, случающіеся у скотины, взошедшей на мѣсто, на которомъ до того качалась лошадь, парши и коросту лѣчатъ частью однообразными средствами: больное животное моютъ отваромъ табака, а затѣмъ лишаи затаптываютъ гречаной золой (пазилками) или золой ивы (Salix cinerea. L.), коросту мажутъ дегтемъ съ синимъ купоросомъ, сѣркой и куринымъ пометомъ.

III. **Корова и теленокъ.**

Выборъ коровы по наружному виду и качеству молока на ярмаркѣ. Способы пастьбы и выгонъ скота на пастбище. Случка, предохраненіе коровы отъ порчи. Обращеніе съ новорожденнымъ теленкомъ. Коровьи немочи: недостатокъ молока, молоко съ кровью. Заговоры. Сохраненіе молока, доходъ отъ коровы.

Хотя цѣнность коровы опредѣляется преимущественно качествомъ молока, но и внѣшній видъ ея имѣетъ значеніе въ глазахъ хозяевъ. Хозяйки предпочитаютъ длинныхъ, широкихъ, округленныхъ коровъ на низкихъ ногахъ. Роги лучше крутые, въ видѣ ухвата (хватокъ), чѣмъ стоящіе впередъ или опущенные внизъ. Хороша толстая шея: «щобъ корова була волыста [2]), оползистенька»; хвостъ долженъ быть длиннымъ съ рѣпицей до колѣнъ, толстой, слегка потрескавшейся, съ перхотью (лупою), а на концѣ хвоста должно быть утолщеніе въ родѣ лука. Большое вымя не всегда свидѣтельствуетъ о качествѣ молока, такъ что лучшей коровой признается не та, у которой большое вымя, а

---

1) Застромыть нижъ у землю и гладыть потимъ по опуху тимъ ножемъ.

Варіанты заговоровъ отъ укушенія змѣй въ Сбор. сказ. Манжуры въ Спб. Харьковск. истор. филологич. общ. II, 150 и въ т. VI, 279, 289.

2) Съ толстымъ подшейкомъ.

та, у которой толстыя молочныя жилы[1]) (родныкы, крынычкы) подъ животомъ, а подъ дойками должны быть углубленія, въ которыя заходили бы три пальца. Съ такими требованіями обращаются хозяева къ коровѣ на ярмаркѣ.

Продажную скотину гонятъ на ярмарку освященной вербой, для удачи же торга берутъ съ собой талисманъ. «Щобъ була фортуна, якъ купувать и продавать скотыну, беруть у ярмарокъ той чепець (сорочку), що якъ родытся дытына. то ёго сушать». На ярмаркѣ, покупая телицу, замѣчаютъ, гдѣ у нея расположенъ завитокъ изъ волосъ—вихорь. Если на лбу между глазами, то она будетъ ежегодно съ теленкомъ, если вихорь выше или совсѣмъ отсутствуетъ—то только черезъ годъ (перелитокъ). Безплодную корову (коминпыцю) при покупкѣ опредѣлить нельзя. Не слѣдуетъ покупать коровы[2]) съ дырявымъ рогомъ, также съ недостающимъ ребромъ или, все равно, съ впадиной межъ ребрами. Послѣ пропажи такой скотины сдыхаетъ у хозяина еще 11 головъ скота и только двѣнадцатая задерживается. Не покупаютъ и коровы, согнанной тростью и мочащейся во время торга—будетъ рѣдкомолокая[3]). Молоко коровы при покупкѣ тоже подвергаютъ изслѣдованію, брызгая на ладонь и растирая; молоко, сбивающееся въ маслянистый комокъ (мастке), указываетъ на хорошій сборъ, и такую корову покупаютъ. Такимъ образомъ предохраняются отъ покупки «молошнои середы, або пятныци». Есть, однако, случаи, въ которыхъ никакія предосторожности не помогаютъ: именно, если хозяйка, продающая корову, предварительно отберетъ у послѣдней молоко тѣмъ или другимъ способомъ; напр. сдоивъ продажную корову на кусокъ хлѣба, даетъ

---

[1]) Кровеносные сосуды, идущіе отъ вымени къ груди. Они должны быть толсты и извиты. Ундрицъ. Домашн. скотолѣч. С.-Пет. 1873 г., 122.

[2]) Средняя цѣна коровы по Чубинскому (Зап. Ю. З. отд. Геогр. Общ. II, 178) 36, теперь—60 руб.

[3]) То же замѣчаніе у Гринченка: Изъ устъ народ. Черниг. 1900 г., 37.

съѣсть его остающейся дома, при чемъ, по народнымъ повѣрьямъ, у остающейся молоко удваивается, а у продажной пропадаетъ. Только знатокъ,—какъ свидѣтельствуетъ приводимый разсказъ,—можетъ предохранить отъ убытка въ подобномъ случаѣ.

«Продае жинка корову на ярмарку, а чоловикъ купуе. Винъ грошы выйма зъ-за пазухы, а другый у сторони стоить и дывытся на ихъ; потимъ каже: «Не давай, чоловиче, грошей, покы вона тоби не оддасть того, що въ неи въ пазуси йе». А вона одмагается: «Що въ мене въ пазуси? У мене ничого нема въ пазуси». А той чоловикъ каже: «та выймай, выймай. Любышъ грошы брать, такъ любы и молоко оддавать». Вона выняла зъ пазухы и оддала каламарчыкъ. А потимъ той каже покупщыку: «О теперъ давай, чоловиче, грошы за ту корову, то ты йистымешъ молоко» [1])

Гоня въ дворъ купленную на ярмаркѣ корову, нужно заставить ее переступить въ воротахъ чрезъ разостланный красный поясъ, на которомъ положенъ хлѣбъ съ солью, и затѣмъ дать съѣсть тотъ хлѣбъ коровѣ. Если съѣстъ, то пойдетъ въ руку. Если у купленной коровы до года будетъ болѣзнь или другая случайность, то ее нужно непремѣнно сбыть, но если подобная случайность будетъ по прошествіи года, то корову перепродаютъ иногда фиктивно въ нѣдрахъ семейства [2]).

Купивъ корову, хозяйка прежде всего должна озаботиться о содержаніи ея, особенно лѣтнемъ. Пастьба скота въ лубенскомъ уѣздѣ организовывалась въ разное время различно. Во владѣльческихъ селахъ при крѣпостномъ правѣ крестьянскія коровы ходили по панской толокѣ въ панскомъ стадѣ безплатно, пользуясь владѣльческимъ быкомъ, какъ средневѣковые вилланы—taureau banal. По прекращеніи крѣпостного права, паны нѣкоторое время, до размежеванія, держали еще стада и принимали скотъ по 15—25 коп. за голову съ обязанностью пасть до Покровы. Пастухъ получалъ особо гарнецъ (10 фунт.) ржаной муки. Во многихъ

---

[1]) Отъ кр. д. Шекъ Е. Купріевой.

[2]) То же у Гринченка. Изъ устъ нар. 69, 70.

селахъ была общественная череда[1]); пастухъ получалъ по 15 коп. отъ скотины и по пуду ржаной муки[2]). Пастухи поочередно кормились по хозяевамъ, а на день получали отъ нихъ припасы. Они отвѣчали только за испорченную или утраченную на пастьбѣ скотину, а за пригнанную въ село не отвѣчали. Въ общественномъ стадѣ былъ и общинный быкъ[3]), содержавшійся поочередно хозяевами или которымъ нибудь однимъ за плату. Въ настоящее время, въ мѣстахъ, гдѣ сохранились общественныя череды на общественной или нанятой землѣ, платится пастуху 10—75 коп. отъ скотины и гарнецъ гречки и проса отъ двухъ скотинъ; въ западной части уѣзда расплата съ пастухомъ производится снопами: 20—30 сноповъ за пару воловъ[4]). Вечеря круговая (черговa); кромѣ того дается пастуху на свѣтлый праздникъ: булка или паляныця и двѣ крашанки «отъ честы». Переходною формой представляется наемъ нѣсколькими хозяевами совмѣстно общей толоки съ очереднымъ пастухомъ, подъ условіемъ убрать владѣльцу тройное количество десятинъ посѣва по сравненію съ нанятой землей. Наконецъ, послѣдній способъ лѣтняго содержанія скотины—отдѣльная пастьба каждымъ хозяиномъ, подъ присмотромъ члена семьи, на выгонѣ, по дорогамъ, рвамъ и промежкамъ. Если и этотъ послѣдній способъ пастьбы не возможенъ, то приходится разстаться съ коровой. Пастьба начинается съ проводного понедѣльника или со св. Георгія и продолжается до снѣга. Въ Засульской волости долго сохранялся древній обычай при выгонѣ скота въ первый разъ на пастьбу, перегонять его на во-

---

1) Череда—очередь, отъ обыкновенія пасть общее стадо поочередно каждымъ хозяиномъ. (Ефименко. Догов. о наймѣ паст. Изъ Зап. Геогр. Общ. 1877 г. VIII, 62.

2) По Чубинскому (тр. VI, 76, по 2 п. съ дойной и 15—20 к. съ яловой коровы.

3) И правительство, и земство, заботясь объ улучшеніи скота, пріобрѣтали быковъ; напр. въ 40-хъ годахъ Управленіе Госуд. Имущ. выписало 17 бугаевъ въ лубенскій у. (Короновскій. Ст. опис. полт. губ. въ. 1900 г., № 54, 2).

4) Сб. стат. полт. губ. IV. Луб. у. 71, 72.

ротахъ черезъ огонь [1]); въ Тишковской волости на воротахъ кладуть сѣкиру, обращенную остріемъ (лезомъ) противъ выходящей скотины. Затѣмъ обводятъ трижды переднія ноги коровы краснымъ женскимъ поясомъ [2]) и разстилаютъ этотъ поясъ на воротахъ, «щобъ кровъ не нападала». Кромѣ того повсемѣстно въ уѣздѣ скотъ окропляютъ освященной іорданской водой и ударяютъ его предъ выгономъ освященной вербой [3]), лозиной или осикой, которую потомъ затыкаютъ въ стриху, стѣну, глухой конецъ фортки хлѣва, въ которомъ скотъ ночуетъ, вѣря что онъ не заночуетъ въ полѣ, не запасется, а возвратится на ночлегъ туда, гдѣ вѣтка. Хозяйка напутствуетъ корову слѣдующими словами: «Гей, сира скотына, иды за густымъ молокомъ, за густою сметаною, де вчора ходыла! Що ты тамъ згубыла, пиды знайды и до-дому прынесы». По возвращеніи съ пастбища хозяйка креститъ корову, приговаривая: «Одверны Господи, Грыгорій побидоносець, одъ мого двора, одъ моеи скотыны нарожденнои сирои злу тварь». Въ первый разъ пастухъ выгоняетъ скотъ безъ торбы и хлѣба для того, чтобы скотъ лучше наѣдался [4]).

---

1) Римляне очищали стада, перегоняя ихъ черезъ огонь. Въ Болгаріи зажигаютъ свѣчи въ стойлѣ, чтобы духи не вошли въ скотъ (Тэйлоръ перв. культ. 253, 472).

2) Въ Шотландіи обвязываютъ хвостъ, въ Германіи рога и шею скоту краснымъ—симпатическимъ средствомъ отъ сглаза и болѣзней—предъ выгономъ въ поле. (Н. Ѳ. Сумцовъ Этн. зам. Моск. 1889 г. 21). См. также Грин. Изъ устъ нар. 70.

3) Въ Палатинатѣ гонятъ скотъ палочками, освященными на св. Мартина. J. Tuchmann. La fascin. въ Melusine 1899, Т. IX, № 9, 199.

4) О первомъ выгонѣ скота освященной вербой, объ одареніи пастуховъ у малороссовъ яйцами и жаркимъ, у бѣлоруссовъ пирогами, а у великороссовъ еще деньгами и холстомъ, см. въ указанномъ сочиненіи Ефименка и у Кулишера „Научн. Обз.“ въ Рус. Мысли 1888 г., I, 123.—Когда послѣ пастьбы осенью ставятъ скотъ къ яслямъ, то прикармливаютъ его сначала сѣномъ съ вершка первой копицы, рожью, сорванной на св. Георгія съ трехъ нивъ, по нѣсколько стеблей или сразу соломой, чтобы скотина не перебирала корма.

Въ стадѣ случка коровы не вызываетъ никакихъ затрудненій. Хозяйка, желающая чтобъ телица ея понесла, не должна только выносить соръ (сміття) изъ хаты пидрешиткомъ, иначе корова не будетъ телиться три года. Затѣмъ, осматривая корову, хозяйка замѣчаетъ признакъ тельности: у тельной коровы шерсть на вздохахъ (здуховинахъ) зачесана вверхъ. Болѣе затруднительна случка коровы мелкимъ хозяевамъ, соединившимся для пастьбы скота, или самопасамъ. Имъ приходится наблюдать похотливость (охоту) коровы, продолжающуюся 24—36 часовъ[1]), и вести корову къ быку, который можетъ быть занятъ въ то время, корова же между тѣмъ потеряетъ охоту (перебьется). Ведя корову къ быку, нѣкоторыя хозяйки рядятся, какъ молодая, въ плахту, запаску, шолковый платокъ, косныкъ для того, чтобы люди засматривались на женщину, а не на корову и не сглазили бы послѣднюю. Предъ тѣмъ, какъ ведутъ корову къ быку, ее ударяютъ завязкой отъ мѣшка или колышкомъ (натычкою изъ плетня. За случку платятъ 50 коп.—1 руб. Возвращающуюся отъ быка корову перегоняютъ предъ входомъ въ сарай черезъ голую косу. Забеременѣвшую корову уединяютъ по возможности, не бьютъ по головѣ[2]) и предохраняютъ отъ порчи разными способами. Прежде всего осматриваютъ помѣщеніе коровы и, найдя въ немъ пучки (верчикы) сѣна или палочки (лискови спычкы), подброшенные съ цѣлью испортить корову, сжигаютъ ихъ, а пепелъ развѣваютъ по вѣтру или перемѣшиваютъ съ землей. Въ глухомъ концѣ загороды забиваютъ въ землю осиновый колъ изъ «клечання» или древко кочерги (ожыво). Вѣдьма, желающая повредить коровѣ, должна предварительно вырвать такой колъ зубами; въ стриху же или стѣну загороды закладываютъ сожженную на святвечеръ головешку: «видьми не можна прыступыть, та головешка осяе огнемъ, мовъ іи осыпле и видьма острахнется». И самую корову не оставляютъ въ покоѣ. Ей вертятъ рогъ и забиваютъ въ него

---

[1]) Ундрицъ. 128.

[2]) Въ предупрежденіе выкидышей, мертворожденныхъ и уродовъ. (Бажановъ. Попул. наставл. 18).

девять осиковыхъ палочекъ, величиной съ иголку, часто изъ деревецъ, поставленныхъ у хатъ на зеленыхъ праздникахъ. Стружки съ ухватовъ, сажу съ кочергъ и кусочекъ кирпича (печину) ввязываютъ въ хвостъ коровѣ или туда же зашиваютъ кусочекъ ладану. Къ корму примѣшиваютъ крошки: пасхи, дарнику и просфоры; наконецъ, корову подкуриваютъ всякими остатками праздничнаго стола: пасхой, яйцами, крестовидной косточкой изъ головы поросенка, ладаномъ, смирной, стружками отъ хватокъ и лопатъ и ремезовымъ гнѣздомъ[1]).

Самые роды крестьянской коровы проходятъ, какъ и у кобылы, большею частью правильно и теленокъ появляется на свѣтъ передними ногами съ лежащею на нихъ головкою[2]). При замедленіи хозяинъ поталкиваетъ корову въ переносье приговаривая: «Господы поможы се теля зродыть якъ Богъ веливъ». Новорожденнаго теленка окропляютъ освященной водой, приговаривая: «Деркачъ на бикъ, щобъ нихто тебе не врикъ». Его трижды переступаютъ, говоря: «Не знаю я що ты таке: чы бикъ, чы телыця? Щобъ тебе не зналы ни кровъ ни врокы, ни перелогы». Затѣмъ очеркиваютъ ножемъ корову и теленка, продолжая: «Нихто зализа не буде кусаты и глодаты, нихто нарожденои коровы, буйвалыци, семирижныци не буде врикаты». Теленка осыпаютъ остатками освященнаго пасхальнаго стола, особенно перцемъ и солью и даютъ лизать коровѣ[3]). Замѣчаютъ, что изъ того теленка

---

[1]) Подобныя обыкновенія сохраняются и въ другихъ малорусскихъ областяхъ, напр. въ Кубанской области остатки освященнаго: скорлупу, крошки задѣлываютъ въ рогъ коровѣ, (Н. Ѳ. Сумцовъ. Писанки. Кіевъ 1891 г., 25) и за границей; такъ въ Палатинатѣ задѣлываютъ въ рогъ коровѣ бумажку съ надписью «св. Лука» и залѣпляютъ освященной свѣчей. (J. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1899, T. IX, № 9, 199). Валлоны кормятъ коровъ освященнымъ подъ рождество овсомъ, (E. Monseur. Le folkl. Wallon, 135), а въ Верхнемъ Пфальцѣ скребутъ три угла стола и даютъ эти поскребки скоту въ пойлѣ для предохраненія отъ вѣдьмъ. (C. Haberland. „Ueber Gebr. und. Abergl. beim. essen. Zeisschr. fur Volkerpsych. 1888. III, 265.

[2]) Бажановъ, 21.; Ундрицъ, 129.

[3]) Ветеринары (Ундрицъ 129, Бажановъ 23) совѣтуютъ, посыпать теленка солью, если корова не хочетъ его лизать.

будетъ прокъ, который высосетъ первоначальное молоко (colostrum, молозыво). Когда на дворѣ холодно и теленка забираютъ въ хату, то покрываютъ штанами или обертываютъ его мужской рубахой, «щобъ було кругле, матнысте, щобъ ёго перелогы не нападалы». Внесши въ избу, теленка постукиваютъ слегка лбомъ о припичокъ «щобъ було гладке», а въ ротъ ему суютъ соломинку, «щобъ не перебирало паши» [1]).

Не оставляютъ также безъ вниманія коровы, особенно первый разъ родившей (первитки). Стараются, чтобъ она поѣла счистка, въ которомъ есть полезныя «масляночки». Если не ѣсть, то счистокъ нужно на мѣстѣ зарыть въ землю. «Якъ первитка, такъ бережять, щобъ видьма счыстка, або молозыва не зибрала. якъ збере, тоди корова не годытся». Въ предохраненіе отъ вѣдьмъ доютъ молозиво сквозь мужскую рубаху или молоко трижды изъ каждой дойки навкрестъ въ пустое яйцо, закрываютъ скорлупой и зарываютъ потомъ въ глухомъ концѣ загороды или на покути, приговаривая: «оце тоби, нечыста сыло, пытання, щобъ моеи скотыны не зайидавъ». Также осыпаютъ корову макомъ, собраннымъ изъ первыхъ трехъ расцвѣтшихъ маковокъ и освященнымъ вмѣстѣ съ пасхой, приговаривая такимъ образомъ.

1.

Якъ нихто не може мачку позбирать, такъ нихто не може нарожденнои сирои коровкы урикать.

2.

Хто сей макъ збиратыме, той мою скотыну зйидатыме.

---

[1]) На первыхъ порахъ теленку оставляютъ половину удоя, потомъ одну дойку, а три хозяйкѣ. Лѣтомъ теленокъ пасется при матери съ ёжакомъ на мордѣ или кормится травой въ хлѣву, осенью прикармливается хлѣбомъ, гречневой ухой, высѣвками и, по возможности, сѣномъ; по прошествіи года «бузивкомъ» отдается на степь. Кастрируютъ двояко: вычищаютъ (перевертають) или «товкають, бьють жилы». Въ бугаи оставляется «вязыстый, тяжолый, хвабрый, гарный». Такой же уходъ и за телкой.

3.

Хто оцей макъ избере, то той у коровы и молоко одбере[1]).

Предъ началомъ доенія въ кормъ коровѣ прибавляютъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола и ее окропляютъ освященной водой, а если неспокойно стоитъ и дрыгаетъ ногой, то подкуриваютъ: ладаномъ, смирной, также стружками изъ лопаты или сохи дымаря (штаговыны). Ноги неспокойной коровы путаютъ путомъ, снятымъ съ мертвеца. При этомъ говорятъ:

1.

Маты Хрыстова на престоли стояла, Ісуса прохала: «Сыну мій возлюбленный! накажы злу лычыну за мою скотыну, за всяку шерстыну. Хай зла лычына исчезне и моеи скотыны не збавляе.

2.

Якъ выросте дубъ на церкви уныэъ гиллямъ, уверхъ коринням. Хто буде ёго ломаты, той буде мою корову терзаты.

Такъ какъ главное назначеніе коровы въ хозяйствѣ—доставленіе молока, то найбольшее число пріемовъ и заговоровъ направлено къ сохраненію и увеличенію послѣдняго. Съ этою цѣлью корову не гонятъ на водопой первые три дня, а поятъ водой, почерпнутой съ особыми пріемами. Хозяйка, идя за водой, замѣчаетъ, нѣтъ ли на дорожкѣ лежащихъ навкрестъ соломинокъ, а замѣтивъ, поднимаетъ ихъ и прячетъ, приговаривая: «Господы благословы иты до колодязя»! Воду берутъ изъ колодца «непочатого», т. е. такого, изъ котораго въ то утро никто не бралъ еще воды, или изъ трехъ криницъ или изъ двухъ криницъ и рѣки. Воду изъ послѣдней нужно зачерпнуть противъ теченія и сразу полное ведро, а не въ нѣсколько пріемовъ. При-

---

[1]) Варіантъ о посыпаніи макомъ у Чернявской «Обр. и пѣс. с. Бѣлозерки». Харк, 1893 г., 15.

несенную воду хозяйка ставитъ такъ, чтобъ корова не видѣла, потомъ поитъ, обмываетъ вымя и кряжъ, приговаривая: «Мылосердія двери отверзы намъ пресвятая Богородыця». Ведро принесенной воды ставятъ еще на ночь на восточномъ углу хаты и затыкаютъ въ это ведро ножъ, а на разсвѣтѣ поятъ той водой корову. Кромѣ воды, къ увеличенію количества молока служитъ еще и хлѣбъ, различно употребляемый. Учиняя дижу, напримѣръ, дѣлаютъ углубленія въ тѣстѣ и эти ямки наполняютъ непочатой водой; когда хлѣбъ взойдетъ и вода окажется наверху, ее собираютъ и, омочивъ первый вынутый изъ печи хлѣбъ, даютъ съѣсть коровѣ; или, срѣзавъ корку перваго хлѣба и вбросивъ въ кувшинъ, опускаютъ и вытаскиваютъ потомъ изъ колодца такъ, чтобы никто не видалъ. Ставятъ кувшинъ на покутѣ, потомъ становятся на порогѣ и, проговоривъ: «Покорме, покорме! де ты бувавъ?—На торгу,—Прыбувай до мене въ четвергу»,—кормятъ корову. Еще кормятъ корову найденными кусочками хлѣба. Также, взявъ тѣста изъ трехъ краевъ дижи и сдѣлавъ балабухи, въ средину которыхъ помѣщаютъ мелкія стружки съ четырехъ концовъ дверей, даютъ съѣсть коровѣ; или, сдоивъ молозиво, и просѣявъ на густое сито муку, замѣшиваютъ коржикъ, пекутъ на черини и кормятъ корову. Затѣмъ при недостаткѣ молока, поятъ корову желтымъ буркуномъ (донникомъ, mellilotus officinalis)[1], собирая который, приговариваютъ:

Святый Оврамъ на се зилля оравъ, зъ усихъ дощивъ, зъ усихъ молній, зъ усихъ блыскавокъ росу сбиравъ и моій скотыни молочко прыбавлявъ. (с. Волчокъ отъ А. Мовиной).

Къ водѣ и колодцамъ обращены слѣдующіе заговоры:

---

[1]) Буркунъ указанъ для той же цѣли въ словарѣ Ѳ. К. Волкова въ Зап. Ю. Зап отдѣла Геогр. Общ. 1873 г. I, 166. Нѣкоторые варіанты приведенныхъ средствъ указаны: въ сообщеніи В. Ястребова въ Кіев. Стар. 1897 г., V, Док. 67: у В. Щ. «Пища и пит. Малор. въ Этн. обозр. 1899 г. № 1—2, стр. 276, у Гринченка: «Изъ устъ нар. 71, и въ моихъ Народ. обряд.» 26, 27.

1.

Добрыдень тоби, водо Тетяно, а земля Уляно! прыбувай зъ кручъ, изъ гиръ, поливъ, зъ лисивъ, изъ ростокивъ, изъ потокивъ, щобъ такъ до моеи коровкы молоко прыбувало. (с. Хорошки, отъ Е. Матяровой).

2.

Добрыдень тоби, водо Оліяно! видкиль вода прыбува зъ усихъ краивъ, зъ усихъ слоивъ, зъ усёго кориння, зъ усёго насиння, хай у моеи скотыны и молоко такъ прыбува.

3.

Добрыдень тоби, колодязь Иване, а вода Уляна! даешъ водыци изъ креминня, изъ каминня, изъ гиръ, изъ долынъ, изъ джерелъ, щобъ такъ нарожденій, сирій коровци Господь славъ изъ жылъ, изъ пажылъ.

4.

Здоровъ бувъ, колодязь Авраме и ты, водо Уляно! прыбуваеть у тебе изъ ричокъ, изъ полуричокъ, изъ джерелъ, изъ слоивъ. Я прошу, щобъ моій корови нарожденій, благословеній прыбуло одъ Господа. (с. Хитцы, отъ Г. Нагорянскаго).

5.

Добривечиръ колодязь! дай воды набраты. Я буду воду браты и буду хлибъ упускаты. Земля Уляно, водо Тетяно! тутъ тоби не гоже стояты, иды до мене половій шерсты дійва прыбавляты. Матерь Божа на олывьяній гори, на прыданській земли тамъ Ісуса Хрыста зродыла и съ того колодязя воду брала и святою водою облывала, Мыколая угодныка, скоропомошныка прохала: «Поможы мени на престолъ рызы пидняты и врожденній, благословеній половій шерсты дійва прыбавляты.

6.

Тры ричкы збигалось, тры зори скотылысь, тры янгола спустылысь, у гору зори пидіймалы, збору прыбавлялы моій коровци.

Кромѣ количества молока, очень важно также и качество его. Появленіе дурного, водянистого, кислаго, синяго молока, зависящее, главнымъ образомъ, отъ дурного, кислаго корма[1]), одинаково приписывается народомъ порчѣ и сглазу коровы, почему испортившееся молоко сдаиваютъ въ кувшины, смазанные освященнымъ саломъ и окуренные ладаномъ, приговаривая: «Станьте на помощь вси святіи, щобъ таке, якъ було, таке й стало». Точно также и появленіе крови въ молокѣ при воспаленіи вымени, случающееся отъ удара, простуды и корма[2]), признается народомъ порчей, а именно перевязкой дойки волоскомъ. Впрочемъ кровянистое молоко появляется и въ томъ случаѣ, когда ласточка подлетитъ подъ корову. Въ первомъ случаѣ необходимо отцѣпить волосокъ, заложивъ подъ него иголку, и въ обоихъ случаяхъ—окурить корову ладаномъ, внутрь дать осиновую серцевину, а испорченное молоко, сдоивъ, отнесть и вылить на воду со словами: «Де таке взялося, хай туды и иде», или закопать въ землю—какъ въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ:

1.

Якъ спорчено мою корову, то дидъ узявъ росколовъ осыковый килочокъ пополамъ и вынявъ серце и взявъ ножыци. Пронявъ винъ трычи попидъ выменемъ ножыцямы, тоди навкрестъ выстрыгъ волосся. Тоди винъ положывъ волосся и серце роздилывъ надвое. Одно завьязавъ у бумажку и веливъ дать у хлиби, а друге—щобъ до схидъ сонця положыла на покути и не дывылась до девьяты день. Якъ девять день выйшло, я пишла подывылась—нихтямы подряпано кругомъ, такъ не узяла. (с. Хитцы, отъ Глушковой).

---

[1]) и [2]) Ундрицъ, 141, 160, 161.

2.

У Касьяновои коровы стало молоко зъ кровью. Винъ зъ жинкою повелы ту корову на ярмарку продать. Прыходыть дидъ купувать: «Продай, каже, дядьку сю корову». Жинка каже: «купить, дидусю, корова дуже добра.—А нащо-жъ ты продаешъ, якъ вона добра?—На те, що грошей треба.—Та не брешы, я бачу, нащо ты продаешъ. А ты не пожалій дидови, купы пив-кварты, то будешъ йисты молоко. Ну, воны прызналысь тоди дидови, якъ имъ случылось, що стало молоко зъ кровью у коровы. Дидъ поробывъ щось—незвисно, потимъ сказавъ: «Выведить іи за ярмарокъ, надойте два видра молока и закопайте у ямку. И прыйдете до-дому, то ще видро надойте и те закопайте, и тоди держить корову, покы держатыметця, нихто не спортыть. (с. Литвяки, отъ С. Заики).

Отъ кровянистаго молока шепчутъ:

Господы благословы, Господы поможы! Нарожденій сирій коровци, жовтои косты, золотои шерсты у помочи статы, сіи прозиры исциляты, сіи прозиры уничтожаты и чоловичи и жоночи и дивчачи и хлопьячи и витровіи и сниговіи и ночніи и полуночніи и помысленіи и погадани и сострічени и супротывніи и застужени и струженп и спрацёвани небеснымы сыламы. Благословы ій, Господы, прекраты ій, Господы, сіи болизни, пошлы ій, Господы, во здравіе. (с. Мгарь, отъ Емченковой).

Если на воспаленномъ вымени появились трещины, то ихъ смазываютъ: пѣной парного молока, вершкомъ сметаны или теплымъ бараньимъ жиромъ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, осложненной появленіемъ на вымени твердой опухоли (нежитя) принимаютъ слѣдующія мѣры. Нагрѣваютъ брусъ и, положивъ въ мѣшокъ, давятъ вымя; также придавливаютъ его первыми штанами, сшитыми мальчику первенцу, сохраняющимися въ числѣ другихъ лѣкарствъ, или хозяйка, ставъ правой ногой на топоръ, подымаетъ вымя вверхъ своей исподницей, приговаривая: «Тупоръ тупорыщови а нежыть—нежытыщеви». Мѣломъ, которымъ пи-

сались кресты на голодную кутю, очеркиваютъ вымя и ставятъ посрединѣ его крестъ. Затѣмъ подкуриваютъ больную корову разными предметами: страстною свѣчей, бывшей три года въ церкви на страстяхъ, «смирнымъ ладаномъ», ремезовымъ гнѣздомъ, вихтемъ, которымъ мажутъ доливку, приговаривая: «Ой ты, нежыть, нежытыще! розійдыся якъ туманъ по долыни», и наконецъ устивкой изъ сапога правой ноги, бывшей въ сапогѣ на рождество, новый годъ и крещеніе [1]).

Отъ нежитя шепчутъ:

1.

Нежыдъ, нежыдяка, изъ витру усувается, брусомъ спасается. Нежыдъ, нежыдяка! тутъ тоби не можна стоять! Брусъ брусяка и нежыдъ, нежыдяка! Брусъ брусяка выганяе нежыдъ нежыдяку Тутъ тоби не стояты, въ вымья не шпыгаты и дійва не запираты! Одъ рыжои масты, червонои крови; нежыдъ нежыдяка, я тебе окружаю, я тебе брусомъ выганяю: тоби тутъ не стояты и вымья не затверждаты, иды соби за дымамы, за горячымы огнямы. Тебе видсиля выкурюется, выганяется, на сухе дерево изсылается. (м. Снѣтинъ, отъ К. Приходькиной).

2.

Нежыдъ, нежыдыще! и я тебе вышиптую, вызываю и выклыкаю. И ты тутъ щобъ не селывсь и не мистывсь, изъ прозору, изъ людей. И ты й подумала и ты й погадала и грихъ тоби буде. Подумала й погадала и на скотыну ссылала. (м Снѣтинъ, отъ Д. Тимченковой).

Для сохраненія удоя мало однихъ мѣръ предупрежденія и лѣченія болѣзней коровы; нужны еще нѣкоторые особые хозяйственные пріемы для того, чтобы молоко не уменьшалось. Такъ напримѣръ: нельзя давать лизать молока кошкѣ или сукѣ, вѣроятно изъ опасенія, что подъ ними можетъ скрываться вѣдьма,

---

[1]) См. также: Н. Ѳ. Сумцовъ. «Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г., I, 76

а пролитое молоко нужно поскорѣе затоптать землей. Человѣкъ въ обмѣнъ за полученное молоко долженъ дать коровѣ кусокъ хлѣба съ солью, но отломленнаго, а не отрѣзаннаго ножомъ—иначе «урижется дійво». Сдоивъ корову, нужно три раза пріотворить хатнюю дверь и за третьимъ только разомъ взойти въ хату съ ведрами молока. Нельзя хвалиться обиліемъ молока. Нельзя брать кувшинъ пальцами: «Не беры глечыка пучкамы, а беры всею долонею, то буде й сбиръ у долоню». Нельзя скребти глечика ножомъ—«урижется дійво», а коснувшись кувшина нечаянно ножомъ, слѣдуетъ начертить крестъ на землѣ тѣмъ же ножомъ[1]). Самое главное условіе хорошаго сбора заключается въ чистотѣ глечиковъ. Въ лубенскомъ уѣздѣ ихъ выпариваютъ: стружками, житной соломой, крапивой (Urtica dioica. L.), щебцемъ (Thymus serpyllum. L., изъ губоцвѣтныхъ), глечкопаромъ (чистотѣломъ, chelidonium majus. L., изъ маковыхъ), потомъ окуриваютъ скорлупой освященнаго яйца, «щобъ бильшъ вершка було». Удой продавать всего выгоднѣе въ видѣ молока за 5—20 коп. кувшинъ, смотря по времени года и величинѣ кувшина. Крестьянская корова даетъ 1—3 кувшина молока въ сутки. Желая получить масло и сыръ, хозяйка оставляетъ кувшины въ погребѣ, «щобъ молоко застоялось», затѣмъ собираетъ верхи въ макитру и ставитъ въ нежаркую печь, и потомъ сбиваютъ масло въ макитрѣ качалкой. «Буде соломы визъ, а сахарю вкусъ. Буде масло якъ скло, якъ кришталь». Продаютъ масло по 20 коп. фун. соленаго и 25—30 коп. свѣжаго. Съ коровы собираютъ 10 фунт.

---

[1]) По Гринченку (Изъ устъ нар., 38 и 380) нельзя рѣзать хлѣбъ надъ молокомъ, не будетъ стоять корова; нельзя крошить хлѣбъ въ молоко ножомъ, корова заболѣетъ животомъ, и хлѣбъ, смазанный сметаной, нельзя рѣзать—треснутъ дойки.—Въ Германіи нельзя мѣшать пищи и напитковъ ножомъ и рѣзать хлѣбъ въ молокѣ—отрѣжется удой (Haberland. Ueb. Gebr. въ Zeitsch. füz Volkerps. III, 279), а въ восточной Пруссіи не принято объявлять, какое количество молока дала корова (J. Tuchmann. La fascin. въ Mélus. T. IX, № 2, 36, и въ рецензіи Брухмана на соч. Лемке «Volkstuml. in Ostpreus.» въ Zeits. fuz Volkerps. I, 103).

масла въ годъ. Весь низъ кувшина идетъ на приготовленіе сыра. Его сначала оттапливаютъ въ печи, потомъ кладутъ подъ пресъ или привѣшиваютъ въ мѣшечкѣ (ворочку), для удаленія сыворотки, продаютъ соленый по 3 и свѣжій по 4 коп. фунтъ. Сыра даетъ корова до пуда въ годъ.

IV. **Овцы.**

Наружный видъ овецъ, доморослая и покупная овца. Кормленіе на пастбищѣ, отара, первый выгонъ; кормленіе въ хлѣвѣ. Доходъ отъ овцы, ея болѣзни.

Съ уменьшеніемъ спроса на бѣлыя и сѣрыя сукна выводятся совсѣмъ почти и овцы этихъ мастей; теперь ватага мѣстной крестьянской овцы (бараны) представляются кучей чорныхъ животныхъ, въ которой то здѣсь, то тамъ мелькаетъ бѣлая овца, оставленная на пряжу изъ ея шерсти дѣвичьихъ поясовъ. И баранъ долженъ быть чернымъ. На племя оставляютъ лобатыхъ съ вѣтвистыми рогами и веселымъ взглядомъ барановъ, рослыхъ, широкихъ, округленныхъ, съ густой, мягкой (не лямцоватою) шерстью [1]), держатъ заводчикомъ не долго, не далѣе четырехъ лѣтъ. Такого же сложенія должна быть и матка: рослой, широкой, длинной на короткихъ ногахъ, не старше восьми лѣтъ. Въ маленькихъ группахъ въ 3—5 овецъ у бѣдняковъ и въ среднихъ

---

[1]) Овцы давніе спутники человѣка, прирученныя въ каменномъ вѣкѣ (Хётчинсонъ. Очер. доистор. міра въ Мір. Бож. 1897 г., IX, 152), неизвѣстно отъ какой именно породы, полагаютъ, что отъ дикой овцы, еще водящейся въ Корсикѣ и Сардиніи. Малорусская овца валашской породы. Бараньи роги представляются безполезнымъ, даже вреднымъ украшеніемъ, такъ какъ расширяя черепъ плода, затрудняютъ роды; требованіе же ровности и округленности правильно, иначе образуются на животномъ проборы шерсти и нарушенія волосяного покрова (штапеля). Ф. Шмидтъ. Овцевод. и шерстовѣд. перев. Фалькова подъ редак. Совѣтова. Санкпет. 1863 г., 7, 10, 12, 31, 132.

въ 10--12—не бываетъ большею частью своего барана, а овцы спариваются въ отарахъ, въ которыхъ приходится два и болѣе барановъ на сотню матокъ [1]). Спариванiе происходитъ естественнымъ путемъ лѣтомъ и осенью. Ярки котятся обыкновенно послѣ двухъ лѣтъ или къ исходу второго года. Ягница, родившая раньше называется нётка, нётчя́, и ягненокъ ея убивается, такъ какъ кормить своего ягненка нётка отказывается, не имѣя еще инстикта материнства, вообще слабѣе развитаго у овецъ, чѣмъ у другихъ домашнихъ животныхъ [2]). Самые роды обходятся почти всегда благополучно, развѣ у совсѣмъ худой, безсильной овцы приходится вытягивать (рятувать) ягненка. Новорожденнаго тотчасъ забираютъ въ хату. Ранней весной съ чистаго четверга и до проводъ принято валашить баранчиковъ; castratorius валашитъ натощакъ и получаетъ два крупныхъ яйца за подрѣзку каждаго животнаго. Доморослыя овцы предпочитаюся покупнымъ, но если нужно пополнить убыль или завесть вновь, то овецъ покупаютъ на весеннихъ ярмаркахъ прiемомъ, похожимъ на покупку лошадей и рогатаго скота, съ рукобитiемъ, но безъ передачи проданнаго животнаго съ полы. Бросаютъ лишь копѣйку «талану» въ полу продавца, откуда послѣднiй выбрасываетъ таланъ на землю. При покупкѣ изъ кошары берутъ немного соломы,--«купують изъ гниздомъ»; вообще стараются покупать съ восточной стороны (спидъ сонця), а не съ западной.

Предъ выгономъ овецъ на пастбище всѣ ягнята должны быть обозначены каждымъ хозяиномъ своимъ клеймомъ, состоящимъ изъ надрѣза, разрѣза прямого или бокового, вырѣза клиномъ уха или изъ проколотой дырочки (розризочкы, выцика,

---

[1]) Баранъ обскакиваетъ въ день до десятка матокъ, (Шмидтъ 157): правильно давать 40—70 матокъ барану. (Ундрицъ. Дом. скотолѣч. 177), хотя даютъ и до 95. (И. Мерцаловъ. Зап. о развед. исп. овецъ, изд. Д. Запары. Харьк. 1865 г., 133).

[2]) Шмидтъ. 6. M-me Achille Comte въ своей Histoire naturelle признаетъ овцу „dépourvue de sentiment". При рожденiи двойней также умерщвляются одно изъ ягнятъ.

стрилки) на правомъ или лѣвомъ ухѣ [1]). Пастьба мелкаго скота не представляетъ еще никакихъ затрудненій. Вездѣ въ уѣздѣ сохраняются общественныя стада овецъ (отары, ватаги). Само общество наставляетъ отвѣтственыхъ чабановъ (вивчарей), получающихъ за свой трудъ по 8—20 коп. отъ овцы и по гарнцу ржаной или гречневой муки отъ одной или нѣсколькихъ овецъ или по пуду муки отъ десятка ихъ [2]). «Вечеря вивчарю—чергова» [3]). Предъ самимъ выгономъ дается пастуху «выгонщина», состоящая изъ пшена, сала, паляницы и соли, а на свѣтлый праздникъ дается ему же булка и 2—3 яйца. Выгоняютъ на пастбище, состоящее изъ выгоновъ, толоки, жнивья, съ раскрытіемъ весны, избирая легкій день. Нельзя гнать пасть первый разъ въ понедѣльникъ, субботу или день св. мученика. Выходящую овцу кропятъ священной водой, а остатокъ послѣдней выливаютъ въ глухой конецъ кошары; туда же закапываютъ и ладанъ, которымъ кадили на новый годъ. На порогъ кладутъ красный поясъ, сверхъ него сѣкиру и черезъ нихъ перегоняютъ овецъ, ударяя каждую кропиломъ или руномъ, и приговаривая [4]). «Одъ вовка втечы и рунце прынесы»! Отгоняетъ первый разъ овецъ непремѣнно дѣвочка. Въ селахъ хозяева разбираютъ ежедневно возвращающихся съ пастбища овецъ, на хуторахъ всѣ овцы загоняются на ночь въ одинъ загонъ. Если не досчитываются пропавшей на пастьбѣ овцы, то пастухъ долженъ предста-

---

[1]) Эти знаки на ушахъ животныхъ у многихъ народовъ представляются гербами, изображающими животныхъ, отъ которыхъ произошло по повѣрью то племя,—тотэмами. (A. Lang. Myth. cult et relig,, trad. par L. Maril. 67), у другихъ, напр. у Мордвы, знаками собственности. (Юб. Сбор. въ честь В. Ѳ. Миллера, 68).

[2]) По Чубинскому (Тр. этн. эксп. VI, 76) дается пастуху чвертка ржи или гречи отъ 5 овецъ, и 5 ф. муки, деньгами 5—10 коп. съ каждой.

[3]) Такъ и за границей, напр. въ Арденахъ, пастухъ, сверхъ небольшой платы, получаетъ еще отъ каждаго хозяина жилище и пищу поденно за каждую голову скота. (E. Monseur. Le folkl. Wal. 118.

[4]) Вар. слѣдующ. приговора: Номисъ. Укр. прык. 200.

вить доказательства, напр. кожу палой овцы. Предъ Введеньемъ, 21 ноября, когда овцы совсѣмъ оставляютъ пастьбу и возвращаются на зимовлю домой, имъ три дня подрядъ даютъ въ кормѣ хрѣнъ [1]) съ солью, «шобъ метелыця замирала» и для того, чтобы они лучше усваивали зимній кормъ, состоящій изъ пшеничной, ржаной, гречаной соломъ, половы и крупнаго лучного сѣна. На Іоанна крестителя (7-го генваря) даютъ овцамъ съѣсть того сѣна, которое подкладывалось на святвечеръ, наканунѣ Рождества подъ горшки съ кутьей и узваромъ, и по которому предварительно катались дѣвки и дѣвочки для того, чтобы больше плодилось ягницъ. Просяной и ячной соломы не даютъ овцамъ, а сохраняютъ крупному скоту. Кормъ задаютъ овцамъ понемногу въ узкихъ ясляхъ въ кошарѣ, разъ пять въ день, такъ какъ овца перебираетъ и разбрасываетъ пищу; поятъ дважды въ день. На ночь ихъ перегоняютъ въ хлѣвъ (вивчинець) и даютъ подстилку. Стѣны вивчинця, иногда и кошары, смазываются для того, чтобы овецъ не заметало снѣгомъ, такъ какъ онѣ боятся мокроты больше холода.

При сравнительной дешевизнѣ [2]) овца представляется выгоднѣйшимъ домашнимъ животнымъ, и развѣ бѣднѣйшій крестьянинъ не имѣетъ ея. Она даетъ хозяину: шерсть, разные виды кожъ—смушокъ, линтварь, мясо, сало и молочныя произведенія. Овецъ стригутъ дважды въ году: около 9 мая и въ августѣ (перестриги), если овцы сытыя. Передъ стрижкой ягнятъ, иногда и взрослыхъ, моютъ въ рѣкѣ, давая потомъ обсохнуть сутки и болѣе; стригутъ, связавъ ноги, положивъ на землю, и, начавъ простригать шерсть у брюха животнаго полосой, обходятъ его вокругъ. Остригши шерсть (вовну) [3]) парятъ въ теплой водѣ,—но не въ

---

[1]) По Мерцалову (Зап., 20) хрѣнъ особенно полезенъ въ осень; соль, какъ извѣстно, содѣйствуетъ пищеваренію.

[2]) Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка овца стоила 3 руб., а съ ягненкомъ—5. (Чубинск. Зап. Юз. Отд. Геогр. Общ. II, 178); теперь 5 р. овца, съ ягненкомъ—7.

[3]) Слово вовна сходно съ нѣмецкимъ Wolle (англ. wool), какъ и вышеуказанное валахъ, главнѣйшія же названія: вивця, ягня, ягныця

кипяткѣ, чтобы не сбѣгалась,—потомъ полощутъ въ холодной. Пудъ шерсти стоитъ теперь 6—8 руб., руно—1 р. 50 к., а фунтъ—20 коп., шкура взрослаго барана и овцы стоитъ 1—1 р. 50 к., перестриги 1—1 р. 20 к., шкура годового животного (линтварь)—90 коп.— 1 руб., шкура двухнедѣльнаго ягненка (смушокъ), годная па воротники и шапки—1—2 руб., лучшаго качества, вся въ завиткахъ (горошкомъ) 3—4 руб., овечья кожа безъ шерсти стоитъ 15, 20 коп. Туша валаха цѣликомъ 1—3 руб., 1 ф. баранины 5—8 коп., а туша ягненка 10—25 коп., пудъ перетопленнаго бараньяго сала стоитъ 4—5 руб. Изъ молока приготовляютъ масло и сыръ для себя, для продажи мѣшаютъ съ коровьимъ [1]).

Крестьяне склонны иногда приписывать овечьи болѣзни тайнымъ причинамъ, напримѣръ—несоблюденію хозяиномъ праздничныхъ дней, какъ въ слѣдующемъ случаѣ. «Батько на Махтея заходылысь молотыть, колы лежыть вивця и погамы молотыть, здохла—испразнылы овечку». Еще чаще болѣзни овецъ производятся темными силами: овца скрутилась оттого, что съѣла закрутку, сдѣланную во ржи вѣдьмою; или овцы потому пожираютъ шерсть другъ на другѣ, что сглажены [2]). «Вона стане потягатся, упаде и сдохне». Въ началѣ болѣзни шепчутъ: «Урокы изійдить изъ нарожденнои; благословенной билои вивци». По соображеніямъ другихъ крестьянъ, сглаза овецъ совсѣмъ не бываетъ, потому что овца, особенно стриженная, представляется предметомъ мало возбуждающимъ зависить: «малый взятокъ тому, хто дывытся». Но

сходны съ латинскими: ovis, agnis, agna, agnina (баранина). Такъ какъ овца синонимъ тупости (ovis aurea—глупецъ), то быть можетъ и слово баранъ происходитъ, отъ baro—глупецъ, означающаго еще: сильный и стражъ.

[1]) Въ 40-хъ годахъ руно стоило 30—40 коп., смухъ 50 к.—1 руб., 1 пудъ сыра—30 к., пудъ масла—3 руб. (Короновскій. Ст. Опис. въ Полт. Губ. Вѣд. 1890 г. № 57, 2).

[2]) Бываетъ отъ недостатка корма и недостачочности въ немъ соли. (Мерцаловъ. Записки. 81.

часто болѣзни, по народнымъ понятіямъ, случаются и отъ естественныхъ причинъ: ушибовъ, свойствъ пастбища и корма, простуды и заразы. Въ частности, бѣльмо случается у овцы оттого, «шо вона наштрекнется, або шо вдарыть». Лѣчатъ его засыпая солью, сахаромъ и, затягивая въ противоположное больному глазу ухо нитку (голубецъ) до уничтоженія послѣдней [1]). Пузыри, образовавшіеся во рту, мажутъ синимъ камнемъ и дегтемъ. Овцу часто нападаетъ кашель отъ пыли и отъ простуды стриженой овцы на холодныхъ дождяхъ [2]). Послѣдній кашель лѣчатъ хрѣномъ съ солью. Отъ простуды же или опоя горячей у овцы бываютъ приливы крови къ внутренностямъ [3]) (кровъ напада). «Якъ нападе витрова кровъ, ударыть у голову и захолоне, уха пороблятся холодни. Вивця похнюпытся, похылыть голову, не йисть. Вивчарь ухо врижe и збыва паличкою мазку́». Нѣкоторые не рѣшаются рѣзать ухо: «Ухо врижъ и потревожышъ уси жылы»; совѣтуютъ лучше ударять ножемъ въ лобъ надъ глазной впадиной. «Кровъ зійде и заразъ вивця пасется». Пускаютъ и съ хвоста. Внутрь даютъ овцѣ пить: разсолъ съ дегтемъ, мыльную воду съ коноплянымъ сѣменемъ, огуречнымъ разсоломъ и корой свѣжей бузины. Всего болѣе поражаются брюшные органы овецъ на пастбищѣ. Дѣло въ томъ, что по самому устройству овцы: заостренной мордѣ съ острыми рѣзцами нижней челюсти, тонкой ногѣ, затрудняющей ступаніе по болотистой почвѣ,—этому животному удобны высокія, сухія пастбища [4]), поэтому на солонцахъ овцы, напившись воды въ лужахъ, получаютъ воспаленіе желудка, а на лугахъ съ молодой травой: клеверомъ, сурѣпой, или на сочныхъ озимяхъ, покрытыхъ каплями дождя или росой, обдымаются [5]). «Сбижыть на росу таку, де лазывъ павукъ, або зйисть веху (cicuta virosa. L.) и обидмется». Въ такомъ случаѣ забо-

---

1) Ставятъ заволочку. Мерцаловъ. Запис. 76.

2) Шмидтъ. Овцевод. 249.

3) Мерцаловъ. 56.

4) Шмидтъ, 179, Мерцаловъ, 82.

5) Ib. 70, Ундрицъ, 183.

лѣвшую овцу поятъ разсоломъ и не пускаютъ на росы, иногда даютъ еще съѣсть кусочокъ освященнаго сала съ хлѣбомъ. Обыкновенный поносъ большею частью ничѣмъ не лѣчатъ, не выпускаютъ только больныхъ животныхъ на росы; отъ запора же даютъ внутрь: разсолъ, мыльную воду, яйцо или сало. При задержкѣ мочи даютъ пить отваръ изъ сокирокъ (Delhinium consolida. L, изъ лютиковыхъ). На пастбищахъ же преимущественно поражаются овцы разными паразитами, проникающими во внутреннiе органы, и накожными. Въ мозгу овецъ появляется особый червь этнозоонъ (Coenurus cerebralis), отъ котораго у нихъ дѣлается вертунъ и овцы «крутятся» въ одну сторону. Хотя въ ухо овцы и протягиваютъ заволоку, а также вертятъ овцу въ противоположную сторону, но конечно такими пріемами, какъ и вообще способами народной ветеринаріи [1]), невозможно излѣчить «кручену вивцю»; ее прирѣзываютъ и ѣдятъ, отбросивъ голову. Неизлѣчима и такъ называемая метелица, отъ заводящихся въ печени животнаго «метелыкивъ», на самомъ дѣлѣ печоночныхъ двуротокъ (Distoma hepaticum). Въ предупрежденіе метелицы овцамъ даютъ весной вмѣстѣ съ кормомъ: сухую рожь, рѣдьку, хрѣнъ, корни лепехи (аиръ, acorus calamus. L.) и гречаную золу. Лепъ, коросту, шолуди и лишаи моютъ отваромъ табака, смазываютъ дегтемъ, скипидаромъ или керосиномъ и засыпаютъ гречневой золой, содержащей поташъ [2]).

V. Свиньи.

Наружный видъ свиней. Случка, поросная свинья. Содержаніе свиней въ стадѣ, хлѣву и сажѣ. Болѣзни свиньи. Убой.

Народный взглядъ на усовершенствованныя породы свиней, распространяемыя земствомъ и разводимыя землевладѣльцами, не

---

[1]) Яйца ленточной глисты захватываются овцы съ растеніями, къ которымъ прилипли. Глистовъ извлекаютъ сверля черепъ, рану закрываютъ липкимъ пластыремъ. (Ундриц. 190).

[2]) Ундрицъ, 210, Мерцаловъ, 41, 42.

успѣлъ еще установиться. Въ народѣ все еще признають болѣе прочной и дающей болѣе вкусное сало и мясо старую мѣстную породу свиней, происшедшую отъ дикихъ предковъ, жившихъ въ средней и южной Европѣ. Изъ этой породы предпочитаются особи съ толстой шеей, широкой, круглой спиной, боками и бедрами, на короткихъ ногахъ. «Свыня, або кабанъ, треба шобъ булы таки, якъ лава [1]); зъ гостроспынного не буде сала». Свѣтлыя масти: «била, руда, перыста, ряба» предпочитаются черной, потому что черная щетина, по народному замѣчанію, предопредѣляетъ и болѣе темный цвѣтъ сала и мяса. Впрочемъ, выбирая свинью, хозяинъ долженъ сообразоваться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, какая масть идетъ ему въ прокъ. Выдержавъ доморослую или покупную [2]) свинку до года и замѣтивъ безпокойное состояніе животнаго, въ которомъ оно «не йисть, пиныть, гурчыть, на стину дерется», хозяинъ гонитъ ее случать съ сосѣднимъ боровомъ (кнуромъ) [3]), уплачивая владѣльцу послѣдняго 30—50 коп. за случку. Въ общественномъ стадѣ, гдѣ бываетъ по борову на 20—30 свиней [4]), случка, конечно, безплатна. Поросную свинью не бьютъ, особенно по брюху, не даютъ прѣлаго корму, а недѣли за двѣ до родовъ помѣщаютъ отдѣльно. Роды проходятъ боль-

---

[1]) Скамья.

[2]) Цѣна свиней, бывшая въ 70-е годы прошлаго вѣка 3—7 р. за голову (Чубинскій Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II, 177), въ настоящее время доходитъ до 10—15 р. за кормленную свинью, 8 руб. за пидсвынка («И не балакать») и 3 р. за поросенка («таке якъ кошеня»). 1 ф. щетины «дебелои» стоитъ 1 р. 20 к., а «вовныстои»—60 к., кожка—20 коп., 1 ф. сала 20, 25 к., а 1 п.—8 руб., 1 ф. смальца (нѣм. Shmàlz.)—15, 20 коп. и 1 ф. мяса—6, 8 коп., а пудъ—3 руб. 20 к.

[3]) Названіе кнуръ сходно съ нѣмецкимъ: knurren—ворчать, knurrig—ворчливый, сердитый, вѣроятно, какъ и порося (лат. porcinus, porcellus) произошло изъ звукоподражанія. Названіе свинья съ нѣмецкимъ и ангійскимъ (swin).

[4]) Борову даютъ до 40 свиней. (Ундрицъ. Дом. скотолѣчебн., 224).

шею частью благополучно, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, приписываемыхъ сглазу («якъ хто нагляне»); въ такихъ случаяхъ свиньѣ помогаютъ (рятують) бабы. Сейчасъ послѣ родовъ свиньѣ не даютъ лизать крови и съѣдать послѣда, такъ какъ она можетъ потомъ съѣсть и поросятъ, а даютъ напиться воды. Черезъ нѣсколько дней свинью съ поросятами выпускаютъ на дорогу или выгонъ, на спорышъ (polygonum aviculare. L.), гдѣ свиньи пасутся подъ наблюденіемъ младшихъ членовъ семьи иногда и всё лѣто. Во многихъ селахъ сохранились еще во всёмъ подобныя отарамъ стада свиней (свинитки, свинирки). Они также устраиваются обществомъ, какъ и отары; само общество ставитъ пастуха (свинаря), получающаго за охрану стада 8—20 коп. съ головы и гарнецъ муки отъ 1—3-хъ свиней, по мѣстамъ выгонщину: паляницу, пшено, сало или яйца. Отгоняютъ черидку съ раскрытіемъ весны, на свѣтлыхъ праздникахъ или проводахъ, при чемъ отгоняющій долженъ возвратиться тѣмъ же путемъ домой, чтобъ и свиньи не блудили. Пасутъ до Покровы, Введенія, вообще до перваго снѣга. Въ лѣсномъ участкѣ лубенскаго уѣзда съ Покровы пускаютъ свиней въ лѣса на жолуди, отъ которыхъ животныя быстро поправляются. Зимнее содержаніе животныхъ, не предназначенныхъ къ убою, въ обмазанныхъ и обставленныхъ на зиму хлѣвахъ (свининцахъ), заключается въ разныхъ половахъ, особенно гречневой, обмѣшанныхъ ячной мукой и дертью, картофели, буракахъ и разныхъ хозяйскихъ остаткахъ. Преимущественное вниманіе хозяевъ обращено на откармливаемыхъ въ сажѣ на убой кабановъ, закидываемыхъ къ разнымъ срокамъ: въ сентябрѣ къ Рождеству, предъ Покровой также, предъ Рождествомъ къ Свѣтлому празднику и предъ Свѣтлымъ праздникомъ—на лѣто. Существенно только опредѣлить, на какой именно срокъ укармливается кабанъ, и въ срокъ заколоть, иначе, по народнымъ предразудкамъ, онъ все равно сдохнетъ. Закидать (затягать) въ сажъ лучше «на молодыци—буде молода шкура и сало мякенькe, а якъ на старому мисяци, то буде застаркувата шкура, така, шо не вкусышъ, и сама тилькы шкура, сало не буде набираться. Можна закыдать и на пидповнимъ мисяци». Для перваго кормленія, учи-

няя дижу, проводятъ крестъ на тѣстѣ, приговаривая: «Якъ ся дижа исходыть и хлибъ росте и такъ шобъ на кабанови сало росло», и мѣсять три хлѣбца (балабухи). Въ балабухи эти замѣшиваютъ зерна ржи, взятыя изъ первой копы въ количествѣ тридевяти колосковъ, также: шерсть, простриженную навкрестъ на лбу и вдоль спины кабана, надрубленный кончикъ хвоста, кусочекъ печеной глины (печину) и стружки, соструженныя со всѣхъ четырехъ угловъ стола. Балабухи даются кабану самой хозяйкой, ничего еще не ѣвшей (на ще серце), въ воскресенье, послѣ обѣдни, непремѣнно съ крышки дижи (зъ вика)—«щобъ йистивный бувъ, якъ йимо хлибъ зъ дижи, щобъ и винъ такъ йивъ». Вмѣсто балабухъ на первый кормъ кабану даютъ тоже съ вика кусокъ хлѣба, тѣсто и по горсти разнаго зерна, или сливаютъ въ миску[1]) по три ложки: борща, каши и ухи, и прибавивъ хлѣбъ, спеченный на непочатой водѣ, подаютъ кабану опять таки съ вика, приговаривая: «Йижъ до ножа, шобъ таке було сало, якъ панська дижа». Основаніемъ дальнѣйшаго корма кабана становится ячмень въ разныхъ видахъ: сырой, молотый, скрошенный. Кормятъ еще смѣсью четырехъ хлѣбовъ: ячменя, ржи, гречи и проса; печенымъ хлѣбомъ въ пойлѣ, остатками отъ стола: сухарями, борщемъ, кашей, жмыхами (макухами), злоупотребленіе которыми даетъ маслянистое (олійне) сало[2]), кореньями: картофелемъ, свеклой, желудями, листьями подсолнечника, маревыми: лободами (Atriplex hortensis. L. и Chenopodium album. L.), живокистомъ (окопникомъ, Symphytum officinale. L.), и куширомъ (Ceratophillum demersum. L.). Кормъ распредѣляется на четыре пріема въ сутки. Въ корыто кладутъ кирпичъ и поливаютъ водой, потомъ мѣшаютъ кормъ, вынувъ кирпичъ. И вдругъ всѣ эти труды пропадаютъ даромъ. Кабана тошнитъ, онъ ничего не ѣстъ, начинаетъ худать, у него закисаютъ глаза. Такія болѣзненныя состоянія въ

---

[1]) Въ Верхнемъ Пфальцѣ для того, чтобы свинья укармливалась, ей также въ первый разъ даютъ ѣсть изъ суповой миски. (C. Haberland. «Ueber. Gebr. und Aberglaub. bein essen.» въ Zeitshr. fur Volkerpsh 1889., 265

[2]) То-же замѣчаніе у Ундрица, 220.

народѣ всего охотнѣе приписываютъ сглазу, и хозяйка, замѣтивъ взглядъ сосѣдки, устремленный на сажъ, должна приберечь животное, проговоривъ: «Силь тоби та печына изъ твоимы очима». Отъ сглаза (прозора) окропляютъ кабана «стритенною водою», даютъ ему ѣсть кулишъ съ освященнымъ саломъ, «четвергову» соль; примѣшиваютъ къ половѣ «руду» глину, поятъ помоями или водой, въ которыя брошено раскаленное желѣзо, также сыровцомъ. Кромѣ того кабана ударяютъ по вздохамъ (здуховынамъ) трижды оборотомъ руки (на выдли), которою убитъ тарантулъ, и надрубливаютъ концы хвоста и ушей, иногда давая ихъ съѣсть больному животному. Къ довольно частымъ заболѣваніямъ свиней принадлежитъ жаба (обкладъ)—воспаленіе горла, осложненное опухолью желѣзъ и шеи (заушныкивъ, заволокъ, залазъ). Отъ этой болѣзни нажимаютъ шею животногоципомъ. У свиней «бува болячка на легкыхъ и печинци и воны стрюхнуть». На первыхъ порахъ поятъ заболѣвшихъ: губкой, трутовикомъ (Polyporus ignarius. Fr.), нарастающей на плодовыхъ деревьяхъ, и «нечуй—витромъ» (Hieracium Pilosella. L.), указаннымъ отъ бѣшенства свиней [1]). Глистовъ, развивающихся отъ кормленія рожью и сырымъ картофелемъ, изгоняютъ конопляпымъ и цинтварнымъ сѣменемъ. Наружныхъ паразитовъ уничтожаютъ: при лепѣ, смывая мыломъ, отваромъ табака и засыпая гречаной золой; червей же выбрасываютъ, приговаривая: «Била масть—одъ девяты до восьмы, одъ восьмы до симы... и т. д. одъ одного та не одного [2]). При этомъ нужно взять горсть земли изъ-подъ правой передней ноги животного и ею засыпать рану. Если свиньи подвержены частымъ заболѣваніямъ и дохнутъ въ сажѣ или хлѣву, то значитъ послѣдніе построены не на мѣстѣ и ихъ слѣдуетъ перемѣстить.

Едва ли можетъ быть въ дѣйствительности случай своевременной, естественной смерти свиньи. Если животное и ускользнетъ отъ смертельной болѣзни, уничтожающей его преждевре-

---

[1]) Зап. Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. I, 172.

[2]) Многія бабы не соглашаются шептать свиньямъ «що воны дывлятся у землю».

менно, всё же ему не избѣжать насильственной смерти отъ руки колія.. По народнымъ понятіямъ не всегда, не каждый и не при всякихъ условіяхъ можетъ колоть свиней. Нельзя ихъ колоть ни на третьей лунной четверти, потому что будетъ непрочное, гнилое мясо и сало, ни по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ, такъ какъ сало «буде слызьке», ни до зимняго Николая,—будутъ черви въ мясѣ. Колій долженъ имѣть легкую, но твердую руку, опытъ, сноровку. «Винъ стромля нижъ пидъ праву передню ногу» [1]). По однимъ, колій, убивая животное, долженъ сбросить съ себя шапку и кожухъ для удобства, по другимъ же, когда онъ колетъ въ кожухѣ, то сало будетъ тверже. Колій никогда не долженъ сдирать кожъ съ падаго скота или бить и убивать: собакъ, котовъ, воронъ и сорокъ, вообще животныхъ, неупотребляемыхъ къ пищу, иначе мясо убитой имъ свиньи будетъ гадкимъ, безвкуснымъ. Однажды колій на предложеніе отогнать собаку отвѣтилъ: «Я вдарыть іи вдарю, та душу свою запакую, не можна буде бильшъ колоть» [2]). Солятъ сало немытой (дрибною) солью.

---

[1]) И по Маркевичу (Обыч., повѣр., кухня малор. 16) свинью колютъ въ грудь подъ правую лопатку.—По отзывамъ свѣдущихъ лицъ (Нов. Время 1898 г. № 8173, со ссылк. на «Ремесл. газету») для прочности мяса и сала, а можетъ быть и для вкуса, не безразлично, при какихъ условіяхъ убито животное. Чѣмъ медленнѣе и мучительнѣе смерть, тѣмъ менѣе прочно мясо. Раздраженіе способствуетъ образованію кислотъ въ мышцахъ. Не безразлична также и разъемка туши.

[2]) Вѣроятно, это повѣрье связано съ требованіями нѣмецкой и малорусской цеховой этики, считавшей позорнымъ сдираніе кожъ съ палыхъ животныхъ, также убой животныхъ. Такъ въ 1705 г. ковельскій мѣщанинъ Иванъ Горбачыкъ чуть не исключенъ изъ цеха вслѣдствіе слуха, что онъ убилъ собаку. Такія же требованія въ гончарномъ цехѣ въ Хомутцѣ. (О. Левицкій. «Взглядъ на рем. пал. въ стар. Малор.» въ Кіев. Ст. 1899 г., XII, 395, 396 и Кулишеръ. «Изъ истор. цеховъ» въ Вѣстн. Евр. 1888 г., VIII, 595).

VI. Птица.

Выборъ пѣтуха и куръ на племя. Помѣщеніе насѣдки на яйца, высиживаніе цыплятъ. Индѣйки, голуби, гуси и утки.

Крестьяне предпочитаютъ куръ мѣстной породы, нѣкогда,— судя по названію,—выведенныхъ изъ Персіи [1]). На племя выбирается молодой пѣтухъ этой породы, такъ какъ старый тяжелъ для куръ, энергичный, голосистый (чустрійшый, бадёрнійшый, голоснійшый), съ большимъ гребнемъ, длинными и густыми перьями хвоста [2]) «Якъ рясный гребинь и хвистъ у пивня, то буде рясно яець и курчятъ». Куры свѣтлыхъ мастей, особенно желтоватыхъ, хохлатыя (чубати, волохати), какъ болѣе красивыя и носкія [3]), предпочитаются темнымъ. «Чорни кури дрибни, негарни». Выбирающій куръ на разводъ не можетъ, однако, ограничиться только своимъ вкусомъ, а долженъ еще принятъ въ разсчетъ: какая масть ёму въ руку. «Кому йдуть били, глынясти, червони, а кому попельнасти, зозулясти». Покупающій куръ на разводъ долженъ еще сообразоваться и съ слѣдующими обстоятельствами. Лучше покупать куръ «зъ запада сонця» и противъ теченія рѣки, такъ какъ всё вообще купленное по теченію (зъ-за воды) быстро уплываетъ. Лучше всего купить птицу, назначенную на убой (зъ пидъ ножа), напримѣръ изъ еврейской кучи. Пріобрѣтая птицу, нужно обращать вниманіе и на то, отъ кого пріобрѣтаешь: «Якъ изъ якои руки, изъ однiеи пидуть у дило, изъ дру-

---

[1]) Курка—персидское churu, churuh, churus. (А. Н. Пыпинъ. Древн. періодъ рус. литер. въ Вѣстн. Евр. 1875 г., XI, 118).

[2]) По великорусскому народному повѣрію, записанному Г. Н. Потанинымъ (Этногр. зам. 191), пѣтухъ, лишенный большихъ перьевъ хвоста, становится слабѣй курицы. По мѣстному—(въ моей «Укр. вѣдьмѣ», 11) эти перья стараются вырывать вѣдьмы. Запѣвало (початунъ, почакунъ) пищитъ еще въ яйцѣ, опасенъ демонамъ. Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Ст. 1900 г. IV, 84).

[3]) То же и у французовъ: «Les poules huppées passent pour les meilleures pondeuses» (M-me Achille Comte. Hist. Natur. 170).

гои—ни». Возможенъ и обманъ. Продавщицы курицъ вырываютъ у послѣднихъ перья изъ-подъ крылъ, и такія куры безплодны. Разводя куръ, нельзя изъ нихъ уступать ни одной, пока заводъ не установился прочно. Нельзя держать курицу, поющую пѣтухомъ,—ей нужно отрубить голову или только хвостъ[1]).

Съ полгода курочка начинаетъ пестись[2]), указаніемъ чего служитъ покраснѣвшій гребень и особый крикъ. «Курка почына сокорить». Тогда ее по утрамъ ежедневно, кромѣ первыхъ дней Свѣтлаго праздника, Рождества и новаго года, ощупываютъ. Часто и сама курица извѣщаетъ о снесенномъ ею яйцѣ уже другого рода крикомъ. «Вона кудкудаче, хвалытся яйцемъ». Послѣ чего ее выбрасываютъ на дворъ, приговаривая: «Иды, тютю, на тичокъ, знесы копу яечокъ, сёгодня зъ мишечкомъ, завтра зъ яечкомъ». Снесенныя яйца даютъ высиживать насѣдкѣ (квочкѣ), выражающей желаніе высиживать еще третьимъ крикомъ (квочке). Гнѣзда квочкамъ устраиваютъ въ хатѣ подъ поломъ и лавами изъ старыхъ ситъ и рѣшетъ, въ которыхъ цѣлъ ободокъ (обычайка). Эти гнѣзда намащиваютъ соломой, прибавляя къ ней того сѣна, которое подстилалось наканунѣ Рождества подъ кутю[3]) и по которому предварительно катались дѣвочки: «Щобъ квочка сыдила якъ кутя на покути, щобъ не часто ходыла, а то и горшкы и викна побье въ хати». Всѣ вообще обыкновенія, повѣрья и предразсудки, окружающіе помѣщеніе насѣдки на яйца, сводятся къ тремъ подраздѣленіямъ: 1) на какія яйца садятъ насѣдку, 2) въ какое время и какимъ образомъ кладутъ яйца въ гнѣздо (пидсыпають) и 3) когда садятъ на нихъ насѣдку. Насѣдку садятъ на немытыя, содержавшіяся

---

[1]) То же замѣчаніе встрѣчается у Гринченка (Изъ устъ нар. 25). По Маркевичу (Об., пов. малор. 95) пѣніе курицы пѣтухомъ предвѣщаетъ особое событіе.

[2]) Точнаго счета яйцамъ, снесеннымъ курицей въ годъ, не дѣлаютъ, «знесе копу, або дви», вообще 30—100, едва ли болѣе.

[3]) То же дѣлаютъ въ губерніяхъ: Волынской (Бѣньковскій. Кіев. Ст. 1896 г., I, Док. изв. и зам. 8) и Херсонской (Чернявская. Обр. и пѣс. с. Бѣлозер. 8).

въ прохладѣ яйца, круглой формы[1]) съ внутренней выемкой (гузкою), приходящейся снизу или сверху, но не сбоку яйца, потому что отъ такихъ яицъ рождаются пѣтушки, а не курочки, съ густымъ кружочкомъ, но не камушкомъ посрединѣ, и съ толстой скорлупой (товстокори); тонкихъ, прозрачныхъ яицъ (не мицныхъ) нельзя класть подъ насѣдку, она ихъ подавитъ, нельзя класть и съ черными пятнушками на скорлупѣ (шкалярущи)—не вылуплятся цыплята. Нельзя класть въ гнѣздо яицъ отъ курицы, несущейся безъ хозяйскаго пѣтуха, также перваго и послѣдняго изъ снесенныхъ яицъ, и яицъ, снесенныхъ по праздникамъ, особенно на «благовищаппя и благовисныка»[2]). Высиженные изъ такихъ яицъ цыплята будутъ калѣками или предсказателями несчастія (благовисни). Родившійся въ с. Бѣлозеркахъ, херсонской губерніи, на вербное воскресенье пѣтухъ запѣлъ на слѣдующій день, оказался драчуномъ, бросался на людей и признанъ дьяволомъ[3]). Подсыпать яйца лучше въ сумерки или рано, на разсвѣтѣ, «щобъ не було ни сонця, ни мисяца». Подсыпаетъ тотъ, отъ кого лучше идутъ цыплята, изъ шапки, а не голыми руками, всѣ сразу въ нечетномъ количествѣ: 9, 11, 15 или 17. Всѣ присутствующіе садятся, а если вблизи мальчикъ, то его, а то и взрослаго, тянутъ (скубутъ) за уши, чубъ и штаны, »щобъ куры булы ухати, чубати, волохати». Насѣдку садятъ на яйца на молодикѣ, утромъ, если онъ всходитъ вечеромъ, и къ вечеру, если всходитъ по утрамъ; лучше садить вечеромъ, когда овечьи ватаги идутъ съ поля, «щобъ такъ курчята лупылысь, якъ вивци зъ горы котятся» (сбѣгаютъ). Хорошо также садить квочку по базарнымъ днямъ и воскресеньямъ, «щобъ курчята йшлы, якъ люды до церквы, або на базаръ». Посаженныя въ четвергъ и пятницу насѣдки высидятъ больше курочекъ, осо-

---

[1]) Изъ заостренныхъ яицъ рождаются пѣтухи, изъ притупленныхъ куры. (Ундрицъ. Дом. скотолѣч., 312).

[2]) То же у Маркевича (Обычаи, пов. кухня 3), Чубинскаго (Тр. эксп. Ш, 12) и Даля (О повѣр. рус. нар. С.-Петерб. 1880 г., 108).

[3]) Чернявская. Обр. и пѣс 10.

бенно если садящій самъ родился въ четвергъ или пятницу; посаженныя же во вторникъ и среду—пѣтушковъ. Въ понедѣльникъ, субботу, дни св. мучениковъ и въ нѣкоторые ферральные дни (кыртычеськи, тытрыденни) нельзя садить квочку. Лучшіе дни для посадки тѣ, которые посвящены памяти преподобныхъ угодниковъ. Во всякомъ случаѣ всѣ присутствующіе при посадкѣ въ хатѣ садятся. Квочка сидитъ на яйцахъ три недѣли, въ какое время ее предохраняютъ отъ сглаза, накрывая ситомъ, особенно если неспокойна, и кормятъ также хлѣбомъ, какъ и вообще курей[1]), остерегаясь давать пшеницу, отъ которой квочка захочетъ нестись, а не высиживать цыплятъ: «почне сокорить». Черезъ три недѣли цыплята пробиваютъ скорлупу и выходятъ; тѣмъ, которые не могутъ сами выйти, приподымаютъ скорлупу. Прежде ихъ кормятъ однимъ освященнымъ пшеномъ, и просто пшеномъ, крошками хлѣба, искрошеннымъ яйцомъ болтуномъ (розбовткомъ), а потомъ просомъ. Въ первый разъ выносятъ цыплятъ изъ хаты въ постный день, окропивъ освященной водой или водой изъ «помыйныци», и ударяя деркачомъ, «щобъ шулики не хапалы».

Выносить цыплятъ въ первый разъ на дворъ должна непремѣнно дѣвушка съ зажмуренными или завязанными платкомъ глазами въ закрытомъ ситѣ или въ пазухѣ рубахи, откуда выпускаетъ цыплятъ черезъ рукавъ рубахи, «щобъ сорокы воны не бачылы». Часть цыплятъ раннихъ (мартюкивъ, мартенятъ)[2]) и болѣе позднихъ (пидкопанокъ, пидкипьятъ)[3]) оставляютъ на племя (насиння), остальныхъ продаютъ по 8—15 к. курченокъ; взрослая курица стоитъ 35, 40, пѣтухъ—30 коп.

Объ индѣйкахъ, разведенныхъ въ Малороссіи сравнительно недавно и доступныхъ лишь самому ограниченному числу бога-

---

1) Т. е. ячменемъ, просомъ, гречкой.

2) Мартовскіе цыплята лучшіе, потому что пользуются всѣмъ лѣтомъ для развитія организма. (Абозинъ. Доходн. птицев. С.-Пет. 1896 г., 150. Елагинъ. Куры, инд. С.-Пет. 1893 г., 9).

3) О нихъ говорятъ: „Скильки на поли кипъ, стильки буде яець и курчятъ“.

тыхъ или очень старательныхъ, неусыпныхъ хозяекъ, почти нѣтъ никакихъ народныхъ замѣтокъ. Хозяйка, пріобрѣвъ по случаю, рубля за полтора самца и самку (индыка и индычку) или чаще доставъ яицъ, несуществующихъ въ продажѣ, садитъ на яйца въ первомъ случаѣ индѣйку, во второмъ—насѣдку. Замѣчено, что индѣйка хорошо высиживаетъ: «Іи, мовъ барыню, треба знимать зъ гнизда, кормыть и поить». Черезъ мѣсяцъ появляются цыплята (индычята), которыхъ прикармливаютъ: молочной кашей [1]), крутыми яйцами, свѣжимъ сыромъ, лукомъ, деревіемъ (Achillea Millefolium. L.), потомъ, просомъ, пшеницей и т. п. Остерегаются выпускать на росы и дождь, «бо индычята утли». Оставляютъ на племя большихъ индюшатъ. Цѣна кормленнымъ индюку и индѣйкѣ 2—3 руб.

Голуби, напротивъ, всего менѣе озабочиваютъ хозяевъ. Для разведенія ихъ берутъ колья (чопы), которыми сверлили ледъ подъ Крещенье на рѣкѣ, и втыкаютъ въ крышу постройки, гдѣ думаютъ заводить голубей [2]); также «перетыку» изъ воза или голубиное перо. Въ предупрежденіе похищенія перьевъ голубей, нужно, зарѣзавъ, очищать (скубты) на чердакѣ и перья затыкать тамъ же за жердь. Даже кости освященныхъ голубей относятъ на голубятню. Для развода голубей, по устарѣлому, почти окончательно брошенному суевѣрію, на заутреню свѣтлаго праздника нужно идти съ голубями за пазухой и на возгласъ священника: Христосъ воскресъ! отвѣтить: «У мене голубы есть». Завесть голубей можно купивъ 1—2 пары птенцовъ, такъ какъ старые всегда возвращаются на прежнее мѣсто; иногда, впрочемъ, голубки, прибившись къ чужимъ голубямъ, остаются при нихъ. На чердакѣ голубямъ устраиваютъ гнѣзда изъ досокъ, старыхъ ведеръ, намащиваютъ соломой. Голубки высиживаютъ два птенца (голубьятъ, голубенятъ). Кормятъ голубей: просомъ, ячменемъ, гречкой. Различаютъ: обыкновенныхъ голубей, вертунивъ, вертящихся во время полета,

---

[1]) Рѣдко достающейся и крестьянскому ребенку.

[2]) Въ моихъ Рожд. святк. сѣв. час. Луб. у. 24.

и туркутивъ (турмановъ). «Воны туркотять довго, гарни, такъ боятся ястреба, ихъ треба дома кормыть». Цѣна пары голубенковъ 5—8 к., туркутовъ и вертуновъ 25—35 к.

Покупая гусей на племя, слѣдуетъ брать ихъ, какъ и куръ, противъ теченія рѣки и наблюдать, чтобы продавщица не выдрала пуха изъ-подъ крыльевъ (не помамрала). Гусь несется съ конца февраля и по народному наблюденію «снесе стилькы яець, скильки недиль мясойида», яицъ 8—15, на которыя и садится. За мѣсяцъ до посадки въ избѣ тщательно чистятъ трубы (трусять сажу), иначе яйца почернѣютъ и гусенки не вылупятся. Въ гнѣздо кладутъ сѣно, бывшее подъ кутьей, и солому, подброшенную во время полета дикихъ гусей [1]).

Сажая гусь, берутъ присутствующаго мальчика за волосы, приговаривая: «Щобъ гусы булы ухати, волохати, бородати». Гусь сидитъ на яйцахъ около мѣсяца. Не слѣдуетъ смотрѣть на только что вылупленныхъ гусятъ; кормить ихъ нужно три дня разваренымъ пшеномъ, когда же оперяются и скрещиваютъ крылья (выбываютъ колодочкы), то ячменемъ. Вынося гусятъ первый разъ въ рѣшетѣ изъ хаты, имъ подстригаютъ лобикъ и окуриваютъ жженными перьями. На племя оставляютъ раннихъ гусынь и при нихъ злого (войного) гусака, который оберегалъ бы ихъ и не водилъ на чужіе огороды. Излишнихъ продаютъ по 50—60 коп., а къ Рождеству по 80 к. и по рублю [2]).

Народный вкусъ признаетъ красивѣйшими и лучшими утками глинистыхъ, воны, ажъ по земли лазять», а селезня—сизого. Пріобрѣтенныхъ на племя утокъ слѣдуетъ чаще кормить гречкой, будутъ лучше нестись. «Якъ гречка, такъ и яечка». Гнѣздо уткѣ устраивается, также какъ курямъ и гусямъ, съ прибавленіемъ сѣна изъ-подъ кутьи и перьевъ, которыя уронила утка, когда неслась. Утокъ нельзя садить на первыя яйца, не будутъ нестись.

---

[1]) См. Чубинскій. Тр. эксп. I, 62.

[2]) Въ половинѣ XVIII в. гусь и каплунъ стоили 6 коп., утка—$3^1/_2$ коп. (Лазаревскій. Прилукск. полкъ въ Кіев. Стар. 1901 г., VII, VIII, Прил. 290.

Садятъ тогда, когда утка стонетъ (кахкотыть). При недостаткѣ утокъ, ихъ замѣняютъ насѣдками. Утята выклевываются черезъ мѣсяцъ; ихъ скорлупу и все вообще гнѣздо нужно тотчасъ же отнесть на рѣку [1]), а самихъ утятъ подкармливать вареной гречкой и хлѣбными крошками. Первые девять дней никуда нельзя выпускать утятъ—«утли, урикливи дуже», а по прошествіи этого времени можно вынесть утятъ во дворѣ въ ситѣ, подкуривъ ихъ: страстной свѣчой, ладаномъ и пухомъ, и окропивъ освященной водой. Кормить утятъ во дворѣ нужно въ извѣстномъ мѣстѣ, приговаривая: «Де не ходить, а сюды йдить»; въ предупрежденіе болѣзней [2]) ихъ «загодовують» шпанскими мухами, полагая 10 насѣкомыхъ на большой горшокъ каши. Цѣна утокъ доходитъ осенью до 30 коп.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) То-же у Свидницкаго (Патриченка), Великдень у подол. въ Основѣ 1861 г., X, 48.

[2]) Въ народѣ почти не различаютъ болѣзней домашней птицы и не умѣютъ ихъ лѣчить, почему эта часть птицеводства не излагается въ настоящемъ очеркѣ.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повистъ.

(Продолженіе [1]).

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

I.

Нема земли!

Җыття, кажуть, зжыты—не поле перейты. Җыття—що погода. Якъ середъ ясного литнёго дня, колы сонце ажъ пече, такъ гріе та свитыть,—дывысь: де не взявся витеръ, надувъ-нагнавъ зъ усихъ бокивъ чорни хмары,—заклуботалысь воны; насупылось небо, заховалось сонце—похмурыло, загуло, закрутыло, закушнелыло шляхомъ, зиркнула блыскавка, загуркотавъ гримъ, грякъ! трись!... Отакечкы й тутъ. Оце тыхо й мырно, любо та мыло,—гулькъ! не вспивъ озырнутысь, якъ повернуло на негоду.

У восены, тилькы що позвозывъ до-дому Чипка хлибъ зъ поля и лагодывся молотыты, самъ соби миркуючы—якъ тепереньки бачытысь зъ Галею,—на тикъ до ёго вскочыло лыхо. Стоить винъ на току зъ ципомъ,—ажъ прыходыть десятныкъ зъ волосты. «Чого ему треба?» подумавъ Чипка и прыкро глянувъ десятныкови въ вичи.

— Ходы лышъ у волость!—каже десятныкъ здалека.

Чипка ще разъ глянувъ на десятныка; подумавъ трохы, та тоди вже запытавъ:

— Чого?

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 6.

— Не знаю,—одказавъ десятныкъ.—Клычуть, якыйсь чоловикъ прыйшовъ зъ Дону.

— Що за чоловикъ? На вищо я ему здався?

— Не скажу,—одмовывъ десятныкъ.—Прыйшовъ, щось побалакавъ зъ пысаремъ,—мене оце й послано.

— Добре, прыйду,—одказавъ Чипка.

Десятныкъ повернувся—и пишовъ повагомъ вподовшъ улыци.

Не пишовъ, а побигъ Чипка въ волость; не зайшовъ и въ хату, не сказавъ ничого матери.

Незабаромъ писля того вернувся до-дому,—та прямисенько въ хату. На той часъ Мотря поралась коло печи

— Отакъ, мамо!—обизвався винъ.

— А що, сыну?—пытае, не обертаючысь, Мотря, не помитывшы ни жалю въ голоси, ни смутку на лыци.

— Прыплентався якыйсь прыблуда. Каже: Луценкивъ небижъ. Хоче нашу землю одибраты.

Мотря мыттю обернулася, глянула на Чипку,—та й отетерила. Хочъ вона и дывылася, та ничого не бачыла, не розумила.

— Каже: не оддасы,—буду позываты.

Мотря поблидла и ледве вымовыла:—Якый небижъ? звидкиля?

— Кажу жъ: зъ Дону!—одмовывъ Чипка.

— Зъ Дону?!—якось боязко запытала Мотря,—та й опустылася на лаву.

Одно невелычке сливце «Динъ», якъ молоткомъ, ударыло іи въ голову. Памьять у неи зразу прокынулась—и вона згадала, що вже разъ прыйшла була лыха годына зъ Дону, котра перевернула все іи жыття, та й кынула бидуваты на старисть. «Чи не нова, бува, прыйшла знову зъ Дону?» подумала Мотря, глядючы на сына,—хочъ ничого й не бачыла, бо въ виччю у неи почорнило, затуманылось.

Чипка подывывсь на смутну, перелякану матиръ—и оханувся. Винъ бачывъ, що ёго звистка впала громомъ на стару матерыну голову.

— Не журится, мамо! не лякайтесь!—ставъ винъ заспокоюваты матиръ.—Хай позывае. Намъ громада прысудыла землю. Байдуже! Нихто теперъ не вырве зъ моихъ рукъ.

— А клопоты, а тяганына,—проказала Мотря, задумуючысь.

— Силькись! А земли не дамъ! Зубамы держатыму,—не пущу!

— Оступайсь, сыну, за свое добро. У насъ же тилькы й багатства, що земля та. Скилькы я попоходыла, скилькы я попоносыла, покы тоди оддалы!—згадувала Мотря, якъ вона добувала ту землю.

— Кажу: не журится!—одказавъ Чипка, и пишовъ зъ хаты на тикъ молотыты.

Мотря посыдила ще трохы на лави; ще перекынула въ своій голови одну думку за другою, може бъ ще сыдила та думала, якъ бы не засычавъ окрипъ у печи, збигаючы ключемъ на черинь. Тоди Мотря встала, одсунула окрипъ—и знову стала поратысь коло печи, якъ и до того поралась.

Побалакалы воны въ той день за землю за обидомъ; побалакалы за вечерею и довго балакалы, полягавшы въ вечери спаты—и забулысь обое. Иде жыття у ихъ протертою стежкою: якъ сёгодни, такъ и завтра; якъ завтра, такъ и по-завтрёму. Мотря коло печи, та въ хати, або за коривчыною ходыть. Чипка— на току, коло хлиба порается: молотыть, та віе, та околотъ вьяже.

Колы такъ—тыжнивъ, може, черезъ два писля того, якъ клыкалы Чипку въ волость,—знову прыбигае десятныкъ, загадуе знову иты въ волость та вже не самому Чипци, а зъ Мотрею: Чипка не послухавъ: матери наказавъ сыдиты дома, а самъ мерщи почемчекувавъ.

Не вспивъ винъ ступыты на納поригъ у волости, не вспивъ сказаты: «добры-день»—якъ пысарь до ёго зъ бумагою:—Ось зъ суду бумага за вашу землю! Велено одибраты въ васъ, и оддаты Луценковому небожеви.

Чипка—самъ не свій. Дывытся то на пысаря, то на бумагу: чы бумага брехе, чы пысарь?

— Якъ же це?—пытае въ пысаря.—Адже жъ тоди громада прысудыла намъ землю.

— Прысудыла-прысудыла, каже пысарь,—та, бачъ, парубче, йе й надъ громадою старши. Громада прысудыла, а судъ одсудывъ!

— То це такъ и оддать землю?!

— А вже жъ.

— Та ни, не буде цёго!

Бильше ничого не сказавъ Чипка, не поклонывсь навить старшыни волосній, а повернувся—и пишовъ, похнюпывшысь, до-дому.

— А що теперъ, мамо робыты?—запытавъ матирь, ледве одхылывшы хатни двери.

— Що, сыну?

— Пропала земля!

— Якъ пропала?

— Кажуть: судъ одсудывъ.

Немовъ хто гострый нижъ вгородывъ у серце старои Мотри. Якъ сыдила вона на лави, на гребни, выводячы тонку нытку,—такъ и прыкынила на дныщи: заколило веретено въ одній руци, а волокно въ пучци—въ другій.

— Краще бъ мени, сыну, въ домовыни лежаты, нижъ таку чутку чуты!—ледве вымовыла Мотря кризь слёзы...

А Чипка—не чувъ, не дослухався до іи сливъ.. Винъ земли пидъ собою не чуе. Миряе винъ хату—то вздовшъ, то впоперекъ, бье объ полы рукамы, нибы самъ соби прыговорюе:

— Та ни, не буде сёго!... Брешуть воны... Я васъ знаю, знаю бисовыхъ сутягъ!.. Пидсыпавъ пысареви блудяга, и йе земля!.. Та ни!... Мене цимъ не пидведешъ... Я самъ свое знайду, допытаюсь свого... Хочъ отъ-по-сю (черкнувъ по горлянци рукою),—а землю не дамъ!

Поривнявшысь зъ матирью, ставъ, узявся въ бокы, глянувъ на неи...

— Выймайте гроши, якъ йе!—гукнувъ зъ-опалу.

— Яки гроши?—здывувалась Мотря.

— Яки йе, вси выймайте, въ городъ пиду—позыватысь.

— Де жъ у насъ гроши? Хиба ти пьять рубливъ, що за овечатъ вторгувалы... Тамъ у скрынци въ сувои захована... Визьмы, колы треба.

— Пидить прынесить, я не знайду де.

Мотря, стогнучы, встала, видхылыла скрыню, довгенько рылася, покы знайшла гроши.

— На,—сказала вона Чипци, подаючы гроши правою рукою, а ливою зачыняючы скрыню.

Чипка взявъ гроши, подумавъ, повертивъ у рукахъ сыню бумажку, заховавъ іи въ кесетъ зъ тютюномъ, пхнувъ у кешеню, зитхнувъ—и взявся за шапку.

— Прощайте жъ, мамо! сёгодни мене не ждить,--хиба ажъ завтра вернуся въ вечери.

— Щаслыво, сыну. Ты бъ узявъ хочъ хлиба на дорогу.

Чипка не чувъ: винъ уже зачынявъ за собою хатни двери.

Зосталася Мотря сама--сама, якъ палець, зъ своею нерозваженою думкою... Сила вона за гребинь, не счулася сама, якъ узяла веретено; смыкнула зъ кужелю пасмо, вывела нытку... Въ голови—полизла всячына, завернула въ давне... У памьяти—прокынулысь ти давни часы, якъ на чужимъ поли на людей жала, зъ снопа заробляла,—якъ пьять снопивъ людямъ нажны, а соби шостый одверны, якъ за цилый довгый литній день, одъ свитовои зори до вечирнёи, спыны не розгынаючы, тилькы двадцять снопивъ и заробыла!.. А ще жъ ихъ треба и звозыты, и змолотыты! А тутъ—кругомъ лыха годына облягла: на хати стеля попрогнывала—кризь стелю капае, стины осинни дощи обшпарувалы—голымы ребрамы хата свитыть... А вже зима не за горамы... И холодъ, и голодъ... Пополотнила Мотря; ввирвала нытку... Покотылысь зъ очей слёзы—якъ горохъ, закапалы ажъ на доливку...

Чипка тилькы выйшовъ зъ двору, такъ и налигъ на свои ногы. Лыхо его мчало въ городъ: ёму хотилося перелетиты туды. Шляхъ у Гетьманськe лежавъ повзъ ёго землю, мымо московського хутора. Та не дывывся теперъ Чипка ни на чорно-жовту стерню на поли, ни на билый верхъ, що одынъ тилькы й выглядавъ зъ-за высокого паркану москалевого двору. Чипка чесавъ шляхомъ, заклопотаный одніею думкою — про землю... «И що я безъ земли?—вертилося въ ёго похнюпленій голови.— Людськый попыхачъ, наймытъ.. Безъ земли—нема воли... Земля тебе годуе... земля ха-

зяиномъ робыть... А безъ земли—все пропало, и моя надія пропала»...

-- Щобъ вы сами пропалы, проклятиі—самъ не счувся, якъ зирвалысь слова зъ языка.

— Кому-то ты добра такого жычышъ?—любенько обизвалась Галя до ёго, на хвиртци стоя.

Вона вже давно ёго нагледила,—тилькы винъ не прымичавъ іи.

Несподивана стрича—якъ обварыла Чипку. Винъ пидвивъ голову, подывывся—де винъ, глянувъ на Галю—и не мигъ слова вымовыты... Галя стояла—и соби дывылася на ёго, нибы зъ усмишкою,—нибы радила, що такъ несподивано захопыла Чипку, що винъ замишався...

— А бачъ: перелякався й ты! а ще парубокъ!—зацокотала вона.

Чипка сердыто зыркнувъ на неи—и наче здмухнувъ веселу усмишку зъ іи веселого лычка.

— Лыхымъ людямъ, Галю,—попыжаючы голосъ, ледве одмовывъ Чипка на перше пытання, та й повернувъ до хвирткы.

Галя соби повернулася, скочыла въ двиръ, защепнула хвиртку--и тилькы чутно—затупотила дворомъ.

— И вона втекла!—гирко вымовывъ Чыпка:—не пидождала, не побалакала...

Поглянувъ винъ на ворота, на хвиртку—мовъ бы поглядомъ знисъ ихъ; похытавъ журлыво головою; повернувся—и знову почесавъ дали...

Сонце вже стояло на вечирнёму прузи, якъ пидходывъ Чипка до Гетьманського. Череда съ поля пустылася до-дому: коровы поспишалы побачытысь зъ телятамы и заздалегидь подавалы про себе вистку протяжнымъ ревомъ. Череда нагнала отару—и перемишалася... Овечкы, бекалы та мекалы, розскакувалысь на вси бокы—и пиднималы зъ шляху страшенну пылюгу... Вона стояла сирымъ стовпомъ, навпроты сонця здавалася

червоно-дымчата. Вона закрывала собою городъ,—тилькы й выдко було зъ-за іи густого пологу—горила на сонци золота баня на церкви...

Чипка ни до чого не додывлявся. Винъ ишовъ соби похнюпывшысь, тыхо, ногу за ногою посылаючы. Не близькый свитъ Гетьманське. Набывъ добре ногы, натомывъ думкамы голову; втомывся трохы. Ёму задумалося спочыты; винъ ставъ миркуваты: де ёго на ничъ прытулытыся?—Ажъ ось и городъ...

У царыни пагледивъ Чипка нызенького, натоптуваного чоловика, зъ круглымъ запухлымъ лыцемъ, зъ рудымы товстымы усамы. На плечахъ у ёго на-опашкы була накынута сира московська шенеля, унызана блыскучымы кгудзыкамы, зъ зеленымы нашывкамы на комири. Москаль—не москаль, а службою пахне. Стоявъ винъ середъ двору безъ воритъ и, прыкрывшы рукою видъ сонця очи, поглядавъ на Чипку. Той повернувъ до двору.— Чоловикъ побачывъ—и соби видійшовъ до немазанои хаты. Напьявшы на ликти шенелю, винъ ставъ коло одного стовпа одъ воритъ, пидперъ его однымъ плечемъ—и обернувся до Чипка.

— А що скажешъ? Чы не по дилу?

— «Самъ Богъ насылае»—подумавъ Чипка, здіймаючы шапку.

— Скажить, будь-ласка: чы вы не знаете—де тутъ жыве секретарь Чыжыкъ?

У чоловика ажъ обыдва усы затипалысь; таранкувате лыце мовъ ще дужче порябило.

— Чого тоби до секретаря?—самъ себе здержуючы, пыта чоловикъ.—Секретарь такыхъ, якъ ты, не прыймае... А колы чого треба—то я тоби напышу... Шо въ тебе за дило?—прыставъ винъ до Чипкы.

— Та дило, бачыте, ось яке...

И давай Чипка выкладаты свою прыгоду.

— Такъ, еге, треба справкы наводыты, копійкы браты, понуро дывлячысь, якъ велыкый дока въ сёму дили, одрубавъ чоловикъ.—Треба прошеніе, еге, такъ-такъ... Такъ и напышемо... А гроши жъ у тебе йе?—спытавъ винъ и глянувъ прямо въ вичи Чипци.

— А багато на те треба?—вывивъ Чипка.

— Та рубливъ пьять на першый разъ треба... А тамъ—побачымо що буде: чы можна весты дило, чы, може, наплюваты...

Чипка стоявъ и роздумувавъ: чы не бреше винъ? онъ на ёму яка лыха одежынка! Може хоче выдурыты гроши... Бачъ: пьять рубливъ, щобъ тилькы, дознатыся, вси гроши на те тилькы, щобъ знаты: чы можна весты дило, чы не можна?... Ото здырство!...

— Ну, такъ ходимъ до хаты...

— Ни, задумався Чипка:—прощавайте!...

— Слухай!—постой!... Чувъ?—постой!

Чипка ставъ.

— Знаешъ що?—я тоби за тры карбованци напышу...

— Не хочу, спасыби вамъ,—тай иде дали.

— Постой! постой!—спыня его чоловикъ.—Якъ ты прозываешся?

— Вареныченко.

— Ты козакъ, чы хто?

— Мій батько москаль.

— Ага... Отъ, бачъ, и на бумагу не треба—на простій напышу... Хочъ?—за рубля напышу! Нихто тоби за рубля не напыше, а я напышу...

— Та Богъ зъ вамы!—одгрибався Чипка, не радъ, що й зачепывъ таку прычепу.

— Ты думаешъ, я тебе одурюю?... Ни, ще Васыль Порохъ никого не обдурювавъ... Ты чувъ про Пороха? Черезъ Пороха и секретареви твоему не разъ доставалося!

Чипка справди чувъ про Пороха: писчане хвалылыся, що Порохъ не разъ пысавъ прошеніе кому треба; Чипка задержався—и ще разъ обдывывся Пороха.

— Ну, отъ же я тоби за твою неймовирнисть,—прыстае Порохъ, узявшысь у бокы:—щобъ ты на другый разъ знавъ Пороха, дурно тоби напышу!

— Чы йты, чы ни?—подумавъ Чипка.

— Слухай, ходимъ!

Чипка повернувъ за Порохомъ у двиръ.

— Я це тилькы тоби дурно пышу,—проказувавъ Порохъ, идучы впередъ,—перше зроду пышу дурно! За те ты мени хочъ могорычу купы.

— Добре,—одказавъ Чипка.

— То онъ,—дывысь,—пляшка надъ хатою высыть,—показавъ Порохъ через дорогу:—то—шынокъ... Пиды могорычу прынесы!

Чипка повернувъ до шынку; Порохъ пишовъ у хату. Незабаромъ Чипка вернувся зъ пляшкою горилкы въ рукахъ. Порохъ стривъ ёго на порози, ввивъ у хату.

Хата вдарыла Чипци въ вичи своею неохайнистью. Стины полупани, чорни, ажъ поцвилы; доливка була колысь на помости, теперъ тилькы недоколоти пидъ стинамы дошкы про те нагадувалы; посередъ хаты выбойи, повни смиття; викна темни, ажъ чорнувато-зелени, пропускалы въ хату якыйсь темный свитъ. Гыдко, непрывитно! У самому кутку, на покути, стоявъ невелыкый стилъ зъ двохъ дошокъ, на палець одна одъ другои.

— Здорови въ хату!—прывитався Чипка.

— Здоровъ, здоровъ,—весело задриботавъ Порохъ.—Сидай!— и ткнувъ пальцемъ на трыножокъ, що стоявъ коло столу, а самъ метнувся до грубы.

У хати була панська груба. Порохъ одчынывъ дверци, вытягъ звидты чарку и краець черствого хлиба, покалянаго въ попилъ.

— Оце прыходытся ховатысь одъ проклятои сараны зъ святымъ хлибомъ!—задриботавъ Порохъ.—Якъ та прожора жре! не заховай тилькы... Засохъ трохы, та силькись... Покалявся...—И винъ почавъ хлибъ обдуваты та обтераты...

— А дежъ горилка?—обернувся до Чипкы.

Чипка пидвився, щобъ достаты: винъ поставывъ пляшку коло порога.

— Сыды, сыды!—защебетавъ Порохъ, наглядившы горилку,— я самъ! я самъ!

Узявъ винъ пляшку, налывъ чарку, вылывъ у ротъ, кутулявъ, кутулявъ, розводывшы якось чудно очыма,—ковтнувъ, поплямцавъ; знову налывъ чарку, и знову вылывъ у ротъ, закутулявъ и ковтнувъ...

— Хто се дававъ?—спытавъ писля другои.

— Жыдивка.

— То-то, чортова душа,—паганои дала!.. Отъ, гаспыдська Ривка! Ще такы Оврамъ совиснише, а що вже Ривка... Ось покуштуй!

— Ни, не хочу.

— Чому? не пьешъ?

— Та таки и не пывъ доси...

— То не знаешъ, яка и на смакъ?

— Не знаю.

— Дурный же ты! Ничого доброго ты не знаешь. Знай, що тилькы и добра на свити, що горилка. Скилькы бъ безъ неи людей вишалось! А такъ... На, пый!—крыкнувъ на Чипку и подавъ ёму чарку.

Чипка давно чувъ, буцимъ горилка робыть полегкисть. Теперъ ось и Порохъ росхвалюе, а тутъ ще й досада зъ самого ранку за серце ссе... въ тили трохы холодъ чуется... Усе це разомъ намоглося на Чипку: выпый та й выпый! Ничого робыты,—треба спробуваты... Узявъ Чипка, выпывъ... Горилка запекла, защыпала въ роти трохы—не похлынувся, ажъ закашлявся.

— Такы выдно, що ты не вміешъ пыты!—каже Порохъ.—Ось якъ треба пыты!—и знову выхылывъ чарку въ ротъ, ковтнувъ, якъ воду. Потимъ того, одломывъ шматочокъ хлиба; почавъ зайидаты.

Чипка соби взявся за хлибъ. Хлибъ—якъ сухаръ сухый, насылу кутулявъ ёго Чипка.

— Зовсимъ ты никчемный!—каже Порохъ:—ни пыты, ни йисты.

— Та якъ ёго отаке гирке пыты?—зверта Чипка на горилку.

— То тилькы такъ здается... Ось пидожды трохы, пройме—самъ попросышъ!

Чипка справди почувъ—сперше наче хто гарячымъ зализомъ прыпикъ ёго въ середыни; запекло коло серця, та й розийшлося по всёму жывоту... Дали—той огонь затухъ,—запекла згага; йисты схотилося... Здается, вола бъ ззивъ... и черствый хлибъ здается смашнымъ! Трохы згодомъ—мовъ щось у вичи вступыло... заграло въ голови... повеселишало на серци... Темни думкы сталы прояснятыся... стала прокыдатысь вира... узяло завзяття... «То все брехня!—думается ёму.—Хай карбованця прокучу, хай—два, або й уси пьять... а земля все-такы моя! Брешешъ, вражый чоловиче, земля моя»... И такъ стало Чипци весело, немовъ справди земля вже ёго, и винъ вертается до-дому забезпеченый. .

— А чы дорого се дило коштуватыме?—пытае винъ у Пороха.

— Яке дило?—Колы дуже закрутне—дорогше; а колы ни,—не дорого,—одказавъ Порохъ.

-- А мое дило?

— Ось трывай лышъ, ще по одній выпьемо, та тоди вже й за дило.

Тилькы що Порохъ ставъ налываты чарку, двери прожогомъ росчынылыся и у хату вскочыла жинка—не жинка, дивка—не дивка; голова не покрыта, якъ у дивчыны, а косы заборсани въ мычку, немовъ жинка збиралася сховаты ихъ пидъ очипокъ, та завьязала на тимьи, а воны й розсыпалысь... Сама—не стара ще, высока, суха, худа, щокы усмокталысь у середыну, выдъ—болизный, жовтый,—тилькы одни очи, чорни, якъ теренъ, блыщалы якымсь божевильнымъ свитомъ...

— Уже пье... уже пье! щобъ тебе гаряча кровъ спыла!.. скрыкнула вона такымъ несамовытымъ голосомъ—ажъ у Пороха рукы затипалысь... Йисты ни крыхты нема, дитвора плаче, а винъ чортивъ бугай, горилку дудлыть!..

— Иды соби! иды, иды,—заидыкавъ Порохъ.—Мени николы. Я заразъ чоловикови пысатыму прошеніе... иды соби!

— Щобъ тебе пысачка спысала, проклятый! Мени жыття черезъ тебе нема...

— Хто жъ тебе держыть? Я тоби давно кажу: чымъ клопотаты мене зъ своимы дитьмы,—ишла бъ соби, куды сама знала... Такъ, бачъ, шкода москаля кыдаты!

-- Аже жъ шкода!..—и якось страшено засвитыла очыма. Поглядъ іи упавъ на краець хлиба. Вона затицалась и, якъ та звирюка, кынулась до столу—ажъ Чипка подавея на бикъ.

— Бачъ, проклятый! казавъ—хлиба нема, ажъ ось скилькы переховувавъ.

— Ну, беры, беры... та иды соби!—одказавъ Порохъ, ховаючысь зъ пляшкою.

Вона страшенно провела очыма—и повагомъ выйшла зъ хаты.

— Хто се?—запытавъ Чипка.

— Шматъ...—не доказавъ Порохъ, а трохы згодомъ, одмовывъ:—сестра... Не вси, бачъ, дома—божевильна..., а дитей плодыть,—та й жывуть, прокляти, на мою голову!..

Чипци такъ стало шкода божевильнои сестры Пороха, та малыхъ дитокъ!.. «Може воны голодни й холодни», думавъ винъ.—«Отъ, якъ бы багатство,—чы дишла-бъ вона до сёго?... Якъ-бы то багатство.—А то—отъ, останню землю одбирають»... Знову повернула ёго думка на землю - и почала передъ нымъ свои выводы выводыты...

— А що жъ: будемо прошеніе пысаты,—перебывъ Порохъ.

Чипка кынувся.

Порохъ побрався знову въ грубу!—вытягъ звидты недогарокъ шабашковои свичкы, каламарь зъ помаднои баночкы, перо; поставывъ усе це на столи, а самъ выйшовъ зъ хаты. Незабаромъ вернувся зъ папиромъ у рукахъ, зъ окулярамы. Перше всёго—заправывъ свичку въ росколоту пляшку.

— Якъ потемніе, то запалымо, щобъ не шукаться,—сказавъ винъ.—А теперъ пусты мене на свое мисце, а самъ сядь на лаву, або-що.

Чипка пересивъ на другый трынижокъ. Порохъ прысунувъ свій трынижокъ до столу, розложывъ папиръ и, осидлавшы носа окулярамы, почавъ пысаты. У хати стало тыхо-тыхо,—

тилькы колы-не-колы якось сердыто одгаркувався Порохъ, та чутно було скрыпъ пера, або одрубни вымовы Пороха—то: «такъ», то «ага»... «еге»... «добре»... «ну, а дали?»... И дали Порохъ, подумавшы трохы, знову пысавъ, ажъ стилъ ходоромъ ходывъ, знову одгаркувався, агакавъ, та егекавъ... Вечирне сонце, сидаючы за хмару, кынуло червону стяжку черезъ мутну шыбку—и обдало червонымъ свитомъ круглу лысу Порохову голову, переризала на двое билый папиръ, и довгою й шырокою попругою лягло черезъ усю хату, ховаючысь крайкомъ ажъ десь за грубою... Облыта свитомъ, и безъ того червона голова Порохова теперъ стала зовсимъ червоно-гарячою... Чипци здавалося: кривава голова пысала криваву жалобу.

Порохъ скинчывъ, положывъ перо; взявъ папиръ у рукы, пидийшовъ до викна.

— Слухай: чы такъ буде?—и ставъ чытаты.

— Що, такъ?—запытавъ знову, перечытавшы.

— Ну, оце жъ тоби й прозьба. Треба—колы до прозьбы выпылы, то й писля прозьбы не завадыть.

— Добре, згожуется Чипка.—На счастя значыть?

— Еге жъ,—сказавъ Порохъ; покректавъ, потягся, й выпывъ одну за другую ажъ дви чаркы.

Пиднисъ Чипци. Выпывъ и той — и ставъ сплёвуваты. Сонце вже зовсимъ сило; въ хати стало темно; Порохъ свичкы не засвичувавъ, а ходывъ мовчкы зъ одного кинця хаты въ другый. Чипци стало ніяково.

— Ты въ насъ заночуешъ, а завтра и у судъ,—сказавъ Порохъ, та й замовкъ.

Важко стало въ хати. Чипка сыдивъ на трынижку. Порохъ тынявся зъ кутка въ кутокъ. Обыдва мовчалы. Щобъ перерваты нимоту, Чипка запытавъ:

— И се вы такъ жывете?

— Отакъ, якъ бачъ. Тилькы й того, що хата своя.

— Не смашно.

— Та якъ выпьемо, то воно й посолодча трохы; а безъ того—черезъ добрыхъ людей давно бъ высилы на трямку—сказавъ Порохъ и знову ковтнувъ чарку.

— Усимъ, значыть, добре... обизвався Чипка.

— А ты думавъ—ни?... У кожного—не безъ того... Ты знаешъ Польського?..—пыта Порохъ, зупынывшысь навпроты Чипкы.

— Котрого?

— Того, що и у васъ пануе,—що въ Красногорци жыве.

— То що?

— Не то—що... А отой мене дойивъ, той мене въ землю втоптавъ!—и Порохъ знову заходывъ по хати.—Якъ ставъ предводытелемъ,—такъ и нема мени жыття!.. Ябеднывъ! Ябеднывъ—та й нема мени добра... А до того мени добре було... Служывъ... Цей будынокъ, що похылывся теперъ... а колысь?.. Колысь у ёму беньветувалы... музыкы гралы... самъ комысаръ гулявъ тутъ... А теперъ... нужда та злыдни!.. А все—винъ!

— Що жъ винъ вамъ заподіявъ?—пыта Чипка.

— Якъ що? Зъ службы выжывъ... ябеднывомъ зробывъ... онъ що! Та ни! Не такъ легко Васыля Пороха зробыты ябеднывомъ... Не така въ Васыля Пороха голова! Заславъ брата на Сыбиръ,—бо братъ дурный... Племиннычокъ звивъ зъ ума сестру,—сестра божевильна... А Васыль—ни! не вгрызешъ! Васыль колысь вертивъ цилымъ повитомъ... У Васыля вси булы въ рукахъ—и комысаръ, и суддя, самъ предводытель... ажъ покы винъ не влизъ у предводытели... Улизъ,—та й ну свою панську пыху показуваты. Що ты мени зъ своею пыхою, колы я за всихъ роблю?.. Плюваты на неи! Такъ, бачъ, ни... По ёго—хочъ ничого не робы, тильвы ёму зважъ... ёму лыжы... Не такый Васыль Порохъ щобъ лызався... Хай други лыжуть, а Васыль не лызатыме... Винъ якъ лызне, то й лызь васъ злыже!.. Ну?.. выжыты Пороха! Порохъ не хоче корытысь!.. Порохъ не лыже... Сказавъ судди, а суддя не хто, якъ ридный братикъ... Та хиба одынъ суддя?.. и пидсудкы—родычи... и справнывъ родычъ... уси одного заводу, одного кодла... Де жъ тамъ правда визьмется?.. Сказано: выжыты... Ну й выжылы... Не трудно выжыты, та трудно росквытатысь... Сильвись... Що мени служба? Наплюваты на неи!.. А я такы вамъ дозолю... Я завьяжу кишци хвоста,—хай розвьязують!

Онъ по опеци одного братчыка допикъ, що пидъ судъ оддалы... Скрутылы, правда дило... выпутався... хай, кажу. Се мени хлибъ... Я зновъ пысатыму... И про выборы, якъ воны зйизжалысь та змовлялысь, напышу... и за те напышу, що вси кумы та побратымы... Все обпышу... Я ихъ на чысту воду выведу. На те я—ябеда! Макуха сыдыть уже пидъ судомъ,—оддамъ ще й порадныка вашого Чыжыка... Хиба здохну, щобъ ёго не оддавъ!.. Я знаю, якъ Чыжыкъ за Савынськыхъ дило скрутывъ... Савынськый дивку встрелывъ... Выйшовъ писля обиду въ садокъ. Дивчата рвалы ягоды... А ну, каже, яка скоче зъ вышни?.. Та—бухъ!—Такъ одна опукою до долу... та сама, що не пиддалася... Що жъ?.. Заразъ до Васыля Семеновыча... Той за Чыжыкомъ... Ну, звисно, и Чыжыкови перепало дысятынъ зъ двадцять поля... Чыжыкъ и скрутывъ дило,—очевыдячкы скрутывъ... За те Совынськый на дочци Польського оженывся... взявъ плацувату цыганку, съ такымъ носомъ, якъ сокыра... И покрылы... Людську кровъ покрылы... Та ни! навищо-жъ Васыль Порохъ жывый?.. винъ васъ роскрые... Кровъ—не вода... Васыль Порохъ самъ у яму ляже,—та й звидтиль крычатыме, що Совынськый дивчыпу вбывъ!.. Душогубци!..

Страшно якось, гучно роздавалыся въ темній хати Порохови речи,—нибы справди хто зъ глыбокои ямы гукавъ про панськи зли вчынкы... Чипка слухавъ ту обрубу бесиду, серце закипало въ ёго...

— Такъ воно скризь добре?..—промовывъ винъ:—усюды правда!!

— А ты шукаешъ правды?—суворо запытавъ Порохъ.—Тилькы й правды, покы повна пляшка; а колы порожня, то й брехня!.. А ну, лышень пидкрепымося...

И винъ самотужкы потягъ зъ пляшкы, тилькы булькотало въ горли.

Чипка не схотивъ пыты. У ёго и безъ того грало вже въ голови.

Пороховы речи глыбоко запалы въ серце. Передъ очыма встала вся неправда... «Винъ—старшый, а кругомъ ёго менши,

все родычи... Сказано слово—и все схылылося передъ нымъ... Панъ надъ мужыкамы, панъ и надъ панамы! Не мае ни въ чимъ перепону, не знае ніякои заборопы... Де жъ тутъ визьмется тая правда?»... Прокынулась въ Чипчынимъ серци недовира въ правду; обизвалась вона въ души ёго тяжкымъ сумомъ... Винъ сыдивъ, схылывшы на руку голову,—не чувъ, якъ рыпнулы двери.

— А вы поночи сыдыте?—щось спытало жиночымъ голосомъ—и знову зачыныло двери.

Трохы згодомъ у хату ввійшла сестра Порохова зъ каганцемъ у рукахъ. Свитъ ударывъ прямо Чипци въ вичи. Передъ нымъ, якъ мара та, стояла роспатлана жинка—и жывцемъ нагадувала ёму про людську неправду...

— Тутъ будемо вечеряты, чы тамъ?—пытала вона, не выпускаючы каганця зъ рукъ.

— Тамъ мабуть... Тамъ, Галочко,—одказавъ Порохъ.

Чипка ажъ затипався, почувшы таке менння...

— Ходимъ же йисты!—гукнула вона, и пишла впередъ. Порохъ и Чипка пишлы за нею. Увійшлы въ кухню. Вона була ще чорниша, нижъ кимната, де сыдивъ Чипка. За кухнею чорнилы двери—въ третю хату. Що тамъ було—не выдко, тилькы зъ-за дверей выглядало дви кострубати дытячи головы. «То, выдно, іи диты», подумавъ Чипка.

Середъ хаты силы вечеряты. На перевернутимъ уверхъ денцемъ горняти блыщавъ каганець и прысвичувавъ у мыску. Всыпала вона галушкы. До вечери вси выпылы по чарци,—выпыла й сестра Порохова, и не скрывылася. Чипка покоштувавъ галушку,—глывка, якъ кглей, та ще й на зубахъ трищыть. Давай винъ сёрбаты одну щербу. Колы бъ не такъ хотилося йисты, винъ бы и не покуштувавъ такои вечери.

— Мамо! дай и намъ галускы.. и мы хочемо галускы,—обизвалася зъ-за дверей дытына.

— Вы!..—гукнувъ на ихъ Порохъ.

Диты поховалыся.

— Люцыпиръ!—зыркнула Галька:—самъ напывся, налопався, а дитямъ—то й нема?!..

— Чому вы, справди, дитямъ не даете?—обизвавсь Чипка до неи.

Вона встала; мовчкы достала недобытый полумысокъ; всыпала въ його галушокъ и поставыла коло порога. Зъ-за дверей высунулось двое дитей,—чорни, замурзани, въ якыхсь ганчиркахъ замисть сорочокъ, котри воны якось соромлыво позводылы на грудяхъ чорнымы рученятамы,—бо застибокъ не було... Прыпалы воны опукою надъ черепкомъ, запустылы въ юшку свои рученята, вытяглы по гарячій галушци, засычалы, захукалы,—и сталы жуваты, цмокаты... Чипци стало ажъ гыдко. Мабуть не любо було и Порохови, бо винъ знову закрычавъ на ихъ. Диты зъ-пидълоба зыркнулы на його, й налагодылысь шарахнуты за двери.

— Не крычы, пьяныце!—гукнула Галька на його.

— Сыдить!—обернулась до дитей.

Чипци вже не йилося. Дойивъ Порохъ останню галушку. Подякувавъ Чипка Порохови и Гальци.

— Иды жъ теперъ, та лягай спаты!—обизвався Порохъ до Чипка.

Выйшлы воны разомъ зъ кухни. Чипка покурывъ у синяхъ люлькы, пишовъ у хату, а Порохъ ходывъ ще довго по двору, смоктавъ люльку та сплёвувавъ...

Лежыть Чипка въ хати на доливци, не спыть, качается. Душно йому, варко; по жылахъ бигае кровъ; гаряче полумья пашыть зъ рота; а въ голови одна думка ганяется за другою... То йому прывыжуется вдача: земля знову його, винъ такый радый и маты рада,—не попустывъ свого! И Галя йому любесенько ввыжается... Що не кажы, а Галя дивчына гарна! Отъ, якъ бы така жинка... Радіе Чипка видъ однієи згадкы... Ажъ-ось повіяло холоднымъ витромъ зъ другого боку... Нема земли!.. проходывся дурно... марно втратывся... Маты плаче,—це ій, старій, знову прыйдется на чужимъ поли тынятысь... А самому якъ?.. Пропало все!.. То знову винъ хазяинъ... иде поручъ зъ Галею... Вона йому любо глянула въ вичи; усмихнулася... А лыхый ворогъ позавыдувавъ йому,—одибравъ землю, закрывъ своею нечыстою рукою мылый зразочокъ... Що теперъ йому зосталося?.. Высовуется, мовъ

зъ туману, пьяна Порохова постать, а за нею—свитыть страшнымы очыма божевильна Галька: просовують до ёго рученята голи чорномази диты—страшни, сухи; тремтять одъ холоду... И встае передъ нымъ людська неправда... Бачыть винъ: вона, якъ павутына, заснувала цилый свитъ,—нихто не выплутается зъ іи тонкыхъ тенетъ... Правда, одынъ рванувся—и вырвався... та якъ? рукы и ногы назадъ скручени... ни систы, ни встаты: стій, якъ на кару выведеный!.. «Господы Боже! де жъ Твоя правда?»... шепче Чипка... «Де іи шукаты?» Ажъ-ось, здается ёму, павутына й ёго основуе,—отъ-отъ—и винъ въ тенетахъ. Винъ рванувся, кынувся... Хочется, ёму забутыся, заснуты; перевернувся винъ зъ боку на бикъ... Сонъ—якъ видьмы вкралы!

Хтось рыпнувъ дверыма, ввійшовъ у хату.

— Се вы, дядьку?—пытае Чипка.

— Я,—одказавъ Порохъ.—А ты ще й доси не спышъ?—спытавъ ёго, й побрався до свого лижка, по другый бикъ хаты. Не пройшло десяты хвылынъ, якъ Порохъ захарчавъ.

«Щаслывый винъ!»—подумавъ Чипка.—Таке лыхо, а спыть безпешно...

II.

Зъ легкои рукы.

У-ранци вставъ Чипка зъ досадою въ серци, зъ дурманомъ у голови. Узявъ прозьбу, поклонывсь Порохови, пишовъ у судъ. Ще було дуже рано: никого зъ судовыкивъ не було въ суди; тилькы одынъ сторожъ пидмитавъ скризь по хатахъ пороскыдани шматочкы никчемного папиру, и цилу коробку ёго, разомъ зъ смиттямъ, высыпавъ у грубу.

— Та й ранній же!—сказавъ винъ, побачывшы Чипку.— Пидожды лышень. Ще никого нема.

Чипка сивъ на рундуци. Писля недоспанои ночи, писля згагы, осинння ранкова прохолода здавалася ёму такою хорошою—нибы ожывыла ёго. Голова потроху одходыла: веселиши думкы прокы-

далыся. Ранишне сонце облывало ёго мнякымъ свитомъ, пестыло ёго выдъ, очи, нагоныло сонне забуття. Чипка захытався—задримавъ. Ёго розбудывъ якыйсь гоминъ. Росплющывшы очи, винъ побачывъ,—цила купа людей увалыла въ двиръ. Въ одного зъ-за пазухы выглядавъ краёкъ папиру; въ другого на грудяхъ—наче горбъ вырисъ: то оддымався цилый хлибъ, узятый зъ дому на цилый день; у третёго—за плечыма торбына. Коженъ щось розсказувавъ другому; инчый розмахувавъ рукамы: всякого клопотало лыхо. Якось не знарошне поглядъ ёго впавъ на одного чоловика. На-ризно стоявъ винъ пидъ парканомъ—зажуреный, похнюпленый. Други посидалы, сміялысь, балакалы... А винъ стоявъ мовчкы, якъ обшыбленый, и, здается, ничого не чувъ, не бачывъ. Чипка подумавъ: мабуть не абы-яке дило и въ цёго!

Ажъ-ось—хтось крыкнувъ: «Секретарь иде!» Уси повставалы, насторошылысь. Пиднявся и Чипка. У воротяхъ показався сухый, перегнутый у трое, панокъ, зъ зеленымъ комиромъ, зъ блыскучымы кгудзыкамы. Чипка глянувъ на ёго. Борода ёму була гладко выголена; якъ та сокырка, выдалась вона впередъ, ховаючы въ прогалыни мижъ довгымъ носомъ и собою запалый ротъ, зъ сухымы тоненькымы губамы; голова трохы подалась назадъ; довга шыя выпьялась такъ, якъ у вола, колы ёго въ ярмо запрягають; въ грудяхъ одтопырылысь верхни краи хворменного сертука, застёбнутого внызу на два кгудзыкы—и робылы нибы горбъ, а на спыни бувъ справжній горбъ—ажъ до самыхъ плечей до тонкого, перегнутого стану. «Ну, и цёго перегнуло!» подумавъ Чипка. Секретарь Чыжыкъ,—то бувъ винъ самый,—увійшовъ у двиръ, обпираючись на довгый ципокъ,—якъ обпираются стари. Люде поздіймалы шапкы. Винъ озырнувъ усихъ своимъ мышачымъ поглядомъ—и пидступывъ до людей.

— И вы до насъ, Ёсыпъ Хведоровычъ?—осмихнувшысь, промовывъ до одного, выдно, полупанка, що стоявъ тутъ же мижъ народомъ.

Той поклонывся, розсказавъ свое дило. Секретарь пидступывъ до другого, до третёго—до всихъ по черзи. Знакомыхъ велычавъ на менняя; незнакомыхъ запытувавъ прямо: «А чого?» Дійшовъ и до Чипкы:

— Ты чого?

— Зъ прошеніемъ.

— Объ чимъ?

Чипка подавъ до рукъ прошеніе. Секретарь шморгнувъ носомъ; вытягъ ливою зъ-за пазухы, зъ червонымы розводамы, чорну хустку; обтерся и ставъ потыхеньку чытаты прошеніе.

— Ничого не буде!—виддаючы назадъ прошеніе, одказавъ винъ, навить не глядючы на Чипка.

— Якъ?—здывувався той.

— Такъ, документивъ нема!

— Та намъ же громада цю землю одсудыла.

— То що, що громада?

— А въ його хиба йе?—запытавъ Чипка про свого супротывныка.

Секретарь глянувъ, якъ пьятака давъ, и знову шморгнувъ носомъ.

— Пидожды,—сказавъ винъ Чипци, идучы въ хату!

Жде Чипка годыну, жде дви, жде вже й тры. Бачыть винъ: люде то прыходять, то выходять зъ суда, а його все не клычуть. Бере його нетерплячка; нудытся винъ. Колы це—выходыть сторожъ:

— Иды до секретаря!—сказавъ—и повивъ Чипку ажъ черезъ тры хаты, де сыдило багато судовыкивъ: одни за диломъ, други безъ дила.

— О-о! вже повивъ: чуе муха де струпъ!—сміялыся воны въ слидъ Чипци.

Чипка увійшовъ у невелычку хатку, де сыдивъ секретарь, обложеный кругомъ дилами. Сторожъ вышовъ—и прыхылывъ двери. Остався Чипка зъ секретаремъ вичъ на вичъ.

— Ага!—глянувшы на Чипку, сказавъ секретарь, та й знову впьявъ очи въ дило.

Чипка стоявъ у порога; мовчавъ.

— То тоби Порохъ прозьбу пысавъ!—не дывлячысь у вичи, спытавъ знову секретарь, нахылывшысь надъ диломъ—и щось черконувшы перомъ.

— Порохъ.

Мовчанка. Чипци ажъ важко стало.

— А що давъ?

— Ничого не давъ.

Секретарь неймовирно глянувъ на Чипку.

— Знаешъ що?—почавъ винъ—и запнувся.—Якъ пьятьдесять рубливъ,—то и дило можна поправыты.

— Х-хе!..—хекнувъ Чипка, не то усмихаючысь, не то дывуючысь.

— Чого ты хекаешъ?

Чипка мовчавъ.

— А де жъ та правда, колы такъ?—у голосъ подумавъ винъ.

Секретаръ змирявъ ёго зъ головы до нигъ своимъ мышачымъ поглядомъ, котрый, здавалось, казавъ:—Ой, якый же ты молодый та зеленый!

Чипка глянувъ на секретаря: очыма воны стрилысь. Мышачый поглядъ не выдержавъ палкого та гострого—и, въ одну мыть, перебигъ на дило.

Знову мовчанка.

— Ну, чого жъ ты стоишъ? И мене не держы, и себе.

— Рука бъ мени одсохла отъ по сю!—скрыкнувъ Чипка, показуючы на ликоть правои рукы,—та й повернувъ зъ хаты, не доказавшы.

— Овъ-ва!!—гукнувъ секретаръ у слидъ ёму.—Гарячый якый. Гляды лышъ, щобъ не опикся!—докинчывъ винъ, идучы за Чипкою.

Судовыкы спершу вытрищылысь на секретаря; потимъ провелы очыма Чипку.

Чипка гордо и смило ишовъ черезъ хату. Винъ бачывъ, якъ усмихалысь судовыкы, переглядаючысь мижъ собою и показуючы на секретаря.

— Сутяжыще!—бовкнувъ Чипка въ голосъ, выйшовшы на двиръ. Кровъ прылыла ёму въ голову; серце затипалось; на выду зблидъ, а очи свитылы, якъ у вовка. Люде, глядя на ёго, роз-

ступылыся; давалы ёму дорогу. Винъ потягъ напрямкы до Пороха.

— А що?—зустривъ ёго Порохъ.

Чипка ще хыжише засвитывъ очыма.

— Проклятый! каторжный! не даромъ ёго въ тры погыбели скрутыло.

— Якъ саме?

— Хоче пьятьдесятъ карбованцивъ. За мою землю пьятьдесятъ карбованцивъ!! Х-хе!! И кары на васъ немае.

— Отакъ воно завжды. Ты думаешъ, якъ воно робытся?—пидогривае Порохъ.—Не пидмажешъ,—не пойидешъ. Суха ложка ротъ дере... Ка-хи! ка-хи! Бачъ, якъ дере въ горли. Хочъ бы промочыты.

— А горилка йе?—якось понуро спытавъ Чипка.

— Кый бисъ, хочъ бы капелька,—порожня пляшка. Бачъ!—Порохъ показавъ пидъ викномъ порожню пляшку.

Чипка, мовчкы, вытягъ зъ кышени карбованця,—кынувъ на стилъ, а самъ заходывъ зъ кутка въ кутокъ по хати—хмурый, якъ ничъ; нимый, якъ домовына.

Порохъ обома рукамы схопывъ карбованця—та шморгъ зъ хаты! Незабаромъ вернувся зъ веселымъ поглядомъ и веселою всмишкою на выду, а въ рукахъ—зъ повною пляшкою, солоною рыбою талавыркою и невелычкою паляныцею.

— Не журысь!—сказавъ винъ Чипци:—повна пляшка. Выпьемо!—пидсолодывшы голосъ и на Чипку глядючы, каже винъ.—Добре, що чортяка вынисъ кудысь Гальку. Выпьемо! га?

Чипка мовчавъ.

— Будьмо здорови!—обернувся до ёго Порохъ—и перехылывъ у ротъ чарку горилкы.

— На здоровья.

— А нашымъ ворогамъ на пропасть!—додавъ Порохъ, пидносячы Чипци повну чарку.

Чипка выпывъ и соби.

— Що, посолодчало?

— Кый бисъ!

— Выпый ще,—посолодчае.

Пидносыть Чипци чарку. Посоловило въ очахъ; вдарыло въ голову. Винъ заходывъ по хати; роспустывъ языкъ; давъ волю серцю,—ставъ батькуваты, лаятысь. Порохъ, зайидаючы талавыркою пидогривавъ словамы.

Выпылы ще, ще... Очи въ Чипкы налылыся кровью, въ чоловичкахъ засвитылы огни. Коло серця—немае ни миры, ни вагы тому, що тамъ діется! Горилка змишалася зъ страшною злостю—и запалыла серце. Ажъ знемигся Чипка. Сивъ на трынижку коло столу, схылывъ на рукы голову,—заснувъ.

Порохъ ще довго солонцювавъ талавыркою, обсмоктувавъ кожну кисточку, коженъ шматочокъ; та выпывавъ по повній, ажъ покы не стало ни рыбы, ни паляныци, а горилка—тилькы на денци. Тоди винъ уставъ, заховавъ у грубу пляшку, на прощання, нахыльци, выпывшы и останню горилку—и ставъ ходыты по хати. Довго винъ ходывъ коло Чипкы, прыхылявся, прыслухався, торкавъ ёго, будывъ. Чипка спыть. Тоди Порохъ тыхенько просунувъ руку до Чипкы въ кышеню; вытягъ кесетъ зъ тютюномъ та гришмы—и радіючы, мерщій выбигъ на вспынячкахъ зъ хаты. Чипка проспавъ до обиднёи поры. Прокынувся, пидвився. Въ голови—дурманъ, у грудяхъ—згага. Давай винъ прыгадуваты. Перше всёго ёму на думку спала зигнута въ тры погыбели постать Чыжыка:—гнучка, холодна, якъ гадюка. Чипка махнувъ рукою; найшовъ шапку, надивъ на голову и выйшовъ зъ хаты. На двори зъ люлькою въ зубахъ, пьяненькый Порохъ, и всмихався.

— Прощайте!

— Куды?

— До-дому?

— Щаслыво.

Понисъ Чипка у Пискы задурманену голову, ще дужче помучене серце. Теперъ вже не жеврила въ души надія, не пиднимала въ гору ёго духу, не гнала впередъ, якъ у городъ. Одна

неправда та втрата—всёго наймылишого, найлюбишого—пекла ёго серце. Винъ ишовъ, ледве здіймаючы ногы.

Надъ вечиръ доволикся до Максымового хутора, до своеи земли. Ёго обдало холодомъ,—потимъ—обсыпало жаромъ. Поривнявшысь зъ хуторомъ, винъ спынывся. «Не чуть, нема, все пропало! Ще вчора бачывъ, ще вчора. Мабуть и вона зна. Карай же васъ смерть нагла, прокляти»! Винъ прыдавъ ходы въ ногы.

Помынувъ свою землю, навить не глянувъ въ неи. Дали та дали. Уже сонце зовсимъ сило. Уже смеркло, якъ дійшовъ винъ до Писокъ. Зъ неба блыщалы ясни зори; по селу—то тамъ, то тамъ свитылося въ невелычки виконця свитло; а въ Гальчынимъ шинку топылось у печи—здавалося горила хата зъ середыны. Ось и ёго двиръ. Кругомъ тыхо; въ хати темно; не свитыться. «Мабуть маты спыть,—подумавъ винъ.—Нехай же спыть!»

И повернувъ до шынку.

— Сыпъ горилкы, Галько!—гукнувъ на жыдивку.

— Сцо це воно буде?—усмихнулась жыдивка на Чипку глядючы.

— Винъ прямо побрався за стилъ, на покутя.

— Не пытай, давай швыдче!

— Не крыцы, не злякалася. Дывысь, скилькы зъ хоцъ?

— Та сыпъ, що хочъ, гаспыдське кодло!

— Цы ты не здуривъ бува? Ну? Сыпъ. Давай попереду гросы!

Чипка полапавъ у кышени: ни кесета, ни грошей. Винъ скынувъ свыту:

— На! та давай швыдче!—и швыргонувъ черезъ стилъ свыту.

— Сцо мени съ твоеи свыткы? Вона мени не потрибна.

Одынъ зъ чоловикивъ, що сыдилы въ шынку, та мовчкы дывылыся, що це робытся зъ Чипкою, пидвився зъ лавы, пиднявъ зъ долу свыту, стряхнувъ, повернувъ у рукахъ на вси бокы.

— «Сыпъ, Галько! каже.—Я за свыту карбованця ложу.

— Сцо ты карбованця!—закрычала жыдивка, вырываючы зъ рукъ свыту. Цого ты мисаесся не въ свое дило! Вона твоя? Винъ заставля.

— Такъ чого жъ ты ерепенышся? Каже парубокъ: сыпъ,— ну, и сыпъ.

— Сыпъ, сыпъ,—запорощала жыдивка. Скилько зъ сыпаты?

— Та давай, щобъ тоби дыхаты не дало, проклята душа! Сыпъ!—гукнувъ Чипка на всю хату и ударывъ кулакомъ по столу—ажъ викна здвыгнулы.

— Ну, цетвертыну всыплю.

Жыдивка мотнула зъ свытою въ другу кимнату, кынула на бебехы свытку, а сама вернулась зъ четвертыною горилкы, поставыла іи передъ Чипкою, та й знову пишла до себе. Вона була сердыта, що такъ дорого досталася ій свыта.

Выпывъ Чипка одну чарку, выпывъ другу, выпывъ и третю. Дзенькало въ голови, посоловило въ виччю. Люде мовчкы дывылысь; одначе нихто не зважывся першый забалакаты.

Колы це—ввійшовъ у хату Якымъ Кабанець.

— А що це Чипка? И ты вже?.. обизвався.—Выпьемо, значыть?..

— Выпьемо,—понуро одказавъ Чипка. А дали смилише; выпьемо!—А це вже гукнувъ на всю хату:—Выпьемо, дядьку, такъ, щобъ ажъ мозокъ у лоби закрутывся! Та—грякъ по столу кулакомъ. Забряжчалы пляшкы и чаркы, трохы не попадалы додолу...

Тутъ уже и други прымовылысь. Слово по слову, чарка по чарци,—полылася зъ ротивъ розмова, а въ роты—горилка. Пидоспилы ще людци. Прыйшовъ старый Кулыкъ, що одынъ на все село носывъ ще оселедець. То бувъ уже старый дидъ, кремезный ще нивроку. Ёго скризь по селу зналы, якъ чоловика пысьменного: винъ завжде було на крыласи спивае, посередъ церквы апостола чытае. А на языкъ соби вдався—балакучый, а надто за чаркою. Та любывъ такы и выпыты. Бувало, въ недилю, писля обида, прыйде въ шынокъ, та й почне теревени то-

чыты,—та все по пысьменному, по церковному. Зійдутся въ шынокъ людци розважытысь, зъ людьмы посыдиты, побалакаты; визьмуть пивкварты, кварту, щобъ було чымъ горло промочуваты—и дида не мынуть. Тоди винъ хочъ до свита вже буде сыдиты та брехаты, абы слухалы. Иноди було насмишыть беседу—ажъ за жывоты берутся; не вряды-годы и зъ его покепкують—зъ его сывого оселедця, що ажъ за ухомъ закрутывся; а все-такы чаркою не мыналы николы. И Кулыкъ що свято въ шынку.

Прыдыбавъ винъ и теперъ. За нымъ—други, трети. Засилы кругомъ столу коло Чипчыной горилкы; пьють соби; патякають; люлькы цмокчуть. Найбильше тамъ було дворовыхъ. Выпущени на волю, якъ птыця, безъ оселі, безъ землі, безъ прытулку,—воны шукалы соби оселі по шынкахъ, щобъ швыдче скоротаты ти тяжки два рокы, котри воны повынни булы одробыты. Ще по панськыхъ дворахъ воны позвыкалы въ горильци кыснуты, іи пьянымъ хмелемъ пидсоложуваты свое гирке жыття: не покынуты жъ було своеи втихы теперъ!—И воны мерщій кыдалы панськи дворы, та ходылы видъ шынку до шынку. Колы не було за що выпыты, пиджыдалы,—може хто пиднесе чарку—другу. Шынкове панибратство завжде знайдется. Попрыходылы воны теперъ,—Чипка не обмынувъ и ихъ чаркою. Якъ пидпылы вже, то той заспивавъ зъ пьяныхъ очей, той бидкався, куды его прыстаты, якъ зъ паномъ розвяжется. А Чипка не дослухается. Въ одній сорочци, росхристаный, одно кружае тай кружае, крычыть, батькуе, по столу кулакомъ гамселыть, якъ навиженый.

— Що це воно за знакъ, Чипко?—пытае его Кабанець, колы Чипка знемигся трохы;—ты жъ, мовъ, до сего дыва не тее?..

— Не вжывавъ?... Ни!... А теперъ буду.

— Чого жъ це такъ!

— Бо нигде немае правды... нема добра... и земля пропала!—Ну, и гуляй!

— Та де жъ твоя земля дилася?..

— Де?.. взялы!.. однялы гаспыдськи пьявкы... пропала!.. А земля пропала—все пропало.

— Такъ, такъ,—пидхопылы дворакы: безъ земли—що?.. Безъ земли—жыття нема!

— Рыба безъ воды, а чоловикъ безъ земли—гыне,—увернувъ Кулыкъ по пысьменному.

— Эгъ жъ, эге. А колы такъ—пый, покы пьется; гуляй, покы гуляется! Безъ земли... все по-боку! На що воно? Навищо теперъ корова, кобыла, вивци?... Га?... Навищо?... Гуляй, душа безъ кунтуша!—Та—бухъ! по столу кулакомъ. Стилъ заходывъ ходоромъ; чаркы и пляшкы заторохтилы, одна чарка навить упала до-долу, пидъ стилъ,—та нихто не полизъ іи доставаты: вси задывылысь на Чипку... А винъ знову за свое:

— Дядьку Якове! Нихто не зна... о-охъ!.. нихто не зна... Прокляти! Пьятьдесятъ рубливъ хотилы за землю. Не въ земли сыла, не въ земли вона була... ни!... Земля—що?.. Земля!... Хлибъ родыть, якъ коло неи походышъ; хазяиномъ робыть. Сказано: земля! А безъ земли—все пропало... все!...—Чипка прыдавывъ на останнёму слови, повивъ гризно по хати очыма, заскрыготавъ зубамы, положывъ на стилъ рукы, схылывъ на ныхъ голову—та й прытыхъ. Люде дывувалыся, поглядаючы на Чипку,—дывувалыся ёго непевнымъ речамъ, а про те—пылы ёго горилку, покы до капли выхылылы. Тоди де-хто давай рушаты.

— А ну, Мыкыто: часъ до дому! каже, ледве стоячы на ногахъ, одынъ крепакъ до другого, що сыдивъ та слухавъ, якъ Кулыкъ розсказувъ про Йосыпа, запроданого братамы.—Чувъ, Мыкыто, рушай!

— Пидожды трохы,—одказуе Мыкыта.

— Чого?... Ходимъ, кажу, а то покыну!... Ій-Богу, покыну!.. Той зостанешся зъ отымъ оселедькомъ ровы лычыты,—дарма що винъ по пысьменому балакае.

— А Кулыкъ глянувъ на крепака, похытавъ головою—и залепетавъ:

— Аще, аще... еда... егда... бо... созда мыръ... Сатанаилъ заздры... Согришы Адамъ зъ Евою... нехай царствуе!... Людіе! одъ слуха зла не убоимся...

Максымъ прыслухався. Одже, якъ почувъ, що це вже ричь не про Ёсыпа,—уставъ, выйшовъ за сусидомъ зъ хаты. Хто тве-

резійшый, соби ставъ за шапку братысь. А зосталыся сами пьяныци. Той харчавъ, звалывшысь пидъ лавкою; той сыдивъ, обпершысь спыною объ косякъ викна, та здрыгувавъ—змерзъ! а дехто выводывъ не своимъ голосомъ якусь пьяныцьку писню—чы про «журбу впрямую», чы про неслухняну «долю».

Ажъ передъ свитомъ приплився Чипка до-дому, ледве на ногахъ стоячы—пьяный—пьяный, пьянійшый земли.

Якъ глянула Мотря на ёго, то й перелякалася.

— Що це, сыну?!.. на якыхъ це радощахъ?..

Чипка сивъ на лави, схылывъ голову.

— Де це твоя свытка, шапка?.. Заходывъ, кажешъ, не тилькы гроши, та й те.

— Свытка?... шапка?.. Нема!... На що вона?... Навищо все, колы... у-у... у... Завывъ на всю хату, мотнувъ роскудланою головою, засвитывъ повнымы слизъ очыма. Матерыне серце мовъ хто въ жмени здавывъ. Давай вона ёго умовляты!.

— Навищо це ты, сыну, самъ соби лыхо робышъ? Це жъ ты самъ себе зъ свита зжываешъ!... Плюнь ты на ту землю!... Щожъ робыты? Жылы жъ безъ земли килька литъ, та хлибъ йилы... и теперъ не сыдитымемо безъ ёго. Ты тоди малый бувъ; сама пучкамы та ручкамы заробляла,—та не померлы зъ голоду. А теперъ—не те, що тоди!.. Теперъ и ты заробышъ и я допоможу. Що жъ робыты? На все Его святая воля!

— Этъ, толкуй!.. Немае теперъ у мене ничого—а ни-ни! Що теперъ я?.. Людськый попыхачъ, наймытъ?... Пропало... все пропало! И добро и душа пропала... бо немае правды на свити... немае мижъ людьмы. Теперъ мое щастя—ось-ось було, та... вплыло!. Чипка розвивъ рукамы—и задумався.

— А все люде, все люде. Воны въ мене и батька однялы, людойиды; воны мене ще змалку ненавыдилы:—зъ играшокъ прогонылы, ишлы поузъ хату, одхрыщувалысь Я малымъ бувъ, а все бачывъ. За чортеня счыталы... баба вчыла мене людей прощаты, а дидъ—любыты. Дурни! дурни!—не стоилы воны слова доброго. Ихъ мучыты... му... мурръ...

Та—пуцъ! на землю. Та й захарчавъ.

Мотря встала, вытягла зъ пидъ себе рядныну, вкрыла нею Чипку, перехрестыла ёго, сама перехрестылась, лягла на голому полу, та сонъ уже не йшовъ ій на думку. Стоялы передъ нею давни лыхи рокы, прыгадала вона свою кроваву працю; перескочыла іи гадка на свого чоловика—москаля. Де винъ?... що зъ нымъ сталося?.. Може, роспывся, розволочывся, та такъ де-небудь пидъ шынкомъ и Богу душу виддавъ. Глянула на сына, що, якъ той снипъ, лежавъ на доливци—харчавъ, и стыха прошептала: «Господы! схороны ёго и заступы»!

Прокынувся Чипка—вже геть пидбылося сонце. Голова крутытся; коло серця пече—мовъ гадына смокче кровъ зъ ёго. Походывъ винъ, походывъ по хати; не глянувъ навить матери въ вичи;—выйшовъ, нибы до худобы, та й потягъ—не въ загороду, а прямисинько до Гальки. На третій день—зновъ на ослони въ шынку. На четвертый—тамъ ёго сонце праведне стритыло, тамъ и ничъ темна прывитала.

III.

Товарыство.

Пьючы та гуляючы, пидобравъ соби Чипка трёхъ товарышивъ щырыхъ: Лушня, Матня та Пацюкъ,—одна думка, одна гадка. Вси воны однаковыхъ литъ; не то щобъ стари, не то—и молоди,—вже пидтоптани парубкы. Лушня бувъ шырокоплечый парубыще, высокый, бравый, зъ хорошымъ панськымъ лычкомъ, зъ чорнымы гарнымы вусамы, зъ карымы, веселымы очыма. Воны такъ и говорылы въ ёго! Та здается на ёму и шкура говорыла,—такый балакучый.

Пацюкъ соби худощавый, ызенькый, мышастый,—справжній Пацюкъ, такый и прудкый; говиркый, спивучый,—на сели першый спивака.

Матня одризнявся одъ усёго товарыства и норовомъ, и околомъ. Якый завтовшкы, такый завбильшкы; неповоротный, неохайный. Голова велычезна; облыччя татарське, кругле

якъ гарбузъ; ногы коротки та товсти, якъ стовпци. Не любывъ винъ ни балакаты, ни спиваты, а любывъ на свити одну тилькы горилку: дудлывъ іи, якъ воду, и у тому покладавъ усю свою втиху.

Булы воны вси три панськи, и повыросталы по панськыхъ дворахъ. Лушня бувъ пана Совынського, а Пацюкъ та Матня— пана Польського, того самого, що и Чипчынъ батько.

Матня та Пацюкъ узяти въ двиръ ще малымы пидлиткамы; першый—видъ плуга, другый—видъ овець. Гирко було имъ розставатысь зъ батькомъ, матирью, братамы и сестрамы, та товарышамы, такымы жъ хлопцямы, якъ и воны; тяжко кыдаты ридне дворыще, де имъ знакоми булы вси закуткы, де ихъ родыла и пестыла маты; зелени степы, де воны выкохувалы хлопьячи сылы; гирко було кыдаты, яке не йе, свое, и йты до чужого, до панського. Та що ты вдіешъ супроты панськои воли? Панови треба... на те въ ёго и крепакы, що треба!—Якъ не плакалы, якъ не благалы матери пана—выкладалы ёму, що билоголови сыны ихъ, якъ старшеньки, едына помичь у трудній праци,—та не помоглы ни слёзы, ни выкладкы. Панъ ще розгнивався, що ёго панську голову якись сельськи жинкы клопочуть такою дурныцею. Та й звеливъ попрогоныты матирокъ зъ двору.—Пишлы матиркы, понеслы невымовлени проклёны на устахъ, гиркый жаль у серци. А сыны ихъ зосталыся въ двори пидпасачамы: одынъ коло скоту, другый—коло овець.

Лушня родывся и выроставъ у панському двори. Умеръ старый Лушня, що жывъ на Вовчій Долыни, на хутори; покынувъ дочку—дивку на свити.—Однымъ одна робоча сыла въ симьи, бо маты вмерла, а сыроты, якъ кукиль, зосталыся. Якъ на те, панови заманулось покоивкы. Іи ото и узялы до панськыхъ покоивъ,—бо, на лыхо соби, и не погана була. На іи жъ мисце перевелы на хутиръ симью зъ двору. Спершу плакала дивка, та боялась усёго, а найбильшъ—якъ бы догодыты старому панови. Та выдно, догодыла такы, бо черезъ рикъ зъ дивкы стала молодыцею, породывшы билолыцёго, чорноголового хлопця Тымошку.— Якъ пиднявся Тымошка на ногы, ставъ розбыраты всячыну, то

ёго взято за лакейчука до молодого пана,—старого тоди вже не було на свити,—чыстыты та набываты тютюномъ люльку, подаваты воды, а бильше всёго стояты въ кутку переднёи, коло дверей кабынету, на случай якого прыказу. Всёго натерпилося хлопья. Иноди, довго стоячы, на ногахъ засыпало, падало до-долу. Панъ тоди не то, щобъ одсылавъ спаты,—ни: выбывшы добре, щобъ не бувъ такый сонлывый, становывъ навколишкы на всю ничъ. А иноди, щобъ не задримавъ, бува, и на вколюшкахъ, пидсыпавъ гречкы пидъ голи колина. Було и такъ, що панъ, не знаходячы довго чого-небудь зъ своихъ розставленыхъ по столу цяцёкъ,—до хлопця, та бывъ за те, що той нибы покравъ, тоди якъ, роздывывшысь гараздъ, цяцькы або стоялы, або лежалы тутъ же передъ носомъ. Набачывши, знову бывъ за те вже, що хочъ не вкравъ, то замирявся вкрасты, бо поперестављявъ усе. Гирко прыйшлося хлопцеви таке жыття, злисть накыпила въ молодому серци. Колы не вкраду, то бьють—дума самъ соби—за те, що посягаю вкрасты; то хай же краще бьють за те, що краду! И черезъ рикъ, черезъ два, зъ малои та доброи дытыны зробывся якыйсь лыхый злодіячка, котрому ничого вкрасты все, що тилькы блызько лежало коло ёго, и божытысь—прысягатысь, що винъ и спомъ, и духомъ не знае, якъ воно опынылось у ёго въ кышени. Може хто другый пидкынувъ, щобъ тилькы ёго выбылы,—выправлявся винъ. Тымошку знову за це былы, тяжко былы; та бійкою ничого не взялы.—Пидрисъ винъ,—ставъ ще хыжишымъ, ще запеклишымъ. Украде, бувало, якый пустячокъ, та й пидкыне другому, щобъ видъ себе очи одвесты; а добре що вкраде, то такъ заховае самъ, що не знайдуть. А оглянутся, стануть допытуватысь,—винъ ще и выказуе: оттой, мовъ, або отта вкрала! Безневынныхъ бьють, а винъ соби нышкомъ крадижку пожыве, та й сміется потайне.

Злодійкувате жыття не по души самому запеклому злодіеви. И въ такого иноди бувають часы, що оступлять ёго добри думкы—мучать ёго, розрывають. Людська совисть не замырае въ самій запеклій души. Не замерла вона и у души Тымохвія Лушни. Бувалы таки годыны, колы винъ, згадуючы свои вчынкы та без-

путне жыття, самъ соби думавъ: «А може жъ воно и грихъ такъ робыты? Може, за все те оддячытся—хочъ не на симъ, то на тимъ свити!»...

Страшно ёму стало, и разомъ тяжко, соромно. Тоди винъ, щобъ хочъ трохы розважытысь, щобъ погасыты проминь огню въ мученій души—прыхылявся до шкляного бога; прывчывся горилочку вжываты. Помитылы разъ ёго пьянымъ,—выбылы добре на конюшни, прогналы зъ горныць, наставылы кучеромъ. Це було литъ за двое передъ волею. Ёму було тоди литъ двадцять.

На стапи вильнише трохы, нижъ у горныцяхъ. Тамъ—що не зробывъ, панъ бачыть, бо зъ своихъ очей не спускае; а тутъ—хочъ и бачать паньски кони, та никому не скажуть. Переднёи покынуты не можна; а зъ стани—колы не въ день, то въ ночи вырвешся. Лушня встрявъ у шынкы. Тамъ винъ зазнався зъ Матнею и Пацюкомъ. Ци—тежъ повыросталы въ неволи. Хоча вильни степы та шыроке поле, де воны въ-литку скотъ паслы, одводылы трохы ихъ зимлило души: за те зимня пора налягала на ихъ плечи важкою вагою и давыла обохъ... до горилкы! Поробылыся воны пьяныцямы, волоцюгамы, злодіякамы. У шынку побраталыся зъ Лушнею. Побраталася и таемна крадижка; сховы та переховы, та нични пропои накраденого сталы ихъ товарыською роботою.

Мучылысь-мучылысь паны зъ нымы, та не диждавшы и тыхъ двохъ рокивъ, що крепакы повынни булы одробыты писля воли (а рокы ти здалыся довги-довги, тяглыся викамы)!—повыганялы ихъ зъ двору на вси чотыри.

Не маючы ни земли, ни осели, ни прыстановыща—ни пидъ собою, ни за собою, ни передъ собою,—якъ вильна птыця въ поли, якъ дыкый звиръ у бори,—хлопци розбрелыся по селу. Де ёго прыстаты? де голову прыклоныты, заховатысь часомъ видъ лыхой годыны? Ще пидъ будень сякъ-такъ: де-небудь на роботи,—въ жыдивъ дрова рубаты, въ людей молотыты, віяты, косыты. А якъ вечиръ настане або свято, або зоставсь хто якый день безъ роботы... Хочъ пидъ греблю! Ниде прытулку немае,—нигде прыстаты спочыты. У сели дви мисцыны не куповани.

Одна—вулыця, друга—шынокъ. Тилькы на вулыци не безпешно. Ляжешъ пидъ тыномъ спочыты,—собакы стягнуть; посередъ улыци—найиде хто, а хочъ не найиде—волосни пиднимуть, запруть у чорну, подумавшы, що пьяный. Зостався—шынокъ. И за шыю не лье, и тепло, и людно. Йе де, хочъ не роскишно, спочыты—пидъ лавкою; йе зъ кымъ розважытысь,—побалакаты, заспиваты, выпыты. Ставъ и нашымъ хлопцямъ шынокъ—риднымъ батькомъ, горилка—матирью. Въ шынку воны малы соби захыстъ, прытулокъ; чарка горилкы стала имъ порадою и одрадою. Шынокъ николы не пустуе: то той, то другый. И наши хлопци тамъ! Якъ перепаде чарка горилкы—за́ упоко̆й раба Божого, за здоровья нарожденного, або й такъ по прыгоди,—то й добре! Веселыи, спивають воны, колы спивають ти, що частують, а плачуть,—колы воны плачуть. Якъ же выпадавъ колы такый несчасный день, що ни роботы, ни въ шынку никого,—а въ самого ни крихты хлиба, ни шага грошей—йисты, ажъ шкура болыть, выпыты ажъ за серце ссе... не грихъ тоди и пидняты, що легко лежыть!

Зъ оцимы то злодійкуватымы ледацюгамы, гультипакамы спизнався Чипка. Тыняючысь зъ шынку до шынку,—стривъ винъ ихъ разъ, у-друге, якъ частувавъ кожного, хто пидвертався пидъ руку; воны заразъ же такы и втерлыся до ёго въ товарыство. Пылы на ёго коштъ; гулялы за его добро, розсказувалы ёму свое бидолашне жыття, про свою гирку долю,—прывернулы ёго жалисне теперъ затроюжене несчастямъ серце,—и потоварышувалы. Цилый день пьють та гуляють по шынкахъ, гуляють иноди и за пивничъ, а передъ свитомъ идуть до Чипкы высыплятысь. Высплются, выкачаются, визьмуть зъ собою Чипку, та зъ добра ёго що-небудь,—та знову въ шынокъ. Такъ кожнисинького дня.

Мотря сперше дывылася на таке безпутне жыття, та плакала, та вговорювала Чипку; потимъ того—лаяла, ганьбыла, а дали бигала въ себе по вгороду, по вулыци, та крычала-репетувала:

— Ой, лышенько! пропала жъ я теперъ, погыне моя бидна головонька. Теперъ же мени все одно, що зъ мосту та въ воду.

Стриваютъ люде, жалкують, роспытують.

— Та якъ же? якъ же?—розсказуе кожному зъ плачемъ Мотря; любый та мылый бувъ, а тожъ зразу на́ тоби, та цыть! Не пережыву жъ цёго, не зможу. Свытку пропывъ, одежу всю—въ однiй сорочци, якъ харцыза, якъ махамедъ якый! Уже третю вивцю пропывае. Тай товарыство пидибравъ пидъ пару,—волоцюгъ усёго свита. Боже мiй!! що жъ теперъ робыты мени, биднiй?

— Вы бъ его вмовлялы; вы бъ его словамы ганьбылы,—радылы люде Мотри.

— Чы я жъ не вмовляла, чы я не благала?! плаче Мотря.—Та я жъ ёму не словамы,—я ёму слёзамы вылываю, гиркымы докорамы очи выбываю. Та що зъ того? Сказано,—якъ объ стину горохомъ!..

— То вы бъ у волость. Хай ёго зъ тыждень подержать у холоднiй! вытверезытся—опамьятается; а то ёму паморокы забыло...

Послухала Мотря людськои рады,—пожалилася въ волость. Узялы Чипку пьяного, сыломиць посадылы въ чорну.—Не счувся якъ и заснувъ.

Надъ вечиръ, оглянутся товарышы,—нема мижъ ными Чипкы. У-вечери пишлы,—та якъ чорна була лыхенька вже,—воны iи продралы и выпустылы невольныка.

Иде Чипка до-дому. У голови—хмиль; на серци зло... А тутъ ще зъ-заду иде Лушня, прымовляе:

— Яка вона тоби маты? жалитыся на сына?! Хто назве iи писля сёго матирью? Садовить, мовлявъ сына, въ чорну: черезъ ёго мени жыття немае! Де се воно таке на свити выдано?!

Не йде Чипка—летыть до-дому; не дыше—огнемъ паше—и, якъ скаженый быкъ, налитае на хату. Брязь!—одно! Дзень—друге... Посыпалось трете. Грюкъ! ногою въ двери. Полетилы и двери въ сины.

Мотря зъ переляку зализла на печи ажъ у кутокъ. Убигъ Чипка въ хату, крычыть:

— Де вона? де стара видьма? Чы не замижъ бува забажала? Може бахуривъ навесты заманулося? То щобъ сынъ не перечывъ,—у чорну ёго!

Уразылы таки гадючи слова матерыне серце. Якъ пидстрелена горлыця типается-бьется, тыхо туркоче и стогне: такъ маты затипалась на печи въ куточку, та стыха, гирко промовыла до сына:

— Побійся, Чипко, Бога! Подумай, що це ты кажешъ?! Мени свитъ немылый, мени... не доказала залылася гиркымы слёзамы...

— А мени? Мени—ты думаешъ, легко жывется?! У мене, може, серце видъ болю якъ не розирвется! якыйсь иродъ у ёму мовъ свердломъ крутыть. Такъ же мени—на?!

— На що жъ ты пьешъ, сыну? Чы воно тоби легшае? Слухай отыхъ братчыкивъ, що понаводывъ зъ собою, то воны тебе пидведуть! воны будуть, покы въ тебе буде; а якъ не стане, то де й динутся.

— Не брешы, стара!—перебывъ іи Петро Пацюкъ.

— Хай же ты, молодчый, будешъ брехаты, а мени, старій, не прыходытся!

— И що то воно за маты, колы иде на сына жалытыся?—пиддае Лушня олію Чипци.—Хиба то йе маты?! Якый добрый чоловикъ скаже путне слово про неи?! Не те, щобъ покрыты сына. Чы бачыла що, кажы: не бачыла; чы чула,—не чула! Ни! вона заразъ: ось, мовъ, якый мій сынъ. Берить ёго, люде добри, та садовить у чорну! Яка жъ вона маты?

— Бачъ, що кажуть люде?!—гука Чипка.—Чуешъ, що кажуть...

— Люде?!—сумно, гирко, зъ плачемъ, промовыла Мотря,—та бильше не змогла и слова вымовыты: умываючысь слёзамы, замовкла.

Довго ще Чипка гукавъ, довго крычавъ, та вытягшы зъ скрыни матерыну нову билу свыту, майнувъ зъ товарыствомъ до Галькы.

Стояла вже пизня осиння пора. Холодный витеръ врывався въ побыти шыбкы, и навпростець віявъ у розчынени двери, що покынувъ за собою Чипка. Мотри зробылось морозно. Устала вона зъ печи, щобъ хочъ двери зачыныты. Гляне—въ хати, якъ у пустци: стилъ перекынутый, горшкы побыти, скрыня розчынена. Кынулась Мотря до скрыни,—та й охолола. Тамъ усе перевернено, перекыдано, порыто—и свыты немае. Мотря такъ и впала на скрыню!

— Боже жъ мій, Боже! скилькы я литъ працювала, скилькы ничокъ не досыпала, думокъ передумала, здоровья вкоротыла, покы сёго добра наскладала! А теперъ—ридна дытына все по шынкахъ розносыла!

Слёзы такъ и покотылыся; жаль та досада давыть одурене матерыне серце. Насылу пиднялася зъ скрыни.

— Боже! Велыкый заступныче!—замолылася, здімаючы рукы до Бога: едына надія, едына утиха,—та й та мене одурыла! Побый же ёго свята Твоя сыла,—де винъ ступнемъ ступыть, куды винъ лыцемъ повернется, колы винъ такъ зневажывъ матиръ стару! Дай ёму, Господы, диждаты такои шаны та честы видъ своихъ дитокъ. Та звьязавшы останне свое збижжячко въ клуночокъ, перекынула черезъ плече, перехрестылася—и пишла до сусиды, старои бабы-пупоризкы, що жыла недалеко видъ ихъ дворыща.

Немае тоди Чипци впыну, немае заборона,—бо и у хати никого немае. Такъ, зъ побытымы викнамы, стояла вона на край села пусткою.—А Чипка—одно: гуляе, зъ шынку до шынку сновикгае, та знай тягне зъ господы все, що тилькы на очи навернется. Пропывъ уже кобылу, корову, овець, свыню, навить усю одежу. Зосталося тилькы те, що на ёму: латана свытка, драни штаны, та однымъ одна сорочка,—чорна, якъ у дёготь вымочена. Босый, голый, безъ шапкы, ходыть винъ по селу видъ шынку до шынку, день у день, ничъ у ничъ; а передъ свитомъ, якъ домовыкъ, иде въ свою пустку. Ничого нема! Тилькы и зосталося, що въ току стижкы недомолоченого хлиба.

— На що то въ тебе хлибъ гніе въ стижкахъ?—разъ пытае ёго Лушня. Продай ёго жыдамъ; усе жъ гроши! А то такъ и пропаде!

— А справди,—промовывъ Чипка.

На другый день кынулысь хлопци вышукуваты купця. Чипка шукавъ свого чоловика та не знайшовъ. Лушня зъ Пацюкомъ метнулысь по жыдахъ. Найшлы купця швыдко и повелы на вгородъ, де ходывъ Чипка коло стижкивъ.

— Чипко!—гукнувъ Лушня ще за дворомъ:—купця ведемо.

— Жыда?

— Эге жъ.

— Жыдови не продамъ!

— Тю-тю! Чому? якый чортъ не купывъ, то купывъ, абы гроши давъ.

— Адже я жыдови не продамъ.

— Жыдъ пишовъ навкругы стижкивъ обдывлятысь. Высмыкуе колоскы зъ середыны, вымына на долони, роздывляется.

— А по цому буде!—пытае тоди.

— По карбованцю дасы?—каже Лушня.

Чипка стоявъ одсторонь коло одного стижка, та въ землю дывывся, миркувавъ щось.

— Ой, вей! за цей гній?--скрыкнувъ жыдъ.

— А по чому жъ ты думавъ?

— По копи зъ сагомъ, бильсе не мозна даты.

— Иды ты къ бисовому батькови—одрубавъ Чипка, та й пишовъ самъ до хаты.

Лушня та Пацюкъ зосталыся на току зъ жыдомъ.

— Це, Овраме,—каже Лушня, за таку цину ты ниде не купышъ.

— Це не такый хлибъ, Овраме, якъ ты думаешъ,—увернувъ Пацюкъ:—це хлибъ хазяйськый. Мы це знаемо. Мы знаемо, якъ винъ сіявся, якъ и складався. Тутъ хиба зверху трохы затекло, а то тоби—якъ порохъ сухе. Ось дывысь!—Та й высмыкнувъ зъ середыны стога жменю жыта.

Жыто було справди добре: колоскы товсти, довги, повни сухого зерна.

— Ось на, подывысь—яке жыто.

Жыдъ хочъ самъ уже вымынавъ колоскы и роздывывся певно добре, що то за жыто; а про те ще взявъ колосокъ у жменю, вымнявъ и розглядавъ зерно. Лыце ёго ничого не выказувало—ни похвалы, ни огуды; тилькы ледве прымитни искоркы зажеврилы на одну хвылыну въ ёго чорныхъ очахъ, та й потухлы. Винъ почухавъ бороду.

— Не скупысь, Овраме,—прыстае Лушня:—мы тоби ёго и вымолотымо, до розуму доведемо.

— Ну, сцо зъ, не скупыся? За висцо ёго бильсе даваты?!

— Якъ завищо?—за хлибъ! Глянь: якъ одно тоби зерно. Чысте, повне, не молоте бъ йивъ!—Лушня справди взявъ килько зеренъ у ротъ—и жувавъ.

— Та сцо зъ по карбованцю?!

— Та ни, не по карбованцю,—одказуе Лушня:—винъ дешевше виддасть.

— Де зъ хазяинъ? Цому винъ не йде торгуватысь?

— Винъ у хату пишовъ, мабуть, воды напытысь. Побижы лышень, Петре, та клыкны!

— Чипко! Чипко-о!—гукнувъ Пацюкъ, до хаты йдучы.

— Чого?—подае голосъ Чипка зъ хаты.

— Иды жъ кинчать, чы що.

— Я сказавъ: жыдови не продамъ.

— Чому?

Чипка не обизвався. Пацюкъ пидождавъ трохы. Чипка не выходывъ зъ хаты.

— Идить сюды, до хаты!—гукнувъ Пацюкъ на Лушню зъ жыдомъ.

— Ти рушылы, ведучы все-такы розмову про жыто.

— Ни, ты, Овраме, не скупыся,—каже Лушня. Хлибъ, я тоби скажу, такый, що отъ мы скилькы молотылы, а не бачылы такого на сели!

— Та сцо хлибъ? Хлибъ,—якъ скризь хлибъ.

— Та ни! То не зъ тіеи земли. Це тоби хлибъ зъ цилыны, та ще такои цилыни, що рокивъ зъ десять ни рала, ни плуга не бачыла. Це зъ сытои земли хлибъ,—роспынався Лушня.

Тутъ воны саме дійшлы до хаты.

Чипка сыдивъ соби въ хати, мовчкы, наче зажурывся. Якъ ще не прыходылы товарыши зъ жыдомъ, винъ обдывлявся тяжкою працею наскладани стожкы. Чорни зъ-окола, воны уразылы ёго серце, перемчалы ёго думкы въ той недавній часъ, колы винъ—ще весною—назыравъ оцей самый хлибъ зеленымъ, якъ рута, буйнымъ, якъ дерево,—колы зустрився зъ Галею, —балакавъ, жартувавъ зъ нею. Колы винъ жавъ ёго, рано встаючы, пизно лягаючы; вьязавъ у снопы; складавъ у копы; возывъ; складавъ на току, почуваючы себе хазяиномъ,—голублячы въ серци надію вдвохъ се добро пожываты. Теперъ та надія почорнила, якъ и ёго колысь зелене та золоте жыто.

Бровы въ ёго насупылысь; коло серця, мовъ чорна гадына, обвывся жаль.

— Ни, не продамъ! хай краще загыне на моихъ очахъ, а не продамъ!—думавъ винъ.

На той часъ Лушня зъ жыдомъ напрямылысь у хату. Чипка выскочывъ на поригъ, та якъ одрубавъ,—гризно промовывъ:

— На що вы ёго ведете сюды?—Хлиба я не продамъ!

Уси здывувалыся, ажъ поторопилы.

— То колы не продасы,—загвалтувавъ жыдъ:—на сцо зъ було мене водыты? Мени николы, въ мене сце онъ скилькы дила, а воны водять! Та й побигъ зъ двору. Чипка заховався знову въ хату; Лушня и Пацюкъ, похнюпывшы головы, за нымъ увійшлы.

— Чы ты не здуривъ, Чипко?—трохы перегодя пытае Лушня.—Такого дорогого купця, та видослаты. Кому жъ ты хлибъ збудешъ?

— Я сказавъ, що не продаю?

— А що жъ? Хиба краще, якъ винъ у тебе зогніе. Га.. Лежыть собака на сини...

Чипка гризно зыркнувъ на його. Лушня затыхъ. На той часъ у хату вскочывъ Матня.

— Га—га, братця! Йе! гуляй!—крычавъ винъ, держачы обома рукамы пляшку зъ горилкою.

— Де ты запопавъ?—зрадивъ Пацюкъ.

— Знайшовъ, братця!

— Де?

— Въ шынку...

— Якъ же ты?

— А такъ,—Матня показавъ рукамы якъ винъ схопывъ пляшку.

Розмова повернула на инчый шляхъ.

— Та якъ же ты—чы вкравъ, чы однявъ?—допытувався Пацюкъ.

— Не пытай—якъ, а пытай—чы добра!—каже Матня, частуючы Пацюка.

— Той похвалывъ. Матня до Чипкы.

— Ось на, братику, покуштуй! Ось на! Сказано: губы злыпаются, така добра!

Чипка выпывъ. Выпывъ и Лушня. Горилка розвьязала языкы—почалысь казы та переказы.

Лушня знову прыстае до Чипкы: чомъ та й чомъ хлиба не продаешъ?

— Не продамъ я жыдови, одказуе Чипка.

— Та кому жъ ты продасы його?

— Никому.

— А шкода! Зогніе такъ ни за цапову душу, и чаркы горилкы не выпьемо! Продай, кажу. Продай, брате! Ты знаешъ, якъ загуляемо!

— Не хочется братця! Колы бъ ты знавъ, Тымохвію, якъ не хочется!—верзе Чипка вже на-пидпытку.

— А на щожъ воно? Одно жъ зогніе!

— Ну, такъ стійте: пиду завтра до Грыцька. Колы йому не продамъ, то хочъ такъ виддамъ.

— Тю-тю! Та ты краще мени такъ виддай,—каже Лушня, Я знаю, якъ поверну. А Грыцько—що? Звисно—багатырь: визьме соби, пожыве, и спасыби не скаже.

— Другому никому не продамъ, не годытся!

Далеко за пивничъ товарыство пидбывало Чипку кому продаты хлибъ—то продаты, а даромъ Грыцькови не даваты. Чипка не згожувався.

— Я зъ нымъ товарышувавъ; я зъ нымъ, ще малымы хлопцямы, вкупи овець паслы. Хай ёму на нове хазяйство. Нехай хочъ винъ чесно пожыве мою працю, колы такъ судылося!

IV.

Сповидь и покута.

На другый день, рано вранци Чипка пишовъ до Грыцька. Нова хата, била, чепурна, прывитно выглядала зъ-за обголеныхъ лыхою осиннёю негодою грушъ, та рядка прутнястыхъ вербъ. Двиръ бувъ просторый, чыстый, оплетеный; зъ-заду на току, стоялы ожереды соломы; зъ ливого боку чорнилы грядкы та невелычкый молодый вышнякъ; зъ правого—хливець, загорода та погрибъ. Коло воритъ, надъ перелазомъ, биливъ новою цямрынною колодязь,—выглядавъ на шляхъ новымъ высокымъ журавлемъ.

Чипка уступывъ у двиръ. Велыка, чорна, кудлата собака кынулась на ёго зъ-пидъ загороды. Чипка подався назадъ до лисы, ставъ выпручуваты хворостыну. На собачу брехню выбигла зъ хаты молода, якъ дивчына, молодыця— captured нызенька, чепурненька, та й почала гукаты на собаку. Собака одбигъ на вгородъ та скавучавъ. Чипка пидійшовъ до молодыци, прывитався.

— Добрыдень!

— Здорови булы.

— Що, Грыцько дома?

— Ни, нема.

— А дежъ?

— У пывныци.

— И давно тамъ ставъ?

— Ни, недавно. На тимъ, бачця, тыжни. Ни, ажъ на третимъ. Прыйшовъ жыдъ, та й нанявъ.

— А колы винъ дома бувае?

— У пьятныцю на ничъ завжды бувае. А це щось за знакъ—учора не було. Сёгодни повыненъ буты.—А винъ вамъ на-що?

— Та треба. Хочу ёму хлибъ продаты.

— Не знаю,—каже вона, задумавшысь!—Надійдить трохы пизнише, туды къ обиду: може, винъ вернется.

— Добре.—Прощавайте!

— Идить здорови.

Чипка пишовъ шляхомъ до-дому: молодыця—въ хату.

Грыцька справди не було дома. Въ осены, упоравшысь зъ хлибомъ, винъ порадывся зъ Хрыстею, та й ставъ до пывныци. Адже теперъ винъ робывъ безъ того запалу, зъ якымъ кыдався до дила торикъ. Винъ уже свого доскочывъ. Чого жъ ёму зъ шкуры вылазыты? А колы жыдъ дае добру плату, то щобъ сыдячого татары не взялы та на печи не лежать,—чому того тыжня и не поробыты повагомъ, та роздумуючы, та розглядаючы на всй бокы?!

Не мынуло и годыны, якъ Чипка пишовъ, а тутъ и Грыцько прыйихавъ.

— Чому це тебе вчора на ничъ не було?—стрила его Хрыстя.

— Та тутъ таке трапылось: не мени бъ казаты, не тоби слухаты!—одмовляе Грыцько.

— Що жъ тамъ таке? лыхе що?

— Та щобъ дуже лыхе, то дяка Богови—ни! Та й доброго мало.

— Та що жъ тамъ справди таке? Кажы швыдче!—прыстае злякана Хрыстя.

— Жыда Оврама обикрадено. Та це насъ держалы ажъ до сёгодни.

— Я думала—що тамъ?!!—Хто жъ ёго обикравъ.

— Богъ ёго знае. Якись, кажуть, замурдовани люде? Понадивалы машкары, повьязалы гаразденько всихъ, та й забралы, що знайшлы.

— Що жъ воно за люде?

— Винъ думае на москаливъ, бо по московськи балакалы. А шкода, колы хочъ, Оврама!

— Отъ велыка шкода—жыда! Однакъ зъ насъ падравъ.

— Ни, Хрысте: жыдъ жыдови не ривня.—Другый жыдъ, то такы навсправжкы жыдюга; а Оврамъ—я тоби скажу—добрый чоловикъ, хочъ и жыдъ. Ничого Бога гнивыты: винъ тоби и запоможе, колы тамъ подушне, нужда яка. Звисно свое визьме—не грошыма такъ роботою. И теперъ у ёго на пывныци трохы не вси—за одробитокъ. Добрый жыдъ! Уси ёго тамтешни люде шанують.

— Уси воны добри, якъ сплять; а тилькы розплющыть очи, то такъ и наровыть—якъ бы въ тебе що выдурыты, якъ бы тебе такъ заборсаты, щобъ зъ ёго лапъ не вырвався. Дасть карбованця, двохъ, а одробы ёму на десять. Вси воны однымъ мыромъ мазани!—Бачъ! А я тоби и забула хвалытысь: до тебе Чипка прыходывъ.

— Якый Чипка.

— А той, що, якъ навиженый, ганяе по селу.

— Ага... Чого жъ це?

— Та каже: чы не купывъ бы ты хлиба?

— Якого хлиба?—пыта, роздумуючысь Грыцько.

— Не знаю. Каже—хлибъ продаты. А я стою тоди та думаю: якый це винъ хлибъ продае, и на вищо тоби хлибъ куповаты, колы—спасыби Богу—и свій ще потроху тягнется.

— Що жъ ты ёму одказала?

— Що я ёму одказала? Сказала, щобъ зайшовъ пизнише, якъ ты дома будешъ.

— Ну, а винъ тоби що?

— Каже: зайду,—та й пишовъ зъ двору.

— Гмъ,—мугыкнувъ Грыцько.—Отъ, дывиться, колы не здуривъ парубокъ. Зъ кругу спывся! Розмова про Чипка на цимъ обирвалася. Грыцько ставъ роспытуваты—чы все гараздъ у господи, що робыла Хрыстя, чы здужала, чы ни? Хрыстя одказувала—и соби роспытувала Грыцька: що имъ казалы, про ви-що роспытувалы, якъ задержалы?—Перегодя трохы, Хрыстя пытае чоловика:

— Чы не часъ уже обидаты? Ты зъ дорогы—выморывся, выголодався, пообидаешъ, спочынешъ.

— Та такы и справди выголодався. Хлиба не стало, выпросывъ бувъ краець у чоловика, та перехопывъ трохы.— А теперъ—немовъ бы и тее.

Собача брехня перервала ихъ ричъ. Хрыстя глянула въ викно.

— Отъ, и Чипка йде.

Грыцько соби глянувъ.

— Та и обирваный та обшматованый якый, Господы!

— Може бъ сказаты, що тебе немае дома, покы пообидаемо?—пытае Хрыстя.

— Ни, хай: чоловикови въ трете не забыватысь. Ты знаешъ: мы зъ нымъ колысь товарышувалы, якъ оце въ двохъ вивци паслы. Чудный трохы, а добрый бувъ друзяка. А теперъ—глянь: що зъ нымъ сталося?!

Чипка скрыпнувъ дверыма, увійшовъ у сины; собака ажъ за одвиркы грызе, такъ валуе. Хрыстя одчыныла хатни двери.

— Та й собака жъ у васъ!—обизвався до неи Чипка. Зъ порожнимы рукамы не сикайся! Здорови булы!

— Здорови. Идить у хату: я вже сама закручу завертку, бо вона въ насъ такъ туго ходыть, що якъ хто другый, то й не закрутыть.

Хрыстя кынулась до надвирныхъ дверей, одчыныла ихъ, гукнула на собаку, потимъ—зачыныла и закрутыла заверткою.

— Що Грыцько—вернувся?—пытае Чипка, дожыдаючы, покы Хрыстя поралась биля дверей.

— Вернувся.—Чому жъ вы не йдете въ хату? Идить.

Чипка несмиливо вступывъ у хату, тай ставъ коло порога. Ему якось и соромно стало, и страшно. Грыцько прывитався перший:

— Здоровъ, Чипко!

— Здоровъ, Грыцьку! Здоровъ, брате!—Чы бачъ, якъ ты переминывся! Якъ одружывся, то й не пизнаты тебе!

— Чымъ же я переминывся?

— Усимъ,—зарисъ, постаривъ.

— Отъ, ще выгадайте!—защебетала Хрыстя.—Де жъ такы винъ старый! То—винъ не поголывся, то такъ воно здается.

— А може, та ни: я такы тебе, Грыцьку, молодчымъ бачывъ.

— Це такъ мене зостарила молода жинка,—сміется Грыцько.

— Тилькы бъ и старосты,—усмихаючысь, каже Чипка.

— Та й ты, Чипко, переминывся, на себе не схожый. Чого це ты такъ занепавъ?

— Лыхо, брате!—зитхнувшы, одказавъ Чипка и сивъ поручъ зъ Грыцькомъ коло столу.

— Кого те лыхо до добра доведе?

— Що жъ тоби за лыхо таке?

— Багато, Грыцьку, розсказуваты, ще разъ зитхнувшы, одмовывъ Чипка и скорымъ поглядомъ окынувъ хату.

Просторна хатына, чепурно выбилена, тепла та ясна, тыха та счасна, війнула на ёго якымсь теплымъ духомъ. Ёму такъ стало легко, мовъ стины до ёго лыха прыхылялыся, на серци въ ёго стало такъ любьязно; думкы ёго повернулыся назадъ—и перенеслы ёго разомъ на степъ; намалювалы ёму старою немочю скаличеного дида Уласа, швыдкого Грыцька, що на барани йиздывъ; кынулы ёго на вербы горобенятъ драты. Жывъ-жывъ! жывъ-жывъ! наче хто молоткамы, гамселывъ цымы словамы въ выскы ёму. Винъ болизно всмихнувся. Глянувъ на Хрыстю. И понеслы ёго думкы на поле, мижъ зелени жыта, де винъ перше зустрився зъ Галею. Жаль ёму стало свого бувалого жыття, котре пестыло ёго надіи, ёму заманулося кому-небудь ихъ одкрыты, зъ

кымъ подилытыся. На очи навернулыся,—чувъ винъ,—слёзы; винъ боявся, щобъ не брызнулы,—та водывъ очима то на Грыцька, то на Хрыстю. И здалыся воны ёму такымы счаслывымы, такымы добрымы, прывитнымы, що винъ не счувся, де дився его страхъ передъ нымы, соромъ за свое безпуття. Ёму забажалося щыро, видъ серця, побалакаты зъ нымы, якъ зъ ридными. Звисывшы на груды голову, въ землю потупывшы очи, винъ ставъ навертаты на себе розмову.

— Багато, кажу,—почавъ винъ,—розсказуваты, и за день усёго не перекажешъ. Лыхо, сказано, якъ до кого прычепытся,—не одсипаешся!

— Хто жъ вынуватый у вашому лыхови?—обизвалася, глядючы на его, Хрыстя. Мабуть, чы не сами найбильше?

Докиръ цей хочъ и вколовъ зъ першого разу Чипку; отже винъ ни зморшкою, ни поглядомъ не выявывъ того. Ёму ажъ подобалось пытання, такъ прямо вымовлене жиночымы устамы.

— Та трохы и самъ вынекъ—одмовывъ винъ, задумуючысь—. А то такы и люде.

— Чымъ же люде вынни?—сповидае Хрыстя.

Чипка поворухнувся,—выдко, винъ не ждавъ такои сповиди. Помовчавъ трохы, та все внызъ дывывся, нибы роздумувавъ: чы казаты, чы ни?—А дали—туго, не мовъ слова до языка попрылыпалы, а винъ ихъ одрывавъ зъ велыкымъ болемъ—промовывъ:

— Неправдою своею!

Грыцько побачывъ, зъ якымъ болемъ та жалемъ промовывъ Чипка оци два слова,—скынувъ очима на Хрыстю:

— Ось годи тоби базикаты!—обизвався до неи:—готуй лышъ краще обидаты, та пообидаемо вси разомъ.—Ты, Чипко, ще не обидавъ?

— Та я вже,—Богъ ёго знае,—колы и страву бачывъ,—зъ жалемъ прызнався Чипка.

Мова ёго вразыла жалощамы Грыцька и Хрыстю,—та и зъ себе винъ бувъ такый якыйсь, що,—хочъ не хочъ,—пожалієшъ. Грыцько мерщій посунувся за стилъ, на покуття, та запрохувавъ

Чипку сунутысь блыжче до ёго. Хрыстя метнулась до хлиба, до мысокъ, до печи. Швыденько насыпала борщу, поставыла середъ столу; достала ложкы зъ мысныка, порозкладала передъ кожнымъ,—та вже мала була сама сидаты на ослони до столу,—якъ Грыцько промовывъ:

— Чы це бъ то такъ на суху и сидаты? Вою мабуть, жинко, въ насъ у хыжци и горилка йе? Мы такъ давно бачылысь зъ Чипкою, що годылось бы и выпыты. Ось давай лышъ по чарупыни. Та мене, правду кажучы, наче щось ломыть, тре... Чы не покыне бува?

Хрыстя выйшла до хыжи, незабаромъ унесла пляшку зъ горилкою, поставыла на столи, и сама сила.

— Налывай, жинко!

Хрыстя налыла. Грыцько взявъ чарку въ рукы та, обертаючысь до Чипкы, промовывъ:

— Пошлы жъ намъ, Боже, всёго, чого мы тилькы бажаемо!

— Дай, Боже!—одказуе Чипка.

Потимъ Хрыстя знову налыла чарку, а Грыцько пидсунувъ іи до Чипкы. Выпывъ и Чипка. Тоди вже самъ Грыцько налывъ пивъ чаркы, посунувъ до Хрысти, промовляючы:

— Выпый же и ты, жинко!

Хрыстя взяла чарку въ рукы, прыгубыла, кывнула головою—и почала йисты борщъ. Прынялысь до борщу и чоловикы. Чипци здалося, що винъ зроду не пывъ такои доброи горилкы, не йивъ такого смашного борщу.—Пойилы борщъ; Хрыстя достала локшыну на молоци. Чипка—якъ тры дни не йивъ. Усе ёму здавалося такымъ добрымъ, смашнымъ; сами хазяины—такымы щырымы, прывитнымы людьмы, що винъ ажъ повеселишавъ трохы. Зъ лыця спала въ ёго дума; на лоби розправылысь зморшкы, що якъ ти хвыли—то набигалы, то збигалы; винъ радисно засвитывъ своимы розумнымы темнымы очима—и ставъ сповидатысь.

— Такъ вы, пани матко,—обернувся винъ зъ словамы до Хрысти,—хочете знаты: чымъ люде вынни въ моимъ безголовьи?—Усимъ вынни! Одъ самого малого, непрымитного, до са-

мого велыкого, найбильшого. Вы тилькы погляньте: якъ воны мижъ собою жывуть? Чы такъ, якъ люде, якъ браты, якъ Богъ прыказавъ жыты? Еге жъ! Воны бъ малы и одынъ одного въ ложци воды втопыты, зъ лыця земли знесты!

Грыцько всмихнувся.

— Ну що жъ тоби до того, Чипко?—скажы мени, Бога рады? Адже тоби видъ того ни знобыть, ни гріе?

— Якъ не знобыть? А правда де? Де та правда, по якій намъ велено жыты? де вона дилася? хто іи вкравъ у насъ?—гарячывся Чипка. Куды вона забигла? га?

— А нема правды,—одказавъ Грыцько,—то жывы такъ, якъ и вси жывуть.

— А якъ не дають жыты? Що тоди?

— То все мана тилькы!

— Ой, Грыцьку, ой, братику! не кажы такъ, важко мени, пече мене таке слово.

— Не знать що выгадуешъ, Чипко! не знаты объ чому турбуешся! Не такый теперъ викъ наставъ, не таки люде народылыся.

— Що жъ мени робыты, колы я не можу зъ нымы зжытыся? Чымъ же я вынуватый? Я ще и такъ терплю. Ты тилькы послухай, яка въ людей правда.—Ты знавъ мою землю?

— Знавъ.

— Ты чувъ, що іи одибралы въ мене, знаешъ? ту саму землю, про яку сама громада сказала: це твоя земля, Чипко, володій нею! А теперъ знайшлыся таки метци, що и громадську волю поламалы. Узялы, та й одсудылы мою землю Богъ ёго знае и кому, Богъ знае на що. На те, мабуть, щобъ перевивъ іи на гроши та й повіявъ туды, звидкиля и прывіявся. И якъ—спытаешъ—винъ одибравъ ту землю? Пидсыпавъ судовыкамъ, отъ и ришенець: не твоя земля, Чипко! То була твоя, а теперъ—не твоя!

— Чому жъ ты не сходывъ у судъ до Чыжыка? пыта Грыцько.—Винъ, кажуть, иноди помога.

— Ходывъ. Помигъ. Якъ пьятьдесятъ карбованцивъ, то й помогу!

— Що жъ ты?

— Де жъ я визьму ихъ? Отака-то въ свити правда! Одынъ прыйшовъ, пидсыпавъ,—и одсудывъ; а дай ты пьятьдесятъ карбованцивъ—тоби одсудять. А якъ бы була правда, то цёго бъ не було, земля бъ зосталася въ мене. А колы бъ земля була въ мене,—я бъ николы не ставъ такымъ, якымъ вы мене бачыте. Хиба я не знаю, хиба я не чую, що про мене кажуть и думають? Знаю, добре знаю! Та хай кажуть, хай думають, кожному вильно що хоче казаты и думаты! Тилькы не кожному дано знаты... заглянуты въ чужу душу, зрозумиты, що тамъ и до чого, подывытысь у чуже серце. Гляньте въ ёго правдывымъ окомъ, то й побачыте, що тамъ діется, що тамъ вытворяется,—яки иноди тяжки мукы гнитять ёго, яке лыхо розрывае. На те въ ныхъ кебеты катъ-ма!.. не дано имъ! Отъ и волоцюга я, и пьяныця, и гультипака. А я—може кращый видъ ныхъ, та лыха доля моя! кажу вамъ: багато казаты, а трохы слухаты, хай я гульвиса, бо мои рукы до роботы не здіймаются; хай я пьяныця, бо въ горильци тилькы мени душу одвесты. На чому я іи одведу,—скажить вы мени?

Ричъ Чипчына, якъ вода, рынула.

Грыцько зъ Хрыстею слухалы та ззыралыся, а Хрыстя колы-не-колы зитхала тыхо та глыбоко.

Пообидалы. Чипка подякувавъ Богови и хазяинамъ.

— Знаешъ що, Грыцько?

— А що?

— Чого це я до тебе прыйшовъ.

— Скажы.

— Прыйшовъ, чы не купывъ бы ты въ мене того хлиба, що зоставсь въ току? Уже я ёго самъ до розуму не доведу; жыдови продаваты не хочется. Купы ты, брате!

— Навищо винъ мени здався, Чипко?—Я зъ своимъ уже впоравсь, бачу—буде зъ мене.

— А може въ Чипкы добрый хлибъ, то на посивъ бы зоставылы,—якось любенько промовыла Хрыстя.

— Та й грошей у мене теперъ катъ-ма,—бидкается Грыцько.

— То виддасы, колы будуть,—на те ёму сказавъ Чипка.—Не хочется мени своеи праци въ жыдивськи рукы попускаты. Знехтуе проклята жыдова, на горилку пережене. А ты, якъ хазяинъ, знаю—до ума доведешъ.

— Ни, Чипко, не куплю: не треба мени!

Чипка задумався; очи потускнилы; винъ потупывъ ихъ у нызъ. Отже швыдко журлыва думка промайнула; очи знову заискрылы—и винъ наче зрадившы, твердо промовывъ:

— Ну, колы жъ не купышъ—такъ визьмы!

— На що я въ тебе визьму його? Ось розсуды гараздъ. У тебе тилькы одынъ хлибъ и зостався, а я—слава Богу—не терплю ще нужды.

— То пропаде жъ, Грыцьку! пропью. Визьмы, брате: пожалій моеи праци! Ты чоловикъ добрый,—я тебе змалку знаю. Памьятаешъ, якъ горобенятъ дралы? Памьятаешъ—дида? Визьмы! Я тебе люблю, и твою жинку люблю. Увійшовъ я до васъ у хату—якъ у рай уступывъ. Вы мене прывиталы, якъ ридни; мое серце, мою душу одигрылы. Визьмы Грыцьку! прошу я тебе.

— Про мене, одказавъ, мовъ нехотя, Грыцько.—Колы вже тоби такъ хочется, то й заберу.—Тилькы—знаешъ що, Чипко? У тебе маты старая, а ты іи такъ зневажывъ, у чужыхъ людей хлибъ заробляе, сердешна.

— Маты, маты,—забубонивъ Чипка и насупывъ бровы.—За матирь не кажы. Хто його знае, хто зъ насъ бильшъ вынуватый.

Грыцькивъ докиръ дуже вразывъ Чипку. Винъ замовкъ, потупывъ очи въ землю, мовъ боявся на Грыцька глянуты; подумавъ трохы, та швыдче попрощався и выйшовъ зъ хаты.

— Такъ ты завтра, гулянкамы, и заберешъ, Грыцьку?—спытавъ уже зъ-за дверей.

— Добре. А може ще и сёгодня надъиду,—колы справа справна.

Чипка пишовъ. Грыцько пидиславшы свытку въ головы, лигъ на лави спочыты. Хрыстя поперемывала посуду, попрыбирала; сила на полу, коло печи, за гребинь прясты мычку. У

хати було тыхо-тыхо, ажъ мовъ важко,—тилькы чутно було, якъ веретено сюрчало, та колы-не-колы Хрыстя легенько зитхала. Хрыстя думала про сёгоднишню розмову зъ Чипкою. Думкы обступылы іи, повылы, якъ сыви туманы землю. Вона оддалась имъ на волю: робить, мовъ, що знаете; несить, куды хочете! И здався ій Чипка не такымъ гультипакою та волоцюгою, якымъ ёго люде взывалы, якымъ сама вона ёго счытала до сёго дня. Скрывджене зъ самого малку іи сырытське серце, догадалося, що Чипка--не такый. Не гультипака, лыхый чоловикъ; гультипака— зло людське, неправда людська!—казало іи серце. У Чипкы и серце добрише, и душа чесниша. А що винъ пье,—то ёго лыхо пье. Не даромъ винъ хвалывся нымъ! Та якъ же ёго и не пыты, жывучы мижъ такымы людьмы? коженъ тилькы и дума: якъ бы мени та мени,—якъ бы кого обидраты, ошукаты? Браты ридни, сестры— перши ворогы мижъ собою.

— А правду казавъ Чипка,—промовыла вона въ голосъ, ажъ Грыцько видъ дримоты прокынувся.

— Яку правду?—позихнувшы, пытае винъ.

— Що нема мижъ людьмы правды, що жывуть воны не по закону!

— Толкуй! дурный, спывшысь зъ кругу, верзе не знать що, а вона тому и виры йй": ймае.

— Якъ же не ймаmы, колы воно такъ йе?

— Якъ такъ?

— А такъ! Отъ, хочъ бы и я... Якъ бы люде по правди жылы,--чы терпила бъ я, зоставшысь сыротою, те горе та нужду, що прыйшлось вытерпиты? Чы роскотылось бы добро сыритське? Колы бъ воны по правди, а не по крывди жылы, то всёго бъ того прыбереглы, не попустылы бъ, щобъ сырота скыталася по людяхъ, не завдалы бъ іи у наймы, де бъ, може не стрившысь зъ тобою, и викъ завикувала.

— Своя сорочка блыжче до тила.

— Ото жъ то йе! Усе--колы бъ соби, та соби; а про сырітъ та безталанныхъ ни гадкы! Хай сыроты гынуть.

— Хто жъ тоби стане дурно чуже добро доглядаты?---запытавъ Грыцько.

Хрыстю якъ хто голкою укольнувъ. Зляканымъ поглядомъ вона глянула на ёго: вона николы не ждала такого видъ Грыцька.

— Не вже жъ бы и ты такъ зробывъ?---не спускаючы очей зъ ёго, вона прямо запытала.

Грыцько оханувся—и подумавшы, одказавъ:

— Що жъ, що я бъ не зробывъ?—други бъ зробылы! Та чого це ты такъ прыскыпалась до мене?—переминывшы свій голосъ, уже винъ запытавъ Хрысти, та и соби гостро глянувъ на неи.

Хрыстя сыдила на дныщи блида, сумна, та, скрывывшысь, дывылася ёму прямо въ вичи. Голова іи схылылась трохы на бикъ; нытка въ одній руци, а почынокъ у другій—заколилы. По выду можно було бачыты, що вона хочъ и дывылася на Грыцька, дывылася прямо ёму въ вичи,—та ничого не бачыла: думкы іи десь далеко-далеко носылы. Грыцько помитывъ; серце въ ёго якось болизно тёхнуло.

— Хрысте!—гукнувъ винъ.

Хрыстя кынулась, ажъ почынокъ зъ рукъ выпавъ; вона скочыла ёго доставаты.

— Що це зъ тобою? Чы не закохалась бува въ Чипчыни голи пьяты?

Чы видъ того, що вона нахылылася, чы може и видъ того, що метке Грыцькове слово влучыло іи прямо у серце и погнало кровъ у голову,—тилькы зблидле до того лыце Хрыстыне зразу покрылося червонымъ заревомъ.

— Охъ, якъ ты мене злякавъ, хай ёму цуръ!—переводячы духъ, усмихаючысь веселенько, обизвалася вона до Грыцька, щобъ покынуты усмихомъ свій недавній смутокъ. Грыцько пыльно подывывся на неи. Краска зъ лыця вже одійшла,—тилькы прытаене легеньке зитхання та якыйсь боязькый, соромлывый поглядъ зъ блыскучыхъ очей нагадувалы, що, може, Грыцько и правду сказавъ. Одначе Грыцько не обзывався. Спустывшы зъ лавы ногы,

винъ почавъ у кишени шукаты люлькы. Налапавшы и вытягшы люльку, довго винъ довбався въ ній протычкою, потягаючысь та позихаючы; потимъ выбывъ объ лаву згарь.

— Питы лышень покурыты,—мнучы тютюнъ у жмени и держачы въ зубахъ люльку, каже винъ,—та подывытыся на визъ, чы добри оси? Бо завтра справди гулянкамы може хлибъ перевезу.

Грыцько пишовъ зъ хаты. Хрыстя зосталася сама. Вона ажъ плечыма здвыгнула.

— Що це справди зо мною сталося?!—сама себе запытала, та трохы перегодя и затягла сумну та журлыву писню на всю хату. У голоси іи почулыся слёзы, журба; повывалы воны хату и Хрыстю; вона голосомъ выводыла свій сумъ тяжкый, а рукою---нытку за ныткою.

У недилю, тилькы що выйшлы зъ церквы та пообидалы, заразъ Грыцько запригъ своихъ пару быкивъ, выпрохавъ у сусида ще пару,---та двома парамы и пойихавъ до Чипкы. Пуста погородына, лыхый тынъ, крыви ворота, необмазана хата зъ побытымы викнамы,---непрыязно кынулысь у вичи и образылы Грыцькову хазяйлыву натуру. Винъ зъ докоромъ и разомъ зъ жалемъ дывывся на Чипчыне добро.

— Господы, Боже! дожыветця жъ чоловикъ отъ до сёго?! А все---своя воля.

Грыцько ставъ коло хаты. Дверы булы зачынени и защеплени. Винъ подывывся кругомъ хаты, глянувъ на тикъ,---нигде никого не выдно, тилькы стижкы чорнилы въ току. Грыцько пидійшовъ пидъ викно, заглянувъ у розбыту шыбку. На полу лежало тры чоловикы, на лави Чипка---четвертый.

— Чипко! Чипко!---гукнувъ Грыцько.

--- А хто тамъ?---першый прокынувшысь, пытае Лушня.

— Збудить мени, будь-ласка, Чипку.

— На що тоби?---пыта, потягуючысь Лушня.

— Та я до ёго за хлибомъ прыйихавъ.

Лушня штовхнувъ ногою Чипку.

— Чипко?

— Чого?

— Чоловикъ за хлибомъ прыйихавъ.

— Ага-а?—промовывъ Чипка и хутко скочывъ на ногы.— Здоровъ, Ѓрыцьку!

— Здоровъ. То це ты такъ почуешъ?

— Отакъ, якъ бачъ.

— Чому жъ ты хочъ виконъ не повставляешъ?—холоды находять.

— Доброго молодця кровъ гріе! —одмовывъ за Чипку Лушня.

Чипка выйшовъ у сины одчыныты двери. Лушня ставъ будыты товарыство.

— Уставайте, братця, грошей личыты!

— Якыхъ грошей?

— Чипка продавъ хлибъ.

— Кому продавъ?

— Чупруненкови Грыцькови.

— А дорого?

— Не знаю.

Пацюкъ та Матня попидводылысь, терлы зъ просоння очи, позихалы.

— Я, мабуть не доспавъ,—каже Матня,—бо голова щось болыть. И знову лигъ.

— Тымъ тебе и обдуло, якъ бокла,—докорявъ Лушня.

На той часъ Чипка вернувся въ хату,

— Ходимъ, братця,—поможемо чоловикови хлибъ набiраты,—каже до товарышивъ.

— Ходимо. Чувъ, Якыме?—Вставай, та ходимъ!—гукнувъ Лушня. Зате въ вечери—онъ-якъ погуляемо!!

Пацюкъ заразъ послухавъ, а Матня пидвився, давай знову протыраты очи та потягатысь. А дали и винъ нехотя вставъ; уси разомъ потяглы до стогивъ.

Два подае, два на возы складае. Навантажылы обыдва возы, прыдавылы, ушнурувалы, якъ слидъ, по хазяйськи. Пойихавъ Грыцько.

— А за що продавъ, Чипко?—пытае Лушня.

— Ни за що.

— Якъ ни за що?—уси разомъ скрыкнулы.

— Такъ, подарувавъ.

Товарыство замовкло, посхыляло головы.

— Оттуды къ лыхій годыни!—сумно промовывъ перш̆ый Лушня.

— А жыдъ, бачъ, купувавъ,—такъ не продавъ,—и соби процидывъ сумно кризь зубы Пацюкъ.

— Бо жыдъ!—гостро одрубавъ Чипка.

— Отъ тоби и разъ! отъ и погуляемо, чортового батька!—чухаючы потылыцю, блее Матня.—Краще бъ було мене не будыты, хлопци. А то тилькы сонъ перервалы.

— Жыдъ—та дававъ по трояку одъ копы,—знову Лушня; а це и свій чоловикъ, та на дурныцю звыкъ! Оттаке!

— Таке, якъ бачъ!—каже Пацюкъ.

— А-а-а,—позиха, потягуючысь Матня:—и навищо було будыты?!

Чипка зыркнувъ на таварыство очима, поблидъ на выду.

— Вы на мене, братця, якъ я бачу, гниваетесь,—самъ себе здержуючы, обизвався винъ до товарышивъ.—Такъ треба було. Отъ, вамъ и все! Жыдюзи я ни за яки гроши, а товарышови—такъ виддавъ.

— А мы жъ у тебе що?—каже Лушня, попустывшы поводы серцеви... Хиба вже мы и не товарыши?.. Чому жъ ты намъ не виддавъ? Мы бъ сами ёто продалы...

— Жыдови?

— То тамъ бы побачылы—кому...

— Чоловикъ,—тягне Чипка дали,—чесно пожыве, добрымъ словомъ згадае... А жыдъ—що?

— А тепло жъ буде видъ того доброго слова?—щыпае Пацюкъ.

— Тепло!—вже гризно одрубавъ Чипка, а дали, ныжче спускаючы голосъ, каже:—я знаю, що моя праця не пропаде марно, а доведе іи добрый чоловикъ до розуму...

— Оттуды къ лыхій годыни!.. Оце такъ!.. Отъ тоби и погулялы!..—одно бубонить Матня, прысившы навколюшкы—та взявшысь рукамы за щокы.

— Не ждалы мы, Чипко, видъ тебе такого!—дошкуля Лушня.

— Якого?

— Такого, якъ ты зробывъ... Пропало добро!..

Уси попрысидалы на току, та якъ хыжи вовкы очима свитылы. Одынъ Чипка стоявъ, обипершысь спыною объ недобратый стигъ, та сумно позыравъ то на товарышивъ, то на цили стожкы, то на шляхъ,—чы не йиде Грыцько.

— Ажъ-ось Грыцько вже справывся: прыйихавъ у-друге.

— Отакъ-то ты насъ обвивъ, дядьку?—обизвався до ёго Лушня.

— Якъ?

— На дурныцю,—кажешъ,—хлибъ возышъ?

— На дурныцю?... Гмъ... Дарованому коневи въ зубы не дывлятся...

— То ты насъ хочъ молотыты визьмы—по карбованцю одъ копы,—шуткуе Пацюкъ.

Уси засміялыся; Грыцько и соби; одынъ Чипка мовчавъ...

— Годи, братця, не знать, що торочыты,—обернувся винъ до товарыства:—нуте лышень чоловикови поможемо хлибъ добираты, бо часъ не стоить!..

— Нехай же самъ и забира, колы поцинно купывъ,—каже зъ докоромъ Лушня.

— Тымохвію!—гризно глянувшы, гукнувъ Чипка.—Або до роботы, або зъ двору? Я прохаты не стану...

Лушня зитхнувъ, а все такы пидвився, полизъ на стигъ; други, глядя на ёго, и соби прынялысь за дило... Одначе робота въ рукахъ не горила, якъ спершу. Отже сякъ-такъ понакладалы возы, забендюгувалы, ушнурувалы. Повизъ Грыцько до дому. Лушня пишовъ за нымъ слидомъ.

— Дядьку!

— А-говъ?

— Вы вже намъ хочъ за помичъ перекыньте-що... Не вже жъ мы дурно працювалы?..—ажъ спына болыть.

— Що жъ я вамъ перекыну?

— Та хочъ карбованцивъ пьять...

— А де жъ ти пьять карбованцивъ—на смитныку знайдешъ?

— А хлиба хиба трохы? Адже кипъ бильше десятка буде...

Грыцько мовчавъ.

— Ну хочъ тры карбованци на насъ трёхъ! Хай уже Чипка подарувавъ,—ёго воля...

— Добре... Нехай же, я втрете вернуся, то и прывезу. Тилькы прохатыму васъ—помогты молотыты.

— Молотыты?—весело скрыкнувъ Лушня.—Добре! Що тамъ намъ ёго молотыты? Абы Господь давъ годынку, то мы ёго въ чотырёхъ за день зобьемо!

— То я ще и могорычу поставлю,—домовляе Грыцько.

— Добре, дядьку!.. Добре!

Грыцько пойихавъ; Лушня вернувся до гурту веселый. Зъ радощивъ винъ штовхнувъ Матню, котрый прославъ пидъ стижкомъ килькы сноцивъ, лигъ, укрывся тежъ сноцомъ, та збирався вже заснуты.

— Не штовхайся! тутъ и такъ бикъ болыть за хлибомъ,—одмовывъ Матня.

— Не бійсь!—не визьме лыха годына бока,—хиба може видъ горилкы прогные,—каже Пацюкъ.

— Одъ тіеи, що за хлибъ выпьемо?

— Може, и видъ тіеи!—вставывъ Лушня.

Чипко не дослухався до ихъ розмовы. Винъ ходывъ соби по-за стогамы, та пидгрибавъ, що набылы, перекладаючы хлибъ на возы.

Лушня моргнувъ на товарыство: не журиться, мовъ!

— Погуляемо?—запыталы ти стыха.

Лушня мотнувъ головою: эге жъ мовъ!

— А скилькы?—пыта Матня.

— Тры карбованця.—

— Мало,—каже Пацюкъ.

— Зъ червывои собакы що урваты—хочъ клочокъ шерсты,—утишае Лушня.

Вернувся Грыцько въ трете, прывизъ гроши, забравъ останній хлибъ.

Якъ наложылы возы, Лушня и каже:

— Ну теперъ, дядьку Грыцьку, хочъ и могорычу!

— Та ходимо вже: забижымо до Гальки, выпьемо по осьмушци.

Пишлы. Клыкнувъ Грыцько и Чипку. Пишовъ и той за нымы. Грыцько выпывъ самъ осьмушку, давъ по осьмушци другымъ, та й повизъ соби хлибъ до-дому, розигритый—не такъ горилкою, якъ подарункомъ.

Товарыство засило на цилу ничъ...

V.

Першый ступинь.

Мотря зовсимъ оселылася въ «довгопьятои бабы». Брала людямъ прясты то кужиль, то вовну,—та зъ того тилькы и жыла.

Тяжко ій робылося на души, гирко на серци, якъ подумае, що на старости литъ прыйшлося наймычкуваты въ людей. И хата своя, и достаткы хочъ яки тамъ не яки булы, а все бъ такы жыты можна... И прыйшлося въ чужій хати людямъ годыты, людей слухаты... Ще день сякымъ-такымъ бокомъ перебуде; а настане ничъ,—думкы, якъ за подушне, оступлять... Мотря иноди цилу ничъ выплаче. Жалко ій Чипку. Кохала жъ, ростыла; довгыхъ зимнихъ, короткыхъ литнихъ ничокъ не досыпляла; рано вставала, пизно лягала... Не для кого жъ?—за для ёго... А винъ?..

Сплыве ій на думку та проклята ничъ, колы винъ пьяный зневажывъ іи, матиръ, тяжкымы докорамы... Стае рубомъ шматокъ хлиба въ горли, якъ вона згадае про це, сидаючы йисты. Змочыть Мотря всю подушку, якъ здумае въ ночи... «Краще бъ

я тебе, сыну, не зродыла, або зродывшы, взяла за ногы та объ пень головою, нижъ теперъ видъ тебе таку зневагу прыйматы!.. Безталанна та хвылына, колы я зачала тебе: проклята та радисть, якою я радила, чуючы, що щось ворушытся пидъ серцемъ... Боже!—чы я тебе не молыла? чы я передъ тобою переступыла?.. За що жъ мени така кара, така зневага видъ ридной дытыны?!...

— И чого ты такъ убываешся, Мотре?—вговорюе іи баба. Хай бы що добре, а то таке ледащо! Онъ, сёгодни, не мовъ дидько носывъ его по чужыхъ городахъ—безъ шапкы, босый у въ одній сорочци, та й та росхристана, якъ у харцызякы... Остапійчыныхъ дитей на смерть переляка въ. Гралыся соби въ двори. На той часъ его лыха годына несла. Бижыть, кажуть, якъ скажена собака, черезъ огородъ... Диты въ крыкъ; винъ—за нымы... Ухопывъ маленьку дивчыну Парасю,—четвертый годокъ пишовъ,— та й несе... Навищо вже винъ іи взявъ? Одынъ Богъ видае... Сказано: зъ кругу спывся! Уже въ его въ очахъ чоловичкы догоры ногамы попереверталыся... Я такы и сама бачыла, що винъ по вулыци бигавъ. Та й байдуже! Катъ тебе, думаю, беры; бигай, покы на свое набижышъ! Та й иду соби... Мынула вже Остапійчыну хату. Колы чую—хтось бижыть за мною, та гукае: «ба-бо!—ба-бо-о!—Чого се ты, галочко?—пытаю.—Вона въ плачъ, та такъ просыть: «Будь ласка, бабусю, рады самого Бога—я вже вамъ се и те, верниться въ хату та поможить моій Парасочци»!—Що жъ тамъ зъ нею?—«Та Боже мій!—зъ плачемъ каже:—отой шыбеныкъ, ота пьяныця,—щобъ ему ни жыття, ни добра!—на смерть дытыну переляка въ... Бигъ черезъ двиръ, та й ухопывъ на рукы,—чы занесты куды хотивъ, чы що... Я не знаю: чого его на цепъ не прыпнуть»?.. Я послухала, пишла. Ухожу—колы дытына лежыть на полу, та такъ вьется, такъ бьется та крычыть, немовъ на ему—не доводь, Господы!—родымець... Перехрыстыла я его, нашептала,—одійшло трохы... Та тоди и переполохъ вылыла. И такы нестемисенько винъ выйшовъ—такъ и вылывся зъ воску!..—Та чы я бъ за такымъ плакала та побывалася?? Я бъ его и зъ думкы выкынула...

— Якъ же мени не плакаты, якъ не побыватыся, слухаючы таке за его? Хай бы ихъ у мене десятеро, то одно въ одно не вдается; а тожъ винъ у мене одынъ, якъ порошына въ оци! Я его кохала, ростыла, здоровъя стратыла, надіи покладала... А теперъ—самій прыйшлося по чужыхъ людяхъ хылятыся... Хиба жъ воно легко? Та що и люде скажуть: яка, скажуть, та маты, що допустыла сына до того, не заборонила ему?... Боже мій, одного тилькы въ тебе прошу: одній смерти молю! Нашлы іи швыдче... Чого вона по добрыхъ людяхъ ходыть,—чомъ до мене не прыйде?... Закрылася бъ я плечыма и очима,—хай що хоче робыть. Мои очи не бачылы бъ, уха не чулы...

И-и!—бо-зна що ты, Мотре, выгадуешъ! Що люде скажуть? Нехай, що хочуть, те и говорять... Чорта ему дасы, колы воно таке вдалося! Чы ходыла бъ ты по чужыхъ хатахъ, якъ бы винъ добрый бувъ?...

— Не вытрымала Мотря довгои розмовы: сыдила соби, та плакала нерозважпымы, дрибнымы слёзамы...

А Чипка—наче соби дило выгадавъ—кожнисенькый день гуля та й гуля... Зовсимъ пустывся берега... Допывся до того, що ни зъ-надвору, ни въ хати—ничого... Ажъ задувся видъ гульни та недоспаныхъ ночей...

Покы хозяйствечко було,—було за що пыты; а якъ забравъ Грыцько жыто до себе; то хочъ що хочъ, а жыдивка безъ грошей и осьмушкы не дае. «Давай гроши!» та й усе. «Гроши»,—дума Чипка самъ соби, лежачы въ хати. Згага пекла его якъ свичкою, похмилля его мучыло. «Гроши... Якъ бы то гроши! Не качався бъ я, якъ теперъ качаюся, мисця не знайду; не гулявъ-бы такъ,—оддавъ бы и землю, и усе—за гроши... Колы бъ гроши! Брязнувъ бы тилькы—такъ бы все и уродылося,—и вона моя! А то... И звернулы его думкы въ бувале, недавне. Розвернулося передъ нымъ зелене поле; ходыть винъ по ёму, обдывляется; радіе, що такъ добре зійшло, росте, зеленіе, цвите... А тутъ и Галя знялася перепелкою зъ-за высокого жыта... Розряжена якъ пава; легенька, якъ метелыкъ; веселенька, якъ у ранишне сонце... Любо его очамъ дывы-

тысь на неи, якъ вона усмихается до ёго своимы повнымы рожевымы устамы,—якъ вона гладыть ёго веселымы оксамытнымы очима... счаслывый винъ!... А теперъ! Середъ пусткы неметенои, въ смитти, въ багнюци, валяется—обшарпаный, якъ волоцюга, якъ харцыза якый... А до цёго що вытворявъ? Де дилася кобыла, вивци, корова? Де одежа, що маты справыла?—де дилася маты?..—куды вона пишла?—де прыклоныла сыву голову?..—Сыротою стоить надъ шляхомъ хата зъ побытымы викнамы, не топлена, не обшмарована, чорна, полупана... А вже холоды заходять; морозъ у хату прется... И холодно, и голодно!.. Згага хмелю запекла ёму серце...

— О-о-о, я—каторжный! проклятый!—що я наробывъ соби?!. Винъ зо зла упъявся рукамы въ свою нечесану куштру. Посыпалось волосся, заискрылы очи.. Винъ прыкусывъ зубамы губы—ажъ кровъ выступыла..

Осинне сонце сидало въ хмары. Прощаючысь зъ землею, залывало хмары и землю огнянымъ свитомъ. Якъ кровъ, червонивъ захидъ сонця и заглядавъ своимы червонымы очима кризь побыти шыбкы въ Чипчыну хату... Чипка качався на соломи по доливци.

На ту пору въ хату увийшлы товарыши. Якъ глянувъ Лушня на Чипку, такъ и покотывся зо смиху. Пацюкъ та Матня стоять у порога та тилькы дывуются.

Чипко!—гукнувъ Лушня.—Чы ты, бува, не збожеволивъ? Якого ты бисового батька качаешся та рвешъ на голови волосся?

Несподиваный регитъ схаменувъ Чипку.

— Братику! мовыть, якъ дытына,—хочь чарочку, хочъ капельку, бо пропаду! Пече мене, давыть, пыты мени, пыты!

— На, та пый, дурню!—гукае Лушня, подаючы ёму пляшку горилкы, въ кварту миры. Ажъ затипався Чипка, ухопывшы обиручъ пляшку. Прыложывъ винъ іи до своихъ попаленыхъ смагою, замазаныхъ кровью, губивъ та дудлывъ нахыльци, якъ воду.

Матня побачывъ, та й соби затрусывся... Кынувся на Чипку, та ну одниматы.

— Ну, тебе къ лыхій матери! Отъ, дывысь: ни капелькы не кыне, люциперъ!

Та за пляшку... Чипка не пускае, та молыть:

— Ще, братику! ще... ще хочъ трошечкы... Хочъ капельку!.. душу проквасыты...

— Та ну тебе къ бису!... Отъ, опіяка!..

Та вырвавшы пляшку, прыпавъ до неи, мовъ пьявка до тила... Матня не вмивъ кыдаты горилкы другымъ. Чы давалы чарку,—винъ ковтавъ іи до капелькы; чы осьмушку,—винъ залывавъ нею горло, не оддыхаючы; чы пивкварты, кварту,—винъ тягъ, покы оставалася порожня посудына...

Уже Лушня зъ Пацюкомъ кынулысь на Матню, та насылу однялы, трохы пляшкы не розбылы... Счынывся регитъ, крыкъ... Сонце зовсимъ сило; насувала на землю ничъ, закутана въ чорни хмары, и усе робыла темнымъ... А воны, въ темній хати, якъ выходци зъ того свиту, свитять пьяными очима, крычать, регочутся...

Забрала Чипку горилка, кровъ ударыла въ голову, видъ пекучои згагы одійшло ёго серце. Веселый пидводытся винъ, гукае:

— До шынку, братця! до жыда!

— Шкода до жыда... Жыдъ не повире!—на те ёму Лушня.

— Якъ, свыняче ухо не повире? Якъ я ёму всю свою худобу пропывъ, то й ничого?! А ёго, иродового сына, осьмушка горилкы вдавыть?...

— Та вже чы вдавыть, чы ни, а не повирыть!—глухо, зъ протягомъ каже Пацюкъ... Уже краще пидняты, де легко лежыть...

— Украсты?—гризно запытавъ Чипка и скоса глянувъ на Пацюка; дали повивъ очима на Лушню зъ Матнею, нибы очима допытувався въ ныхъ—чы вкрасты можно?

Лушня не загаявся:

— А тожъ!—одказуе.—Чымъ сылкуватысь та просыты парха: то вже краще своимы рукамы добуты, та погрітыся...

— Та й справди, що погритысь,—пидхопывъ Матня; а то опухнемъ зъ холоду...

Чипка стоявъ, якъ зачумленый... Думкы ёго ходоромъ заходылы. «Украсты?..—думавъ винъ.—Добре дило вкрасты... Прыйшовъ, узявъ чуже—и йе въ тебе... Чого ще?.. Одно тилькы... Тамъ огляпутся, кынутся шукаты злодія,—проклынатымуть... Отъ, и въ мене землю вкралы,—вкралы мое счастя, мою долю,—щобъ воны не диждалы сонця праведного побачыты!.. О-охъ!.. Прокляти!.. Та якъ гукне на всю хату:

— Гайда, братця! разомъ погуляемо... Може жыдюга повирыть, а може знайдется добрый чоловикъ—почастуе... У-ухъ!—тяжко мени, гулять хочется, хочется бытысь, боротысь, гу-у-у!..

И давай махаты, стулывшы кулакъ, рукою кругомъ себе, повертаючысь то въ ту, то въ другу сторону—на вси бокы... Товарыство порозскакувалось по куткахъ, щобъ часомъ не доставъ Чипка.

— Та ну тебе къ нечыстои матери!—скрыкнувъ Лушня, якъ увирвавъ ёго по плечу Чипко...—Мовъ безминомъ удравъ. Выйшовъ бы на двиръ, та объ прычилокъ и гамселывъ, стилькы здужавъ!..

— Бережысь,—крычыть Чипка, —укладу! Якъ муху роздавлю... Та, повертаючысь на одній нози,—одно рукамы махае, якъ витрякъ крыламы...

Товарыши зморгнулысь;—разомъ кынулысь на ёго. Той за рукы, той за ногы, а той за поперекъ,—насылу положылы на гардоливку. Зъ побытыхъ виконъ вырвався несамовытый регитъ, гармыдеръ—и розислався по глухому подвирью... Розбуджени собакы сталы валуваты.

— Чы мы ще довго отутъ середъ ночи сыдитымемо?—якъ стыхъ трохы регитъ, пытае Лушня.—Ходимъ уже куды-небудь, чы що?

— Эге жъ, эге!—одказалы Пацюкъ зъ Матнею разомъ.

— А знаешъ, Тымохвію, куды ходимъ?—перегодя трохы, веде ричъ Пацюкъ. До пана!... Винъ чоловикъ добрый, хочъ и панъ: надилявъ насъ не разъ то сымъ, то тымъ, покы ще въ

двори булы!.. Не вже теперъ пошкодуе? А комори теперъ у ёго, въ зиму, повни...

— Гляды лышъ, щобъ на бантыни не завысъ!—прызро глянувшы на Пацюка, увернувъ Чипка.

— Чого?... Та я тамъ уси входы и выходы знаю—одмовля той.

— Тамъ комори лыхеньки,—кризь зубы процидывъ Лушня: —за ничъ можна полагодыть...

— Може на яку кварту перепаде видъ жыда—кинчае Матня.

У хати затыхло. Сыдячы коло Чипкы на пидогненыхъ ногахъ; уси мовчалы. Чипка, выбывшысь зъ сылы, лежавъ, якъ соломы куль, та важко дыхавъ... Тилькы ёго сапъ розбуджувавъ сонну темряву, що насупылась надъ землею. А на думку навернувся Порохъ зъ своимъ переказомъ. Устала передъ нымъ цила панська облава на правду. «А справди, дума Чипка... Онъ воны що роблять?.. Гыдко тилькы... Злодюга, скажуть. Господы!—де жъ твоя правда?..

— Чипко?—знову обизвався Лушня.

— Чого?

— Ходимъ.

— Куды?

— До пана.

— Чого?

— У гости.

— Добре...

На двори стояла темна ничъ; густи хмары замазалы небо— ни мисяця не выдко, ни зори не блыщать... Темный морокъ спустывся на землю—и тутъ ничого не выдно, хочъ стрель у вичи... Кругомъ така тыша, якъ у вуси: ни людына не загомоныть, ни собака не гавкне, хиба тилькы триснe суха дровынячка пидъ важкымы ступнямы товарыства.

Пройшлы воны улыцю, другу; посередъ села, на третій, одризнывся видъ ныхъ Лушня.

— Стійте тутъ!—промовывъ тыхо.

Уси сталы. Одынъ Чипка безъ тямку поволикъ ногы дали. Лушня прямо пидийшовъ до хаты. То бувъ жыдивськый шынокъ. Выдко, жыдъ уже спавъ, бо нигде не блыщало свитло. Лушня постукавъ у викно.

— Гершко! Гершко—видчыны!..

— А хто тамъ такый?—хтось обизвався зъ хаты.

— Свои, видчыны!

— Яки свои такои поры?—цого тоби треба?—уже гараздъ чутно було жыдивськый голосъ.

— Хочъ пшеныци купыты?

— Якои псеныци?—швыдко одказавъ Гершко и одсунувъ кватырку. Пидъ викно пидступылы Пацюкъ зъ Матнею.

— Хто зъ вы? звидкиля пшеныця?—пытае жыдъ, побачывшы коло викна—тры чоловикы стоить.

— Та звидкы бъ не була,— на що тоби? Ты кажы, що дасы за мишокъ?

— А-а-а... це ты, Тымохвію!—иды зъ у хату. А то сце хто зъ тобою?

— Свои.

— Ну, то и идить у хату—туть побалакаемо.

— Лушня оглянувся,—не выдно Чипкы.

— А де жъ Чипка?—пытае.

— Опъ, якъ марюка, пишовъ,—каже Матня, показуючы на темну пляму, що чорнила, колыхалася въ темряви.

— Бижы, Петре, поклычъ!—порядкуе Лушня.

— Пацюкъ побигъ, догнавъ чорну пляму,—вернувся зъ Чипкою.

Тымъ часомъ заблыщало свитло въ розбыту виконыцю; скрыпнулы хатни двери; дзенькнувъ засовъ коло надвирнихъ,—корчма роззявылась—и всихъ проглынула...

Не вспилы хлопци посидаты,— де не вродылося пивкварты горилкы, пивъ-хлиба, мыска солоныхъ огиркивъ. Товарыство заразъ же налягло на йижу, на горилку...

— Не пройшла годына, якъ усе те було зметене.

— Ну... а де зъ та псеныця?—пытае жыдъ.

— Та пшеныци не пытай,—Лушня ёму: мы добудемо...

— Та я знаю... Сце бъ такый звавый козакъ та не добувъ,—зъ пекла достане!

— То то жъ... А ты кажы: почому за мишокъ дасы?

— Та сцо зъ?—семыгрывенныка...

Ахъ ты свыняче вухо!—грымнувъ на всю хату Чипка.—За мишокъ пшеныци—семыгрывенныка?!

— Ну... сцо зъ, сцо за мисокъ?.. Я все знаю, яка то псеныця... сце цасомъ... крый Бозе!..—И почавъ чухаты рыжу, довгу бороду.

Чипка широко розкрывъ очи и зъ дывовыжою глядивъ то на жыда, то на товарыство, немовъ пытавъ: про яку се пшеныцю толкуе жыдюга?!

— Ну, добре,—замына Лушня: ты, Гершку, нашого не схочешъ...

Вылизъ зъ-за столу;—берется за шапку, лагодытся зъ хаты...

— А колы-зъ тебе, Тымохвію, дожыдаты?

— Да такъ...—замнявся:—передъ свитомъ... одказавъ жыдови тыхо.

— Ну-ну... гляды!.. Бацъ, и пивкварты выпылы...

— Ну, такъ що, що выпылы?

— Хиба я залію, цы сцо?..

— Эге жъ... То передъ свитомъ дожыдай.—А ну, хлопци, ходимъ!—гукнувъ на товарыство. Уси повылазылы зъ-за столу, понатягалы шапкы, выйшлы зъ хаты, запалывшы люлькы. Йшлы воны купою, вси весело розмовлялы. Одынъ Чипка мовчкы потягавъ люльку.—Огонь зъ люлькы освичувавъ товарыство. Чипка бачывъ, якъ на выду въ кожного грала якась радисть... Винъ позыравъ хыжо на ныхъ очыма, та думавъ: що це воно дали буде?

Лушня помитывъ, —якъ блыснула люлька,—хмурый выдъ Чипчынъ.

— Чого це ты. Чипко, якъ мыла зйивъ?—пытае. Чого ты журышся?

— Хто журытся?—твердо одказавъ Чипка.

— Хтокало...

Розмова увирвалася. Затыхъ гоминъ товарыства; все кругомъ затыхло... Сонъ налигъ на циле село: нигде ни лялечкы, нигде ни свитла: втомывшысь писля деннои праци, все затыхло... Одни тилькы собакы де-где не спалы...

Якъ проходылы хлопци темнымы вулыцямы,—позаду ихъ пидпималося непрыязне валуванння... Теперъ воны йшлы мовчкы. Тры впередъ; Чипка позаду нога за ногою суне... Такъ ведмидь иде непохотя за цыганомъ: опынается, а все-такы йде... Серце щось недобре вищуе, страхъ—не страхъ: якесь темне почуття холодыть серце... холодъ пронызуе душу... У думци закрадается пытання: куды се?.. чого се?.. за нымы... за товарышамы?.. Обдурюе сама себе думка—и тягне Чипка дали та дали... Тягнется винъ тыхопомалу, не маючы воли остатысь, покынуты братчыкивъ,—тягнется, одуренный пидлеслою думкою, забывае въ серци страшне почуття...

Дійшлы воны до панського дворыща. Сталы. Чипка мынае...

— Чипка! ходимъ!—гукнувъ ёму Лушня.

— Що?!

Чипка стоявъ, задумався...

— Ходимъ!—одказавъ якось глухо..

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

II.

Геленджикъ.

Причины роста Геленджика-селенія и Геленджика-курорта. Цементный заводъ. Спекуляція плановыми мѣстами. Хвалебная брошюра о Геленджикѣ. Пути въ Геленджикъ. Окрестности. Гостинницы. Квартирный вопросъ. Цѣны на продукты. Греки. Купанье. Мѣста для прогулокъ: Адербіевка. Михайловскій перевалъ. Джанхотъ. Криница. Климатическія особенности Геленджика.

Первый замѣтный толчокъ росту Геленджика, какъ населеннаго пункта, дало устройство на берегахъ Геленджикской бухты, недалеко отъ самого селенія, цементнаго завода французской компаніи, привлекшаго массу рабочихъ и служащихъ, количество которыхъ доходило одно время до 3000 человѣкъ. При этомъ Геленджикцы получили въ видѣ цементнаго завода еще постоянную оброчную статью, дающую хорошій отъ сдачи юртовой земли подъ заводскія постройки доходъ отъ ломокъ цементнаго камня, доходившій временами почти до 5000 рублей (въ 1901 году по смѣтѣ ожидался доходъ въ 1000 рублей), и возможность заработка на самомъ заводѣ и на ломкахъ. Заводъ вырабатываетъ цементъ, не уступающій новороссійскому, и имѣетъ сбытъ не только въ порты Азовскаго и Чернаго морей, но даже и на Манчжурскую жел. дорогу. Устроенъ онъ лѣтъ 10 назадъ и теперь около пяти каменныхъ помѣщеній самого завода образовался

цѣлый поселокъ—свыше 30 жилыхъ зданій, въ которыхъ мѣстами горитъ электричество, освѣщающее заводскую пристань для причала морскихъ судовъ. Заводъ соединенъ съ Новороссійскомъ (38 верстъ) собственнымъ телефономъ, что даетъ иногда геленджикцамъ возможность «по знакомству» пользоваться имъ въ случаѣ особой надобности.

Притокъ рабочаго люда, достигавшій на заводѣ, какъ я сказалъ, до 3000 чел., имѣлъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ ростъ самого Геленджика, развитіе въ немъ торговли, притокъ въ селеніе довольно большого числа ремесленныхъ и торгующихъ людей извнѣ и быстрое умноженіе числа торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Теперь ихъ считается въ Геленджикѣ около 75, тогда какъ 15 лѣтъ назадъ, по показаніямъ старожиловъ, «была одна только лавка, и фунтъ стеариновыхъ свѣчъ стоилъ 40 копѣекъ». Но въ послѣднее время производство цементнаго завода сократилось (въ 1900 г. было только 850 рабочихъ, а размѣръ производства—150000 боченковъ цемента приблизительно на сумму 450.000 р.), и это послужило къ паденію торгово-промышленной жизни незадолго передъ тѣмъ ожившаго Геленджика. Но въ послѣдніе годы онъ сталъ входить въ моду, уже какъ курортъ, что отчасти послужило къ его поддержанію. но не могло однако удержать его на прежнемъ уровнѣ: курортные посѣтители пріѣзжаютъ не надолго. Если считать, что ихъ ежегодно перебываетъ до 1500 человѣкъ (приблизительная цыфра 1901 г.), проживающихъ въ Геленджикѣ, въ среднемъ, по 2 мѣсяца, и что въ 1900 г. работало на заводѣ въ теченіе 12 мѣсяцевъ, въ среднемъ, 850 челов., вмѣсто прежнихъ 3000, т. е. менѣе на 2150 чел., то яснымъ станетъ, что притокъ курортныхъ посѣтителей далеко не возмѣщаетъ убыли отъ сокращенія числа рабочихъ [1]).

Однако въ качествѣ курорта Геленджикъ съ каждымъ годомъ идетъ въ послѣднее время въ гору, чему значительно спо-

---

[1]) Убыль эта, если принять во вниманіе разницу во времени пребыванія тѣхъ и другихъ, превышаетъ число курортныхъ посѣтителей въ 8 разъ.

собствуетъ между прочимъ наличность удобной бухты, близость его къ желѣзной дорогѣ (ст. Новороссійскъ) и удобство сообщенія съ нею—по шоссе берегомъ моря (38 верстъ) или моремъ на пароходѣ (26 верстъ).

Росту Геленджика, какъ курорта, много способствовало еще раздѣленіе усадебныхъ земель Геленджикской общины на плановые участки. Вопросъ объ этомъ раздѣленіи возникъ подъ вліяніемъ все увеличивавшагося среди пріѣзжихъ спроса на покупку земель подъ постройки. Это побудило геленджикцевъ въ 1892 г. составить планъ селенія со включеніемъ въ него всѣхъ земель, отведенныхъ поселянамъ въ качествѣ усадебныхъ угодій. Хотя планъ почему-то не былъ утвержденъ главноначальствующимъ Дондуковымъ, но поселяне вскорѣ же воспользовались имъ для отдачи въ аренду усадебныхъ земель отъ общества.

Въ 1897 г. состоялся приговоръ общества о предоставленіи отдѣльнымъ хозяевамъ права продажи ихъ усадебныхъ участковъ постороннимъ лицамъ на условіи уплаты послѣдними извѣстной аренды въ доходъ общества. Усадебные участки всѣхъ хозяевъ были раздѣлены на участки по 500 кв. саженъ, и каждый домохозяинъ получилъ, такимъ образомъ, возможность продать 3—4 такихъ «плана» изъ своихъ усадебныхъ земель, не занятыхъ его собственными постройками. Такое рѣшеніе, конечно, являлось отступленіемъ отъ общиннаго начала, но оно дало на первый разъ благопріятные результаты двоякаго рода. Во первыхъ, оно дало геленджикцамъ недостававшія имъ средства для укрѣпленія и расширенія своего хозяйства, для занятій, требующихъ денежныхъ затратъ виноградарствомъ и садоводствомъ—и справедливость требуетъ сказать, что во многихъ случаяхъ полученныя деньги не были затрачены зря, и продажа плановъ дѣйствительно содѣйствовала нѣкоторому повышенію экономическаго благосостоянія старожиловъ. Во вторыхъ, это оказало несомнѣнное вліяніе на увеличеніе притока постороннихъ—на ростъ Геленджика, какъ курорта, такъ какъ указанная мѣра привела къ образованію въ Геленджикѣ сразу до 800 плановъ, тогда какъ раньше пріѣзжіе совсѣмъ не имѣли возможности обзавестись въ немъ собственностью. Къ сожалѣ-

нію, дѣло не обошлось безъ спекуляціи. Люди проницательные, вѣрившіе въ будущее Геленджика, какъ курорта, стали скупать планы для перепродажи, а люди недальновидные спѣшили воспользоваться явившеюся возможностью легко и скоро заработать деньги. Благодаря этому нѣкоторые планы пошли по очень дешевой цѣнѣ—25, 50, 100 р., но въ 1898 г. были уже планы, проданные «въ первой линіи», т. е. у моря, по 1000 р. Продажа пошла очень быстро и еще быстрѣе росли цѣны на планы,—въ 3—4 года цѣны возросли приблизительно въ 7, 8 и болѣе разъ. Въ настоящее время свободные планы еще имѣются, но цѣна на нихъ весьма высока: въ первой линіи у моря—до 2500—3500 р., по шоссе до 700—800 и даже (очищенные отъ держи-дерева и загороженные) до 1000—1200 р., а вдали отъ шоссе и моря, ближе къ окраинамъ 350—500 р. [1]). Большинство продающихся плановъ не культивированы, не очищены отъ крѣпко укоренившагося въ землѣ держи-дерева и требуютъ затратъ на приведеніе въ порядокъ, не говоря уже о расходахъ на постройки, посадки и т. п. Если вы хотите построить не хату, на манеръ мѣстныхъ построекъ, не наскоро сколоченную дачку, а домъ для житья круглый годъ, то съ расходомъ на приведеніе плана въ порядокъ и на главнѣйшія посадки, необходимыя для тѣни и для возможной защиты отъ нордъ-оста, вамъ придется затратить еще тысячу—другую. То же самое—и въ томъ случаѣ, если задаться цѣлью построить, ради полученія дохода, двѣ—три дачки, вмѣсто одной. Вѣроятность такой затраты будетъ вполнѣ понятна, если даже принять во вниманіе однѣ только высокія цѣны на трудъ въ данной мѣстности: съ октября и до апрѣля поденщику платится на его содержаніи 70—80 к., съ апрѣля до половины мая и съ сентября 1 р., а въ остальное время 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. въ день.

Мѣстные жители строятъ себѣ хаты изъ разныхъ матеріаловъ; но въ большинствѣ «турлучныя», т. е. изъ хвороста, обма-

[1]) Арендная плата въ пользу общества такая: первыя мѣста отъ моря, шоссе, базара и церковной площади по 2 коп., во второй линіи по $1^1/_2$, и остальныя по 1 к. за кв. саж. въ годъ.

заннаго глиной, какъ самыя дешевыя и наиболѣе доступныя для постройки собственными силами многосемейныхъ семей. Они имѣютъ, однако, тотъ недостатокъ, что не прочны и требуютъ ежегоднаго ремонта. Покрытая дранью, такая хата, мѣрою 7×9 с., стоитъ 300—350 р. Строятъ и деревянныя—изъ дубовыхъ отрѣзовъ въ 2—2½ в. толщиной; ихъ ставятъ въ стойку въ основу на столбахъ, обрѣшечиваютъ дранью и штукатурятъ (совнутри глиной, снаружи можно и цементомъ); крытая дранью хата 7×9 с. стоитъ 350—500 р. Нѣкоторые устраиваютъ хаты изъ камня («дикаря»): онѣ несравненно прочнѣе, но за то много дороже турлучныхъ (кубъ камня стоитъ 18—23 р.) Крытая дранью такая хата въ 7×9 с. стоитъ 600—700 р. Есть, конечно, и бревенчатыя хаты. Готовую деревянную хату можно купить въ сосѣднемъ сел. Адербіевкѣ, жители котораго занимаются лѣсными заработками, что съ перевозкой обойдется до 500 р. (10×12 саж.).

Все это указываетъ на то, что расходы на полное обзаведеніе собственной усадьбой будутъ довольно велики, разъ вы пожелаете устроиться посвободнѣе, т. е. имѣть нѣчто бóльшее и лучшее простой мѣстной хаты, и въ особенности въ томъ случаѣ, если, ради полученія денежнаго дохода, пожелаете устроить лишнее помѣщеніе и для сдачи въ наемъ.

Вопросъ однако въ томъ, какой процентъ будете вы получать на затраченный капиталъ? Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ объ условіяхъ жизни «дачниковъ» въ Геленджикѣ. Въ санаторіи д-ра Сульжинскаго за полный пансіонъ при постоянномъ досмотрѣ врача при «обильномъ питаніи, а въ случаѣ надобности и откармливаніи»—90—110 р. въ мѣс.; это можно считать за максимумъ мѣстныхъ цѣнъ, что и понятно, потому что ими оплачиваются спеціальныя услуги лѣчебнаго заведенія. У частныхъ же лицъ очень не трудно найти помѣщеніе одинокому съ полнымъ содержаніемъ цѣной 35 р. въ мѣс. [1]). Пока я жилъ въ

---

[1]) По брошюрѣ: «Ѣдущимъ на югъ! Чудный уголокъ—Геленджикъ—лучшій курортъ черноморскаго побережья»—дача въ 3 комн. съ

Геленджикѣ лѣтомъ 1901 г., тамъ у пристани пароходнаго общества долго висѣло объявленіе,—гласившее, что тамъ-то даются обѣды по 7 р. въ мѣсяцъ, а квартиры со столомъ 17 р. въ мѣс.; что это за квартиры и обѣды я не знаю, но по этимъ объявленнымъ цѣнамъ можно все-таки судить о существующей дешевизнѣ помѣщеній. Я лично съ семьей занималъ отдѣльный домикъ близъ церкви въ 2 небольшихъ комнатки съ кладовкой и платилъ не за сезонъ, а помѣсячно, по расчету прожитаго времени, что значительно повышаетъ цѣну—по 23 р. въ мѣсяцъ съ хозяйской посудой, самоваромъ и прислугой (имѣя сытный обѣдъ отдѣльно за 15 р. изъ 3-хъ блюдъ для взрослаго и за 15 р. для двоихъ дѣтей—7½ р. за каждаго). Недаромъ же Геленджикъ считается «самымъ дешевымъ» изъ курортовъ Чернаго моря [1]).

Вотъ и судите, какой можно извлечь доходъ изъ затраченнаго капитала собственнику застроеннаго «плана» и на сколько правы тѣ, кто, пріобрѣтая теперь планы и культурные участки, ожидаетъ барышей не отъ повышенія ихъ нынѣшней доходности, а отъ дальнѣйшаго повышенія продажныхъ цѣнъ на землю!... Но и росту этихъ цѣнъ когда-нибудь вѣдь будетъ конецъ?!...

Какъ бы то ни было, а все это въ совокупности, т. е. и устройство завода и организація распродажи плановъ, и пароходство, и наличность прекрасной бухты, и эта самая дешевизна жизни сдѣлали изъ Геленджика, имѣвшаго 12 л. назадъ длину по берегу въ ½ в., а по шоссе до 1 в. и только одно мѣсто, занятое «дачникомъ» подъ постройки, сдѣлали—говорю—большое селеніе по длинѣ до

кухней стоитъ 100—150 р. за сезонъ, а въ 5—6 комн.—300 р. Данныя для извѣстной части Геленджика довольно вѣрныя, но тутъ на величину цѣнъ имѣетъ вліяніе то, гдѣ расположена нанимаемая дача—въ болѣе дорогой, или болѣе дешевой части Геленджика.

[1]) Конечно, эта дешевизна относительная – по сравненію съ другими модными курортами того же побережья. И дешевизна эта, надо замѣтить, по мѣрѣ увеличенія числа лѣтнихъ посѣтителей Геленджика и роста курорта, имѣетъ несомнѣнную тенденцію видоизмѣниться въ дороговизну.

$3^1/_2$, а шириною до 2-хъ верстъ, застроенное домами, домиками, дачами одноэтажными и двухэтажными, скромными, солидными, а мѣстами даже и роскошными. Еще 6 лѣтъ назадъ въ немъ было не болѣе 50 дачъ и пріѣзжихъ только до 100—120 душъ за лѣто, а теперь въ немъ масса застроенныхъ плановъ, о количествѣ которыхъ можно судить по тому, что общество по копѣйкамъ (1—2 к. за кв. саж.) получаетъ отъ нихъ 3500 р. въ годъ (1901 г.).

Такимъ образомъ на быстрый ростъ Геленджика въ послѣднее время оказалъ вліяніе цѣлый рядъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе, главнымъ образомъ даже во вторую половину его. Несомнѣнно, что однимъ изъ такихъ обстоятельствъ была и появившаяся въ послѣдніе годы мода вообще на Черноморское побережье, благодаря которой публика, посѣщая послѣднее, пріобрѣтала все новыя и новыя свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ дотолѣ курортахъ. Отчасти вліяла, вѣроятно, и реклама, или точнѣе говоря, печатавшіяся въ рекламномъ тонѣ статьи и брошюры чрезмѣрно восхвалявшія нѣкоторые черноморскіе курорты и Геленджикъ въ особенности. Ему въ этомъ отношеніи, кажется, особенно посчастливилось, или можетъ быть вѣрнѣе—не посчастливилось, потому что чрезмѣрныя похвалы эти при сравненіи съ дѣйствительностью приводили многихъ туристовъ къ такому разочарованію Геленджикомъ, котораго бы не могло быть при предъявленіи къ нему болѣе умѣренныхъ требованій.

—«Гдѣ вы провели минувшее лѣто? Опять въ Ниццѣ, на Ривьерѣ?—спрашивали меня прошлой осенью знакомые въ Москвѣ.

— Нѣтъ, въ Геленджикѣ,—отвѣчалъ я.

— Геленджикъ. Это что такое? Ou est ça?—недоумѣвали вопрошающіе.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ я, любуясь этими недоумѣніями.

— Гдѣ же это? Около Ялты какое-нибудь имѣніе?

— Нѣтъ, на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. Это большое селеніе, которое скоро будетъ городомъ, которое *богато всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать природа человѣку* и которое можетъ замѣнить *земной рай* тому, кто ищетъ природы и здоровья...

«Чортъ возьми, Геленджикъ, какъ ты хорошъ»!—воскликнулъ бы Н. В. Гоголь, если-бы побывалъ въ этомъ очаровательномъ уголкѣ. Я скажу *только* [1]): спасибо, милый, славный Геленджикъ! Вѣчный странникъ, я живалъ въ Ниццѣ, Ментонѣ, Каннахъ, Скорборо, Брайтонѣ, на Уайтѣ, въ Ялтѣ, Алуштѣ, Боржомѣ и Абасъ-Туманѣ, но только ты далъ мнѣ здоровье и душевный покой»!

Вышеприведенный разговоръ о Геленджикѣ происходилъ... на бумагѣ въ брошюрѣ нѣкоего Л. А. Б. [2]) съ зазывающимъ заглавіемъ: «Ѣдущимъ на югъ! Чудный уголокъ. (Далѣе на обложкѣ изображена картинка—общій видъ Геленджика съ бухтой и подъ нею подпись): Геленджикъ—*лучшій* курортъ Черноморскаго побережья. Цѣна 20 копѣекъ». Брошюра снабжена рисунками, представляющими виды тѣхъ только уголковъ Геленджика, которые могутъ произвести на читателя хорошее впечатлѣніе и между прочимъ видомъ мѣстной санаторіи д-ра Сульжинскаго, въ которой авторъ, по его словамъ, лѣчился въ 1900 г., «испыталъ на себѣ» «чисто материнскій уходъ въ этомъ санаторіумѣ, съ которымъ больные разстаются какъ съ семейнымъ домомъ» и получилъ тотъ «душевный отдыхъ, наравнѣ съ отдыхомъ физическимъ», который можно получить только отъ заботливаго ухода людей, видящихъ въ уходѣ за больными не коммерческое дѣло, а «*идею*». Изданная въ 1901 г. въ Москвѣ брошюра эта содержитъ 20 стр. и снабжена обширнымъ объявленіемъ д-ра Сульжинскаго о его санаторіи, содержащимъ между прочимъ свѣдѣнія о прекрасномъ морскомъ купаньѣ, высокихъ достоинствахъ климата Геленджика и т. п.

Вотъ та брошюра, которая, еще до выѣзда изъ Кіева ради лѣченія морскими купаньями, рѣшила и для меня вопросъ, гдѣ проведу я большую часть лѣта въ 1901 году. Она же—послѣ того какъ я увидѣлъ Геленджикъ и могъ сравнить напечатанное съ дѣйствительностью—дала толчокъ и къ собиранію мною матеріаловъ для описанія Геленджика.

---

[1]) Курсивъ въ этой выдержкѣ вездѣ нашъ.

[2]) Одного изъ дачниковъ Геленджика въ 1900 и 1901 г.г.

Въ Геленджикъ можно пріѣхать или моремъ, или по желѣзной дорогѣ—до Новороссійска. Есть еще и третій путь въ Геленджикъ—съ юга, моремъ отъ Батума, избираемый нѣкоторыми туристами, прибывающими на Кавказъ съ сѣвера по желѣзной дорогѣ. Этотъ путь имѣетъ свое удобство въ томъ отношеніи, что даетъ возможность за одну поѣздку на Кавказъ повидать и прелести его снѣговыхъ горъ и красоты кавказскаго побережья. Для этого надо только, выйдя изъ душнаго вагона въ Владикавказѣ, проѣхать по военно-грузинской дорогѣ на лошадяхъ до Тифлиса (и по возможности не въ дилижансѣ, конечно, а въ открытой бричкѣ, чтобы имѣть возможность видѣть все вокругъ, быть хозяиномъ своего времени и останавливаться, по усмотрѣнію, тамъ, гдѣ понравится). Отъ Тифлиса уже желѣзная дорога къ морю—на Батумъ и на Поти. Но предпочтительно, конечно, поѣхать на славящійся своей субтропическою роскошною растительностью Батумъ съ его красивыми окрестностями, чѣмъ въ захолустный, грязный, страдающій недостаткомъ зелени Поти. Изъ Батума уже пароходомъ, мимо всѣхъ этихъ «чудныхъ уголковъ»,—мимо Сухума, Новаго Афона, Сочи и пр.—до Геленджика, чтобы тамъ и отдохнуть отъ совершеннаго путешествія. Конечно, такой же точно путь можно совершить и въ обратномъ порядкѣ: поживъ въ Геленджикѣ, возвращаться домой «въ Россію» моремъ на Батумъ, потомъ Тифлисъ и военно-грузинскою жел. дорогою. Но знающіе люди говорятъ, что это далеко не то! Въ первомъ случаѣ вы ѣдете по военно-грузинской дорогѣ съ сѣвера на югъ, изъ царства стужи, мрачныхъ скалъ и вѣчнаго снѣга въ царство тепла и роскошной зелени; съ холодныхъ могучихъ высотъ кавказскаго хребта спускаетесь въ благословенныя и благоухающія долины Грузіи, любуясь сверху открывающимися внизу обширными и очаровательными перспективами. Во второмъ,—вы, наоборотъ, изъ покрытыхъ роскошною зеленью теплыхъ, почти горячихъ, культурныхъ и населенныхъ странъ Грузіи должны подыматься на суровые, хотя и величественные массивы Кавказскаго хребта, стоящіе передъ вами огромною и несомнѣнно красивою, но заслоняющею горизонтъ стѣною, на высотахъ которой,

вмѣсто только что покинутаго вами царства жизни, вѣчнаго тепла и роскошной зелени полей и рощъ, вы вступаете въ безлюдное, безжизненное царство холодныхъ голыхъ скалъ, холоднаго мрака ущелій, леденящаго вѣтра. Меньше перспективъ, меньше широкихъ, чарующихъ глазъ горизонтовъ, нѣтъ того рѣзкаго, поражающаго и вмѣстѣ пріятнаго перехода отъ царства вѣчнаго холода и смерти къ оживленію жизни на лонѣ вѣчно зеленыхъ долинъ подъ горячими лучами южнаго солнца. Къ тому же, проѣхавъ весь этотъ путь съ сѣвера черезъ Владикавказъ-Тифлисъ-Батумъ и отдохнувъ въ Геленджикѣ, вы можете возвратиться «въ Россію» моремъ мимо Крыма, насладившись, такимъ образомъ, и причудливой понорамой крымскаго побережья, отлично виднаго съ борта парохода въ хорошую погоду, когда онъ идетъ круговымъ рейсомъ обыкновенно невдалекѣ отъ берега.

Какъ я уже упоминалъ, пріѣзжающіе въ Геленджикъ по желѣзной дорогѣ доѣзжаютъ до Новороссійска. Отсюда желающіе ѣдутъ по шоссе на лошадяхъ, а небоящіеся моря на паровомъ катерѣ, обыкновенно ожидающемъ прихода одного изъ поѣздовъ, или же на большомъ пароходѣ Русскаго Общества, если приходъ поѣзда совпадетъ съ его стоянкою въ Новороссійскѣ.

Надо замѣтить, что для сообщенія Геленджика съ Новороссійскомъ еще 14—15 лѣтъ назадъ установлено уже было крейсированіе казеннаго катера «Князь»; лѣтъ 10 назадъ начали крейсировать и частные пароходики. Немного позже, по устройствѣ цементнаго завода, стали заходить въ Геленджикъ грузовые пароходы Русскаго общества, а лѣтъ 5—6 назадъ съ учрежденіемъ въ Геленджикѣ почтово-телеграфной конторы [1]) сдѣлался обязательнымъ и заходъ пассажирскихъ пароходовъ этого общества (привозящихъ почту). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе недостаточной глубины бухты у береговъ, они останавливаются приблизительно въ полуверстѣ отъ берега и съѣзжать съ парохода надо на фелюгахъ, пріѣз-

---

[1]) Интересная подробность для лицъ пріѣзжающихъ въ Геленджикъ: почта здѣсь на домъ не доставляется.

жающихъ съ берега. Въ зимнее время, когда забушуетъ морякъ или—тѣмъ болѣе—зловредный нордъ-остъ, пароходы эти и совсѣмъ не заходятъ въ бухту, потому что въ сильное волненіе фелюги все равно не могутъ выѣхать къ пароходу. Впрочемъ лѣтомъ, такихъ случаевъ почти не бываетъ. Товарно-пассажирскіе пароходы Россійскаго общества съ болѣе дешевымъ провознымъ тарифомъ въ Геленджикскую бухту совсѣмъ не заходятъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ Геленджикъ большіе пароходы съ пассажирами и съ почтою приходятъ по три раза въ недѣлю съ сѣвера и съ юга и ежедневно изъ Новороссійска частный паровой катеръ «Отважный». Послѣдній, однако, не смотря на значительное количество пассажировъ и грузовъ въ лѣтнее время, таксируетъ плату за проѣздъ, благодаря отсутствію конкурренціи, довольно дорого, а зимою, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ и незначительнаго количества пассажировъ, и совсѣмъ не ходитъ по нѣсколько недѣль кряду. Нерискующіе ѣхать въ Геленджикъ изъ Новороссійска моремъ пріѣзжаютъ на почтовыхъ или же на городскихъ извощикахъ (4—6 р. за парный фаэтонъ) по «голодному» шоссе, начатому устройствомъ между Новороссійскомъ и Сухумомъ въ 1891 г., т. е. тоже въ послѣднее десятилѣтіе.

Когда поѣздъ остановился у Новороссійскаго вокзала и мы задержались нѣсколько съ полученіемъ объемистаго багажа, большая часть котораго оказалась впослѣдствіи только лишнимъ бременемъ при передвиженіяхъ, услужливый жандармъ посовѣтовалъ намъ торопиться къ отходу парового катера въ Геленджикъ. Онъ же успокоилъ насъ относительно безопасности переѣзда на немъ моремъ.

— Въ нынѣшнемъ году катеръ хорошій, большой, безопасный—называется «Отважный»,—не какъ въ прошломъ году, когда ходилъ маленькій «Работникъ». Теперь ужъ хозяинъ «Отважнаго» арендовалъ себѣ «Работника», чтобы не было конкурренціи, и пускаетъ его только по бухтѣ въ Кабардинку за другими дѣлами, а въ море—въ Геленджикъ—ходитъ «Отважный».

Боясь опоздать, мы сильно спѣшили на пристань; но, какъ потомъ оказалось, наша поспѣшность была напрасной,—паровой

катеръ въ собственныхъ интересахъ выжидаетъ желѣзнодорожныхъ пассажировъ и отчаливаетъ не раньше какъ черезъ часъ—полтора послѣ прихода поѣзда. Однако, мы сильно были разочарованы, когда, прибывъ къ пароходной конторкѣ, увидѣли тотъ невзрачный пароходикъ, на которомъ намъ предстоялъ двадцатишестиверстный переѣздъ моремъ: размѣрами онъ былъ не болѣе снующихъ по Невѣ финляндскихъ пароходовъ, а внѣшнимъ видомъ далеко уступалъ послѣднимъ. Погода, правда, была хорошая, въ бухтѣ довольно тихо; но по ней нельзя было судить о волненіи въ морѣ, тѣмъ больше, что отъ вѣтра здѣсь защищали горы. А главное надъ горами скоплялись мрачныя тучи, предвѣщавшія повидимому, перемѣну погоды. Оказалось, что «Отважный» куда то «ушелъ по дѣламъ», а вмѣсто него пойдетъ его бывшій конкуррентъ —«Работникъ». Приходилось, слѣдовательно, изъ опасенія качки оставаться до завтра въ Новороссійскѣ, или ѣхать на лошадяхъ. Конторщикъ совѣтовалъ оставаться до завтра, увѣряя, что завтра подойдетъ «самъ Отважный—пароходъ хорошій, большой, вполнѣ безопасный и для васъ болѣе удобный—съ каютами перваго класа».

Мы и предпочли остаться; а пазавтра вмѣстѣ со всей нашей кучей багажа заблаговременно явились на пристань. Небо было чисто, обширная бухта тихо сверкала подъ лучами солнца, все предвѣщало пріятную поѣздку, но пристань была пуста!

— Гдѣ же «Отважный»? Неужели ушелъ? Или еще слишкомъ рано?

— Нѣтъ, онъ не пойдетъ вовсе—ни онъ, ни «Работникъ».

— Но почему?

Оказалось, что оба парохода наняты за солидную сумму англійскимъ пароходомъ, ставшимъ вонъ тамъ у дальняго мыса на мель—нужно его выгрузить и стащить съ мели.

И такіе случаи—не исключеніе; пароходство это «срочно» только тогда, когда для пароходовъ нѣтъ другого болѣе выгоднаго заработка.

— Сегодня срочнаго рейса не будетъ—объявилъ намъ служащій при конторѣ.—Пожалуйте завтра; если успѣютъ стащить съ мели, то непремѣнно который нибудь пойдетъ.

Ничего не подѣлаешь—приходится или вновь тащиться по скверной новороссійской мостовой со всѣми вещами въ гостиницу и снова нанимать номеръ, или же, оставя вещи на пристани, кому нибудь изъ насъ отправиться нанимать лошадей.

Пока мы разсуждаемъ о томъ, что дѣлать, какой то господинъ, бывшій на пристани, повидимому съ привезеннымъ для отправки грузомъ, совѣтуетъ намъ отправиться на лошадяхъ.

— Хотя, конечно, немного дороже, но—если боитесь моря—будетъ много спокойнѣе. Да и развѣ за день разгрузишь океанскій пароходъ, помилуйте! А вѣдь тутъ можно сорвать кушъ, который будетъ много повыгоднѣй срочнаго рейса! При томъ же и «Отважный», хоть онъ и большой сравнительно и какъ будто морской же конструкціи, а все же плоскодонный. Въ случаѣ вѣтра, покачаетесь такъ, какъ лучше не надо!...

Исполняя этотъ совѣтъ, мы совершили путь въ Геленджикъ по прибрежному шоссе на лошадяхъ. Путь по шоссе очень красивъ и удобенъ, но о немъ придется еще сказать нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ. Теперь же, съ цѣлью описанія окрестностей Геленджика, необходимо сказать нѣсколько словъ о Кабардинкѣ—единственномъ селеніи на пути между Геленджикомъ и Новороссійскомъ.

Оно лежитъ въ 23 верстахъ отъ послѣдняго—тамъ, гдѣ шоссе, извивавшееся параллельно излучинамъ морского берега, дѣлаетъ поворотъ влѣво къ тянувшимся вдоль шоссе горнымъ высотамъ, которыя въ свою очередь отступаютъ еще лѣвѣе. Вмѣсто нихъ мѣстность начинаетъ заполняться ближайшими холмами, и справа видъ на море постепенно заслоняется высокою горою. Небольшіе выбѣленные снаружи, то кирпичные, то каменные домики, кой гдѣ при нихъ огородики и виноградники, небольшая каменная церковка, въ срединѣ селенія что-то вродѣ площади, гдѣ видно нѣсколько сидящихъ у домовъ грековъ. Мѣсто—сравнительно низкое, стѣсненное упирающимися въ бухту горами, въ долинѣ между

которыми и лежитъ селеніе, но съ площади бухты не видно. Населеніе состоитъ на половину изъ русскихъ, на половину изъ грековъ съ примѣсью молдаванъ.

Кабардинка, не въ примѣръ ближайшимъ окрестностямъ Новороссійска, гдѣ нордъ-остъ безпощадно губитъ хлѣбные посѣвы, немного занимается уже и хлѣбопашествомъ, но мѣловыя и известковыя почвы надѣла мало къ этому приспособлены, быстро выпахиваются и выдуваются вѣтрами, особенно борой. Хлѣбопашествомъ самостоятельно занимаются преимущественно греки и притомъ, главнымъ образомъ, многорабочія семьи, а малорабочія считаютъ болѣе выгоднымъ сдавать свои земли подъ обработку и уборку исполу, давая только свои сѣмена. Прежде, пока земли были свѣжія, сѣяли больше, а теперь урожаи все хуже и хуже, многія поляны такъ выдуло, что пришлось совсѣмъ забросить. Наиболѣе распространенъ посѣвъ кукурузы. Греки имѣютъ также довольно много скота. Русскіе, по преимуществу кустари, дѣлаютъ фургоны, возы, телѣги, занимаются выдѣлкой угля и заготовкою дровъ. Живутъ пока въ общемъ недурно. Но когда изсякнетъ все болѣе и болѣе вырубаемый лѣсъ, тогда, вѣроятно, придется серьезно подумать о томъ, чѣмъ жить дальше.

На станціи намъ продали за 70 копѣекъ «послѣднюю» бутылку мѣстнаго виноградпаго вина, которое въ Геленджикѣ продается за 30 коп., и запрягли тройку стройныхъ и горячихъ кабардинокъ, [1]) отдыхавшихъ три дня подъ рядъ за отсутствіемъ проѣзжающихъ.

— Только то и спасеніе, что «Отважный» уходитъ иногда по другимъ дѣламъ, какъ теперь вотъ возится съ выгрузкой парохода. А то бы и совсѣмъ не было ѣзды—всего пассажира нынче отбилъ отъ насъ катеръ, - замѣчаетъ станціонный писарь.

Дальше дорога идетъ волнистою, заполненною холмами, мѣстностью, покрытою кустарниковыми зарослями. Холмы и кусты и между ними вьется сѣрое полотно шоссе съ известковою пылью— и опять холмы и кусты вокругъ, а немного вдали отошедшія въ сторону горы; моря же не видно почти всѣ остальныя 15 верстъ

---

[1]) Родомъ изъ Кабарды, но не изъ Кабардинки.

до Геленджика. Все это можетъ быть и красиво, но ужъ очень ординарно, особенно послѣ тѣхъ, по истинѣ красивыхъ и оригинальныхъ видовъ, которыми мы наслаждались, ѣдучи по шоссе до Кабардинки. Пропали даже и высокорослые можевельники и виноградники и красивыя туи, первые—своимъ крупнымъ ростомъ, а остальные—своимъ присутствіемъ такъ пріятно свидѣтельствовавшіе намъ о прибытіи въ болѣе теплыя страны. Прилегающіе къ шоссе холмы оказались почти сплошь заросшими довольно высокимъ, но однообразнымъ кустарникомъ, который ямщикъ охарактеризовалъ намъ простымъ именемъ «колючки». Это—то самое «держи-дерево», о которомъ генералъ Филипсонъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о временахъ покоренія Кавказа писалъ, что «отъ укрѣпленія Кабардинскаго онъ ѣхалъ 16 верстъ до Геленджика удобной дорогой «по мѣстности, покрытой кустарниками. Этотъ мирный переходъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что, поѣхавъ черезъ кусты въ сюртукѣ, я пріѣхалъ въ какой то курточкѣ съ лохмотьями полъ. Между кустами множество березы (?!), которую солдаты называютъ «держи-дерево», потому что безчисленное множество его иглъ съ загнутымъ концомъ вцѣпляются въ одежду и непримѣнно ее разрываютъ» [1]).

Только при приближеніи къ самому Геленджику вновь показывается—въ большомъ впрочемъ отдаленіи—открытое море, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная, яйцевидной формы, съ входнымъ отверстіемъ на юго-западъ, Геленджикская бухта. Впереди и вокругъ и по обѣ стороны шоссе—все тѣ же кусты, цѣлое море «колючки». За нею обширная бухта, на берегу которой впереди уже виднѣется Геленджикъ, а совсѣмъ направо отъ насъ, и уже сравнительно близко, цементный заводъ. Далѣе за нимъ видна неширокая полоса низменнаго берега (сѣверо-западная сторона бухты) съ прилегающимъ къ нему склономъ высокой горы, оживленнымъ нѣсколькими дачками [2]). По мѣрѣ приближенія къ от-

---

[1]) Стр. 131 «Воспоминаній».

[2]) Тутъ расположены такъ наз. культурные участки казенной земли, раздаваемой частнымъ лицамъ.

крытому морю, берегъ все болѣе лишается растительности. Превращаясь постепенно въ голую, выжженную солнцемъ и покрытую разными травянистыми колючками низину, онъ оканчивается тамъ, на взморьѣ, низкою, узкою и довольно длинною косою, представляющею какъ бы рубежъ между водами моря и бухты. Море здѣсь очень мелко, и въ вѣтряную погоду тутъ бьются о косу пѣнистыя волны. Здѣсь у косы входъ въ бухту съ моря и вмѣстѣ съ тѣмъ самое узкое ея мѣсто [1]), потому что противоположный, возвышенный, но столь же почти голый и пустынный, берегъ тоже значительно выдвинулся тутъ отвѣснымъ мысомъ съ маленькимъ маякомъ на верху.

Такая узость входа въ бухту, еще болѣе съуживаемаго мелями, значительно ограждаетъ ее отъ сильныхъ волненій, несмотря на ея обширность [2]).

Геленджикъ съ возвышенныхъ мѣстъ шоссе представляется нашимъ глазамъ въ видѣ селенія, растянутаго по изгибу берега бухты, съ церковкой въ самой широкой и оголенной отъ растительности части. Ближайшія его постройки теряются среди того же непокидающаго насъ моря колючки, а наиболѣе отдаленныя кажутся маленькими одинокими точками на голомъ берегу той стороны бухты. Видъ селенія не привлекаетъ красотою, и взоръ съ гораздо большимъ удовольствіемъ останавливается на тихихъ водахъ бухты и на созерцаніи отдаленнаго вида открытаго моря. Впрочемъ, взглянувъ совсѣмъ налѣво, поверхъ колючекъ, мы видимъ въ полуверстѣ, или немного болѣе, сравнительно высокія горы, кой-гдѣ поросшія кустами, кой-гдѣ бѣлѣющія обнаженными известняками и цементнымъ камнемъ. Это Морхотхскій хребетъ, тотъ самый, что сопровождалъ насъ отъ Новороссійска и скрылся за ближайшими холмами послѣ Кабардинки. Насколько глазъ хватаетъ, онъ уходитъ далеко впередъ, посылая легкіе отроги къ морю, которыми и замыкаетъ передъ нами долину геленджикской бухты. Эти горы гораздо менѣе красивыя, болѣе

---

1) Полторы версты отъ мыса до мыса.

2) 7 верстъ длины и 4 ширины (по «путеводителю» г. Москвича).

низкія и болѣе безлѣсныя, чѣмъ Яйла у Ялты, да сверкающее вдали море съ прилегающей къ Геленджику обширной бухтой, съ ея хотя и недурными, но мало оживленными и мѣстами почти лишенными зелени берегами,— вотъ и все, на чемъ охотно останавливается глазъ при приближеніи къ Геленджику.

Постепенно около шоссе, на полянкахъ между держи-деревомъ, появляются хатки и дачки, и очищенные отъ колючки, но еще не застроенные, планы. Вотъ направо мелькнуло не особенно большое, одноэтажное съ мезониномъ и еще съ двумя, кажется, домиками при немъ, на видъ весьма не дурное зданіе. Это тотъ самый «великолѣпно устроенный» санаторіумъ, который, по словамъ брошюры Л. А. Б., такъ «прекрасенъ», что составляетъ «украшеніе» Геленджика. Вокругъ него нѣчто въ родѣ небольшого, но симпатичнаго, обѣщающаго разростись и дать хорошую тѣнь парка, а вокругъ этого парка все та же колючка. Санаторій считается до извѣстной степени защищеннымъ отъ боры, но эта бора въ Геленджикѣ бываетъ такъ сильна, что отъ нея положительно не убережешься; отдѣльные же ея порывы, или, можетъ быть вѣрнѣе сказать, струи этихъ порывовъ, достигаютъ иногда степени сильнѣйшаго шторма. И вотъ одна изъ сильнѣйшихъ боръ, надѣлавшихъ нѣсколько лѣтъ назадъ великихъ бѣдъ и въ Геленджикской и, въ особенности, въ Новороссійской бухтѣ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ очевидецъ, посягнула и на санаторіумъ. Во дворѣ стояла лошадь, привезшая бочку воды на двухколескѣ. Порывъ боры опрокинулъ двухколеску вмѣстѣ съ бочкой, сбивъ этимъ съ ногъ и лошадь, у которой при этомъ повредило шею!..

Наконецъ, насъ совсѣмъ покидаетъ колючка, и мы тѣмъ же шоссе въѣзжаемъ въ длинную «главную» улицу Геленджика. По обѣ стороны стоятъ, по преимуществу, одноэтажные дома, коегдѣ съ обѣщающими еще застроиться небольшими интервалами, и мы скоро останавливаемся у одноэтажной гостинницы «Петербургъ» съ рестораномъ. Вхожу въ ресторанъ переговорить съ хозяиномъ о номерахъ—и прямо предо мною вырисовывается на стѣнѣ большая вывѣска въ рамѣ: «Просятъ публику снимать шапки

и фуражки; шумъ и сквернословіе строго воспрещается». Полагая, что нѣтъ дыма безъ огня, и зная, какъ мало у насъ на Руси значатъ подобныя воспрещенія въ подобныхъ «заведеніяхъ», мы просимъ ямщика везти въ какую-нибудь другую гостинницу. Оказывается, что другихъ только одна и принадлежитъ она... (все это, какъ видите, здѣсь пока очень просто и по домашнему)... принадлежитъ она... «Папашѣ» [1]).

Опять мимо насъ мелькаютъ одноэтажные домики, нѣсколько поперечныхъ улицъ, лавки, двѣ-три греческихъ кофейни, единственная здѣсь извощичья «биржа» съ парными фаэтонами, и, заѣхавъ въ какой-то проулокъ, мимо зданія народнаго училища, мы останавливаемся у двухэтажнаго деревяннаго дома, представляющаго лучшую мѣстную («папашину») гостиницу. При домѣ небольшой не то дворикъ, не то садикъ, гдѣ присутствіе кухоннаго корыта и какой то грязной лужи дополняется вынесенными изъ дому кадками съ цвѣтами, присутствіе которыхъ въ свою очередь должно дополнить недостатокъ зелени въ «саду». Номера почти всѣ заняты и изъ открытыхъ оконъ несется говоръ и ребячій пискъ. Намъ нужно не менѣе двухъ комнатъ рядомъ и не дорогихъ, а за полусвѣтлый номеръ въ одно, выходящее на общую веранду окно, съ насъ запросили 30 р., за свѣтлый же номеръ съ однимъ окномъ прямо на улицу—45 р. въ мѣсяцъ.

Черезъ 3 дня мы устроились, наконецъ, въ отдѣльномъ домикѣ за указанную уже выше цѣну, и нашими хозяевами оказа-

---

[1]) Вотъ выдержка о ней изъ брошюры Л. А. Б., расхвалившей всѣхъ геленджикскихъ предпринимателей: «пріѣзжимъ, не имѣющимъ здѣсь знакомыхъ и не приготовившимъ себѣ заранѣе помѣщенія, приходится останавливаться сперва въ гостинницѣ, въ которой, впрочемъ, многіе остаются на весь сезонъ,—такъ здѣсь все дешево, спокойно и хорошо, несмотря на первобытную простоту, но... à la guerre, comme à la guerre. Гостинница эта содержится старикомъ Ф. А. Кордесомъ, старожиломъ края, добродушнымъ и милѣйшимъ человѣкомъ, котораго населеніе иначе не называетъ, какъ «папаша», такъ же какъ почтенную супругу его—«мамашей».

лись греки изъ турецкихъ подданныхъ,—простая честная симпатичная семья, главный доходъ которой составляла плата, выручаемая отъ сдачи этого домика пріѣзжающимъ на лѣто. Это были турецкіе подданные, почти 30 лѣтъ прожившіе въ предѣлахъ Россіи; такихъ въ Геленджикѣ довольно много.

— Султана мы не любимъ. Георгъ хорошъ, только намъ отъ него пользы нѣтъ. Но мы русскій царь любимъ, потому что онъ позволилъ жить намъ здѣсь. У него жена красивый,—купимъ партретъ въ Новороссійскомъ!—говорилъ намъ хозяинъ, перечисляя, съ своей точки зрѣнія, выгоды ихъ жизни въ Геленджикѣ.

Глава дома былъ конопатчикомъ фелюгъ (лодокъ). Этотъ заработокъ, пріобщенный къ выручкѣ отъ сдачи лѣтомъ дома подъ дачу, составлялъ почти всё, чѣмъ должна была жить семья изъ двухъ взрослыхъ и четверыхъ дѣтей. Подспорьемъ, впрочемъ, было молоко четырехъ козъ, пять кустовъ плохенькаго винограда около дома и сборъ кизиля въ лѣсу для собственнаго потребленія. Потребности этой семьи были доведены до минимума: разъ есть кислое молоко и чурекъ, т. е. лепешки изъ кукурузной муки, то больше ничего не требуется,—остается только ничего не дѣлать, въ чемъ и заключается идеалъ жизни. Только крайность заставитъ вновь приняться за работу. У нихъ есть и другой домикъ, доставшійся въ наслѣдство. Но онъ много лѣтъ стоитъ недостроенный—не хватаетъ денегъ, оставленныхъ покойнымъ дѣдомъ, да и «некогда» приняться за достройку.

— Но отчего же вы не займетесь какой-нибудь работой, не найметесь на лѣто, не научитесь плотничать или столярить? —это же такъ сходно съ тѣмъ ремесломъ, которое вы знаете!.. Вы могли бы этимъ заработкомъ добыть деньги для достройки дома,—говорю я хозяину.

— Нѣтъ, я не можетъ.

— Почему «не можетъ»?

— Потому не можетъ—не привыкъ, я этого не знаитъ, это трудно... Нѣтъ, я этого совсѣмъ не можетъ!..

Въ большинствѣ они всѣ таковы. Два-три дня работаютъ и, заработавъ кое-что, сейчасъ же отдыхаютъ, не принимаясь за работу и недѣлю и другую и проводя время въ бесѣдахъ, въ безмолвномъ созерцанiи природы, въ кофейняхъ за игрою въ кости. Съ утра до ночи вы можете видѣть на верандахъ Геленджикскихъ кофеенъ этихъ грековъ, собравшихся въ кучки—кто для игры въ кости, кто только для того, чтобы посмотрѣть, какъ играютъ другiе.

Занятiя ихъ разнообразны; одни—хорошiе мастера, ремесленники, другiе—рыболовы, третьи—владѣльцы фелюгъ для катанья дачниковъ по бухтѣ, занятiе вполнѣ соотвѣтствующее ихъ идеалу ничегонедѣланiя: жди дачниковъ и ѣзди съ ними на парусахъ, опять не утруждая рукъ работой. Это положила уже на нихъ свою печать ихъ жизнь въ курортѣ, обезпечивающая отъ крайней нужды, устраняющая отъ необходимости постояннаго упорнаго труда. Живущiе же внѣ курорта и потому вынужденные добывать себѣ средства упорнымъ настойчивымъ трудомъ, предпрiимчивы и, по общимъ отзывамъ, весьма трудолюбивы; тамъ они усердные землевладѣльцы, виноградари и табаководы. А здѣсь—иное дѣло. Только пришедшiе сюда съ деньгами сумѣли еще на первыхъ порахъ захватить доходные планы, предприпять, занявъ удобныя мѣста, доходную торговлю; лучшiя лавки тутъ именно у грековъ; лучшiя фелюги—опять у нихъ же и у нихъ нѣтъ конкуррентовъ для катачья дачниковъ въ фелюгахъ [1]).

Но на большинство все-таки наложила свою печать та легкость жизни и заработка, которая связана съ пребыванiемъ въ курортѣ и которая начинаетъ, кажется, оказывать такое же влiянiе на русскихъ старожиловъ.

Безукоризненная честность нашихъ хозяевъ давала намъ возможность уходить изъ квартиры ничего не запирая; а уходя въ наше отсутствiе сами, они запирали нашу квартиру на замокъ, оставляя ключъ въ замкѣ же для нашего удобства.

— Чтобы собака не зашелъ, а человѣка ты не бойся: имъ тутъ ничего не нужна—чужого не берутъ, свое довольна!..

---

[1]) Стоимость катанья на фелюгахъ приблизительно 40—60 к. въ часъ, смотря по соглашенiю и времени сезона.

И, кажется, что Геленджикъ дѣйствительно можетъ похвастаться отсутствіемъ воровства; по крайней мѣрѣ о такихъ случаяхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ намъ не удалось слышать ни разу. Впрочемъ, были здѣсь лѣтъ 5 назадъ даже и разбои, но производимые людьми, пришедшими извнѣ—явленіе, слѣдовательно, вполнѣ случайное и возможное во всякомъ мѣстѣ. Ихъ было три «черкеса», начавшіе свои разбои съ дневного нападенія на В. А. Щербину [1]), когда онъ жилъ въ Геленджикѣ на дачѣ въ довольно людномъ мѣстѣ. Нападенію предшествовало полученіе имъ солидной суммы денегъ, съ цѣлью похищенія которой они намѣревались убить В. А. Но, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, наглое нападеніе не удалось, окончившись, однако, тяжелымъ пораненіемъ В. А., оставившимъ печальный слѣдъ на всю его жизнь. Произведя еще нѣсколько разбоевъ, пріятная компанія удалилась и, по слухамъ, оперируетъ теперь въ предѣлахъ кутаисской губ. уже въ составѣ четырехъ человѣкъ. Упоминаю объ этихъ фактахъ только потому, что, ссылаясь на нихъ, многіе указывали на небезопасность жизни въ Геленджикѣ.

Изъ всего сказаннаго выше читатель уже заключилъ, конечно, что Геленджикъ можетъ пока считаться дешевымъ морскимъ курортомъ [2]).

Одинъ изъ мѣстныхъ дачевладѣльцевъ характеризовалъ мнѣ его такъ:

— Теперь это—курортъ священниковъ, учащейся молодежи, сельскихъ учителей и вообще педагоговъ, что и служитъ неопро-

---

[1]) Бывшаго секретаря Кубанскаго областн. стат. комитета, брата извѣстнаго земскаго статистика Ф. А. Щербины.

[2]) Напр., десятокъ яицъ стоилъ (въ 1901 г.)—12—15 к., говядина 9—11 к. за фунтъ, баранина дешевле; впрочемъ молочные продукты, вѣроятно вслѣдствіе сравнительно слабаго развитія скотоводства, уже довольно дороги: сливочное масло 50—60 к. фунтъ, сметанное 30 к., коровье молоко 8 к. бутылка, при чемъ подъ видомъ коровьяго нерѣдко подсовываютъ болѣе дешевое козье.

вержимымъ доказательствомъ его дешевизны, потому что народные учителя люди бѣдные, студенчество—немногимъ ихъ богаче, педагоги—вообще тоже люди не богатые, а изъ духовныхъ не бѣдные—всегда скупые.

Просмотръ списковъ пріѣзжихъ (что ведется въ сельскомъ управленіи) вскорѣ же убѣдилъ меня въ правильности его словъ о значительномъ процентѣ лицъ этихъ категорій изъ числа дачниковъ.

Списки же вполнѣ убѣждали и въ томъ, что Геленджикъ, имѣя своими посѣтителями по преимуществу людей мало и средне—обезпеченныхъ изъ такъ наз. интеллегентнаго круга, привлекаетъ ихъ изъ разнообразнѣйшихъ мѣстъ, каковы, напр., губерніи петербургская, воронежская, кіевская, екатеринославская, московская, саратовская, томская, Ростовъ на Дону, Екатеринодаръ и даже Владивостокъ [1]).

Эта сравнительная дешевизна жизни и является однимъ изъ главнѣйшихъ условій, привлекающихъ сюда всю эту, ежегодно умножающуюся въ числѣ, публику. Другое—для дѣйствительно больныхъ и нуждающихся въ отдыхѣ людей—удобство мѣстной курортной жизни заключается въ томъ, что Геленджикъ не доросъ еще до настоящаго типичнаго курорта съ курзалами, кафе-ресторанами и т. п., поэтому жизнь здѣсь спокойная, не шумная, для иныхъ, можетъ быть, даже кажущаяся скучною, но для дѣйствительно больныхъ, нуждающихся въ покоѣ, какъ разъ подходящая; пріѣзжающая публика одѣвается просто, безъ претензій, пріѣзжіе знакомятся другъ съ другомъ довольно легко. Конечно, это зависитъ и отъ самого состава пріѣзжающей публики; одно съ другимъ въ связи—большая часть этой публики, вѣроятно, и не поѣхала бы въ настоящій дорогой курортъ, какъ сюда не поѣдетъ та, которая ищетъ блеска и развлеченія. Но надо думать, не очень далеко то время, когда и Геленджикъ обзаведется «всѣмъ необходимымъ» для «настоящаго» курорта. Но тогда, вѣроятно, и жизнь въ немъ станетъ дороже, и составъ пріѣзжающей

---

[1]) Четыре семьи въ 1901 году

публики до нѣкоторой степени тоже измѣнится. Надо, впрочемъ, замѣтить, что за неимѣніемъ спеціальныхъ мѣстъ для увеселеній, недостатокъ въ развлеченіяхъ пополняется отчасти самою публикою, устраивающею отъ времени до времени въ частныхъ домахъ или въ помѣщеніи училища—обыкновенно съ какою-нибудь благотворительною (на мѣстныя общественныя нужды) цѣлью—литературно-музыкальные вечера, кончающіеся танцами.

Если описанная простота жизни и отсутствіе обычныхъ спеціально курортныхъ развлеченій могутъ быть разсматриваемы нѣкоторою частью публики, какъ недостатокъ этого молодого курорта, то на вопросъ объ удобствахъ морского купанья въ Геленджикѣ врядъ ли можетъ быть двѣ точки зрѣнія. Правда, что тотъ берегъ Геленджикской бухты, гдѣ имѣлась въ 1901 г. лучшая предпринимательская купальня (плата 3 р. за 100 билетовъ) и затѣмъ мѣстная «народная» купальня [1]), далеко уступаетъ по удобству купанья той сторонѣ, что за заводомъ, гдѣ находятся культурные участки. И вообще весь Геленджикъ, въ видахъ наибольшаго удобства для купанья, долженъ бы быть расположенъ на той (сѣверозападной) сторонѣ бухты, гдѣ берегъ съ отличнымъ пляжемъ изъ одного лишь мелкаго песка и по качествамъ своимъ не уступаетъ лучшему въ Крыму—Ѳеодосійскому. Но и на этой сторонѣ дно бухты во многихъ мѣстахъ вполнѣ удобно для купанья: ровно, безъ ямъ, покрыто пескомъ и понижается по мѣрѣ удаленія отъ берега съ такою постепенностью, которая даетъ возможность даже неумѣющимъ плавать безопасно удаляться на большое разстояніе отъ берега. Въ этомъ отношеніи купанье въ Геленджикской бухтѣ чрезвычайно удобно для дѣтей, и это удобство еще болѣе увеличивается значительною защищенностью бухты отъ вѣтровъ, въ особенности отъ «моряка», т. е. вѣтра, дующаго

---

[1]) Съ самымъ неудобнымъ мѣстомъ для купанья, гдѣ дно изобилуетъ камнями и массой свай оставшихся отъ какой то постройки, вѣроятно пристани

съ моря. Обстоятельство это значительно умѣряетъ силу прибоя, такъ что въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ прибой является препятствіемъ для неумѣющихъ плавать и дѣтей. А это, въ свою очередь, даетъ возможность и взрослымъ, и малолѣтнимъ больнымъ, пріѣзжающимъ спеціально для купанья на короткое время, использовать въ этомъ отношеніи имѣющееся въ ихъ распоряженіи время полностію, производя купанье съ необходимой регулярностью, что осуществимо въ весьма развѣ немногихъ морскихъ курортахъ черноморскаго побережья. Извѣстные изслѣдователи этого побережья, гг. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ [1]), говоря объ условіяхъ купанья у сѣверозападнаго берега Геленджикской бухты съ его прекраснымъ пляжемъ, признаютъ, что лучшаго мѣста для купанья нѣтъ на всемъ черноморскомъ побережьѣ.

Но въ числѣ постоянныхъ Геленджикскихъ жителей я встрѣтилъ оригинала, который, 8 лѣтъ живя на берегу бухты и вблизи открытаго моря, ни разу не купался ни въ ней, ни въ морѣ, на томъ основаніи, что онъ здоровъ, поддерживать чистоту тѣла можетъ посредствомъ бани и не желаетъ «грязнить» себя купаньемъ въ непроточной водѣ «этой грязной лужи», именуемой моремъ.

— Васъ это, конечно, удивляетъ, и я вполнѣ васъ понимаю: не можете же вы не дорожить тѣмъ, на что, ѣдучи сюда, уже издержали массу денегъ. Ну, а мнѣ этого и даромъ не нужно!

При возможности такого разнообразія мнѣній, вѣроятно, найдутся люди, которымъ не понравятся даже и условія купанья въ Геленджикской бухтѣ, потому, напр., что здѣсь нѣтъ сильнаго прибоя, борьба съ которымъ бываетъ столь пріятна хорошимъ пловцамъ, и нѣтъ такихъ глубокихъ мѣстъ у берега, съ которыхъ можно было бы бросаться прямо въ морскую глубь. Ничего этого дѣйствительно нѣтъ ни въ бухтѣ, ни въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика у береговъ открытаго моря, выступающихъ въ него обширными каменистыми мелями. Берегъ открытаго моря большею частію высокій отвѣсный, не дающій возможности спу-

---

[1]) «Черномоское побережье», стр. 132.

ститься къ водѣ, чтобы поискать интересныхъ камешковъ и половить крабовъ (что, впрочемъ, вполнѣ возможно во многихъ мѣстахъ бухты). Для свѣдѣнія любителей необъятнаго морского простора надо сказать также, что изъ Геленджика, пріютившагося на отдѣленномъ отъ моря концѣ суживающейся къ морю бухты и на сравнительно низкомъ мѣстѣ, видѣнъ только небольшой кусочекъ моря. Чтобы полюбоваться морскимъ просторомъ, приходится совершать спеціальныя прогулки къ морю по пустынному выжженному солнцемъ берегу бухты безъ признака тѣни.

Такъ какъ для пріѣзжающихъ ради морского купанья важно имѣть свѣдѣнія о температурѣ морской воды, то необходимо сказать, для ихъ свѣдѣнія, что ни въ Геленджикѣ, ни въ какомъ изъ другихъ морскихъ курортовъ черноморскаго побережья Кавказа до сихъ поръ не производилось спеціальныхъ на этотъ счетъ наблюденій[1]). Но мѣстные побережные жители единодушно увѣряютъ, что въ періодъ купальнаго сезона на побережьѣ не бываетъ такихъ быстрыхъ колебаній и въ особенности пониженій температуры морской воды, какія бываютъ, напр., на берегахъ Крыма (за исключеніемъ Севастополя) и въ окрестностяхъ Одессы [2]). Если это вѣрно для всего кавказскаго побережья, то тѣмъ болѣе вѣрно для защищенной Геленджикской бухты.

На берегу этой бухты имѣется въ Геленджикѣ бульваръ, изъ котораго открывается видъ на всю бухту, на большую часть Геленджика, на море. Въ самомъ Геленджикѣ это единственное мѣсто, спеціально предназначенное для прогулокъ. Бульваръ устроенъ путемъ простого отграниченія рѣшетчатымъ заборомъ узкой, свободной отъ дачныхъ построекъ полосы вдоль самаго берега бухты. Несмотря на сравнительно густую заросль на всемъ огорожен-

---

[1]) Предполагалось лишь начать ихъ съ 1899 года на Сухумскомъ маякѣ.

[2]) Научное объясненіе этому см. на стр. 81—82 «Черном. Побережья».

номъ подъ бульваръ, приблизительно полутора-верстномъ, пространствѣ, тѣни вы въ немъ не найдете, потому что на бульварѣ растетъ почти исключительно держи-дерево, а оно не подпускаетъ къ себѣ подъ тѣнь своими колючками. Исключеніе составляетъ лишь небольшой такъ наз. «уголокъ влюбленныхъ»—мѣстечко не больше какъ въ 100 кв. саж.—гдѣ пресловутое держи-дерево уступило свое мѣсто дающимъ пріятную тѣнь деревьямъ другихъ породъ. Здѣсь всегда много публики, здѣсь пріютился фруктовщикъ съ кефиромъ, здѣсь же и наибольшая на бульварѣ масса всякаго сора и отбросовъ. Бульваръ находится подъ покровительствомъ организовавшагося здѣсь изъ дачевладѣльцевъ «Общества содѣйствія благоустройству курорта Геленджика съ окрестностями отъ р. Ашамбэ до р. Пшада», которое ведетъ тщетную борьбу съ мѣстными «старожилами», охотно вырубающими на домашнія надобности немногія порядочныя деревья на бульварѣ.

Еще до посѣщенія Геленджика Николаемъ I эти старожители успѣли уже вырубить ближайшіе лѣса на столько, что «Зеленчукъ», какъ помнитъ читатель, и тогда уже былъ окруженъ мелколѣсьемъ, въ составъ котораго входила та самая колючая «береза», которая изорвала въ клочки мундиръ генерала Филипсона. Теперь этой «березы» не оберешься, а тамъ, гдѣ ее нѣтъ—тамъ ее замѣняютъ другія «колючки». Одинъ туристъ, по спеціальности статистикъ, сдѣлалъ подсчетъ всѣхъ видовъ «колючекъ»—кустарныхъ и травянистыхъ въ окрестностяхъ Геленджика и насчиталъ двѣнадцать. Такое изобиліе «колючекъ» составляетъ одно изъ существенныхъ неудобствъ пѣшихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Геленджика: травянистыя колючки обжигаютъ ногу обутую въ болѣе открытую лѣтнюю обувь; держи-дерево не позволяетъ свернуть съ протоpенной тропинки безъ риска наколоться на его иглы, а иногда и застрять среди колючекъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, когда слегка загнутыя его иглы не пускаютъ ни впередъ, ни назадъ.

Пройдя бульваръ, кое-гдѣ отмѣченный слѣдами пребыванія коровъ, можно береговыми тропинками, проложенными между кустовъ этого «чортова-дерева», какъ его называютъ нѣкоторые,

дойти и до цементнаго завода, повидать самый заводъ, пристань при немъ, нагрузку судовъ цементомъ. Дальше за заводомъ берегъ бухты круто поворачиваетъ къ морю мимо такъ наз. культурныхъ участковъ, т. е. казенныхъ земель, розданныхъ разнымъ лицамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ въ собственность. Сначала[1]) они обыкновенно отдаются лишь въ льготное пользованіе на 5 лѣтъ съ обязательствомъ насажденія той или иной культуры на извѣстномъ пространствѣ участка. Но по истеченіи 5 лѣтъ предоставляется право на льготныхъ условіяхъ пріобрѣсти участокъ въ собственность. Нормальный размѣръ этихъ участковъ 10 дес., и каждое отдѣльное лицо имѣетъ право только на 1 такой участокъ, но въ «заслуживающихъ уваженія» случаяхъ допускается давать и по нѣсколько участковъ въ однѣ руки. Вотъ такіе то участки, изъ которыхъ многіе перешли уже къ новымъ владѣльцамъ, раздробились, или наоборотъ соединились въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ,—и расположены на этомъ берегу бухты, а также около Кабардинки, близъ нѣкоторыхъ другихъ изъ окрестныхъ селеній и около Новороссійска въ урочищахъ Пенай и Чухабль. Геленджикскому туристу не безъинтересно будетъ посмотрѣть эти участки, побывать на разведенныхъ въ нихъ виноградникахъ, присмотрѣться къ страдающимъ отъ нордъ-оста садамъ и убѣдиться въ ничтожномъ процентѣ земель, занятыхъ подъ культуру на этихъ участкахъ, розданныхъ именно въ цѣляхъ насажденія культуры, но, вслѣдствіе дороговизны цѣнъ на землю, продающихся весьма дорого даже и въ совсѣмъ неразработанномъ видѣ. Поучительный примѣръ для возраженія противъ политики насажденія культуры путемъ раздачи земель людямъ постороннимъ, не знающимъ мѣстныхъ условій, а главное не живущимъ личнымъ земледѣльческимъ трудомъ (участки находятся преимущественно въ рукахъ лицъ не мѣстнаго происхожденія изъ такъ наз. интеллигентнаго круга)...

---

[1]) Правила объ отводѣ культурныхъ участковъ см. въ Справочной книгѣ черноморской губ. на 1899 г., составл. П. С. Леонтьевымъ, стр. 23.

Здѣсь чортово-дерево замѣнилось другою болѣе симпатичною и разнообразною растительностью, чередующеюся съ маленькими виноградничками, небольшими садочками и дачками, а пляжъ для купанья, какъ я уже говорилъ, наилучшій изъ всей бухты и даже всего побережья. Съ завода, если есть время, можно посѣтить и ломки цементнаго камня, но практичнѣе, чтобы не утомляться, сдѣлать это цѣлью отдѣльной прогулки.

Этимъ, однако, не исчерпываются любимыя мѣста прогулокъ геленджикскихъ дачниковъ въ окрестностяхъ селенія. Можно, напр., совершить еще прогулку, чтобы повидать и «степь»!... Такъ назвали бывшіе жители кубанскихъ степей—геленджикскіе старожилы изъ казаковъ—тѣ небольшія пахатныя и сѣнокосныя поляны, которыя по склонамъ спускающейся къ бухтѣ пологости, разбросаны куртинами между обширными зарослями чортова дерева. Хотя присвоенное имъ названіе степи звучитъ горькой ироніей, но поляны эти невольно радуютъ взоръ человѣка, утомленнаго однообразной картиной чортова-дерева и привыкшаго къ картинамъ сельской жизни. Есть еще одно любимое мѣсто прогулокъ геленджикскихъ туристовъ—къ маяку надъ моремъ по голому, выжженному солнцемъ берегу бухты мимо бойни, гдѣ почти на глазахъ гуляющей вечерами публики производится убой скота для питанія ея на завтрашній день. Вотъ, кажется, и всѣ главнѣйшія мѣста прогулокъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика. Но публика, не удовлетворяющаяся такими прогулками въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика, не лишена однако возможности, покинувъ окружающее его кольцо держи-дерева, найти за его предѣлами мѣста весьма красивыя и оригинальныя.

Интересную и характерную для данной мѣстности особенность всѣхъ прогулокъ въ окрестностяхъ составляетъ бѣдность цвѣтовъ на землѣ (т. е. на травянистой растительности) и бѣдность пѣвчими птицами. Что же касается поѣздокъ въ болѣе дальнія прогулки, то онѣ, несомнѣнно, интереснѣе предыдущихъ, но обходятся сравнительно дорого. Даже съѣздить въ фаэтонѣ изъ Геленджика на тотъ берегъ бухты за заводъ, чтобы побыть

тамъ съ полчасика и то уже стоитъ 2 р. Поѣздка же на т. наз. Михайловскій перевалъ или въ Джанхотъ (съ правомъ пробыть тамъ до вечера) 5—6 р.[1])—и т. п. Поэтому при сравнительно частыхъ прогулкахъ расходъ на оплату поѣздокъ слагается въ крупную сумму. Но извощиковъ мало, слѣдовательно нѣтъ «благодѣтельной конкурренціи», да и единственное время ихъ заработка —лѣто, когда имъ необходимо нажить денегъ на весь годъ. Этимъ объясняютъ, почему и извощичья такса, дѣйствующая въ самомъ Геленджикѣ, тоже довольно высока (напр., въ часъ 50 коп.).

Весьма интересна прогулка въ Адербіевку. Туда, при нежеланіи идти пѣшкомъ, можно попасть кружнымъ путемъ—по шоссе и затѣмъ долиною р. Адербы—по дну ущелья, постоянно пересѣкаемаго рѣчкой, которую приходится нѣсколько разъ переѣзжать въ бродъ, такъ какъ когда-то построенные чрезъ нее мосты на половину снесенные, на половину испорченные, представляютъ «одно сплошное недоразумѣніе». Поэтому случайно поѣхавшимъ чрезъ эти мосты мѣстные жители-малороссы обыкновенно иронически замѣчаютъ: «чего тебя нечистая понесла сюда, хиба ты не бачивъ, *що це мостъ*» [2])! Двѣнадцативерстный колесный путь этотъ, не однажды въ годъ прерывающійся благодаря дождямъ каждый разъ на нѣсколько недѣль, проходитъ въ довольно красивомъ ущельѣ. Но онъ не открываетъ тѣхъ безусловно красивыхъ перспективъ, которыми отличается пѣшій путь въ Адербіевку чрезъ Мархотхскій хребетъ по горной тропѣ, которою Адербіевцы обыкновенно сообщаются съ моремъ и Геленджикомъ.

Подъемъ на гребень хребта ничуть не опасенъ, хотя и нѣсколько труденъ; въ прогулкѣ съ дамами мы поднимались на него,—не безъ нѣсколькихъ короткихъ приваловъ, конечно,—приблизительно два часа. Несмотря на то, что день былъ жаркій и безвѣтренный, такъ что подниматься было довольно жарко,

---

[1]) Разстоянія отъ Геленджика 16—21 верст.; цѣны эти—въ періодъ наплыва пріѣзжихъ.

[2]) «Черноморское Побережье», стр. 133.

тамъ на обнаженномъ гребнѣ хребта ничуть не было жарко, благодаря довольно свѣжему вѣтру, гулявшему надъ горами. А главное, за всѣ трудности пути мы съ избыткомъ были вознаграждены грандіознымъ видомъ на всю долину Геленджика, на самое селеніе, на бухту, на Кабардинку, даже на «Цемесскую» бухту съ г. Новороссійскомъ въ дальнемъ углу, и, наконецъ на самое море, открывавшееся передъ нами въ необъятной ширинѣ. Пожалуй, не менѣе хорошъ, только въ другомъ родѣ, и видъ по ту сторону гребня на ущелье р. Адербы и на хаосъ горъ, то сплошь заросшихъ лѣсомъ, то полуобнаженныхъ сверху и мѣстами бѣлѣющихъ на яркомъ солнцѣ мѣловыми обнаженіями. Съ нашего гребня бинокль позволялъ видѣть на ближайшихъ склонахъ мѣстами почти отвѣсныя и всегда прямыя тропы, или вѣрнѣе сказать, спуски, употребляемыя Адербіевцами для скатыванія съ горъ срубленныхъ деревьевъ и сѣна, которое сволакиваютъ съ горъ веревками. А внизу въ ущельѣ Адербы видны уже простымъ глазомъ и рѣчка, и крестьянскія постройки, расположенныя на террасахъ и склонахъ ущелья, куда не достигаетъ разливъ Адербы въ дождливое время.

Стоитъ спуститься и въ Адербіевку, хотя бы для того, чтобы имѣть представленіе объ оригинальныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ ея населеніе. Въ ущельѣ Адербы жило прежде до 4000 черкесскихъ семей, послѣ упорнаго сопротивленія окончательно вытѣсненныхъ около 1864 г. русскими войсками. Слѣдами ихъ пребыванія и культуры остались разбросанныя между постройками группы яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ и грецкаго орѣха, стволы которыхъ достигаютъ 2—3 аршинъ въ обхватѣ. Здѣсь, послѣ ихъ ухода, поселены были сначала входившіе въ составъ Шапсугскаго баталіона козаки, пригнанные съ степей Кубани, но скоро громадное большинство ихъ разбѣжалось. Потомъ поселили здѣсь крестьянъ-малороссовъ преимущественно изъ полтавской губ., а къ нимъ присоединилось еще нѣсколько семей грековъ-табаководовъ, вмѣстѣ съ которыми въ

ущельѣ живетъ теперь лишь 100 съ небольшимъ семей[1]). Номинально надѣлъ 30 дес. на дворъ, но разработка земли крайне трудна, да и удобной земли весьма мало; въ травѣ недостатка нѣтъ, но доставить скошенное въ горахъ сѣно трудно и $^{2}/_{3}$ его пропадаетъ при спускѣ съ горъ. Виноградъ родится не особенно хорошо: вредятъ иногда зимніе морозы, да и почва здѣсь попреимуществу глинистая, «холодная», не въ примѣръ окрестностямъ Геленджика, богатымъ известковыми «теплыми» почвами съ прекрасными виноградниками у нѣкоторыхъ владѣльцевъ культурныхъ участковъ. Винодѣліе съ самомъ примитивномъ состояніи. Главный заработокъ, главный источникъ жизни Адербіевцевъ—лѣсъ: рубка лѣса и сбытъ его, какъ строевого матеріала и топлива. Но естественное лѣсовозобновленіе далеко не поспѣваетъ пополнять безпощадную вырубку; все годное вблизи уже вырублено; когда то могучіе дубы, буки и ольхи, громадныя яблони и груши упали подъ ударами топора, и за ними приходится теперь отправляться далеко въ горы. Промыселъ становится все труднѣе и малодоходнѣе. Нѣкоторые Адербіевцы уже пробовали выселяться въ Сибирь (!), но вернулись назадъ разоренные. Въ общемъ, населеніе живетъ бѣдно, а съ дальнѣйшею вырубкою лѣса жить станетъ еще тяжелѣе; уже и теперь Геленджикъ получаетъ строевой лѣсъ главнымъ образомъ не изъ Адербіевки, а изъ болѣе отдаленной Пшады; изъ Адербіевки же идутъ преимущественно дрова. Приближается грозный моментъ, когда Адербіевцамъ придется рѣшать вопросъ о томъ, чѣмъ жить и куда дѣться[2]).

Необходимо сказать кстати пару словъ о климатѣ Адербіевки, въ виду высказывавшагося мнѣнія о возможности образо-

---

[1]) Сверхъ этого невдалекѣ имѣется еще особый поселокъ—семей 20 чеховъ, поселившихся здѣсь лѣтъ 20 наз. и живущихъ главн. обр. огородничествомъ, идущимъ у нихъ довольно успѣшно.

[2]) Подробности объ Адербіевкѣ, ея винодѣліи и климатѣ см. въ извѣстной книгѣ «Черном. побережье» стр. 50 и 133—135 и въ «Трудахъ съѣзда виноградовладѣльцевъ» въ 1891 г. въ Новороссійскѣ, стр. 238 и слѣд.

ванія въ ущельѣ Адербы климатической станціи. Ущелье это, какъ уже замѣтилъ, конечно, читатель, заслонено отъ Геленджика, а слѣдовательно и отъ моря, довольно высокою горною грядою; поэтому морскіе бризы сюда не достигаютъ. Осушающій воздухъ нордъ-остъ, попадая въ ущелье, не только слабѣетъ, но главное, крутится и вертится въ предѣлахъ ущелья, производя водоворотъ воздуха, но мало содѣйствуя его смѣнѣ и вентиляціи, что несомнѣнно онъ дѣлаетъ въ Геленджикѣ, гдѣ, на ряду со всѣми приносимыми имъ невыгодами, онъ все-таки содѣйствуетъ вентиляціи мѣстности. По низинамъ Адербіевскаго ущелья расположились громадныя заросли папоротника, мать-мачихи и др. сорныхъ травъ; временами буйно разливающаяся Адерба оставляетъ слѣды своихъ разливовъ въ видѣ не скоро высыхающихъ озеръ и лужъ. Результатомъ всего этого являются здѣсь отсутствующія въ Геленджикѣ лихорадки, хотя и уступающія хинину, но обязательно появляющіяся съ іюля и продолжающіяся до осени. И осенью и зимою Адербіевка несомнѣнно холоднѣе Геленджика; снѣгъ, быстро стаивающій въ Геленджикѣ вслѣдъ за выпаденіемъ, по ущельямъ горъ, а иногда и въ самой Адербіевкѣ лежитъ иногда по нѣсколько недѣль, хотя бываютъ, конечно, и совсѣмъ безснѣжныя зимы.

Еще болѣе суровъ зимній климатъ въ другомъ любимомъ мѣстѣ прогулокъ геленджикскихъ дачниковъ--на Михайловскомъ перевалѣ, гдѣ расположено извѣстное имѣніе Вардавиръ принца А. П. Ольденбургскаго. Тамъ мѣстность, благодаря наличности могучихъ зарослей и кромѣ того защищенности ея отъ моря Мархотхскимъ горнымъ хребтомъ, а отъ нордъ-оста Коцехурскимъ, плохо вентилируется и изолирована отъ непосредственнаго вліянія близости моря. Она имѣетъ довольно ясно выраженный континентальный климатъ съ значительными суточными колебаніями температуры, съ утренниками на низкихъ мѣстахъ еще въ апрѣлѣ, съ большимъ количествомъ осадковъ, особенно лѣтомъ, съ глубокими (до 2-хъ и болѣе аршинъ) и долго лежащими снѣгами въ нѣкоторыя зимы. Тамъ предполагалось завести виноградничество въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, но мѣстныя условія

оказались недостаточно благопріятными. За то мѣстная и луговая растительность здѣсь роскошны и нѣтъ той сухости и лѣтняго жара, которые замѣчаются въ Геленджикѣ и въ особенности въ Новороссійскѣ. За то и дорога туда (кромѣ первыхъ 4—5 верстъ отъ Геленджика среди сплошного держи-дерева) отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ пышно разросшейся растительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красотою видовъ. Дѣлая крутые изгибы, шоссе то опускается въ долину какой-нибудь рѣчки или ручья, то подымается на возвышенность и идетъ по высоко поднятому узкому карнизу горы, открывая широкія перспективы вокругъ, то узкой сѣрой лентой извивается въ хаосѣ горъ, мѣстами обросшихъ могучею растительностью, мѣстами отвѣсныхъ съ ярко выдѣляющимися на солнцѣ громадными обнаженіями известняковъ, красиво наслоенныхъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Великолѣпные огромные буки, дубы и карагачи, многочисленные мелколистные грабы постепенно подступаютъ къ шоссе сплошною стѣною съ обѣихъ сторонъ. Въ болѣе влажныхъ мѣстахъ густота окружающей растительности увеличивается обвивающими деревья многочисленными ліанами разныхъ видовъ: жимолостью, ломоносомъ, повителью, хмѣлемъ, плющомъ, дикимъ виноградомъ. На 17-й верстѣ отъ Геленджика имѣется тамъ источникъ минеральной солено-щелочной воды, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣющій будущее[1]), тѣмъ болѣе, что вблизи источника имѣются мѣста, гдѣ съ удобствомъ можно построить дачный поселокъ.

Поѣздка на Михайловскій перевалъ интересна еще въ томъ отношеніи, что, взявъ съ собою знающаго мѣстнаго человѣка, можно свернуть съ шоссе и совершить небольшое, но пріятное путешествіе пѣшкомъ къ такъ наз. долменамъ—остаткамъ каменныхъ жилищъ древнѣйшихъ обитателей страны. Дорогою, идя по лѣсу, не разъ можно наткнуться на заросшіе лѣсомъ остатки черкесскихъ садовъ и полакомиться при этомъ растущею мѣстами въ изобиліи ягодой алыча или лыча, способствующей утоленію жажды.

[1]) Подробности см. «Черноморское побережье» стр. 13, 51 и 135—137.

Въ лѣсахъ окрестностей Михайловскаго перевала водятся волки, кабаны, медвѣди, рыси, шакалы. Еще дальше за переваломъ близъ р. Пшады, верстахъ въ 40—60 отъ Геленджика, напр. у горы Молдаванки и близъ горы Папай, есть мѣста, прекрасныя по своей дикой красотѣ; тамъ и прекрасная охота на звѣря, и въ с. Пшадѣ есть нѣсколько охотниковъ изъ крестьянъ, спеціально охотящихся на кабановъ (главн. обр. осенью съ собаками).

Кромѣ Адербіевки и Михайловскаго перевала у Геленджикцевъ есть еще два наиболѣе любимыя мѣста прогулокъ—такъ наз. Фальшивый Геленджикъ и Джанхотъ, куда можно добраться и на лошадяхъ и моремъ, такъ какъ праздниками паровой катеръ, иногда и съ музыкою, уходитъ туда «на гулянье» на цѣлый день.

Первый расположенъ у впаденія р. Адербы въ море верстахъ въ 7 отъ Геленджика. Здѣсь рѣка образуетъ широкую долину, занятую упоминавшимися выше десятидесятинными наслѣдственными участками добровольно пришедшихъ сюда козаковъ, которые большую часть этихъ участковъ пораспродали въ частныя руки.

Въ дождливые періоды года нерѣдки разливы Адербы, слѣды которыхъ наблюдаются въ остаткахъ временныхъ руслъ ея во время разливовъ, гдѣ иногда подолгу задерживается вода, не имѣющая стока. Присутствіе проточныхъ и непроточныхъ водъ, сравнительно низменное положеніе долины, обрамленной при томъ довольно высокими горами, уменьшающими вентиляцію мѣстности, дѣлаетъ климатъ ея замѣтно болѣе влажнымъ, чѣмъ климатъ самого Геленджика, вблизи котораго при томъ же не протекаетъ никакой рѣчки. Вслѣдствіе всего этого Фальшивый Геленджикъ, не въ примѣръ настоящему Геленджику, не свободенъ отъ лихорадокъ. Но мѣстность тамъ довольно красивая, благодаря чему, а также благодаря сравнительной легкости, съ которою козаки пустили въ продажу свои наслѣдственные участки, здѣсь образовался особый дачный поселокъ, въ которомъ пріѣзжающіе туристы могутъ найти пріютъ на лѣто. Въ тамошней «санаторіи» плата за ко-

мнату съ содержаніемъ отъ 50 р. въ мѣсяцъ. Противъ дачъ открытое море, но мѣстами дно моря понижается настолько, иостепенно, что удобно и для купанья неумѣющимъ плавать.

Еще верстъ на 8—10 дальше отъ Геленджика, за высокимъ горнымъ кряжемъ, находится красивое ущелье Джанхотъ, окруженное высокими горами, живописно выступающими въ море почти отвѣсными утесами, по вершинамъ заросшими преимущественно красивой длинноиглой сосною. Спускаясь съ горныхъ высотъ, прилегающихъ къ Михайловскому перевалу, ущелье выходитъ своимъ расширеннымъ отверстіемъ къ открытому морю. Здѣсь останавливается обыкновенно «Отважный», привозящій праздниками Геленджикскую публику, которая, попавъ на лоно природы и забывая, что находится въ частныхъ владѣніяхъ, обыкновенно ведетъ себя излишне свободно—срываетъ фрукты, рветъ виноградъ и вообще чувствуетъ себя какъ дома. Здѣсь масса мѣстъ для прогулокъ и вдоль ущелья и въ сторону—въ горы, съ которыхъ открываются прекрасные виды на море и окрестности. Древесная растительность хотя и не очень высокоросла, но за то весьма густа и разнообразна. Нижніе склоны ущелья заняты виноградниками, между которыми то тамъ, то сямъ виднѣются постройки, это—жилища владѣльцевъ мѣстныхъ «имѣній». Здѣсь по даннымъ 1899 г. [1]) восемь частновладѣльческихъ имѣній въ 577 дес., изъ которыхъ занято виноградниками 15 дес., и 20 крестьянскихъ хозяйствъ съ 7 дес. виноградниковъ. Площадь виноградниковъ постепенно увеличивается тѣмъ болѣе, что условія для воздѣлыванія лучшихъ сортовъ винограда здѣсь весьма благопріятныя, и въ одномъ изъ имѣній Ф. А. Щербины имѣется подвалъ, въ который принимается и вино сосѣднихъ владѣльцевъ. Но остальная площадь земель, входящихъ въ составъ имѣній, остается неразработанною и вѣроятно долго еще останется такою, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ земель расположена по крутымъ, неудобнымъ

---

[1]) См. статью Я. Г. Сиповича «Очеркъ развитія хозяйства въ Джанхотѣ» вь «Трудахъ съѣзда виноградовладѣльцевъ» въ г. Новороссійскѣ въ 1899 г.

для культуры, склонамъ горъ. Когда поспѣетъ виноградъ, ночами въ ущельѣ бываетъ слышенъ вой шакаловъ, приходящихъ имъ полакомиться. Нордъ-остъ здѣсь далеко не такъ силенъ, какъ въ Геленджикѣ, благодаря защищенности мѣстности горами и растительностью, а также изгибамъ самого ущелья, дающимъ такія мѣста, мимо которыхъ онъ проносится даже совсѣмъ стороною. Это, конечно, уменьшаетъ вентиляцію мѣстности, но изъ людей, живущихъ въ расположенныхъ по ущелью имѣніяхъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, нѣтъ никого страдающаго перемежающейся лихорадкой, кромѣ одного постоянно работающаго въ подвалѣ. Вѣроятно отсутствіе лихорадокъ объясняется возвышеннымъ положеніемъ большей части ущелья, наличностью известковыхъ почвъ и отсутствіемъ заболоченности.

Кончая рѣчь объ окрестностяхъ Геленджика, необходимо было бы сказать нѣсколько словъ объ интеллигентной «еропкинской» колоніи «Криница» вь 35—40 в. отъ Геленджика на берегу моря, вблизи бѣдно живущей и нуждающейся въ землѣ, пригодной для культуры, станицѣ Береговой. Но побывать въ Криницѣ мнѣ не удалось. Стѣсняясь безпокоить обитателей ея, не заручившись предварительнымъ согласіемъ кого-нибудь изъ криничанъ, я тщетно ожидалъ удобнаго для этого случая, пока они не опубликовали «просьбу», отрѣзавшую для меня возможность посѣщенія Криницы. Отпечатавъ, они прислали ее въ Геленджикъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ подъ напечатаннымъ крупными буквами заглавіемъ: »Просьба обитателей Криницы къ пріѣзжимъ на время морскихъ купаній въ Геленжикѣ». Въ этихъ печатныхъ листкахъ они просили «пріѣзжихъ» не дѣлать безцѣльныхъ, побуждаемыхъ однимъ только любопытствомъ, посѣщеній ихъ поселка, такъ какъ многочисленныя посѣщенія эти отнимаютъ у нихъ непроизводительно много времени, предназначеннаго для работы, нанося такимъ образомъ матеріальный ущербъ. Видно, что геленджикскіе «пріѣзжіе», скучая въ Геленджикѣ, дѣйствительно не церемонились съ посѣщеніями колоніи и попытками назойливыхъ проникновеній во внутреннюю ея жизнь.

Теперь, чтобы окончить характеристику Геленджика, какъ мѣста для поселенія и какъ морского курорта, необходимо особо сказать о его климатѣ.

Для краткости приведу характеристику климата окрестностей Новороссійска изъ извѣстнаго изслѣдованія профессоровъ А. П. Воейкова, Ѳ. П. Пастернацаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева [1]). «Окрестности Новороссійска по своей природѣ и климату довольно сходны съ южной частью Крыма, но не съ южнимъ берегомъ, а съ мѣстностью, съ одной стороны, къ западу отъ него (Балаклава и окрестности Севастополя), съ другой къ востоку (отъ Алушты чрезъ Судакъ до окрестностей Ѳеодосіи): та же сухость воздуха и бѣдность осадками въ теплые мѣсяцы года, та же, вообще, дождливая и перемѣнчивая зима съ чередованіемъ теплыхъ и влажныхъ съ моря вѣтровъ и сухихъ и холодныхъ съ материка; та же пригодность для культуры винограда по условіямъ почвы и климата». Но осадки все-таки обильнѣе, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ Крыма». А вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ нѣтъ того холоднаго и суроваго зимою, сухого и жаркаго лѣтомъ вѣтра, который имѣетъ мѣсто въ окрестностяхъ Новороссійска и называется борой или, по здѣшнему, нордъ-остомъ.

Эта характеристика окрестностей Новороссійска въ значительной мѣрѣ приложима и къ недалеко отстоящему отъ него Геленджику съ тою только разницею, что онъ нѣсколько болѣе защищенъ отъ боры, сила которой, по увѣреніямъ многихъ мѣстныхъ жителей, здѣсь на 40—50% ниже, чѣмъ въ Новороссійскѣ. Кромѣ того около Геленджика нѣсколько болѣе растительности, чѣмъ около Новороссійска, и онъ обладаетъ значительно большимъ количествомъ прѣсныхъ водъ хорошаго качества, что тоже даетъ ему нѣкоторое преимущество предъ послѣднимъ.

Правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Геленджикѣ не велось и потому свѣдѣнія о климатическихъ его условіяхъ

---

[1]) Черноморское Побережье, стр. 45.

приходится почерпать изъ сравненія съ ближайшими сродными съ нимъ мѣстностями, въ которыхъ велись такія наблюденія за сколько-нибудь продолжительный періодъ времени, и изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей.

Геленджикъ, по общимъ отзывамъ, и зимою и осенью теплѣе Новороссійска—очевидно, благодаря сравнительно меньшей повторяемости и меньшей силѣ боры[1]). Геленджикская бухта никогда не замерзаетъ. Весна начинается раньше, чѣмъ въ сосѣдней Адербіевкѣ. Лучшій мѣсяцъ май, начало купанья во второй его половинѣ. Лѣтомъ въ Геленджикѣ не столь жарко, какъ въ Новороссійскѣ, но все-таки, когда дуетъ хотя бы легкая бора, становится душно и жарко; когда ее нѣтъ наши полтавскія и кіевскія ночи болѣе душны, чѣмъ здѣсь. Наибольшее количество осадковъ выпадаетъ въ болѣе холодные мѣсяцы, —преимущественно въ декабрѣ и январѣ (при чемъ однако выпадающій снѣгъ обыкновенно почти тотчасъ же стаиваетъ); а наименьшее—въ періодъ съ апрѣля по октябрь, что, конечно, не можетъ не отзываться неблагопріятно на растительности. Меньшая относительная влажность Геленджика лѣтомъ, сравнительно съ болѣе южною частью Побережья и даже, напр., съ Фальшивымъ Геленджикомъ, объясняется между прочимъ тѣмъ, что склоны къ бухтѣ круты и вода быстро стекаетъ въ бухту, растительность окрестностей бѣдна, воды испаряется мало. Кромѣ того отличающаяся лѣтомъ сухостью бора, хотя и не достигаетъ значительной силы въ лѣтнее время, однако не составляетъ все-таки рѣдкости въ этотъ періодъ года и потому оказываетъ свое вліяніе на осушеніе воздуха, тогда какъ южнѣе Геленджика она постепенно совсѣмъ исчезаетъ. Относительная бѣдность растительности въ Геленджикѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ климатическихъ особенностей, зависитъ также отъ петрографическаго состава породъ (почвы известковыя и мѣловыя)[2]) и мо-

[1]) «Осень, и особенно декабрь, гораздо теплѣе въ Геленджикѣ, чѣмъ въ Новороссійскѣ, такъ что первый по температурѣ занимаетъ середину между Новороссійскомъ и Сухумомъ, т. е. самымъ теплымъ изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ имѣются у насъ наблюденія». Черном. Побер., стр. 50.

[2]) Излюбленныя почвы держи-дерева.

жетъ быть не менѣе этого отъ той же боры [1]). Вотъ эта самая бора, въ зимнее время нерѣдко столь сильная, что срываетъ на маякѣ прикрѣпленныя винтами черепицы, а жителей окраинъ Геленджика не пускаетъ дойти до базара, находящагося въ центрѣ его, дѣлаетъ Геленджикъ вреднымъ и для людей съ слабыми легкими. «Пребываніе въ это время больныхъ на открытомъ воздухѣ, при страшной пыли и сухости его, является опаснымъ; могутъ являться тяжелыя заболѣванія дыхательныхъ органовъ и ухудшаться туберкулезныя пораженія легкихъ». Поэтому «*претензіи Геленджика на климатическую станцію требуютъ еще доказательствъ*». «Есть нѣкоторыя метеорологическія указанія на то, что въ Геленджикѣ нѣтъ тѣхъ бурныхъ зимнихъ колебаній температуры, которыя встрѣчаются въ окрестностяхъ Новороссійска. Если бы дальнѣйшими метеорологическими наблюденіями удалось доказать, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ, что зима здѣсь не суровая, безъ рѣзкихъ колебаній температуры, то получился бы чрезвычайно важный аргументъ въ пользу признанія въ Геленджикѣ передовой (въ смыслѣ ближайшей) зимней климатической станціи на Черноморскомъ побережьѣ» [2]). Но доказать это врядъ ли удастся, потому что, судя по подробнымъ разспросамъ, если колебанія температуры и дѣйствительно далеко не такъ рѣзки, какъ въ Новороссійскѣ, то погода зимою все-таки очень перемѣнчива и непостоянна. Иногда, почти правильно чередуясь другъ съ другомъ, морякъ и нордъ-остъ дуютъ (по 3—6 дней кряду каждый) въ теченіи чуть не всей зимы, первый принося грозныя тучи съ обильнымъ дождемъ, второй ихъ прогоняя. На короткій промежутокъ, между двумя вѣтрами устанавливается ясная, тихая погода, начинаютъ ходить въ лѣтнемъ платьѣ, но ненадолго—опять одинъ вѣтеръ смѣняется другимъ и такъ по нѣсколько недѣль. При такихъ вѣтрахъ и такомъ непостоянствѣ погоды не мѣсто здѣсь человѣку съ больными легкими, и потому

---

[1]) О вліяніи боры на растительность подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

[2]) Черном. Побер., стр, 132.

претензіи Геленджика на *зимнюю* климатическую станцію дѣйствительно, кажется, совершенно неосновательны. Совершенно понятно послѣ всего этого, что Геленджикцы негодуютъ на свой нордъ-остъ и находятъ, что безъ него ихъ Геленджикъ не имѣлъ бы уже почти никакихъ дефектовъ. Но они забываютъ ту несомнѣнно хорошую сторону этого вѣтра, на которую, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно указалъ С. И. Васюковъ [1]), и которая заключаетъ въ осушающемъ и очищающемъ вліяніи его на почву и воздухъ, избавляющемъ Геленджикскихъ жителей отъ маляріи. «Благодаря этому нордъ-осту, Геленджикъ, говоря словами С. П. Васюкова, обладаетъ превосходнымъ, здоровымъ и сухимъ воздухомъ. Лихорадокъ здѣсь нѣтъ вообще, рѣдко бываетъ тифъ и другія заболѣванія, которыми такъ богатъ югъ этого побережья. Вообще, еслибы не было нордъ-оста, то былъ бы Геленджикъ живописнымъ и красивымъ мѣстечкомъ, но тогда и не было бы и здороваго по своей рѣдкости воздуха» [2]).

Въ заключеніе всего сказаннаго выше о Геленджикѣ, какъ курортѣ, необходимо отмѣтить для лицъ, которыя пожелали бы ѣхать въ Геленджикъ, какъ въ мѣстность, извѣстную разведеніемъ виноградниковъ, что лѣчебные сорта винограда въ настоящее время почему то разводятся въ окрестностяхъ Геленджика въ весьма маломъ количествѣ и что «винограднаго сезона» здѣсь нѣтъ. Послѣднее можетъ быть объясняется и тѣмъ, что изрѣдка и въ августѣ уже начинаетъ здѣсь довольно сильно подувать бора, способная при извѣстной продолжительности, выгнать значительную часть публики. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ для меня неясенъ, и потому, не будучи увѣренъ въ правильности объясненія, я констатирую лишь фактъ отсутствія винограднаго сезона. Но за то я могу констатировать и фактъ болѣе отраднаго свойства, не упомянутый еще въ предыдущемъ изложеніи, это— отсутствіе москвитовъ при указанномъ уже выше отсутствіи въ

---

[1]) «Геленджикъ», Истор. Вѣстн. 1902 г. № 8.

[2]) Рѣчь, конечно, идетъ не о зимнемъ періодѣ бурныхъ нордъ-остовъ.

Геленджикѣ маляріи, что составляетъ важный плюсъ въ его пользу и ставитъ его выше другихъ болѣе излюбленныхъ публикою южныхъ курортовъ, каковы Сочи, Туапсе и Сухумъ. Заканчивая рѣчь о Геленджикѣ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ составленіи главнымъ образомъ изложеннаго уже историческаго очерка Геленджика, а частію и въ описаніи остальныхъ пунктовъ побережья сообщеніемъ различныхъ свѣдѣній, указаніемъ и даже доставленіемъ важнѣйшихъ печатныхъ источниковъ: П. С. Леонтьева, Д. Е. Фелицина, М. В. Яковлева, С. И. Капгера и П. А. Пономаренко.

Слѣдующая глава, согласно уже намѣченному выше порядку, будетъ посвящена не болѣе южнымъ пунктамъ побережья, а Новороссійску.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ бурсѣ—семинаріи. [1]

(Изъ воспоминаній)

I.

Неожиданныя тревоги.

Іюнь въ исходѣ. Экзамены въ уѣздной бурсѣ закончились. Въ корпусѣ не осталось ни одного бурсака: уѣхали даже и тѣ, о которыхъ некому было позаботиться,—кто въ гости къ товарищу, кто къ дальнимъ родственникамъ, кто на кондицію. Окончившіе курсъ, вмѣсто обычныхъ отпускныхъ билетовъ, получили свидѣтельства, дававшія имъ такія права, о которыхъ долго еще

---

[1]) Настоящіе очерки отчасти составляютъ продолженіе прежнихъ, именно: «Майскія рекреаціи въ бурсѣ» («Кіевск. Старина» № 5, за 1896 г.), «Передъ реформой бурсы» (ib. № 4 за 1898 г.), «Въ началѣ реформы бурсы» (ib. № 9 за 1900 г.). Воспоминанія касаются первой половины 1870-хъ годовъ, т. е. кануна фактическаго преобразованія П—ской семинаріи. Для нечитавшихъ первыхъ очерковъ—поясненіе: классы въ старой бурсѣ носили названія низшаго, средняго и высшаго *отдѣленій*, которыя имѣли свои болѣе популярныя прозванія; въ духовномъ училищѣ низшее отдѣленіе—фара, среднее—грамматика, высшее—синтаксисъ; въ семинаріи: низшее—словесность или риторика, среднее—философія, высшее—богословіе.

Авт.

должны мечтать ихъ младшіе товарищи—не только фары, ставшіе грамматиками, но и самые ґрамматики, преобразившіеся въ синтактиковъ. Счастливые обладатели этихъ свидѣтельствъ были, конечно, на седьмомъ небѣ. Еще-бы! Мало того, что каждый изъ нихъ оставилъ бурсу, съ ея подчасъ просто-таки невозможными условіями, и получилъ право держать вступительный экзаменъ въ семинарію: онъ и въ родномъ домѣ могъ явиться уже, что называется, «человѣкомъ». Въ самомъ дѣлѣ: какъ ни какъ, а во всей округѣ, вѣдь, людей и съ такимъ образовательнымъ цензомъ было немного. Псаломщики изъ окончившихъ семинарію явились уже послѣ, а изъ дьяковъ, не говоря уже о несчастныхъ пономаряхъ, рѣдкій могъ похвастаться даже тѣмъ, что когда-то вкусилъ премудрость хоть перваго—второго класса низшей бурсы. То же и на счетъ дьяконовъ; если который-нибудь изъ нихъ и понюхалъ во время оно семинаріи, то навѣрное былъ изъ нея изгнанъ (иначе давно уже былъ бы священникомъ), а потому не имѣлъ рѣшительно никакого права гордиться своей ученостью. Объ академистахъ и говорить нечего: теперь архіерей чаще гоститъ въ деревнѣ, чѣмъ 30—40 лѣтъ тому назадъ академистъ. Можетъ быть, именно по этой причинѣ такъ высоко стоялъ авторитетъ сельскаго священника: какъ «окончившій курсъ», онъ занималъ недосягаемо высокое положеніе въ приходѣ, и высокомѣрное отношеніе къ нему псаломщика—порожденіе уже позднѣйшаго времени... При такихъ условіяхъ юноша, съ успѣхомъ прошедшій полный курсъ училища, получившій право держать экзаменъ въ семинарію и подававшій надежды, иногда не малыя, могъ уже быть «человѣкомъ». Этотъ «человѣкъ» законно мечталъ уже о лучшемъ будущемъ, строилъ воздушные замки и... подчасъ весьма дерзостно не подчинялся мнѣнію не только маменьки, но и самого папеньки. Бѣдные старики долго не понимали, а иные такъ и не поняли, какимъ образомъ могли даже возникнуть поводы къ разногласію, ужасному разногласію, породившему совершенно неожиданныя тревоги. Они чувствовали только, что покой ихъ нарушенъ, надежды грозятъ не сбыться, дрожали за будущее своихъ неразумныхъ дѣтей и,

полные недоумѣнія, напрасно ломали голову надъ проклятымъ вопросомъ: откуда сіе?

— Ты что же это, сынокъ: еще и экзамена въ семинарію не держалъ... чего добраго и провалишься еще... бывало, вѣдь, всяково!.. а ты уже и тово... на счетъ скудости семинарскаго образованія!.. Да въ своемъ ли ты, малый, умѣ.—Но «малый», несомнѣнно, былъ въ своемъ умѣ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько можетъ обрѣтаться въ немъ 16-лѣтній юноша, легко, какъ извѣстно, дѣлающій достояніе чужого ума своимъ. Уже въ послѣднемъ классѣ бурсы, только что начавшей преобразовываться, онъ заразился тѣмъ духомъ, которымъ теперь такъ отдаетъ отъ него, къ огорченію родителей, которымъ, конечно, и не снилось, чтобы «реформа» могла такъ ужасно разрѣшиться. А случилось все это вотъ какъ. «Малый» крѣпко, крѣпко задумался надъ письмомъ одного семинариста. Письмо это, не ему вовсе и писанное, онъ тщательно переписалъ, часто перечитывалъ его одинъ и съ товарищами, и хотя зналъ наизусть отъ слова до слова, тѣмъ не менѣе хранилъ его какъ какой-то завѣтный талисманъ, долженствовавшій когда-нибудь принести ему счастье. Не все въ этомъ письмѣ даже и нравилось ему: слишкомъ ужъ часто повторялось мѣстоименіе перваго лица; не привлекали симпатій и громкія слова на счетъ «прогресса», «узкаго и широкаго горизонтовъ», «идеальныхъ стремленій» и т. под. Но, помимо всего этого, было въ письмѣ нѣчто очень ужъ новое и заманчивое, а главное—ударявшее какъ разъ по начавшей уже натягиваться струнѣ... Такое впечатлѣніе получилось отъ тѣхъ именно мѣстъ письма, гдѣ съ удивительной откровенностью и смѣлостью говорилось о страшной нищетѣ духовенства, объ униженномъ и обиженномъ положеніи отцовъ, о неизмѣримо лучшемъ положеніи прочихъ сословій и о полной возможности дѣтямъ духовенства идти по другой дорогѣ, по которой де иные уже и пошли. Это послѣднее указаніе въ письмѣ служило такимъ сильнымъ подтвержденіемъ всѣхъ доводовъ, какимъ служатъ exempla въ сочиненіи, искусно написанномъ по всѣмъ правиламъ старой хріи.

Что можно было и возразить противъ нагляднѣйшихъ примѣровъ? Сынъ священника З. бросилъ семинарію, пошелъ въ университетъ, и теперь—«знаменитый» адвокатъ, о которомъ говоритъ весь городъ... Сынъ діакона Р. сдѣлалъ то же самое, и теперь «замѣчательный» докторъ, чуть ли не первый въ городѣ... Сынъ городского протоіерея К. поступилъ точно такъ же, и теперь—«превосходнѣйшій» учитель гимназіи... и т. д., и т. д. Примѣровъ нашлось немало, и нужно отдать полную справедливость автору письма: онъ не лгалъ, не преувеличивалъ даже. Все дѣло въ томъ, что первые семинаристы, свернувшіе съ традиціонной дороги, были дѣйствительно очень даровитые молодые люди, иначе, конечно, и быть не могло; поэтому опредѣленія «знаменитый», «замѣчательный» и т. под. если и были преувеличеніемъ, то отнюдь не умышленнымъ и вовсе не противорѣчившимъ сложившемуся въ губернскомъ городѣ мнѣнію о молодомъ ораторѣ, медикѣ, учителѣ: излишнее увлеченіе скорѣе всего являлось здѣсь слѣдствіемъ «узкаго или широкаго горизонта», но никакъ не желанія ввести въ заблужденіе младшихъ товарищей... За примѣрами шли ссылки на мнѣнія «лучшихъ» профессоровъ семинаріи или, употребляя терминологію той же хріи, на авторитеты. И это доказательство имѣло большую силу и большое значеніе, между прочимъ, потому, что рѣчь о «лучшихъ» профессорахъ дышала особенной неподдѣльной искренностьюи особеннымъ восторгомъ молодой души, какъ бы вдругъ воспринявшей то, къ чему она и стремилась, но что отъ нея долго и старательно скрывалось. Бывшимъ питомцамъ старой бурсы не нужно объяснять причинъ этого явленія: они легко вспомнятъ то, что испытали, когда имъ, воспитаннымъ въ убѣжденіи, что весь свѣтъ—въ окнѣ, открылся вдругъ свѣтъ и дальше этого окна... А «лучшіе» профессора, питомцы 60-хъ годовъ, не прошедшихъ безслѣдно и для закрытыхъ академій, именно и говорили своимъ юнымъ и взрослымъ ученикамъ, что свѣтъ не только въ окнѣ. И говорили они громко, увлекательно, даже рискованно; говорили—и попадали за это подчасъ въ большую немилость у начальства, но всегда были превозносимы воспитанниками. Мало

того: чѣмъ больше недолюбливало такихъ «профессоровъ» начальство, считая ихъ пустословами, мало полезными для прямого дѣла, тѣмъ больше горячности проявляли къ нимъ воспитанники, внося ихъ въ разрядъ «лучшихъ» и открывая глубокій умъ даже въ самой пустой «лекціи»... Не удивительно, если это разногласіе въ семинаріи отозвалось незамѣтнымъ образомъ даже въ глухой деревнѣ, гдѣ дѣти вдругъ оказались съ какими-то завиральными, если не идеями, то хоть идейками,

— Да что ты, молокососъ, опираешься на нихъ? Первое дѣло—ты, вѣдь, своими то ушами не слышалъ!.. въ письмѣ мало ли могъ и наврать? А второе—ты постой еще: ихъ повыгонятъ, какъ Богъ святъ, а вы, дураки, пострадаете... вотъ и все!...

Батюшка, съ своей точки зрѣнія, былъ, разумѣется, правъ,—пророчески правъ, если хотите; но на сына это не дѣйствовало: малый начиналъ еще и дуться, меньше высказывался, больше думалъ про себя, и тревога, возникшая со дня пріѣзда его на каникулы, не улегалась и не улегалась.

— Умны вы ныньче стали—вотъ что!... Молоко на губахъ не обсохло, до риторики не доползъ, а пойди-ты! И семинарій уже мало!.. Эхъ! Положить бы, да!..

Но тутъ разошедшійся, было, папенька останавливался и, недовольно махнувъ рукой, направлялъ свое вниманіе на что-либо другое: Господь съ ними,—такъ, видно, Богу угодно!

Надо, однако, замѣтить, что зараза распространялась и другимъ путемъ, который уготовляли нѣкоторые батюшки-либералы. Таковыхъ было, разумѣется, немного, но они были и слыли среди земляковъ-сослуживцевъ очень умными, лишь по какой-то случайности не попавшими въ академію. Уже этой случайности было достаточно, чтобы молодой священникъ питалъ въ душѣ недовольство семинаріей, ея начальствомъ и всѣмъ строемъ. Если сынъ такого обиженнаго «студента семинаріи», обладая большими способностями, хорошо учился и подавалъ такимъ образомъ блестящія надежды, то либерализмъ папеньки развивался тогда непомѣрно, и опасныя рѣчи не сходили съ языка...

— Хорошо вамъ, отецъ Григорій, разсуждать: вашъ сынъ не пропадетъ... Первымъ въ первомъ разрядѣ идетъ... Не всякому же далъ Богъ...

Аргументъ, конечно, очень сильный; онъ могъ вызвать на лицѣ счастливаго отца Григорія самодовольную улыбку, но возражать на него было трудно.

О. Григорій и не возражалъ, а про себя все-таки думалъ: «вольно же вамъ! Умѣли родить сына, да не умѣли воспитать, до ума довести»!.. Думалъ, и при первомъ удобномъ случаѣ громилъ и семинарію, и ея начальство, и ея порядки. Иной разъ, впрочемъ, и всѣ сослуживцы только молча вздыхали, невольно соглашаясь съ тѣмъ, что и въ правду никому на свѣтѣ не живется хуже священника, объ улучшеніи быта котораго говорятъ только и говорятъ, и что испробовать другую дорогу вовсе не мѣшаетъ...

— Ну, хорошо... Такъ... Поступитъ въ этотъ самый университетъ... А если не поступитъ? Что тогда? Отъ своихъ отсталъ, къ чужимъ не присталъ? Назадъ уже трудно... Ибо послѣ смерти какое ужъ покаяніе?

И тутъ счастливому о. Григорію опять-таки трудно было возражать: его рискъ, благодаря способностямъ сына, такъ не великъ... Возражалъ поэтому самъ сыночекъ, самъ «малый» и возражалъ довольно вѣско:

— Это уже несчастіе. Но подумайте: развѣ любой писарь въ селѣ живетъ не лучше васъ?

— Лучше-то, лучше, зато-жъ онъ писарь и ничего больше...

На этомъ споръ и заканчивался, тѣмъ болѣе, что впереди же еще, по меньшей мѣрѣ, четыре года: многое измѣнится, не одна бочка воды утечетъ... Жаль, понятно, что ѣдетъ сынъ не въ подобающемъ настроеніи; печально, что вмѣсто радости невѣдомое будущее сулитъ что-то тревожное... Не то, не то!.. Но— впереди четыре года: дай, Господи, чтобы сбивающійся съ пути сынъ хоть эти четыре года провелъ благополучно. А тамъ на все Его святая воля!

— Поѣзжай... поѣзжай!.. Господь да благословитъ тебя!.. Первое дѣло—учись, а тамъ—какъ Онъ укажетъ... Ты видишъ, мы люди уже старые... Богъ вѣдаетъ, долго ли и проживемъ... А дотянемъ, дождемся, захочешь—ну, что жъ? Мы тебѣ не враги... Согласіе на увольненіе изъ философскаго класса я дамъ... Поѣзжай съ Богомъ... Дамъ... Я—не врагъ...

И старики благословляли сына, провожая въ семинарію, благословляли и горько плакали. Не удержавшись отъ слезъ, плакалъ и сынъ, только его слезы походили скорѣе на росу, которую такъ легко высушиваетъ солнце.

II.

Въ дни пріема.

Вторая половина августа. Въ «славную» Н—ву съѣхались бурсаки со всѣхъ концовъ губерніи. Кромѣ родительскаго благословенія, хотя и по вѣки нерушимаго, да розовыхъ надеждъ, рѣдкій изъ нихъ могъ похвастаться сколько-нибудь достаточнымъ количествомъ презрѣннаго металла. Неудивительно, если большинство, въ ожиданіи экзаменовъ и завѣтнаго «казеннаго дома», пріютились на окраинахъ, въ убогихъ лачугахъ, по пять—шесть человѣкъ въ такой комнатѣ, гдѣ и одному не просторно. Особенно посчастливилось окраинѣ у подножія монастырской горы, посчастливилось по нѣсколькимъ причинамъ: во—первыхъ: тамъ живутъ—профессіональныя квартиросодержательницы, ибо въ монастырской оградѣ помѣщается уѣздная бурса; во—вторыхъ, тамъ и дешевле на этотъ разъ: холера, гулявшая по губерніи все лѣто и еще не унявшаяся, больше другихъ мѣстъ излюбила эту грязную окраину... Да не подумаетъ читатель, что авторъ преувеличиваетъ тутъ или прикрашиваетъ: и для него самого теперь это кажется какимъ то причудливымъ сновидѣніемъ. Арбузы и дыни на сосѣднемъ баштанѣ отдавали чуть не даромъ, и только вопіющая бѣдность, только она одна, могла дать матеріалъ для картины, на которой группа оборванной и голодной молодежи на

время оставила завтракъ или обѣдъ, состоящій изъ однихъ арбузовъ и дынь, чтобы пропустить мимо двора похороны умершаго отъ холеры...

— И не боятся! Ничѣмъ ихъ не запугаешь!..

Это было не совсѣмъ вѣрно: знали страхъ и эти, повидимому, бодрые юноши. Каждый изъ нихъ пуще смерти боялся позорнаго возвращенія домой, мысль о возможности возвращенія домой положительно отравляла самыя заманчивыя перспективы, выдѣлялся ли въ этихъ перспективахъ университетъ, вырисовывалась ли на отдаленнѣйшемъ планѣ ихъ скромная ряса деревенскаго священника,—отравляла тѣмъ немилосерднѣе, что и примѣровъ-то возвращенія сколько угодно, и въ хвастливыхъ рѣчахъ старшихъ товарищей, семинаристовъ, новоиспеченныхъ философовъ и богослововъ, усердно навѣщавшихъ не безъ просвѣтительныхъ цѣлей квартиры будущихъ риториковъ, было весьма немного на этотъ счетъ утѣшительнаго. Да и въ самомъ дѣлѣ: палка—кому это неизвѣстно?—о двухъ концахъ. Что эти «лучшіе» профессора дѣйствительно открываютъ бурсакамъ свѣтъ и далеко за окномъ; что они съ чувствомъ, хотя и по секрету отъ начальства, жмутъ руку каждому, кто, по ихъ мнѣнію, «подаетъ надежды»; что ихъ симпатіи на сторонѣ готовыхъ свернуть съ проторенной родителями дороги,—уже и это не для всѣхъ одинаково было хорошо. А если жъ для меня совершенно достаточно и того свѣта, что въ окнѣ? А если жъ я всѣ свои надежды воплотилъ именно въ рясѣ? А если жъ я всѣ свои мечты направилъ исключительно на дорогу, проторенную родителями, и не имѣю ни малѣйшаго желанія поворачивать на другую?.. Все это, право, было страшнѣе холеры, которая, какъ видите, до крайности снисходительно относилась къ этимъ пришельцамъ, не подозрѣвавшимъ даже о существованіи борьбы съ непрошенной гостьей...

— Срѣжетъ, пожалуй...

— Кто—Григорій Васильевичъ? Можетъ...

О, сколько въ этомъ лаконическомъ и авторитетномъ «можетъ» заключается ужаса! Главное—авторитетномъ: вѣдь, гово-

ритъ не кто-нибудь, говорилъ богословъ, прекрасно знающій Григорія Васильевича, запросто у него бывающій и досконально его изучившій. Хорошо, если *онъ* не будетъ на экзаменѣ!

— Ничего, ничего... И мы боялись.... Зато, *если* ужъ обратитъ на васъ вниманіе!..

«Если»!.. Да, вѣдь, въ этомъ «если» цѣлая драма! Ну, а если не то? Погибъ?!...

— Положимъ, правда...

Часъ отъ часу не легче. Не утѣшаетъ и то, что всѣ «они»—воплощенная деликатность. Послѣ, послѣ будемъ упиваться ею: будемъ писать о ней домой, въ уѣздную бурсу, будемъ разсказами о ней, встрѣчать и смущать младшихъ товарищей, какъ встрѣчаютъ и слушаютъ насъ, и пр. и пр., а пока—на душѣ было бы куда спокойнѣе, если бы они были менѣе деликатны. Положимъ, Пр—ма старшій былъ глупъ непроходимо, глупѣе младшаго, то, что называется: «вырисъ, та ума не вынисъ»; а все же казусъ, съ нимъ совершившійся именно на почвѣ этой деликатности, не забавенъ только... На прошлыхъ экзаменахъ удивилъ онъ одного изъ «лучшихъ» профессоровъ: мужчинѣ 24 года, а читаетъ по-русски хуже сапожника! «Да вы къ чему собственно стремитесь»? П—ма сталъ теребить усы и пояснилъ, что—само собой—объ академіи онъ и мечтать не смѣетъ; университетъ—тоже глупости; единственное его желаніе—пройти семинарскій курсъ и замѣнить потомъ папеньку. Парень былъ увѣренъ, что откровенно изложенный благородный и вполнѣ основательный планъ его очаруетъ Якова Андреевича. Увы! послѣдній улыбнулся, ехидно прищурился и какъ-будто въ серьезъ спросилъ: «значитъ, вы бездарнаго іерея считаете полезнѣе талантливаго звонаря»? Несмотря на всю прозрачность скорѣе дерзкой, чѣмъ остроумной шутки, бѣдный Пр—ма совсѣмъ не понялъ ея, и когда узналъ, что онъ принятъ въ семинарію «до усмотрѣнія», состряпалъ хвастливое письмо въ уѣздную бурсу: восхвалялъ деликатность профессоровъ, ходатая за него назвалъ «молодчиной», обозвалъ уѣздныхъ учителей хамами и наплелъ даже чего то на счетъ особеннаго вниманія къ нему профессора словесности, ко-

торый велъ-де съ нимъ бесѣду о бездарности и талантливости. Что сказали «хамы», которые, несомнѣнно, прочли его посланіе, это—тайна неразработанной исторіи; но когда, мѣсяца черезъ два, объявили Пр—му, что «усмотрѣніе» кончено, и онъ можетъ отправиться во-свояси, онъ крѣпко наморщилъ лобъ, безжалостно дернулъ себя за усъ, злобно сжалъ кулаки и, ударивъ ими по столу, сказалъ: «Свинство!.. Вотъ что!.. Я понимаю: бей, дери за уши, сыпь, если хочешь, березовую, но... щади же ты хоть старость то отцовскую»!.. И направилъ онъ путь къ папенькѣ, который, выслушавъ исповѣдь сына, просто не зналъ, какъ выразить негодованіе, и только одному дивился: «Скажите, пожалуйста!.. И гдѣ же творится это либеральное глумленіе. Въ духовной семинаріи!.. Мало того: подъ самымъ бокомъ у его преосвященства»!..

Начались экзамены. Формальностей—никакихъ: знали только день и неточно часъ. Господа профессора входятъ въ классъ важно, серьезно, строго, но не образуютъ никакихъ коммиссій, усаживается каждый, гдѣ ему удобнѣе, иной даже на краешекъ сломанной скамьи. Ничего напоминающаго «страшный судъ». Со стороны можно подумать, что идутъ какіе-то частные разговоры.

Вотъ только разговоры эти мѣстами что-то слишкомъ ужъ затягиваются: усердствуетъ иной, а всѣхъ больше церковный историкъ изъ «братушекъ» Иванъ Христофоровичъ, который, по острословію богословов, такъ высоко держитъ «знамя строгости и формализма», какъ только можетъ держать его человѣкъ, надѣленный его ростомъ. Не уступаетъ ему, впрочемъ, и словесникъ Яковъ Андреевичъ, который, говорятъ, часто подсмѣивается надъ Алексѣемъ Осиповичемъ, превращающимъ иногда экзаменъ по латинскому языку въ испытаніе запорожца при пріемѣ въ Сѣчь: «умѣешь—молъ креститься? Съ Богомъ»! Хотя касается это больше тѣхъ субъектовъ, которыхъ, какъ пана, «видно по пóходу», и изъ которыхъ все равно ничего не выжмешь. Раздается безконечное «э... э... етово... хотя бы предположимъ напримѣръ» добрѣйшаго Флора Андреевича, безуспѣшно наводящаго смущеннаго бурсака на рѣшеніе какой-то задачи, и едва слышенъ невнятный шопотъ

другого математика Николая Егоровича, нетерпѣливо выслушивающаго невозможные отвѣты и положительно недоумѣвающаго, кто и гдѣ училъ этихъ юношей ариѳметикѣ. Благодушнѣйше выслушиваетъ нелѣпые отвѣты Егоръ Филипповичъ, «моргая глазомъ, гладя усъ» и думая о книжномъ прилавкѣ, изъ-за котораго отозвали его за неимѣніемъ спеціалиста по географіи. Лѣниво предлагаетъ вопросы Иванъ Герасимовичъ, второй словесникъ, слабый, болѣзненный, но милый балагуръ и отличный чтецъ. Мягко стелетъ довольно таки жесткую постель Димитрій Николаевичъ; все краснѣетъ бѣдный новичокъ Василій Ананьевичъ; не доволенъ и лукаво трясетъ бородой гражданскій историкъ, отецъ Ѳеодоръ; почти что спитъ надъ греческой грамматикой Андрей Андреевичъ... Грозы, которой пуще всего боялись, Григорія Васильевича, не видно вовсе. Лишь изрѣдка заходитъ инспекторъ—отецъ Евфимъ, чтобы посмотрѣть, что-то такое сказать самому себѣ и тѣмъ ограничить никого неинтересующій контроль. Прошелъ и безцѣльно посмотрѣлъ на всѣхъ философъ Борисъ, не находящій себѣ мѣста и не знающій, что дѣлать съ собой до обѣда...

Красные, какъ только что сваренные раки, переходятъ экзаменующіеся отъ одного профессора къ другому, выходятъ въ тѣсный дворикъ и на улицу, собираются въ кружки и дѣлятся впечатлѣніями. Ясно пока для всѣхъ, что уѣздная бурса предстала во всемъ своемъ убожествѣ. Иные, слыша отвѣты товарищей, готовы покорно сложить оружіе и сдаться. Очень немногіе идутъ не спотыкаясь: это, конечно, тѣ исключительно даровитые юноши, которые уже и въ уѣздной бурсѣ стояли головой выше всѣхъ товарищей, и которые тамъ даже къ иному учителю имѣли нѣкоторое основаніе относиться отчасти свысока. Прочіе посрамляются не въ одномъ, такъ въ другомъ пунктѣ и съ трепетомъ ждутъ рѣшенія своей участи...

Собраніе педагогическаго совѣта не заставило себя долго ждать, тѣмъ болѣе, что нужно было еще отпустить на нѣкоторое время принятыхъ, какъ и всѣхъ рано пріѣхавшихъ, пока хоть немного успокоится холера. Можетъ быть, эта непрошенная гостья повліяла на особую снисходительность, оказанную при

пріемѣ; можетъ быть, ничего, кромѣ этой снисходительности и не было въ дѣйствительности; но возрадованные бурсаки создали цѣлую «систему», которая де обнаружилась при пріемѣ того или другого. Говорили, что Флоръ Андреевичъ согласился на пріемъ Петрова потому, что Петровъ «поразилъ» Алексѣя Осиповича знаніемъ латыни: «э... э... етово,... въ такомъ случаѣ я уступаю»... Говорили, что неумѣвшаго даже читать по-латыни Сидорова выручилъ Яковъ Андреевичъ, заявившій, что это,—замѣчательно развитой, начитанный и грамотный юноша, которому потому и не повредилъ Алексѣй Осиповичъ: «симъ рикъ макъ не родывъ, а голоду не було»... Говорили, что даже неуступчивый Яковъ Андреевичъ, и тотъ согласился пропустить Иванова, когда узналъ что это—незаурядный математикъ... Говорили, что Григорій Васильевичъ отстоялъ бѣдняка Семенова, который подготовилъ многихъ въ семинарію, а самъ провалился... Si non e vero, e ben trovato!... А за то какое удивительное впечатлѣніе произвели всѣ эти, допустимъ, даже измышленія.

— Кончено! Петровъ теперь и по-русски забудетъ говорить, совсѣмъ станетъ римляниномъ!

— Ну, Сидоровъ теперь издохнетъ за книжкой!.. Уши объѣстъ онъ и библіотекарю, и самому Яшкѣ...

— Не пожалѣетъ Николай Егоровичъ: изъ Иванова—увидите—выйдетъ дивный математикъ!

— Вотъ спасибо Григорію Васильевичу: отъ срама спасъ! Не будь принятъ Семеновъ, здорово бы икнулось тѣмъ, кто безъ него не видалъ бы семинаріи, какъ своихъ ушей!..

Прошло тридцать лѣтъ. Изъ профессоровъ остались въ живыхъ очень немногіе. Даже изъ экзаменовавшихся, «иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече». Но пусть каждый изъ переживших и доживающихъ подумаетъ, и, пользуясь имѣющимися у него свѣдѣніями, скажетъ, положа руку на сердце: мало ли дало то время умныхъ, дѣльныхъ, честныхъ, благородныхъ и полезныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ? Такъ ли ужъ въ самомъ дѣлѣ снисхожденіе, не ставшее подъ «знамя строгости и формализма», повредило тѣмъ, что не дало въ шею Петрову, Сидорову, Ива-

нову, Семенову и прочимъ? А когда вы, пережившіе и доживающіе, вспомните и то, что вся тогдашняя система обученія была далеко не выше критики; что сами господа профессора,—не всѣ, конечно, но многіе,—почему бы то ни было не могли особенно много сдѣлать и не были чужды вредной рутины: вы вмѣстѣ съ авторомъ настоящихъ строкъ благодарственно преклонитесь передъ величіемъ того маленькаго человѣка, которому приписывали слова, будто бы сказанныя имъ въ совѣтѣ математику, не желавшему пропустить какого то Петрова или Сидорова: «Да вы бы эту самую задачу дали намъ... А пока мы, съ отцомъ ректоромъ да Иваномъ Христофоровичемъ, что ли, будемъ на ней проваливаться, вы бы сами хоть laudo тамъ или moneo проспрягали... Въ компаніи не такъ стыдно и намъ было бы рѣзаться»...

III.

Поддержка.

Новоиспеченные словесники, или риторы, легко и скоро вошли въ колею семинарской жизни; иные изъ нихъ такъ же легко и скоро порѣшили даже вопросъ о будущемъ—объ оставленіи семинаріи послѣ философскаго класса... Тому и другому содѣйствовали особо благопріятныя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ философовъ и даже богослововъ новопоступившіе встрѣтили товарищей, которые своими отношеніями къ нимъ нимало не напоминали грамматиковъ и синтактиковъ уѣздной бурсы, всегда высокомѣрныхъ, а подчасъ и просто таки жестокихъ къ несчастной фарѣ. Лучшіе воспитанники изъ философовъ и богослововъ представляли довольно рѣзко уже опредѣлившійся либеральный элементъ семинаріи. На нихъ смотрѣли какъ на семинаристовъ случайныхъ, знали что духовному вѣдомству отъ нихъ прока будетъ мало, и относились къ нимъ различно: одни—съ чувствомъ добрыхъ товарищей, другіе—съ пренебреженіемъ, явившимся слѣдствіемъ и рѣчей папенекъ, и взглядовъ начальства.

И онъ туда же! Еще бы: будущая знаменитость'..

Но «знаменитость», какъ знаменитость: она скромна, а потому и далека отъ возраженій; она чувствуетъ всю неумѣстность, рискованность даже, если хотите, возраженія; она дрожитъ при мысли о весьма возможной неудачѣ и прекрасно понимаетъ, что ей нечего отвѣчать на справедливое замѣчаніе завистника: «тоди скажешъ гопъ, якъ выскочышъ»... Надо быть слишкомъ смѣлымъ и самонадѣяннымъ, чтобы, въ свою очередь, открыто смѣяться надъ глупостью завистника, имѣющаго пока то уже преимущество, что стоитъ онъ все-таки на вѣрной дорогѣ. По этой струнѣ нерѣдко бьетъ и начальство и бьетъ—надо отдать ему полную справедливость—очень больно.

— Въ лѣсъ глядите? Охъ, смотрите!.. Свернуть то съ дороги легко, но назадъ—трудно... Помните, что мы во всякомъ случаѣ уже не пріймемъ!.. Бросили бы вы лучше вашего Добролюбова, да сѣли за книгу!..

И распекаемый прекрасно понимаетъ, что въ словахъ прямодушнаго отца ректора все—правда, за исключеніемъ, конечно, обмолвки, будто въ самомъ дѣлѣ случайно обнаруженный томъ Добролюбова—не книга. На иной почвѣ стоитъ отецъ Евфимъ. При своей исключительной тучности, требующей на каждомъ шагу отдыха, онъ никогда не можетъ войти въ номеръ неожиданно и застать бурсака за недозволенной книгой; но онъ обладаетъ такимъ удивительнымъ нюхомъ инспектора, что сплошь и рядомъ поражаетъ всѣхъ своими прозорливыми замѣчаніями на счетъ храненія въ сундукахъ даже изъятыхъ изъ обращенія томовъ Писарева. Несмотря на это, отецъ Евфимъ отечески «пропагандируетъ одно: «учись!» и всегда скрываетъ настоящее свое мнѣніе на счетъ очевидныхъ стремленій своихъ питомцевъ.

— Учись прежде... Вотъ что... Послѣ будешь думать... Умному вездѣ мѣсто, а дуракъ нигдѣ никому не нуженъ.

Все вмѣстѣ взятое, отъ насмѣшекъ, завистника до собственнаго сознанія возможной опасности, дѣйствуетъ на иного удручающе, и сколько нашлось уже такихъ, что не только поколебались, но и совсѣмъ спасовали!

— А вы, что же: развѣ струсили?

— Боюсь, Григорій Васильевичъ: ей-Богу, боюсь! Какъ подумаю: ну, что я такое, въ самомъ дѣлѣ, если семинаріи не кончу, и въ университетъ не попаду? Ни пава, ни ворона...

— Полноте! Смѣлымъ Богъ владѣетъ...

— И старики мои... Вся жизнь разбита... Не далъ мнѣ Богъ воли крѣпкой, вотъ я и...

Горячая голова Григорій Васильевичъ, но и онъ боится взять на себя дѣйствительно большую нравственную отвѣтственность за судьбу молодого человѣка, и сдается:

— Ну, что жъ? Кончайте курсъ... Два года, въ сущности, пустяки, а богословскіе предметы, несомнѣнно, не останутся безъ вліянія на развитіе...

Такимъ образомъ исходъ есть. Надежды не похоронены. Правда, лукавый товарищъ завистникъ не оставляетъ въ покоѣ, и встрѣчаетъ очень ѣдкимъ поздравленіемъ: «нашего—молъ—полку прибыло!» но... теперь то ужъ можно будетъ и этому ослу отвѣтить!.. А главное—отношенія хотя бы и къ Григорію Васильевичу не только не измѣнятся, но сдѣлаются еще дружественнѣе: случайный богословъ, какъ Григорій Васильевичъ—случайный учитель семинаріи, онъ будетъ его домашнимъ человѣкомъ, будетъ и другимъ еще полезенъ. Но особенно симпатичны тѣ, что сами, повидимому, не думаютъ ни объ университетѣ, ни объ академіи, а такъ тепло, такъ задушевно относятся къ порывамъ младшихъ товарищей! Вотъ, напримѣръ, Иванъ Николаевичъ: благородный человѣкъ, такъ мало напоминающій даже отдаленнаго потомка бурсы; очень не глупый, солидный артистъ въ душѣ, пѣвецъ съ данными хорошаго регента и организатора хоровъ. Отъ каждаго слова его, обращеннаго къ новичку, вѣетъ такой искренностью, простотой и готовностью поддержать и ободрить! Онъ—близкій человѣкъ къ Григорію Васильевичу и пользуется этой близостью на пользу многихъ, напримѣръ,—на пользу вотъ хотя бы и этого даровитаго, по его мнѣнію новичка.

— Вы, значитъ, думаете въ университетъ?

О, Боже!.. Да это было бы счастье!

— А дражайшіе ваши какъ?

— Всего было, но кончили благословеніемъ и обѣщаніемъ дать согласіе...

— Bravissimo! Въ такомъ случаѣ, я познакомлю васъ съ Григоріемъ Васильевичемъ. Я, вѣдь, бываю у него...

Бѣдный новичокъ положительно не вѣритъ своимъ ушамъ. Забывъ не только о снѣ, но даже о приказѣ инспектора быть въ 10 часовъ вечера уже въ постели, онъ далеко за полночь, до изнуренія, все ходитъ по тѣсному дворику «казеннаго дома» и отдается своимъ неотвязчивымъ мечтамъ. Въ воображеніи его рисуются картины будущаго, до того заманчивыя, что, кажется, нѣтъ на свѣтѣ такой жертвы, на которую не рѣшился бы онъ ради осуществленія мечтаній. Но какая тутъ жертва? Не больше того, что говоритъ Некрасовъ школьнику:

«Знай—работай да не трусь!»

А это такъ нетрудно, когда силъ и здоровья—въ избыткѣ... Исполнитъ ли, однако, Иванъ Николаевичъ свое обѣщаніе? Согласится ли и Григорій Васильевичъ? Мало ли есть у него учениковъ и посолиднѣе, и уже совершенно опредѣлившихся? У него собираются часто, собираются много... Какъ попасть туда?.. Юный мечтатель пробирается въ уголъ своего номера, усердно молится (ибо общая вечерняя молитва такая обидная формальность, совершенная вовсе и не «передъ отходомъ ко сну»), укладывается на свою жесткую постель, а въ ушахъ такъ и стоитъ то заманчивое обѣщаніе Ивана Николаевича, то студенческая пѣсня изъ недавно прочитанной имъ контрабандой въ «Отеч. Зап.» повѣсти, кажется, «Передъ зарей»:

Тамъ, гдѣ Кама съ Окой,
Словно братецъ съ сестрой,
Обнимаются...
Отъ зари до зари
Вереницей студенты шатаются...

Боже! Какъ хорошо тамъ!.. И холодно, и голодно, но... лучше неизмѣримо лучше, чѣмъ здѣсь, подъ этимъ изорваннымъ

байковымъ одѣяломъ, на сбитомъ въ комки матрацѣ, послѣ голоднаго ужина, въ удушливомъ табачномъ дыму и—главное—безъ надежды на что бы то ни было, кромѣ рясы, нищеты, приниженности, выпрашиванія грошей и тоже шатанія, но шатанія всю жизнь, а не въ одни веселые годы студенчества...

Вереницей студенты шатаются...

Ша-та-ют-ся... И во снѣ бѣдный мечтатель видѣлъ Ивана Николаевича среди шатающихся студентовъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Васильевичемъ.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, Иванъ Никол... Вотъ что... оно, конечно... Но... какъ же? Право я... Григо...

— Нечего, нечего смущаться, голобородый юноша (въ устахъ иного богослова подобный эпитетъ имѣлъ полный смыслъ...). Онъ—чудный человѣкъ, увидите... Онъ не любитъ только лѣнтяевъ да бездарностей, а васъ уже и знаетъ отчасти, я говорилъ ему... Въ субботу, прямо изъ церкви и пойдемъ!

Если бы въ эту минуту случился докторъ и изслѣдовалъ пульсъ юноши, онъ, по всей вѣроятности, прописалъ бы ему большую дозу успокоительнаго... Если бы богословъ вспомнилъ лекціи по психологіи того же Григорія Васильевича, онъ, по всей вѣроятности, не оставилъ бы юношу одного съ расходившимися нервами... Если бы суббота была сегодня, а не черезъ нѣсколько дней, по всей вѣроятности, и юноша попросилъ бы отложить посѣщеніе профессора хоть на недѣлю... Но доктора не случилось, конечно, богословъ сказалъ и ушелъ, и юноша весь отдался той нервной радости, которая вызываетъ у смотрящаго со стороны недоумѣвающій вопросъ: не съ ума ли онъ сошелъ? Чтобы понять это состояніе юноши, нужно знать, какимъ ореоломъ величія былъ окруженъ въ глазахъ семинаристовъ вообще, а въ особенности молодыхъ, да еще тѣхъ, что съ «огонькомъ», Григорій Васильевичъ. Послѣдній, головой выше всѣхъ коллегъ—это было общее мнѣніе. Онъ обладалъ умомъ свѣтлымъ и свѣжимъ, даромъ краснорѣчія рѣдкимъ, начитанностью удивительной. Никто не умѣлъ такъ горячо, такъ убѣжденно и такъ искренно

сказать молодежи новое слово. Его лекціи—одинъ восторгъ. Когда на одной изъ нихъ онъ выяснилъ смыслъ и значеніе какой то сказочки Андерсена, кажется—«Принцесса на горошинѣ», всѣ набросились на сказки Андерсена и просто пожирали каждую, ища смысла, идеи... Его недовольство строемъ семинарскаго воспитанія и образованія и неподдѣльное сочувствіе стремленіямъ молодежи въ университетъ доставило, правда, ему репутацію небезопаснаго либерала, на котораго косилось начальство, но оно въ то же время и снискало еще большія симпатіи молодежи. Его всѣмъ извѣстная безпощадность по отношенію къ лѣнтяямъ, рутинерамъ, «бурсакамъ» въ худшемъ смыслѣ слова, заставляла этихъ самыхъ лѣнтяевъ, рутинеровъ и бурсаковъ бояться его, какъ огня. Его обожали за все это лучшіе воспитанники, любили одни товарищи и ненавидили другіе. Начальство считало его человѣкомъ больнымъ... Увы! онъ и дѣйствительно былъ боленъ, только не болѣзнью духа, особенно въ немъ дѣятельнаго: чахотка стояла уже за плечами бѣднаго профессора и работала такъ, какъ умѣетъ она работать надъ молодыми организмами...

Съ замираніемъ сердца переступилъ нашъ мечтатель порогъ квартиры Григорія Васильевича. Тамъ было уже нѣсколько философовъ и богослововъ. Хозяинъ встрѣтилъ его просто, подалъ руку, указалъ мѣсто возлѣ чайнаго стола, освѣдомился о старшихъ братьяхъ, налилъ ему стаканъ чая и потомъ весь вечеръ какъ будто и не замѣчалъ его присутствія. Часовъ до десяти шла бесѣда. Доминировалъ, конечно, голосъ хозяина. Говорили о новыхъ журналахъ, читали письма бывшихъ семинаристовъ, уже студентовъ, хозяинъ по какому то поводу прочелъ цѣлую лекцію по философіи, но ни однимъ словомъ не обмолвился ни о семинаріи, ни о начальствѣ, ни объ учителяхъ. Почему же онъ либералъ да еще и не безопасный? Таковымъ никто не считаетъ, напримѣръ Алексѣя Осиповича, а кто такъ ѣдко подчасъ подсмѣивается и надъ самымъ начальствомъ? Да, но никто, однако, кромѣ Григорія Васильевича, семинаристовъ у себя не собираетъ, никто больше на другую дорогу ихъ такъ не направляетъ, никто за книгу, не входящую въ курсъ семинаріи, не усаживаетъ...

— Ну, довольны вы?

— Еще бы!

— Постойте дальше... Онъ сегодня не въ ударѣ...

— Знаете: я теперь рѣшилъ безповоротно... Что будетъ, то будетъ!.. Поможетъ ли онъ? Надо читать, да и за нѣмецкій, необходимо сѣсть...

— Понятно!.. А теперь, голобородый юноша, не угодно ли вамъ будетъ показать вашу ловкость.

Богословъ и словесникъ подошли къ казенному дому и приступили къ выполненію послѣдняго номера программы вечера, номера самаго труднаго, какъ финальнаго: оба должны были, пользуясь непрочной водосточной трубой, взлѣсть на высокій заборъ и совершить оттуда salto-mortale во дворъ бурсы.

IV.

Лекціи.

Семинарія, съ точки зрѣнія ея питомцевъ, хоть и не всѣхъ, но большинства, потеряла бы весьма существенный признакъ, дававшій ей превосходство надъ уѣздной бурсой, если бы и въ ней, какъ въ уѣздной бурсѣ, были тѣ же «уроки» и тѣ же «учителя». Вѣроятно, потому она долго и упорно сохраняла гораздо болѣе громкія названія, именуя учителей «профессорами», уроки же ихъ—«лекціями», сохраняла, несмотря на то, что оффиціально рѣшительно не въ состояніи была бы подтвердить основательность такой терминологіи,—сохраняла даже въ то время, когда сами господа «профессора» уже не считали и не должны были считать себя таковыми. Если они, профессора, и являлись отчасти виновниками живучести традиціонныхъ наименованій, то развѣ потому только, что иные изъ нихъ питали страстишку къ лекціонной системѣ... Правда: за нѣкоторыми исключеніями, система эта была близка къ безсистемности; за нѣкоторыми же исключеніями, она была и довольно очевиднымъ слѣдствіемъ лѣни и безконтрольности... Но грѣха нечего таить—«лекціи» были на руку

многимъ! Для иного господина профессора было очень удобно «отзвонить и съ колокольни прочь»; для семинаристовъ лѣнтяевъ,—а таковыхъ было, конечно, немало,—«лекціи» служили прекраснымъ средствомъ не оставаться въ долгу у господина Храповицкаго и воздавать ему должное; наконецъ, для работавшихъ и интересовавшихся чѣмъ-либо «лекціи», разумѣется, скорѣе обыкновенныхъ уроковъ позволяли узнать что-нибудь новое и не скучать, выслушивая отвѣты и распеканія... Прибавимъ къ этому, что профессоръ, читавшій «лекціи» и рѣдко спрашивавшій, на многихъ весьма сильно дѣйствовалъ и видимымъ довѣріемъ, и фактическимъ признаніемъ своихъ слушателей людьми уже взрослыми, давно вышедшими изъ пеленокъ. И, наоборотъ, конечно. Вотъ хотя бы удивительный философъ Борисъ Павловичъ. Онъ отлично вызудилъ какой то учебникъ и одну страничку его излагаетъ на каждой лекціи. Слушателямъ предоставляется записывать, а чтобы они не переврали и не смѣшали новыхъ и совершенно чуждыхъ имъ именъ, направленій, терминовъ и т. п., Борисъ Павловичъ говоритъ медленно, такъ медленно, что послѣ иного его слова можно и карандашъ очинить. Почти каждую такую лекцію заканчиваетъ онъ обѣщаніемъ «въ слѣдующій разъ спрашивать». Увы! обѣщаніе это такой же пустой звукъ, какъ и многое въ его рѣчахъ. Даже совершенно лишенный наблюдательности знаетъ, что, не закончивъ извѣстнаго вопроса, начатаго и растянутаго не на одну лекцію, Борисъ Павловичъ спрашивать не станетъ. Далѣе: если вдругъ,—что, конечно, весьма и весьма возможно—философъ явится на урокъ въ совсѣмъ не философскомъ состояніи, языкъ откажется сплетать связныя мысли и онъ въ самомъ дѣлѣ начнетъ спрашивать, то изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Наконецъ, подготовиться по микроскопическимъ запискамъ доморощенныхъ стенографовъ къ спрашиванью «въ серьезъ»—такъ легко! Ну-съ, а экзамены? На нихъ мы еще успѣемъ пригласить читателя, который такимъ образомъ воочію убѣдится, что лекціи, напримѣръ, по философіи, были удобны для самого господина профессора да для извѣстнаго разряда его слушателей.

Читаетъ лекціи и знакомый уже намъ Григорій Васильевичъ, но и дѣйствіе ихъ и результаты совсѣмъ не тѣ! Мало-мальски порядочный богословъ прежде всего стыдится не вслушиваться въ нихъ... О микроскопическихъ запискахъ нѣтъ и рѣчи: чтобы сдать отдѣлъ, надо кое-что и прочесть, кое о чемъ и подумать, побесѣдовать. Полный искренности, желчности даже, упрекъ педагога въ незнаніи—это не шальная единица въ журналѣ, легко превращающаяся въ «4» или вовсе исчезающая. Безъ головы на плечахъ тутъ не обойдешься, и тотъ, кто думаетъ иначе, по меньшей мѣрѣ рискуетъ такими непріятностями, о которыхъ долго будетъ помнить.

Трудно найти другого такого любителя «лекцій», какъ краснорѣчивый іерей, отецъ Ѳеодоръ! Когда то онъ, повидимому, и поработалъ: курсъ исторіи изложенъ у него въ запискахъ, которыя, будь онѣ напечатаны, дали бы не одинъ увѣсистый томъ. Но едва ли эти записки предназначались для печати: составитель ихъ, очевидно, разсчитывалъ только на домашнее употребленіе, а потому внесъ въ нихъ все—отъ разсказа историческаго до реплики о дѣйствіяхъ самого лектора... По крайней мѣрѣ, всѣ почти увѣрены, что безконечныя шутки отца Ѳедора, вызывающія неудержимый смѣхъ аудиторіи, подсказываются ему записками... Не даромъ же онъ такъ ревниво оберегаетъ ихъ отъ любопытнаго взора семинаристовъ, и всѣ свои чтенія сводитъ, при спрашиваньи и на экзаменахъ, къ сухому учебнику, въ который и самъ ежеминутно заглядывалъ и дальше котораго никогда не идетъ...

— Мы остановились, господа, кажется на... цуцикѣ!... Да!..

— Го-го-го!.. Ха-ха-ха!.. Онъ самый!..

Настроивъ аудиторію на веселый ладъ, отецъ Ѳедоръ «трясетъ лукаво бородой», какъ выразился о немъ піитъ, морщитъ лобъ и пресерьезно продолжаетъ: «эта собака сослужила ему службу въ походѣ...» и т. д., пока тишина аудиторіи не подскажетъ ему, что пора уже отпустить новую шутку.

Бульварный франтъ, что Яшкой зовется,
Надѣвши шапку на бекрень,

Къ словесникамъ съ журналомъ прется,
Забывъ, какой сегодня день...

Піита надѣлилъ Якова Андреевича давно даннымъ ему неостроумнымъ прозвищемъ, но вѣрно подмѣтилъ другую черту: имѣя шесть уроковъ словесности въ недѣлю, по одному въ день и неизмѣнно въ одни и тѣ же часы, поневолѣ будешь начинать или кончать урокъ вопросомъ: «что у насъ сегодня?» дабы не записать въ журналъ среды вмѣсто четверга. Однако же, убогій піита не отмѣтилъ главнаго: такихъ лекцій, какъ Якова Андреевича, все-таки было немного! Называются онѣ лекціями по привычкѣ, въ сущности же представляютъ усердную работу учителя съ учениками и—ничего больше. Учебника—никакого. Самъ профессоръ излюбилъ первые труды Стоюнина, окружилъ себя изданіями русскихъ писателей да хрестоматіями и, объявивъ воспитанникамъ, что нужно имѣть только голову да записную тетрадь, работаетъ, не мудрствуя лукаво, серьезно требуя этой работы и ото всѣхъ. Заносчивъ онъ, неуступчивъ, но—

— Господа! Вѣдь вы же называетесь «словесниками»! Вѣдь, словесность—главное у васъ!... И вдругъ обрѣтается верзила, который преусердно увѣряетъ, что, «Слово о полку Игоревѣ», плодъ вдохновенной музы... Державина!

— Что, что? Повторите...

— Ну, да... Державина...

Яковъ Андреевичъ таращилъ глаза, въ классѣ—смѣхъ, скандалистъ недоумѣваетъ. Бываетъ же такъ, что иная глупость залѣзетъ тебѣ въ голову, и кажется, что такъ оно непремѣнно и должно быть.

— Вы увѣрены?

Снова пауза, снова смѣхъ товарищей.

— Ну, вотъ что: больше видѣть васъ въ своемъ отдѣленіи я не хочу. Ступайте!

Яковъ Васильевичъ даже не объясняетъ «ошибки» и продолжаетъ свое дѣло. А когда о происшествіи узнаетъ Иванъ Герасимовичъ, другой словесникъ, ведущій параллельное отдѣленіе, онъ благодушно утѣшаетъ:

— Ну, что жъ? Глупо оно, конечно, но ничего—*я* пріиму!.. Иванъ Герасимовичъ тоже сторонникъ лекцій, но его лекціи это одни сплошныя чтенія авторовъ. Безспорно, удивительный чтецъ, онъ слишкомъ ужъ, кажется, злоупотребляетъ своимъ умѣньемъ, и не безъ основанія иные называютъ его уроки еженедѣльными даровыми спектаклями... Однако же, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ уже опредѣленно было рѣшеніе, въ которомъ изъ двухъ отдѣленій лучше знаютъ словесность. Въ подборѣ ли учениковъ причина, такъ ли велика сила впечатлѣнія отъ дѣйствительно художественнаго чтенія, только многіе и многіе питомцы профессора-декламатора не помянутъ злымъ словомъ своего больного, а потому, быть можетъ, лѣниваго учителя...

— Господа! Андрей Андреевичъ прямо изъ клуба!

Довольно заурядная новость эта обозначаетъ, что сегодня будетъ по греческому языку «лекція», а потому—молъ—да успокоятся всѣ, и безъ того не Богъ вѣсть какъ тревожащіеся, кто не раскрывалъ еще и книги. И дѣйствительно, Андрей Андреевичъ входитъ въ классъ въ черномъ фракѣ, безъ книгъ, усталый, измученный. И смѣхъ, и горе! Сначала смѣшно видѣть, какъ несчастный профессоръ въ буквальномъ смыслѣ слова «читаетъ» лекцію, какъ сбивается на каждомъ словѣ, теряя справки въ чужой грамматикѣ, какъ спитъ самъ и усыпляетъ слушателей, но дальше становится уже и тяжело, и больно. Ни за что, ни про что человѣкъ губитъ все—и дѣло и свое здоровье. Вотъ онъ закашлялся, глаза налились слезами и кровью, звуки совсѣмъ хриплые. Еще минута, и кажется, что онъ не выдержитъ... Кто то хочетъ выручить: подымается и ставитъ немудренный вопросъ. Андрей Андреевичъ отъ души радъ побесѣдовать. Но, какъ на зло, и вопросы не подыскиваются. Привѣтъ тебѣ, спасительный звонокъ! Ты такъ часто и такъ удачно выручаешь... Но бѣдному лектору какъ-будто стыдно: онъ, не сдается, онъ еще и задерживаетъ урокъ, онъ хочетъ еще что то разсказать, «закончить»... Довольно! Половины слушателей уже нѣтъ въ классѣ... Говорятъ, умеръ онъ отъ чахотки... Иначе и быть не могло, конечно... А помянуть его должны всѣ одинаково: никому не сдѣлалъ онъ

зла, но и добра отъ него ожидать нельзя было, себѣ же дѣлалъ одно только зло...

Часто прибѣгаетъ къ «лекціямъ» и преподаватель священнаго писанія Василій Ананьевичъ, но прибѣгаетъ исключительно по молодости и понятной неопытности, ибо—въ сущности—ему гораздо выгоднѣе сократить чтенія: каждая лекція стоитъ ему, вѣдь, не одного вечера работы, а каждое прошеніе—стольких волненій! Тѣмъ болѣе, что именно семинаристовъ—какъ это ни странно—и не легко заинтересовать библіей. Но молодежь цѣнитъ искренность, прямоту отношеній, и симпатіи ея всецѣло на сторонѣ молодого преподавателя, сколько бы ни дѣлалъ онъ ошибокъ. Больше того: она и въ результатѣ не выдаетъ его, приготовитъ къ экзамену все, и никакія придирки Димитрія Николаевича не сконфузятъ его молодого коллегу. Разумѣется, и Димитрій Николаевичъ читаетъ лекціи, но... его тоужъ не проведешь! знаетъ, когда кого спросить, когда для спрашиванья прервать вдругъ лекцію, когда огорошить вопросомъ задремавшаго...

Поразительная новость! Вводится для желающихъ преподаваніе нѣмецкаго языка. Преподаватель будетъ классикъ, ораторъ. Говоритъ онъ чертовски хорошо! Желающихъ масса: громадный классъ переполненъ слушателями. Вошелъ профессоръ и заговорилъ о значеніи нѣмецкаго языка... Боже! какъ онъ говоритъ! Какъ онъ краснорѣчиво доказываетъ, что наступило время, когда незнаніе хоть одного иностраннаго языка—большой дефектъ жизни,—что языкъ, на которомъ писали Шиллеръ и Гете, заслуживаетъ особеннаго вниманія,—что нигдѣ наука не стоитъ такъ высоко, какъ въ Германіи,—что... Но развѣ все припомнить? Часъ проходитъ, какъ минута, всѣ чувствуютъ себя точно на небесахъ. Увы! недолго: уже на слѣдующихъ урокахъ обнаруживается, что краснорѣчивый лекторъ знаетъ не больше слушателей и, слѣдуя похвальному принципу учащихся, самъ началъ изученіе нѣмецкаго языка вмѣстѣ со своими учениками. Само собой понятно, что изученіе далеко не идетъ, аудиторія мало-по-малу пустѣетъ... Интересующіеся приходятъ къ совершенно вѣрному заключенію, что за тотъ же часъ можно дома выучить лишній

десятокъ словъ, и что это гораздо полезнѣе классной болтовни Григорія Ѳедоровича...

V.

Экзамены.

Для рѣшенія вопроса первостепенной важности избрана одна изъ своего рода конспиративныхъ квартиръ: въ «казенномъ домѣ» собираться неудобно по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что не такъ то легко обезпечить себя отъ невоздержанности какого-нибудь болтуна. Собравшіеся ждутъ не дождутся прихода депутатовъ, отправленныхъ къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ съ вопросами объ экзаменной программѣ и—что всего важнѣе—объ экзаменныхъ билетахъ. День выдался не изъ счастливыхъ: иные депутаты возвратились съ «носомъ», иные что то долго не возвращаются.

— Такъ и отрѣзалъ?

— Ну, да: я, говоритъ, господа, отлично понимаю, чего вы хотите... Стыдно, положительно стыдно! Пусть это будетъ между нами, но не дай Богъ, если кто-нибудь...

— Отъ Бориса, отъ Бориса!.. Ну, ну?

Депутаты только лукаво моргаютъ глазами: дѣло въ шляпѣ.

— Ну, да о Борисѣ не могло быть и рѣчи, а вотъ, что запоетъ Лебедка? Вотъ вопросъ. Но и этотъ вопросъ разрѣшается благополучно: отецъ Ѳедоръ «просилъ» приготовить билеты. Флоръ Андреевичъ тоже *просилъ*...

— Даже «просилъ»? Вотъ это ловко!

— Однако же, господа: урожаемъ мы похвалиться не можемъ... Исторія только, математика да философія...

Положимъ, и это уже недурно, недурно обезпечить себѣ удовлетворительный отвѣтъ и по двумъ-тремъ предметамъ... И компанія приступаетъ къ детальному обсужденію вопроса. Проектовъ много, надо каждый обсуждать и выбрать наиболѣе подходящій. А выбрать не такъ легко, какъ кажется. Всѣ согласны

съ тѣмъ, что лучше «двойныхъ» билетовъ не придумаешь. Въ самомъ дѣлѣ: къ экзамену ты готовишь всего одинъ билетъ, готовишь, разумѣется, на «пятерку»; надо быть слишкомъ ужъ неуклюжимъ медвѣдемъ, чтобы, взявъ билетъ на столѣ и отправившись къ окну или къ доскѣ обдумывать, не подмѣнить его. Но тутъ есть одинъ рискъ, и рискъ ужаснѣйшій! Этотъ Д... сколько его не убѣждали, сколько ни доказывали ему, что ради «общей пользы» онъ обязанъ пожертвовать своимъ убѣжденіемъ, Д. остается при своемъ ослиномъ упрямствѣ: срѣжусь, молъ, а мошенничать не стану!.. Не дуракъ ли?

Вретъ, понятно: просто разсчитываетъ получить снисхожденіе за честность... Да, но Д. не снисходительный. За нимъ—и другіе. А., положимъ, согласится, ему не опасно: попадутся, тогда онъ попроситъ, чтобы его экзаменовали «по всему пройденному», и всѣ увидятъ, что онъ только не мѣшалъ товарищамъ; но вотъ В. смотритъ иначе, какъ и Д...

— Во всякомъ разѣ два-три человѣка не смѣютъ мѣшать классу! Не смѣютъ, не смѣютъ!

Увѣренность въ этомъ такъ велика, что самозванная депутація не останавливается предъ окончательнымъ рѣшеніемъ: изготовляются два экземпляра билетовъ, совершенно, конечно, одинаковыхъ, и составляется списокъ, кому какой билетъ изъ экземпляра, остающагося на рукахъ, можетъ быть врученъ...

Труднѣе—по философіи. Есть причина, по которой двойные билеты тутъ не пойдутъ. Принимается другой, не менѣе рискованный, проектъ, заключающійся въ удержаніи одного изъ двухъ билетовъ на рукахъ. Такъ какъ по философіи отвѣтъ продолжается довольно долго, ибо экзаменатору приходится повторить иногда все, что говорилось на урокѣ, то подготовляющійся легко успѣетъ прочесть или прослушать по подсказкѣ содержаніе билета, взятаго на столѣ и переданнаго по принадлежности послѣ обычной подмѣны.

— Не замѣтилъ бы только Григорій Васильевичъ, если будетъ... Но Григорій Васильевичъ не замѣтитъ: онъ будетъ си-

дѣть спиной къ подготовляющемуся, и лишь послѣ экзамена пуститъ не одну шпильку по адресу всѣхъ...

Вотъ еще камень преткновенія: математика! Добрѣйшій и осторожнѣйшій Флоръ Андреевичъ, по своей дѣтской наивности, даже не подозрѣваетъ плутней, но имѣетъ прескверную привычку заглядывать въ билетъ, только что взятый. Да и Николай Егоровичъ не спуститъ основному отдѣленію, если замѣтитъ, что дѣло не чисто. И выходитъ: близокъ локоть, да не укусишь; приготовленіе билетовъ на рукахъ воспитанниковъ, а «провести» трудно. Приходится прибѣгнуть къ неуклюжему способу мѣченныхъ билетовъ. Съ зоркостью фабричнаго ревизора осмотрѣны всевозможные сорта бумаги, и если бы кто-нибудь изъ экзаменаторовъ хорошенько всмотрѣлся, онъ бы увидѣлъ, что въ числѣ двадцати и больше билетовъ нѣтъ и двухъ, совершенно одинаковыхъ: одинъ билетъ—съ печатью, другой—безъ печати, третій съ печатью въ другомъ углу, четвертый—срѣзанъ наискось и т. д. и т. д. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, столько возились надъ заключительнымъ отдѣломъ алгебры о перестановкахъ, размѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. Увы! экзаменаторы далеко не наблюдательны: они пренаивно хохочутъ, видя, какъ вызванный разсовываетъ билеты и отыскиваетъ «свой», и воображая, что тутъ играетъ роль обычное на экзаменахъ суевѣріе или что-нибудь въ родѣ... Да и мало ли чего они не видятъ? Не видятъ и плохой шутки Ѳедьки М—го, который объявилъ вдругъ готовность стать козломъ отпущенія и вышелъ, къ удивленію всѣхъ, отвѣчать первымъ на экзаменѣ, на которомъ вовсе не могло быть плутней, ибо Василій Ананьевичъ самъ приготовилъ билеты. Ѳедька взялъ съ собой громадную библію, еле держалъ въ рукахъ во время отвѣта, а къ концу отвѣта положилъ ее на билеты. Изъ послѣднихъ ровно восемь прилипло къ слегка смазанному гуммиарабикомъ переплету... И жаль, очень жаль, что экзаменаторы не видятъ: будь они зорче, не было бы и рискованныхъ для молодежи попытокъ...

— Какъ это все глупо, какъ низко, какъ обидно!

— Ну, ну, пожалуйста: въ университетъ? Съ Богомъ, а мнѣ на кой чортъ ваша алгебра?

— Не алгебра, а священное писаніе... *Вамъ* же оно нужно!

Но жажда попасть въ университетъ мучитъ такъ многихъ, что и между ними есть большіе сторонники облегченія экзаменнаго формализма при помощи плутней. Иные только прикрываются фиговымъ листомъ товарищества и готовности дѣйствовать заодно, а въ сущности—объявите имъ сегодня, что для поступленія на математическій факультетъ надо держать экзаменъ по обоимъ древнимъ языкамъ, а для поступленія на филологическій—по математикѣ, и завтра же половина кандидатовъ окажется сложившей оружіе.

—

Экзамены идутъ гладко. Гдѣ нѣтъ плутней—тамъ есть снисхожденіе, и гдѣ плутни—тамъ нѣтъ и нужды въ уступкахъ. Раздоры затихли: каждый изъ протестовавшихъ, получивъ высшій баллъ, увѣренъ, что онъ получилъ бы его и безъ «этихъ глупостей», а прочіе испытываютъ полнѣйшее блаженство. И испытывали бы, не случись эта пакость на экзаменѣ исторіи. Понимаете: исторіи! Т. е. на томъ самомъ экзаменѣ, для облегченія котораго можно было свободно принять и другой проектъ: легче же «подслушать» по исторіи, нежели по философіи! Этотъ скандалъ останется навсегда памятнымъ.

Въ экзаменной комиссіи—трое: предсѣдатель—отецъ ректоръ, ассистентъ—Иванъ Христофоровичъ и экзаменаторъ—отецъ Ѳедоръ. Отвѣчаютъ удивительно хорошо. Отецъ Ѳедоръ на седьмомъ небѣ. Благодушный отецъ ректоръ все хвалитъ и хвалитъ. Не восхищается только Иванъ Христофоровичъ: зависть ли его мучитъ,—по церковной исторіи никогда богословы такъ не отвѣчали, свидѣтель—та же комиссія; рѣшилъ ли онъ «положить конецъ безобразіямъ»; виновата ли страсть пошумѣть, разнести по городу «новость»,—только присматривается онъ какъ то особенно внимательно, а послѣ отвѣтовъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ воспитанниковъ вдругъ началъ пересматривать всѣ билеты на столѣ. И, о, ужасъ! Одинъ за другимъ попадаются ему двойные номера!..

— Отецъ ректоръ! Тутъ мошенничество...

— Что, что?

— Мошенничество, самое чистое мошенничество! Не угодно ли?

И онъ преподноситъ отцу ректору два билета съ одинаковыми номерами.

— Седьмой... тоже седьмой... Гм... Такъ вы смѣшайте ихъ, получше смѣшайте!..

Наивное непониманіе или нежеланіе скандала? Отецъ ректоръ усердно тасуетъ оставшіеся билеты и требуетъ продолженія отвѣта. Но Иванъ Христофоровичъ не унимается.

— Отецъ ректоръ! Здѣсь плутни, мошенничество! О! о! о!

И онъ вытягиваетъ новыя и новыя пары билетовъ.

— У нихъ у каждаго въ карманѣ свой билетъ... Они обманываютъ! О! о! Вотъ еще!

Весь классъ притихъ. Каждый какъ на иголкахъ. Отецъ Ѳеодоръ покраснѣлъ: вспылилъ... Только отецъ ректоръ не смущается.

— Да вы смѣшайте, говорю... Вотъ такъ!..

— Да не то, отецъ ректоръ!—убѣждаетъ длиннобородый сербъ.

Объявляется перерывъ. «Судъ удаляется для совѣщанія». Неспрошенные набросились на учебникъ и спѣшатъ хоть просмотрѣть что-нибудь. Отвѣчавшіе ходятъ точно опущенные въ воду. Д. злорадствуетъ и негодуетъ. Положеніе совсѣмъ хуже губернаторскаго...

— Иванъ Христофоровичъ ушелъ! Пошла писать губернія!

И правда, что «пошла»: съ быстротою неизвѣстныхъ тогда телефоновъ разнеслась по городу позорнѣйшая вѣсть: семинаристы пойманы въ мошенничествѣ! Слава Богу, что хоть судъ оказался и правымъ и скорымъ, и милостивымъ: комиссія изъ двухъ довела кое-какъ экзаменъ до конца, поставивъ отвѣчавшимъ раньше баллы по усмотрѣнію отца Ѳедора, который изъ всей исторіи вывелъ совершенно основательное, одобренное и отцомъ ректоромъ заключеніе, что никогда не слѣдуетъ поручать *имъ* готовить билеты...

— Сами виноваты,—говорилъ отецъ ректоръ въ Правленіи,—ввели въ соблазнъ... А молодежь, повѣрьте, всегда оста-

нется молодежью... А мы не старались плутовать? Зачѣмъ отдали имъ билеты? Карать при такихъ условіяхъ нельзя... Между отвѣчавшими по подложному билету есть юноши образцовой честности»!..

Время показало, кто былъ правъ,—во всякомъ случаѣ, не тотъ, кто билъ по оглоблямъ, оставляя коня безъ узды и полагая въ этомъ всю свою педагогическую миссію неудачно, говорятъ выполненную имъ и послѣ, на высшемъ посту...

Остается еще одинъ экзаменъ, рѣдкій въ жизни семинаріи, а потому и особенно помпезный. Это архіерейскій! Приготовленія къ нему раздѣляются на двѣ категоріи: съ внѣшней стороны—надо явиться въ блескѣ скромной семинарской обмундировки, съ должной выправкой и умѣньемъ держать себя, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ юношамъ; со внутренней—надо знать свою группу и—не у всѣхъ, конечно, профессоровъ—вопросы для отвѣта... Все это, конечно, нетрудно: даже экономъ казеннаго дома не поскупится на лишній фунтъ ваксы, а на отвѣты легко и снисходительно смотрятъ почти всѣ профессора, даже тѣ, которые на прошедшихъ уже частныхъ экзаменахъ были неумолимо строги и далеки отъ соблазна.

Десять часовъ утра. Самый большой по вмѣстимости классъ набитъ биткомъ. Столъ покрытъ сукномъ, подъ столомъ—коверъ, на главномъ мѣстѣ—кресло, по обѣ стороны—кресла и стулья. Раздался звонокъ, сотни двѣ голосовъ запѣли «Достойно». Вошелъ архіерей, за нимъ—ректоръ, инспекторъ, почетное городское духовенство, всѣ наставники. Послѣ «ис-полла» всѣ заняли свои мѣста, и начался экзаменъ. Только одно кресло свободно. Кого то посадитъ на немъ архіерей прежде всѣхъ? Конечно, одного изъ преподающихъ священное писаніе. Дѣло идетъ на чистоту: нельзя же назвать плутнями условіе, по которому, предположивъ, что владыка вызоветъ по каждому предмету не больше, скажемъ, десяти душъ, господа профессора выбрали для этихъ группъ подходящихъ воспитанниковъ и вычеркнули изъ программы всѣ билеты, кромѣ легчайшихъ десяти! За то отвѣты—одна малина!

— Хорошо, другъ! Очень хорошо, другъ! Прекрасно, другъ! Благодарю васъ!.. Прошу *васъ*...

При нѣкоторой придирчивости можно было бы отнесть къ разряду плутней развѣ эпизодъ съ экзаменомъ по геометріи. Какъ это случилось, что вызванный попалъ совершенно незнакомый ему билетъ—трудно сказать, но попалъ и попалъ очень трудный. Недолго думая (ибо смѣлость не была бы смѣлостью, если бы стала еще раздумывать), идетъ нашъ Галактіонъ къ доскѣ, громко читаетъ по программѣ теорему, чертитъ усѣченную пирамиду и начинаетъ нести чепуху, достойную знаменитаго отвѣта пана Халявскаго. Въ громадной аудиторіи—много воспитанниковъ, еще и не проходившихъ геометрію, а еще больше забывшихъ,—знающіе замѣшаны въ толпѣ, но всѣ чувствуютъ «фокусъ»; сдержанный смѣхъ не выдаетъ секрета... Преосвященный, начальство и гости—геометріи ни въ зубъ: вѣдь учились то, когда, пожалуй и Буссе еще не родился. Понимающіе изъ профессоровъ—не спеціалистовъ не въ свое дѣло, конечно, не вмѣшаются. Неловко чувствуютъ себя только математики, и бѣдный Флоръ Андреевичъ уже затянулъ свою пѣсенку:

— Э... Э... Э... Етово... Етово...

Но и его кто то изъ коллегъ дернулъ уже за фалды вицмундира, и онъ успокоился. Зло улыбается Николай Егоровичъ, но что ему до шутки на безцѣльномъ экзаменѣ? А между тѣмъ удивительное по своей нелѣпости доказательство теоремы приходитъ къ концу, «радіусы призмы», «хорды синусовъ», «тупые углы шара» и т. подобныя нелѣпости перешли всякую границу и слышится ясный, точный опредѣленный выводъ: «*что и требовалось доказать*»! Картина, достойная кисти великаго художника! Архіерей хвалитъ: посмотримъ, кто рѣшится *теперь* сконфузить самого владыку? Ужъ, конечно, не профессоръ. Послѣдній только послѣ экзамена подзываетъ къ себѣ героя дня и пресерьезно вычитываетъ ему;

— Э... Э... Етово... Э... Глупости вы... городили!

Другой математикъ молчитъ и ехидно улыбается, а въ толпѣ семинаристовъ слышится одобреніе по адрессу находчиваго то-

варища: «Молодчина, Галактіонъ! Такъ *ихъ* и учи»! Даже Иванъ Христофоровичъ только смѣялся:

— Ой, панычу, панычу! Та й мошенникъ же вы!..

И съязвилъ одинъ только Димитрій Николаевичъ, недавній инспекторъ, замѣститель отца Евфима:

— Такъ вы и въ университетѣ будете отвѣчать? Вѣдь, вы же quasi-студентъ!..

VI.

Въ казенномъ домѣ.

Предшествующіе шесть лѣтъ пріучили бурсака и къ голоду, и къ холоду, и къ убогой обстановкѣ, а потому не удивитъ его и не огорчитъ ничто: ни грязный столъ, одно прикосновеніе къ которому у непривычнаго человѣка отняло бы всякій аппетитъ,— ни посуда, съ такимъ слоемъ грязи и сала, что судомойка сама только подсмѣивается и остритъ: «тилькы изъ-за етаго супъ и бувае жырный»;—ни хлѣбъ съ мухами, весьма, впрочемъ, искусно нарѣзанный спеціалистомъ пьянчужкой Евгеніемъ—«хлѣбодаромъ»,—ни борщъ, «полный пустоты»,—ни пригорѣлая каша, ни нанковый непрочный сюртукъ, полы котораго имѣютъ престранную привычку скручиваться въ трубочку сзади и образовывать большую прорѣху, въ видѣ трехъугольника... Даже и претензіи не слышится; такъ должно быть, иначе нельзя и—кончено. Да и къ чему повели бы претензіи? Горе только въ томъ, что все это уже въ губернскомъ городѣ, а не въ уѣздномъ захолустьи: и соблазновъ больше, и пофрантить иному хочется... И соблазны и франтовство требуютъ денегъ. Поэтому каждый только и думаетъ о полученіи урока, за три цѣлковыхъ ходитъ Богъ знаетъ куда, репетируетъ какого-нибудь жидочка по нѣскольку часовъ въ день и такимъ образомъ хоть отчасти удовлетворяетъ свои потребности: пьетъ изрѣдка «юнкерскій» чай, куритъ хоть плохой табакъ, въ будній день лакомится полу-фунтомъ бѣлаго хлѣба (въ праздникъ это лакомство—отъ казны) и носитъ за приплату портному

нанковый сюртукъ сдѣланный по «лучшему хвасону», и за приплату сапожнику—сапоги на подметкахъ и даже «со скрипомъ». Начальство, конечно, не видитъ этихъ расходовъ, да и видѣть ихъ ему нѣтъ никакой надобности: въ сущности, вѣдь всѣ они, кромѣ расхода на табакъ, даже въ интересахъ начальства.

Жизнь течетъ спокойно, монотонно. Днемъ—въ классахъ, вечеромъ—за работой дома. Въ общемъ это теченіе жизни недурно кѣмъ то изъ бурсаковъ выражено въ пародіи на лермонтовскую сосну:

Склонившись надъ книгой, сидитъ одиноко
Худой и голодный нашъ братъ,
И дремлетъ, качаясь, и книга предъ носомъ—
Платона Критонъ и Сократъ.
И снится ему, что въ гостинницѣ шумной,
Въ томъ краѣ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ,
Валяются кучами булки
И разныя вина стоятъ...

Изрѣдка, однако, случайно открытое нарушеніе нѣкоторыхъ правилъ режима вызываетъ пыхтѣнье отца Евфимія или взысканіе, наложенное самимъ ректоромъ... Безъ этого нельзя, разумѣется. Есть господа слишкомъ ужъ самовольничающіе. Не хотите ли знать, что сдѣлали они? Нѣсколько душъ, вопреки запрету, отправились въ театръ наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня. Уже и это дурно, но вся соль въ томъ, что на кроватяхъ своихъ они устроили чучела изъ пальто и, такимъ образомъ, прибѣгли къ явному обману. Послѣдній былъ открытъ совершенно случайно. Часовъ въ 10—11, въ субботу и наканунѣ праздника отецъ Евфимій всегда обходитъ номера, убѣждаетъ сидящихъ надъ книгой ложиться спать, не понимая того, что спать, не окончивъ, напримѣръ, пульки въ преферансъ или не отыгравшись въ стуколку, трудно; ставитъ въ примѣръ уже спящихъ, которые-де завтра съ бодростью проведутъ день, и пр., и пр. Несомнѣнно, такъ все сошло бы и въ этотъ злополучный вечеръ,

не будь этого неестественнаго шума, который ясно раздавался въ большомъ номерѣ, гдѣ отецъ Евфимій засталъ мирный сонъ.

— Заснули, голубчики?

А голубчики храпятъ и—только.

— Ско-ро, ско-о-оро!.. А кто же, ругался? На улицу слышно!..

Чей-то храпъ разсмѣшилъ сосѣда и вывелъ изъ терпѣнія отца Евфимія. Онъ направляется къ кровати, но попадаетъ не къ той, сердито срываетъ одѣяло и... о, ужасъ! Чучело, да еще и самое неискусное! Само собой разумѣется, были осмотрѣны всѣ кровати; на однѣхъ оказались такія же чучела, на другихъ—одѣтые притворщики, и лишь на нѣкоторыхъ все было, какъ должно. Кто опишетъ гнѣвъ отца Евфимія! «Мер-зав-цы! Не-годяи»!.. Вообще онъ не любитъ исторій; вовсе не съ его комплекціей возиться, разбирать, налагать взысканія и послѣ отмѣнять ихъ. Но это... это совершенно экстра-ординарная исторія (для отца Евфимія, конечно, а не для семинаристовъ), и возмездіе не заставило себя долго ждать. Да что возмездіе?! На карцеръ наплевать: выспаться на полу можно не хуже, чѣмъ на казенномъ матрацѣ, а при обычаѣ садить въ карцеръ на время уроковъ, это—даже средство избавиться отъ нѣкоторыхъ часовъ сидѣнія въ классѣ и отъ полученія лишней единицы. Скверно не то... Съ этой исторіей тѣсно связывается назначеніе въ казенный домъ надзирателя... Вѣроятно, и при выборѣ замѣстителя отца Евфимія не такъ бы сразу остановились на Димитріи Николаевичѣ, не обнаружься необходимость «подтянуть»...

Петръ Ильичъ оказался, однако, надзирателемъ очень далекимъ отъ идеала. Какой онъ надзиратель, если питомцы и шумѣть продолжаютъ, и спать ложатся не всѣ во-время, и читаютъ не то, что надлежитъ. И Петръ Ильичъ уступаетъ мѣсто нѣкоему Якову... Якову... не помню его отчества,—кажется, Ивановичъ,—да и помнить не стоитъ: для исторіи рѣшительно все равно, будетъ ли извѣстно потомству, кто былъ въ П—кой семинаріи надзирателемъ, перешелъ потомъ въ уѣздную полицію, проштрафился и въ настоящее время вкушаетъ покой на землѣ или въ землѣ. Поэтому, не боясь грубой ошибки, будемъ звать его хоть и Яко-

вомъ Ивановичемъ. И такъ, Яковъ Ивановичъ занялъ мѣсто Петра Ильича, надѣвшаго рясу. Начальство облегченно вздохнуло: слава Богу, нашли!.. Семинаристы шутятъ: когда, говорятъ, родился Яковъ Ивановичъ на Божій свѣтъ, то папенька, посмотрѣвъ на тихаго ребеночка, изрекъ пророчески, что-де быть ему примѣромъ для многихъ! И пророчество это исполнилось: онъ получилъ надзирательство!.. Болѣе «подходящаго» человѣка могъ бы, кажется, найти только тотъ, кто умѣетъ убивать бобра. Правда, какъ весьма ограниченный человѣкъ, хотя и прошедшій богословіе, Яковъ Ивановичъ не въ состояніи оріентироваться въ вопросѣ, что можно допустить и чего нельзя... Правда, не его головѣ понять, что если иные питомцы учились и воспитывались почти десять лѣтъ безъ надзирателя; то въ послѣдніе два года къ нимъ нельзя уже примѣнять всего того, что примѣнимо къ дѣтямъ... Правда, не обладаетъ онъ даже настолько наблюдательностью, чтобы отличить возрастъ отъ роста... Но все это, конечно, вздоръ, по сравненію съ его удивительною способностью исполнять распоряженія.

— Настаивайте, на томъ, чтобы въ 10 ч. ложились спать.

— Слушаю-съ.

И Яковъ Ивановичъ «настаиваетъ». Сдѣлалъ обходъ номеровъ—всѣ дома. Дверь на запорѣ, ворота—тоже: выйти никто не можетъ. Все, кажется, въ порядкѣ. Но гдѣ то, въ угольномъ номерѣ, есть свѣтъ: какой-то словесникъ, философъ или богословъ украдкой зажегъ свѣчку и читаетъ въ постели. Надзиратель—тутъ уже; но зачитавшійся успѣлъ потушить свѣчку. Напрасно. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы укрыться отъ Якова Ивановича, если только призоветъ онъ на помощь всѣ пять внѣшнихъ чувствъ. Вотъ и теперь. Онъ обошелъ всѣ углы, пощупалъ пальцами фитили всѣхъ огарковъ, одинъ огарокъ, говорятъ не то понюхалъ, не то языкомъ лизнулъ, и вмигъ обнаружилъ неслыханное преступленье. На другой день—къ инспектору. Послѣдній видитъ, что вина не Богъ вѣсть какая, разъ и заарестованная книжка оказалась не предосудительной, но нельзя же не поддержать и надзирателя.

— Не хотите подчиняться правиламъ? Можете оставить казенный домъ!..

Оставить казенный домъ—идеалъ каждаго живущаго въ ономъ, и не одинъ уже семинаристъ блаженствуетъ «на кондиціи за квартиру»; но оставить казенный домъ безъ кондиціи—это страшная кара, больше которой нѣтъ для нищаго бурсака. А между тѣмъ всякій тоже отлично знаетъ, что съ Димитріемъ Николаевичемъ, вообще, шутки плохи.

Около 11 часовъ ночи. Всѣ спятъ. Одна кроват кажется Якову Ивановичу подозрительной. Отъ подходитъ и пристально всматривается въ лицо спящаго. Свѣтъ отъ его свѣчки разбудилъ бурсака. Послѣдній вскакиваетъ въ испугѣ.

— Что такое?

— Вы не спали...

— Допустимъ, что жъ изъ этого?

— Вы читали...

— И не думалъ!

— Читали. Завтра къ инспектору.

Эти мелочныя придирки, постоянныя и подъ-часъ слишкомъ ужъ странныя, вооружаютъ всѣхъ противъ надзирателя. Его ненавидятъ всей душей, избѣгаютъ говорить съ нимъ и дѣлаютъ ему всевозможныя пакости. Не успѣлъ онъ сдѣлать обходъ сосѣднихъ номеровъ, употребивъ на это нѣсколько минутъ, какъ комната его, оставленная незапертой, оказывается наполненной всякой дрянью, а всего больше—изорванными старыми картами. Бѣдный надзиратель сконфуженъ; онъ ломаетъ голову, строитъ гипотезы, подозрѣваетъ, допрашиваетъ служителя; но дѣло отъ всего этого не проясняется. Узнать истину такъ же не возможно, какъ невозможно и разрѣшить вопросъ: кто швырнулъ вслѣдъ надзирателю подушку? И подушка заарестована, и принадлежность ея казнѣ—внѣ всякаго сомнѣнія, ибо и наволочка и набивка казенныя... А провѣрять—чортъ знаетъ, что получается: постель казенная вся на лицо, «своей такой» никто не имѣлъ... Что за исторія?

— Она родилась отъ казенной постели!

— Перестаньте, пожалуйста, глупить!

О, другъ Гораціо! И невозможное можетъ оказаться возможнымъ: пусть объяснитъ тайну этихъ неестественныхъ родовъ доморощенный портной, умудрившійся изъ десятка казенныхъ подушекъ сдѣлать одиннадцатую.... Инспектору нельзя отказать въ умѣ и осторожности. Вотъ почему онъ и далъ, наконецъ, понять своему ретивому помощнику, что усердіе не по разуму тоже къ добру не приводитъ, и что порученные его надзору молодые люди, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки не жулики, по отношенію къ которымъ нужна травля и ничего больше. Очевидно, понялъ это и самъ господинъ надзиратель, поспѣшившій бросить службу и перейти на другую, по уѣздной полиціи.

Неуспѣхъ воспитательныхъ мѣропріятій, большею частью, объясняется ихъ несвоевременностью, непослѣдовательностью, случайностью. Такъ говоритъ и Григорій Васильевичъ, вмѣстѣ съ воспитанниками осуждающій, напр., введеніе чтенія житія святого во время обѣда. Крикъ, шумъ, гамъ, всѣ голодны, борщъ-помои, хлѣбъ съ мухами. И... житіе святого! Какого? Кто тамъ знаетъ?! Въ рѣдкіе приходы ректора тишина еще устанавливается, но и тогда, слышны остроты при громкомъ и отчетливомъ чтеніи мѣстъ, рисующихъ скудное питаніе аскета и т. п.; а ужъ въ присутствіи надзирателя и говорить нечего!

— Странно, что дѣлаетъ это *отецъ ректоръ*... Человѣкъ— искренній, не ханжа...

— Ахъ, да не въ этомъ дѣло! Въ сущности, и хорошо, вѣдь: безъ затраты времени ты каждый день можешь узнать новое... Но непривычно... но обстановка...

Подъ вліяніемъ именно обстановки, небрежность обнаруживаютъ даже тѣ, кто по вечерамъ часы проводитъ за библіей и совершенно искренно и серьезно штудируетъ четьи-минеи: семинарія дала, вѣдь, не одного выдающагося кандидата въ духовную академію. Выходитъ, значитъ, что вовсе не «духъ» виноватъ, а что тѣ, для кого семинарія—предѣлъ воспитанія и образованія, выйдя въ жизнь и начавъ духовную службу, внесли въ нее фор-

мализмъ вовсе не потому, что-де заразились духомъ небреженія, формализма, отрицанія...

Рѣже, чѣмъ нарушеніемъ правилъ режима, оживляется монотонная жизнь казеннаго дома весельемъ. Для послѣдняго нужно слишкомъ много условій: подъ праздникъ—нельзя, въ рабочіе дни неудобно, а такихъ нерабочихъ дней, какъ на зимнихъ каникулахъ или на масляницѣ, въ году немного. Въ эти дни, конечно, стѣны дома дрожатъ отъ пѣнія, музыки, танцевъ. Начальство совершенно стушевывается, свобода царитъ полная. Это своего рода розговѣны и заговѣны...

Бывшіе питомцы семинаріи, пробравшіеся въ университетъ, нерѣдко навѣщаютъ свою almam matrem и сильно, сильно смущаютъ этими визитами многихъ. Своими разсказами они подогрѣваютъ однихъ, будятъ другихъ и охлаждаютъ третьихъ. Въ общемъ, однако, приносятъ они съ собой то, безъ чего, кажется, совершенно замеръ бы этотъ бѣдный муравейникъ. Большой юмористъ С—кій непремѣнно отмѣчаетъ эти визиты шутками. Вотъ онъ искуснымъ обманомъ созвалъ въ номеръ, гдѣ витійствуетъ пріѣзжій студентъ, всѣхъ «отпѣтыхъ», всѣхъ тѣхъ, которые и сами уже трунятъ надъ своими «успѣхами»; самъ суетливо вбѣгаетъ и проситъ подождать, не говорить пока ничего.

— Въ чемъ дѣло?

— Вотъ они... не всѣ еще... Въ университетъ имъ очень захотѣлось, да дороги не знаютъ!..

Общій хохотъ собравшихся, хохочутъ и сами виновники веселой минуты. Обиженъ отчасти только Трофимъ Мироновичъ:

— Ну, положимъ: не святые горшки лѣпятъ!

— Конечно, конечно! но, вѣдь, ты же кажется, повезешь латынь прямо въ академію наукъ!

Трофимъ Мироновичъ, дѣйствительно, искусился въ латыни, хотя *только* въ латыни, и потому-то Алексѣй Осиповичъ совершенно игнорируетъ его отмѣнное знаніе формъ и словъ.

— Ну-съ: а вы? Вы, вѣдь, большой словесникъ...

Большой словесникъ краснѣетъ и боится: а какъ нарѣжутъ?

— Вздоръ: сочиненіе—главное!.. Вотъ ужъ кто плохо пишетъ, ну... Надо очень развѣ выдѣлиться въ чемъ-нибудь, чтобы...

Въ этомъ указаніи все—и ободреніе, и смертный приговоръ. Послѣ такихъ бесѣдъ одни видятъ во снѣ университетскую аудиторію, другіе—убогій сельскій приходъ; одни еще больше налегаютъ на избранные предметы, другіе записываются, по злому выраже́нію инспектора, въ «quasi студенты». Отъ имени послѣднихъ тотъ же С. пишетъ остроумную петицію въ университетъ: или вовсе—молъ—не пріѣзжайте къ намъ, или, если пріѣзжаете, не сбивайте насъ съ толку и не лишайте Россію великихъ талантовъ...

VII.

Высокій гость.

Насколько въ низшей бурсѣ реформа интересовала всѣхъ и каждаго; насколько тамъ она являлась причиной безконечныхъ тревогъ и волненій: настолько въ семинаріи, казалось, вовсе о ней не думали. По крайней мѣрѣ, о ней не говорили даже на вечернихъ собраніяхъ. Почему? Одни не интересовались, другіе, подъ разными вліяніями, не вѣрили въ существенные отъ нея результаты и жили мечтой поскорѣе раздѣлаться съ вѣдомствомъ; наконецъ, иные, можетъ быть, достаточно уже наговорились,—ибо вопросъ о реформѣ давно былъ рѣшенъ и ожидалось лишь фактическое ея введеніе. Такъ и шло дѣло вплоть до начала второй половины семидесятыхъ годовъ, когда дошла очередь и до П—ской семинаріи; пріѣхалъ ревизоръ, сидѣлъ безвыходно на всѣхъ экзаменахъ и—сразу исчезли «словесность», «философія», «богословіе», уступивъ мѣсто классамъ: первому, второму и т. д. Только одинъ былъ моментъ, когда грядущая реформа напомнила о себѣ. Стало извѣстно, что ожидается посѣщеніе П—вы, а стало быть и семинаріи, оберъ-прокуроромъ Синода, министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ... Въ гимназіяхъ введена

реформа, въ семинаріяхъ вводится,—посѣщеніе благовременное, но для провинціальнаго города, только что соединеннаго желѣзной дорогой съ центромъ, весьма и весьма необычное.

— Отецъ ректоръ! Правда, что будетъ оберъ-прокуроръ?

— А вамъ—то что? Это намъ хлопоты и...

Отецъ ректоръ послѣ «и» поставилъ многоточіе, но всѣ понимали его недосказъ: и опасность... Судя по той суетливости, какую проявляетъ онъ вмѣстѣ съ экономомъ, можно подумать, что опасность грозитъ дѣйствительно большая. Особенно нервничаетъ экономъ; все ходитъ, все осматриваетъ, внимателенъ къ мелочамъ и уступчивъ, уступчивъ до крайности.

— Пантелеймонъ Антоновичъ, сапоги вотъ...

— Такъ что же вы не говорите?

И сапожникъ тутъ какъ тутъ.

— Пантелеймонъ Антоновичъ, матрацы наши...

— Ахъ, да!..

И генеральная перебивка матрацовъ совершается въ нѣсколько дней.

— Хлѣбъ вотъ...

И достается всѣмъ до кривовязаго хлѣбодара Евгенія включительно, не получающаго, въ виду посѣщенія, жалованья, а потому не запивающаго и вполнѣ исправнаго.

— Вотъ если бъ подольше не пріѣзжалъ!..

Желаніе совершенно, конечно, понятное: въ общемъ казеннокоштныхъ не обижаютъ, жить можно, а все-таки періодъ ожиданія даетъ имъ кое-что лучшее...

Профессора не боятся. Исключеніе составляетъ развѣ бѣдный Флоръ Андреевичъ: и безъ того онъ чрезмѣрно робокъ... Григорій Васильевичъ и въ усъ не дуетъ: такъ же свободно говоритъ, такъ же строгъ, даже субботники у него продолжаются, хотя на субботникахъ этихъ изъ казеннаго дома—а ни-ни! Перекличка—раньше, надзоръ строже, можно подумать, что графъ Толстой давно уже живетъ инкогнито гдѣ-нибудь по сосѣдству съ домомъ Черноголовки...

— А Григорію Васильевичу—наибольшій рискъ!..

Почему—никто не спрашиваетъ: всѣ знаютъ, что онъ пользуется извѣстной репутаціей и невольно вѣрятъ бреднямъ о предстоящемъ чуть ли не изгнаніи его изъ семинаріи.

День пріѣзда ближе и ближе. Воды не хватаетъ на мытье половъ и партъ. Даже укромное мѣстечко осмотрѣно инспекторомъ, въ сопровожденіи сторожа, который безжалостно мокрой тряпкой уничтожилъ всѣ слѣды думъ и вдохновеній, украшавшіе стѣны. Только съ одной надписью нелегко было справиться, ибо піитъ позаботился о томъ, чтобы его «прощаніе съ догматикой» достигло отдаленнѣйшихъ поколѣній, и выгравировалъ стихи при помощи перочиннаго ножика.

Прощай, холодная наука,
Прощай, догматика моя!
Съ тобой мнѣ радостна разлука,
Я счастливъ, веселъ безъ тебя и пр.

— Ну, вдругъ!.. Мало ли что можетъ случиться?!..

Уроки даются небольшіе, спрашиванье учащается, одно и тоже повторяется безъ конца, лѣнтяямъ дѣлаются прозрачные намеки на возможность не быть во время посѣщенія въ классѣ, иные не дождались и намековъ и поспѣшили воспользоваться снисходительностью больничной администраціи... К—въ, напр., давно въ больницѣ. И къ лучшему! Въ сущности, онъ, вѣдь, всегда боленъ. Его ужасная болѣзнь—сквернословіе. Рѣдкій экземпляръ, почти единственный, случайный и совершенно необъяснимый пережитокъ старой бурсы! Были случаи, когда сквернословилъ онъ даже въ разговорѣ съ инспекторомъ, а съ товарищами онъ ругается и сквернословитъ такъ же «нормально», какъ иной заикается, щиплетъ усы или нюхаетъ воздухъ.

Оберъ-прокуроръ въ П—вѣ. Завтра онъ будетъ на урокахъ въ семинаріи. Часы извѣстны. Если графъ не захочетъ подолгу оставаться, то будетъ и на урокѣ Флора Андреевича... Самъ адъ не могъ бы придумать большей пытки.

— Э... Э... Етово... Пожалуйста, господа!..

— Да вы, Флоръ Андреевичъ, не бойтесь: ну, вызовите К—ка, онъ блеснетъ по геометріи!..

— Э... Э... а если не отъ меня будетъ зависѣть... Етово... Пожалуйста...

День ревизіи. Въ каждомъ классѣ по два мягкихъ кресла: одно для прокурора, другое для архіерея. Профессора всѣ въ сборѣ: кому нужно, кому и не нужно. Приготовленія, конечно, закончились. Остается ожидать и... воспріять должное. Отецъ ректоръ очень блѣденъ: можно утверждать, что ночь провелъ онъ безъ сна. Инспекторъ суетится. Уроки начинаются со звонкомъ,—рѣдкій, если не первый, въ жизни семинаріи случай. Домашній піитъ даже вѣдь въ стихахъ отмѣтилъ, что-де профессора передъ урокомъ...

По корридору ходятъ, ходятъ...

Бывали случаи, и нерѣдкіе, что и звонокъ «съ урока» заставалъ ихъ болтающими въ корридорѣ. Не со всѣми это, правда, случалось: Григорій Васильевичъ и Яковъ Андреевичъ урока не подарятъ, Флоръ Андреевичъ слишкомъ боязливъ для подобнаго нарушенія правилъ, а Иванъ Христофоровичъ большой формалистъ, но какая сила втянетъ въ классъ, напримѣръ, Егора Филипповича, если онъ заболтался въ корридорѣ съ Андреемъ Андреевичемъ, или Ивана Герасимовича, если онъ пришелъ безъ томика Гоголя? Сегодня, однако, не то... сегодня—исключеніе, сегодня рѣдкій день, въ который и коту нѣтъ масляницы.

По крайней мѣрѣ, въ десятый или двѣнадцатый разъ Флоръ Андреевичъ повторяетъ у доски ту теорему, которая на сегодня задана. Онъ спросилъ уже нѣсколькихъ и все-таки умоляюще проситъ классъ сказать: можетъ быть, кто-нибудь еще не понялъ, не знаетъ? А до звонка—полчаса... Никогда время не шло такъ медленно!

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!

Почетныхъ гостей встрѣчаютъ всѣ. Во главѣ коллегіи—ректоръ, конечно, возлѣ него—инспекторъ, за ними—остальные члены. Общее представленіе, и всѣ направляются въ классы. Минутъ за десять до окончанія урока оберъ-прокуроръ и архіерей вхо-

дять въ классъ Флора Андреевича. Послѣдній точно застылъ на мѣстѣ. И безъ того «ниже низкаго» роста, теперь онъ кажется совсѣмъ окаменѣвшимъ въ заранѣе обдуманной позѣ, очень маленькаго чиновника передъ очень большимъ начальникомъ. Онъ рапортуетъ высокому посѣтителю «только что объясненную воспитанникамъ теорему». Голосъ его дрожитъ и едва слышенъ.

— Спросите кого-нибудь.

Оберъ-прокуроръ и архіерей садятся, за ними—воспитанники; ректоръ, всѣ профессора и случайные гости стоятъ у порога. Флоръ Андреевичъ ни секунды не медлитъ, не задумывается. Въ списокъ не заглядываетъ, ни на кого не смотритъ: съ языка его вольно или невольно, но вдругъ срывается фамилія, раньше ему подсказанная, и бойкій К—ко, точно бывшій уже наготовѣ, буквально вылетаетъ къ доскѣ. Только теперь оказалось, что и на старуху бываетъ проруха: К—ко выскочилъ не въ сюртукѣ, какъ всѣ были одѣты, а въ лѣтнемъ пальто,—по модѣ куцомъ, и чисто гороховаго цвѣта! Мало того: его длинные волосы остались неостриженными. Ректоръ—въ ужасѣ, инспекторъ остолбенѣлъ, профессора перешептываются, архіерей укоризненно посматриваетъ то на отвѣчающаго, то на ректора, и только одинъ графъ спокойно сидитъ и слушаетъ, не подавая ни малѣйшаго повода даже думать, что онъ замѣтилъ ужасную неловкость... А К—ко, не чуя грозы, отвѣчаетъ такъ быстро, такъ увѣренно, словомъ—такъ блистательно, что будь онъ въ сюртукѣ и остриженный, онъ сталъ бы предметомъ большихъ похвалъ и восторговъ всѣхъ... Флору Андреевичу, конечно, не до туалета: онъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ, онъ даже самодовольно улыбается и хочетъ что то сказать, онъ началъ уже свое неизмѣнное «Э... Э...» Но оберъ-прокуроръ прервалъ отвѣтъ и уходитъ.

— Доволенъ или не доволенъ?

Пока гости, въ сопровожденіи многочисленныхъ хозяевъ, обходятъ остальные уроки, въ классѣ Флора Андреевича дѣлаются невѣроятныя потуги разрѣшить этотъ гамлетовскій вопросъ: припоминаютъ всѣ подробности, каждый поворотъ министра, каждый вздохъ. Неудивительно, что взоры и вниманіе всего класса были

направлены на главнаго гостя, и никто ничего не замѣтилъ, вѣрнѣе—не придалъ значенія переглядыванью архіерея и ректора. Нѣсколько успокоившись, Флоръ Андреевичъ, правда, замѣтилъ укоризненно К—ку, что будетъ непріятность изъ-за пальто; но—Бога ради: вѣдь *онъ* ничего не сказалъ! Кто же возбудитъ теперь вопросъ?

Увы! Простота останется простотой. Когда почетные посѣтители уѣхали,—а совершилось это очень скоро,—и ректоръ съ инспекторомъ отъ воротъ быстрой походкой направились въ классъ Флора Андреевича, то ожидавшіе съ нетерпѣніемъ рѣшенія вопроса, доволенъ ли оберъ-прокуроръ, услышали краткое, сильное и неожиданное:

— К—ко! Ступайте въ карцеръ!..—И долго несчастное гороховое пальто и падавшіе на спину волосы К—ко служили предметомъ разговоровъ, шутокъ, осужденій, недоумѣній и порицаній «съ различныхъ точекъ зрѣнія»...

VIII.

Бѣгство.

Въ общемъ оказалось до тридцати воспитанниковъ, запасшихся лаконическимъ письменнымъ согласіемъ родителей на увольненіе ихъ изъ семинаріи. Были между ними и такіе, которые взяли согласіе только про случай,—слабовольные, не увѣренные въ себѣ или боявшіеся какого-нибудь предмета, изъ-за котораго они могли легко задержаться въ семинаріи. Начальство знало о настроеніи питомцевъ, ожидало значительнаго бѣгства, но даже такіе избранники, какъ Григорій Васильевичъ, не предвидѣли того, что случилось, ибо число рѣшившихъ бѣжать и они опредѣляли въ какой-нибудь десятокъ не больше. Это и понятно: среди профессорской коллегіи все-таки могъ найтись ктонибудь способный подгадить «quasi-студенту», подгадить даже не безъ принципа,—пусть, молъ, не срамитъ семинаріи. Вотъ почему, когда результаты экзаменовъ были объявлены, и началась

подача прошеній объ увольненіи, удивлены были очень многіе. Спокойно и благодушно встрѣтилъ отецъ ректоръ первую партію, человѣкъ пять—шесть:

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!.. Попробуйте!.. Жаль: мы бы послали васъ въ академію, но... Богъ помощь, Богъ помощь!

Слѣдующій пятокъ бѣглецовъ однако уже нѣсколько озадачилъ отца протоіерея, увидѣвшаго между ними и такихъ, на которыхъ онъ собственно не разсчитывалъ. И благопожеланія посылались уже *послѣ* совѣта:

— Смотрите, господа, оставить семинарію легко, да назадъ... Согласіе родителей есть, задерживать васъ мы не вправѣ, но—смотрите! Работайте на каникулахъ. Не сконфузьте насъ. А мы—всегда ваши богомольцы.

Третья затѣмъ партія совсѣмъ смутила благодушнаго отца ректора, а слѣдующая привела его просто-таки въ негодованіе:

— Какъ? И вы? Господь съ вами!.. На что глядя? Слышите, Алексѣй Осиповичъ! И *этотъ* туда же!..

Алексѣй Осиповичъ подходитъ близко къ *этому*, прищуривается, смотритъ на него пристально, улыбается и отчеканиваетъ:

— Дай, Боже, нашому теляти вовка піймати!..

Общій хохотъ. *Этотъ* покраснѣлъ, какъ піонъ, но не возражаетъ: пока свидѣтельство не въ рукахъ, надо молчать, да и къ остротамъ Алексѣя Осиповича успѣли уже попривыкнуть. Отецъ ректоръ продолжаетъ волноваться.

— Обдумали ли вы все, взвѣсили ли? Вотъ хоть бы вы: по двумъ, вѣдь, предметамъ едва прошли... Помните же, господа: послѣ смерти нѣтъ покаянія, и назадъ пріймемъ *только* того, кто раздумаетъ до конца каникулъ. Поняли?

— Да мы не вернемся, отецъ ректоръ!

— Ой-ли?

— Нарѣжутъ—въ ветеринарный поступимъ!..

Послѣдній отвѣтъ начальству особенно непріятенъ: изъ него ясно, какъ Божій день, что тутъ общее настроеніе, какое то повѣтріе, стремленіе во что бы то ни стало раздѣлаться съ вѣдом-

ствомъ, свернуть съ дороги, поступить не шутя «хоть гирше, абы инше». Вотъ-молъ они—печальные плоды либеральной болтовни такихъ господъ, какъ Григорій Васильевичъ...

Въ канцелярію входитъ кто-то за отпускомъ. Отецъ ректоръ ни слова, только смотритъ.

— Прошеніе?

— Нѣтъ!

— Что же: раздумали?

— И не думалъ.

Лжетъ и лжетъ довольно нагло. Думалъ, долго думалъ, вовсе даже и не раздумалъ, а просто рѣшилъ проваландать еще два года въ семинаріи, чтобы обезпечить себѣ службу по духовному вѣдомству въ случаѣ возможной неудачи.

— И прекрасно дѣлаете. Попытка, говорятъ, не пытка, а только не слѣдуетъ терять благоразумія.

Выходъ такого большого числа воспитанниковъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе: духовенство всей епархіи заговорило о томъ, какую штуку выкинули семинаристы; многіе видѣли въ этомъ протестъ и осуждали семинарію, не сумѣвшую-де воспитать юношей, привязать къ себѣ; иные пророчили крупныя непріятности, создавали разсказы о крайнемъ недовольствѣ его преосвященства; младшіе товарищи взялись за книгу, не предвидя еще готовившагося запрета семинаристамъ поступать въ университетъ безъ аттестата зрѣлости... Ну-съ, а бѣглецы? Было бы большой ошибкой считать ихъ героями лѣта, довольными своимъ положеніемъ... Когда папеньки и маменьки увидѣли въ рукахъ сынковъ увольнительныя свидѣтельства, они совсѣмъ растерялись...

— А мы—Богъ свидѣтель—думали... Охъ-охъ-охъ!.. Ну, что жъ? Сдѣланнаго не воротишь... Я то и согласіе давалъ въ упованіи на то, что дурь пройдетъ, когда дѣло коснется настоящаго увольненія!..

— А я не говорила? не просила? не плакала? Ну, что онъ теперь такое? Ни пава, ни ворона... На то мы его воспитывали?

Отецъ сурово молчитъ, мать плачетъ, сынъ не знаетъ, чѣмъ и какъ успокоить, ибо никакія обѣщанія но помогаютъ, и въ самыхъ заманчивыхъ картинахъ будущаго родители видятъ однѣ «думки, которыми богатѣетъ дурень». И такъ все лѣто, по крайней мѣрѣ, для многихъ. Стоитъ оторваться отъ книги и очутиться въ кругу семьи,—начинаются охи да вздохи, слезы, опасенія, упреки. Начавшій уже разъѣзды по домамъ, гдѣ есть невѣсты, богословъ, только что окончившій курсъ, является настоящимъ героемъ лѣта: на него указываютъ, какъ на идеалъ, въ немъ видятъ олицетвореніе потеряннаго счастья, онъ какъ-разъ то будущее сына, которое было такъ близко...

— Слыхали: а сынокъ, вѣдь, отца Петра женился на Анютѣ отца Парфентія... и приходъ уже зачисленъ.

— Слыхала, слыхала...

И матушка грустно качаетъ головой: ждали, молъ, послѣдняго сына, ждали и... Слезы не даютъ ей окончить. А отецъ Петръ на седьмомъ небѣ, онъ насмѣшливо утѣшаетъ:

— Зато вашъ—не плачьте,—будетъ докторомъ, а то адвокатомъ!..

Но матушка--неутѣшна: десять лѣтъ учился, чего все стоило, сколько хлопотъ, волненій и вдругъ... промѣнять шило на швайку, хуже того—«синицу въ рукѣ на журавля въ небѣ». Вотъ и сосѣди начинаютъ уже дуться: это, говорятъ, и для нашихъ дѣтей зараза... Да, да: такъ и говорятъ... Встрѣтилась гдѣ то съ Анной Ивановной или тамъ съ Меланьей Петровной:

— Покорно васъ благодарю, говоритъ.

— За что такое?

— За просвѣщеніе!.. А за что же больше? Какъ же: и нашъ туда же!.. На что уже былъ такой покорный, смирный, а теперь услышитъ про вашего—такъ куда! До семинаріи еще не дошелъ, а вижу уже не будетъ добра... Покорнѣйше благодарю...

— Да я то тутъ при чемъ, Господи?!..

Иногда и сынъ выходитъ изъ себя; онъ громко выражаетъ сожалѣніе, что отказался отъ кондиціи и поѣхалъ домой, что никто не ожидалъ такого отношенія отъ родителей, что Меланья

Петровна просто дура набитая, ее всѣ знаютъ, и что не всѣ же такія дуры: Вѣра Филипповна вонъ не боится же заразы и не благодаритъ за просвѣщеніе!

— И-и, сынку! Вѣра Филипповна! Да у Вѣры Филипповны, развѣ ты не знаешь: одинъ сынъ давно уже профессоромъ, другой въ Академіи,—ей чего страшно? не дадутъ пропасть... А мы?

Къ страхамъ родителей за будущее сынковъ, «къ шипѣнію» сосѣдей, боящихся вліянія, присоединяется и новое еще горе, гораздо большее. Батюшка давно подалъ прошеніе о зачисленіи прихода за старшей дочерью, и до сихъ поръ нѣтъ и нѣтъ отвѣта: почему? Ничто, какъ увольненіе сына!.. Говорятъ же, что одного благочиннаго даже и принять не захотѣлъ владыка; пускай, говоритъ, отправляется къ свѣтскому начальству, ежели не умѣетъ воспитывать дѣтей въ преданности своему прямому долгу... А благочинный же чѣмъ виноватъ? не захотѣлъ сынъ идти въ богословіе—и кончено: ему про академію, а онъ свое! Такъ родители еще и виноваты! Правду говоритъ отецъ Ѳедоръ: сами распустили семинарію такъ, что и сказать стыдно, да и не знаютъ теперь, какъ выкрутиться, насъ еще и винятъ!..

И только съ осени уже, когда съ почты стали получаться письма отъ дѣтей, извѣщавшихъ о поступленіи въ университетъ, у многихъ стало легче на душѣ: смирились родительскія тревоги, и надежда на будущее вновь заняла подобающее ей мѣсто.

П. Борзаковскій.

ТОПОЛИ.

Иванъ Кузьмычъ, якъ завжды, повертався зъ контрольнои палаты спокійный и ривноважный. Рання весна трохы пидбадёрювала ёго, и винъ навить зупынывся бувъ на перехрести свого переулка, пидвивъ у гору до сонця свои сири, короткозори очи й двичи чхнувъ. Ся несподиванка трохы ёго була стурбувала. Винъ озырнувся навколо: чы не пидглядивъ хто сіеи прыгоды, та жвавише потупотивъ у свій переулокъ.

Ёго невелычкый власный будыночокъ стоявъ саме надъ кручею, на кинци миста. Внызу выдко лукы, левады, чымалу ричку. За ричкою зновъ почыналысь лукы и тяглысь ажъ геть до обрію, де мрило село. А саме зъ-пидъ тіеи кручи, де прылипылась, мовъ гниздечко ластивкы, хатына Ивана Кузьмыча, вырынавъ высокый насыпъ и тягся, обсаженный зъ бокивъ вербамы, ажъ до ричкы. То було шоссе. На ричци бувъ высокый и довгый деревъяный мистъ и якъ-разъ до ёго доходыла вузько-колійна зализныця й тулылася зъ своею дрибненькою рудою станціею до насыпу, мовъ ховаючысь видъ свиту помижъ ёго вербамы. Дали, геть-геть за станціею, уже блызько до обрію, навить переходячы черезъ ёго вершынамы, вымалёвувався рядъ стрункыхъ тополь.

Ти тополи всёму краевыдови надавалы чогось такого, безъ чого винъ бувъ бы холодный, сумный и непрывитный. Хто-бъ зъ міста, зъ-надъ кручи, не дывывся на лукы й ричку, очи ёго мымохить прыковувалыся до тыхъ тополь, що въ ясни дни такъ

выразно мрилы своимы ставнымы постатямы на блакитному сяеви неба.

—

Иванъ Кузьмычъ, якъ звычайно, не хапаючысь пообидавъ тымъ, що прынесла ёму стара сусида, у якои винъ харчувався; роздягся, надягъ на себе стару щоденну одижъ, скынувъ чоботы, вступывъ у мьяки пантофли и хотивъ бувъ уже, своимъ звычаемъ, залягты на лижко, але щось тепле й жыве, що винъ почувавъ у своему тили, не дало ёму сёгодня зразу даты соби звычайный видпочынокъ, и винъ почавъ ходыты туды й сюды по своій невелычкій, осяяній весняным сонцемъ, свитлыци. Чы то ласка сонця, чы то чарчына горилкы, що винъ дозволывъ сёгодня соби «по трудахъ», чы те й те вкупи,—тилькы винъ почувавъ себе надзвычайно гарно. Сёгодня навить управытель палаты похвалывъ ёго працю. А се важна ричъ. Се такъ корыстно за-для ёго дрибненькои карьеры!

Иванъ Кузьмычъ ходывъ и ходывъ. Винъ думавъ. Ни, винъ не думавъ,—сами думкы снувалысь у якись безладни мережкы и якъ засновувалысь, такъ и розплиталысь. То спершу булы спогады найблызшыхъ подій сёго дня, урывкы палатськыхъ розмовъ, а потимъ и одгукы давнихъ, на пивзабутыхъ спогадивъ.

—

Иванъ Кузьмычъ почавъ нагриватысь. У кимнати таки було душно. Винъ пидійшовъ до одного зъ виконъ, що выходыло до ричкы, видставывъ трохы одъ стины стильця, сивъ на ёго верхы, прыщулывъ свои сири, поблидли очи и почавъ дывытысь на давно ёму знаему картыну.

Снигъ давно уже роставъ. Земля була чорна. За ричкою червона лоза выгравала на сонци вышневымъ колеромъ. Вода выходыла зъ берегивъ ричкы, розлывалась, покы-що, по нызынахъ, мовъ ростоплене олыво, и ставала по лоцынахъ нерухомымы озерамы. Саме пидъ викномъ, въ сухій пищаній земли, до-тепла нагритій проминнямъ сонця, кублылась сусидська ряба курка, а дали, на самимъ рижку, цвиринчалы горобци.

Иванъ Кузьмычъ якъ сивъ, та немовъ и застыгъ. Не погасалы тилькы ёго очи. Руденьки ихъ віи линыво змыкалысь и розмыкалысь. Иванъ Кузьмычъ бувъ зовсимъ спокійный. Винъ може бъ такъ и заснувъ бувъ у такій пози, бо почынавъ уже дриматы, колы до ёго вуха долетивъ мицный и довгый стогинъ. Винъ зрозумивъ, що се мабуть збирается йты пароходъ. Сёго року винъ ще не бачывъ ёго. Прыстани зъ ёго хаты не було выдно, хочъ вона була й недалеко, и винъ поклавъ вартуваты, щобъ не прогаяты сёго першого для ёго парохода. Винъ мусывъ йты внызъ по ричци.

И пароходъ скоро показався.

—

Весь билый, по гранях тилькы обмалёваный червонымы смугамы, зъ чорнымъ, похылымъ дымаремъ, винъ жваво ризавъ билымъ носомъ блакитный водяный поверхъ, збывавъ своимы крыламы на ёму хвылю и бувъ такый чыстый, такый блыскучый и жвавый, що прыкувавъ до себе очи Ивана Кузьмыча. На верхнему чардаци метушылысь чорни люде, може де-хто изъ знаёмыхъ Ивана Кузьмыча, и ёму чомусь хотилось, щобъ зъ ихъ хто небудь поглянувъ у ёго бикъ, побачывъ ёго хатыну и згадавъ про ёго.

Пароходъ скоро пролынувъ, и серце Ивана Кузьмыча стыслось журбою. Никому въ свити винъ не потрибенъ, винъ—пидстаркуватый, руденькый чоловичокъ, зъ жовтымы віямы й сирымы погаслыми очыма!.. Никому немае дила, чы винъ жыве тамъ, у тій никчемній халупци, чы винъ спыть, чы може винъ уже лежыть мертвый на своёму убогому лижкови, спитканый наглою смертю, и на ёго дывлятся, не бачучы ёго, очи портрета вродлывои молодои жинкы. Навищо винъ имъ, отымъ усимъ людямъ, винъ—безталанна, блида и безколирна людына?.. Воны не знають про ёго истнування, а хто и знавъ, то давно забувъ про ёго.

А колысь и ёго зналы.

—

Давно, дуже давно все те було—и якъ недавно.. Якъ недавно трипотило жыттямъ ёго мынуле й снывся отой блыскучый сонъ!..

Винъ бувъ такый молодый, такый жвавый. Зачисувавъ у гору свое цупке, руде волосся и повьязувавъ шыю роскишною червоною хусткою. Винъ такъ тоди любывъ оту вродлыву людыну, що партретъ іи высыть на стини, бувъ такый закоханый и мабуть чудный. Винъ не мигъ усыдиты на мисци, забачывшы іи: човгавъ ногамы по помосту, выгынавъ свою невелычку постать и говорывъ ій сами що найдобирнійши мылощи. И вона була закохана въ ёго, вона —Маруся—въ ёго—Жана. Такъ, дійсне такъ—Жана. Вона такъ любыла се имья и такъ чудово-зваблыво умила ёго вымовляты своимы червонымы губонькамы: Жа-анъ!..

Эге, то бувъ сонъ, чудовый сонъ.

Воны одружылысь. Воны одружылысь по весни. Якъ винъ любывъ іи, палко винъ цилувавъ іи у кари блыскучи оченята, въ невелычки свижи вустонька!.. Винъ покилькы разивъ урядъ перециловувавъ іи тонки, «арыстократычни», якъ винъ казавъ, пальчыкы. Ёму тоди було дозволено цилый тыждень не являтысь на службу въ палату. Винъ раювавъ. Воны раювалы. Винъ тоди бувъ мабуть дуже похожый на того жвавого горобчыка, що онъ тамъ, на рижку, такъ чудырнацько выстрыбуе на сонечку биля своеи подругы...

Иванъ Кузьмычъ усмихнувся. Ёму стало жалко себе, досадно за себе. Якъ скоро, и якъ безслидно розвіялось те ёго счастя!..

—

Винъ памьятае все. Винъ все чысто памьятае. Ти гыдки, масни очи, ти закручени до горы вусы, облыпкувати червони рейтузы и ти мизерни, брязкучи острогы,—воны, воны взялы ёго счастя!.. И якъ скоро, якъ скоро!..

А що найголовнійше—зовсимъ для Ивана Кузьмыча несподивано.

Винъ, якъ той горобчыкъ, стрыбавъ биля неи, своеи коханои, колы одного разу почувъ:

— Охъ, сумно, сумно мени!..

— Тоби, серце мое, сумно? Хиба ты не любышъ мене?..

Вона мовчала.

Се було тоди, якъ вона познаёмылась зъ тымъ гыдкымъ чоловикомъ у тому мерзенному маскаради. Якъ винъ тоди не хотивъ иты зъ нею у той маскарадъ, якъ прохавъ зостатысь дома!.. Такъ гарно тоди було у ихъ. Винъ самъ натопывъ дровамы грубу, выгорнувъ напередъ увесь жаръ и воны грилысь удвохъ, мовъ передъ каминомъ. Ёму тоди хотилося-бъ навикы зостатысь отакъ укупи биля печы; винъ такъ палко й нижно прыгортавъ свою Марусю, колы вона сказала;

— Ну, часъ одягатысь!

И воны пишлы.

—

Не пойихалы, а пишлы. У ихъ не було грошей на визныка, ледви стало на Марусыне убрання та на билеты. Потимъ того воны довго надолужалы ти гроши, йилы одынъ борщъ зъ жытнимъ хлибомъ.

И той маскарадъ видибравъ, на викы видибравъ у ёго Марусю.

Тамъ було душно. Танцювало безличъ паръ. Було багато всякого люду. Бувъ и той. У ёго («будь проклятъ, огыдо»!—вырывается зъ глыбу души у Ивана Кузьмыча) булы страшенно вузьки червони штаны, и винъ такъ незвычайно й зухвало танцювавъ, такъ нечемно брязкавъ своимы острогамы, що Иванъ Кузьмычъ навить спершу сміявся. Николы винъ не бачывъ ниде -- ни мижъ знаёмыхъ, ни въ палати—щобъ люде отакъ поводылысь. Колы винъ взявъ Марусю танцюваты, Иванъ Кузьмычъ ажъ розсердывся бувъ, що той блазень може скомпромитуе ёго кохану, але знову ще бильшъ розсміявся зъ своеи ревносты: та се жъ маскарадъ, вона въ масци; нихто іи не пизнае!..

Эге, вона була въ масци и потимъ того вона николы вже не здіймала іи. Холодна и страшна була та маска, але вона не здіймала іи...

—

Ни, зняла.

Се було саме у цимъ же мисяци, у квитни. Оттакъ же було тепло й ясно, тилькы ричка того року розлылась бильше. Тоди була велыка повидь. Воны жылы давно вже мовъ чужи одно од-

ному. Якось непомитно такъ воно склалося. Вона тикала видъ ёго и була холодна, холодна, мовъ лёдъ. Холодна й склызька, мовъ змія. Але винъ іи любывъ. Любывъ глыбоко й безтямно. Якъ винъ жадавъ поговорыты зъ нею «щыро», выяспыты—чого вона стала така! Винъ готовый бувъ бы душу виддаты, щобъ маты зновъ іи своею, такою, якъ вона була раниme. Винъ и виддававъ ій свою душу, та вона не взяла іи, гыдувала нею, кынула геть. И винъ самъ не пиднимавъ іи, души своеи, зъ брудноi доливкы дійсносты. Винъ мовъ завьявъ. На що ёму була та душа безъ ёго сонця, безъ ёго Маруси?..

Було такъ.

— Я йиду въ Кыивъ—сказала вона.—Якъ тилькы прыйде першый пароходъ, я йиду.

— Чого?—спытався винъ.—У насъ такъ мало грошей. На Велыкдень у насъ будуть вси мои товарыши зъ палаты и намъ треба буде добре прыгостюваты ихъ, щобъ сорому не набратысь. Було бъ не йты въ маскарадъ, тоди бъ можна було и до Кыива пройиздытысь. Пойихалы бъ вкупи.

— Тоди бъ не треба було йихаты въ Кыивъ,—сказала вона гостро и зловистно.—Я йиду!..

На тимъ розмова скинчылась. Вона такы пойихала.

Прыйшовъ першый пароходъ и взявъ іи, и бувъ винъ такый саме, якъ и оцей: билый и блыскучый. Винъ взявъ ёго счастя. Ни, не винъ. Воно вже було давно украдене. Укралы ёго ти гыдки, облыпковати червони рейтузы, оти никчемни острогы, намащени, смердючи вусы!..

Описля вона все напысала. Винъ довидавсь тоди про все. Вороття вже не було. И винъ зоставсь самъ у своій крывобокій батькивській хатыни, винъ,—ростоптаный червьякъ—Иванъ Кузьмычъ Мацко. И съ того часу винъ не жыве, а безпомично мацае навколо себе, якъ справди такі той роздавленый червьякъ, и ничого не вдіе своему горю, и ничымъ не погасыть свого болю, и вси люде ёму чужи й ворожи и винъ всимъ чужый...

Червони рейтузы, закручени высоко вусы, жагучи очи того пройдысвита—и винъ, никчемный, руденькый Мацко, Иванъ Кузьмычъ...

— Ха-ха-ха!..

Иванъ Кузьмычъ безгучно засміявся.

—

Не винъ самъ засміявся, а тамъ десь глыбоко въ грудяхъ у ёго щось засміялось, а облыччя зосталось холодне й нерухоме. Сири очи дывылысь, не моргаючы, передъ себе туды, де, залыти мьякымъ вечировымъ сяевомъ, стоялы струнки, холодни, мовъ мертви, тополи. Иванъ Кузьмычъ сыдивъ й несвидомо переличувавъ ихъ: пьять... девьять... дванацьять... трынадцять. Трынадцять?.. И зновъ личыть винъ: чотыри, симъ... девъять... дванадцять, трынадцять. Такъ, ихъ трынадцять. Винъ ясно теперъ бачыть, що ихъ трынадцять.

Трынадцять. Се страшно здывувало Ивана Кузьмыча. Колысь, у ти золоти, ясни дни, колы винъ кохавъ и ёго кохалы, воны вдвохъ сыдилы оттутъ, биля сёго самого викна и не умовляючысь, але несвидомо якось звьязуючы свое счастя, свою долю зъ тымы стрункымы тополямы, сылкувалысь переличыты ихъ. Та зробыты того не моглы. Тополи злывалысь у ихъ въ очахъ. Винъ казавъ, що ихъ десять, а вона—висимъ, то одынадцять. А ихъ було трынадцять!..

— Тры... над... цять...—шепоче Иванъ Кузьмычъ.

И якесь мистычне просвитлення обгортае разомъ ёго душу. Все ёму стае ясне: все ёго жыття, вся історія ёго кохання. Трынадцять!..—онъ де розгадка ёго несчастя. Воно було немынуче. Инакше не могло буты. Але тоди воны обое того не бачылы. Теперъ винъ баче се и знае.

И крипко-крипко стыслось серце у Ивана Кузьмыча, и винъ пидвився зъ стильця, упавъ на лижко и тяжко, якъ николы, зарыдавъ. Винъ тяжко й довго плакавъ, а сонце сидало за обріемъ и тополи потопалы въ вечирній мли...

М. Чернявськый.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій въ архангельской губ. (1862—1869 г.г.).

Среди значительнаго числа подневольныхъ обитателей г. Архангельска и его губерніи истекшаго XIX столѣтія на долю немногихъ изъ нихъ выпали свѣтлыя воспоминанія современниковъ ихъ, лицъ, которыя непосредственно соприкасались съ ихъ дѣятельностью. Немного среди нихъ и такихъ, которые общественною дѣятельностью своею оставили по себѣ яркій слѣдъ въ мѣстной жизни, которые, освѣтивъ въ литературныхъ своихъ трудахъ далекій въ тотъ вѣкъ (до проведенія Московско-Архангел. жел. дор.) и заброшенный край и указавъ какъ мрачныя, такъ и свѣтлыя стороны его, привлекли тѣмъ къ нему вниманіе правительственныхъ сферъ и нѣкоторыхъ дѣятелей науки и любителей русской старины. Къ числу этихъ немногихъ личностей принадлежитъ и покойный П. П. Чубинскій, уроженецъ полтавской губ. О немъ и по настоящее время, среди немногихъ его архангельскихъ современниковъ, живы прекрасныя воспоминанія,--общественная же и литературная дѣятельность его оставила по себѣ яркій слѣдъ въ архангельской жизни.

Прибылъ П. П. Чубинскій въ архангельскую губернію въ 1862 году, не своею волею, при чемъ указано было и мѣсто подневольнаго его пребыванія—уѣздный г. Пинега, отстоящій отъ г. Архангельска въ 200 съ лишнимъ верстахъ.

За что̀ онъ сосланъ былъ въ предѣлы архангельской губ., мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ: по словамъ знавшихъ его лично — будто бы за рѣчь, произнесенную имъ на могилѣ скончавшагося предъ тѣмъ Т. Г. Шевченка, по другой же версіи—за распространеніе, во время проживанія въ г. Кіевѣ, въ предѣлахъ золотоношскаго у., полтавской губ., рукописныхъ воззваній на малорусскомъ языкѣ [1]). По дорогѣ въ г. Архангельскъ онъ нѣкоторое время прожилъ въ г. Шенкурскѣ, на полъ-пути между г.г. Вологдой и Архангельскомъ, но о томъ, какъ онъ жилъ тамъ, свѣдѣній не имѣемъ. Чубинскій въ то время былъ молодъ, полонъ силъ и энергіи и преисполненъ самыхъ благихъ намѣреній. Ко времени прибытія въ г. Архангельскъ въ концѣ ноября 1862 г., къ счастью П. П. Чубинскаго, губернаторомъ въ г. Архангельскѣ былъ Н. К. Арандаренко, видимо, человѣкъ гуманный [2]). Прибывъ въ Архангельскъ, Павелъ Платоновичъ явился къ нему. Передъ тѣмъ, въ 1860 г., издано было положеніе о судебныхъ слѣдователяхъ для производства формальнаго слѣдствія о должностныхъ лицахъ, совсѣмъ новаго типа, отъ которыхъ требовалось сверхъ юридическаго образованія, много энергіи, а главное—добросовѣстности и честности. Такихъ лицъ въ то время вообще на Руси было мало, а въ архангельской губерніи и подавно. По новому положенію суд. слѣдователи назначались лично властью губернаторовъ, и вотъ Арандаренко былъ крайне озабоченъ подысканіемъ подходящихъ лицъ на новыя должности. Узнавъ о затрудненіи губернатора, а также о томъ, что въ г. Пинегѣ, мѣстѣ, назначенномъ для его жительства, имѣется свободная вакансія суд. слѣдователя, Чубинскій обратился къ губернатору съ просьбою

---

[1]) На счетъ высылки П. П. Чубинскаго въ Архангельскъ свѣдѣнія, очевидно, легендарны Онъ былъ высланъ изъ Кіева по распоряженію комиссіи, бывшей въ то время подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина, вслѣдствіе какого-то оговора ни въ чемъ неповиннаго Чубинскаго, занимавшагося тогда Южно-русскою этнографіею, и дававшаго уроки исторіи въ Кіев. жен. учеб. заведеніяхъ. *Ред.*

[2]) Онъ былъ крестнымъ отцомъ Чубинскаго. *Ред.*

о предоставленіи ему этой должности, заявляя, что онъ, какъ окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата по юридическому факультету, можетъ справиться съ обязанностями суд. слѣдователя. Въ виду того, что Чубинскій присланъ былъ въ арханг. губ. какъ административно ссыльный съ отдачей подъ особый полиц. надзоръ, губерн. Арандаренко затруднился допустить его къ исполненію должости суд. слѣдователя и представилъ ходатайство Чубинскаго на усмотрѣніе м-ра Внутр. Дѣлъ. Послѣдній увѣдомилъ губернатора, что онъ не встрѣчаетъ препятствій къ удовлетворенію ходатайства Чубинскаго, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ не былъ допускаемъ къ службѣ по учебному вѣдомству и по полиціи. По полученіи изъ М-ва такого отвѣта. Арандаренко немедленно назначилъ Павла Платоновича судебнымъ слѣдователемъ г. Пинеги и ея уѣзда и отправилъ его туда, при чемъ въ виду того, что онъ не былъ освобожденъ изъ-подъ надзора полиціи, новый слѣдователь, по разсказамъ старожиловъ, отправленъ былъ въ Пинегу въ сопровожденіи архангельскаго засѣдателя, которому для видимости дана была какая-то командировка, а пинежскимъ городничему и исправнику предписано было учредить надъ нимъ негласный надзоръ «по внѣслужебнымъ дѣйствіямъ».

Около этого времени, именно въ 1861 г., уничтожена была откупная система продажи водки съ замѣной ея акцизомъ на питья.—Для завѣдыванія этимъ дѣломъ учреждено было по губерніямъ акцизное вѣдомство съ управляющимъ во главѣ. Новое дѣло потребовало новыхъ людей. Такіе люди нашлись среди университетской и средняго образованія молодежи, одухотворенной, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, идеями высшаго порядка, а главное, въ чемъ въ особенности и нуждалась въ то время Россія, честностью и добросовѣстностью. Не даромъ акцизные чины перваго призыва оставили по себѣ добрую память... Въ г. Пинегѣ окружнымъ акцизнымъ надзирателемъ состоялъ въ то время одинъ изъ такихъ людей—Ѳ. П. Нероновъ. Прибывъ въ Пинегу и ознакомившись съ составомъ мѣстнаго чиновничества, Чубинскій примкнулъ къ людямъ новаго типа, группировавшимся возлѣ Неронова,

и вскорѣ искреннее чувство дружбы навсегда связало этихъ вполнѣ достойныхъ людей. Дружескія отношенія ихъ не прерывались и впослѣдствіи, и лишь смерть Павла Платоновича порвала ихъ. Въ числѣ подневольныхъ людей въ г. Пинегѣ въ то время много жило поляковъ—главнымъ образомъ ксендзовъ, А. И. Стронинъ, бывшій предъ тѣмъ учителемъ Полтавской гимназіи, впослѣдствіи извѣстный соціологъ, А. П. Симановскій, студентъ С.-Петербургскаго университета, и др. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ съ Стронинымъ, Чубинскій сошелся довольно близко...

Въ г. Пинегѣ П. П. Чубинскій пробылъ недолго. Лѣтомъ 1863 г. туда прибылъ новый архангельскій губернаторъ Ник. Март. Гартингъ, смѣнившій Арандаренка. Устроенъ былъ для него въ домѣ Неронова обѣдъ, и здѣсь Чубинскій поближе познакомился съ новымъ губернаторомъ. Результатомъ этого знакомства былъ переводъ его въ концѣ октября того же 1863 г. въ г. Архангельскъ на должность секретаря статистическаго комитета, а въ слѣдующемъ году онъ назначенъ былъ, сверхъ того, и и. д. чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Хотя въ Петербургѣ къ назначенію Чубинскаго на эту послѣднюю должность отнеслись неодобрительно, но тѣмъ не менѣе, щадя авторитетъ губернаторской власти, оставили его въ покоѣ.

На первыхъ почти порахъ, по переѣздѣ Павла Платоновича въ г. Архангельскъ, пришлось ему выдержать цѣлую бурю. Проживая еще въ г. Пинегѣ, онъ между прочимъ въ видѣ развлеченія, сталъ заниматься писаніемъ корреспонденцій въ газеты, при чемъ первыя корреспонденціи имѣлъ неосторожность подписать своей фамиліей; благодаря этому, онъ пріобрѣлъ извѣстность въ архангельской губ. газетнаго корреспондента. По примѣру его и другія стали корреспондировать въ газетахъ. Въ № 106 «Биржев. Вѣдомостей», въ началѣ 1864 г., напечатана была корреспонденція изъ Архангельска «О произволѣ власти мѣстнаго управляющаго акцизн. сборами и о притѣсненіяхъ, какія терпѣли отъ него акцизные чиновники». Корреспонденція эта не имѣла подписи, но такъ какъ за Чубинскимъ установилась уже извѣстность корреспондента, то ее приписали ему. Напечатанная въ «Бирж. Вѣдомо-

стяхъ», корреспонденція какъ по содержанію своему, такъ и потому, что написана была, по догадкамъ, лицомъ, состоящимъ на государственной службѣ, произвела въ мѣстномъ чиновничьемъ кружкѣ цѣлую бурю, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала и непріятную для него переписку, которая закончилась тѣмъ, что Чубинскому запрещено было, пока онъ состоялъ на госуд. службѣ, печатать за своею подписью статьи. Такимъ благопріятнымъ исходомъ дѣла Павелъ Платоновичъ обязанъ былъ только заступничеству губернатора Гартинга, который, ближе присмотрѣвшись къ нему, пришелъ къ тому заключенію, что Чубинскій не можетъ быть разсматриваемъ, какъ человѣкъ, замышлявшій что либо вредное, а по своему развитію, образованію, начитанности и самому искреннему стремленію къ добру былъ человѣкомъ незамѣнимымъ въ г. Архангельскѣ «при вопіющемъ недостаткѣ здѣсь въ людяхъ, обладающихъ хотя нѣкоторыми изъ упомянутыхъ качествъ». Личныя качества П. П. Чубинскаго послужили въ скоромъ времени поводомъ къ назначенію его завѣдывающимъ приказомъ обществ. призрѣнія, гдѣ, очевидно, хромала денежная и хозяйственная часть. Кромѣ того, губернаторъ Гартингъ бралъ Чубинскаго съ собою, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, при разъѣздахъ по губерніи для ревизіи. Это дало Павлу Плат. возможность поближе и на мѣстѣ познакомиться съ краемъ, чтó ему было необходимо, какъ секретарю статистическаго комитета, а также завести на мѣстѣ полезныя для дѣятельности комитета знакомства. Губернатора Гартинга смѣнилъ Казначеевъ; послѣдняго—князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ. Но положеніе П. П. Чубинскаго отъ этой смѣны губернаторовъ не только не мѣнялось, а напротивъ—крѣпло, такъ какъ губернаторы, цѣня его личныя качества, болѣе чѣмъ благоволили къ нему. Въ особенности расположенъ былъ къ нёму князь С. П. Гагаринъ, по отзывамъ лицъ, знавшихъ его, человѣкъ весьма достойный: хорошій баринъ, приближавшійся по своему характеру къ тѣмъ старымъ буршамъ царствованія Имп. Николая I, которые, выйдя изъ университета, оставались такими же отзывчивыми на добрую рѣчь и доброе дѣло и сердечными до сѣдыхъ волосъ, какъ и во времена своего студенчества».

Но какъ ни хорошо относились къ П. П. Чубинскому мѣстные губернаторы, онъ тяжело чувствовалъ себя въ г. Архангельскѣ, вдали отъ милой родины и близкихъ ему людей, и, естественно, рвался отсюда. Уже въ началѣ 1866 г. онъ обратился къ министру внутр. дѣлъ съ просьбою о дозволеніи возвратиться на родину, въ полтавскую губер., съ освобожденіемъ отъ полицейскаго надзора, который, несмотря на его служебное положеніе, продолжалъ тяготѣть надъ нимъ, или въ крайнемъ случаѣ о предоставленіи ему права перехода на службу въ великороссійскія губ., т. е. въ центральную Россію, поближе къ родинѣ. Но министерство нашло возможнымъ удовлетворить только послѣднее его ходатайство. Такъ какъ это разрѣшеніе безъ снятія полицейскаго надзора не удовлетворяло желаніямъ Чубинскаго, то онъ и не воспользовался имъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени онъ, въ качествѣ секретаря статистическаго комитета, сильно увлекся изслѣдованіемъ и всестороннимъ изученіемъ архангельской губ. и работами по изданію трудовъ статистическаго комитета.

Вступивъ въ званіи секретаря въ завѣдываніе дѣлами Архангельскаго статистическаго комитета и ознакомившись по имѣвшемуся у него подъ руками матеріалу и работамъ статист. комитета за прежніе годы съ направленіемъ дѣятельности комитета, П. П. Чубинскій увидѣлъ, что по изученію губерніи въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ почти ничего не сдѣлано, а то, что было сдѣлано, уже устарѣло; что хотя статистическій матеріалъ и собирался, но по устарѣлымъ пріемамъ и при томъ не подвергался научной обработкѣ; что бытовыя стороны края: бытъ, нравы и религіозныя воззрѣнія населенія архангельской губ. не были изслѣдованы; что мѣстная старина, представлявшая историческій интересъ, не изслѣдовалась и даже не сохранялась, и т. п. А между тѣмъ архангельская губ., благодаря своему географическому положенію, характеру и племенному разнообразію своего населенія, сохранившимся среди его бытовымъ особенностямъ, первобытнымъ нравамъ и обычаямъ, представляла высокій научный интересъ для всякаго любознательнаго человѣка. Съ свойственною ему энергіей Павелъ Пла-

тоновичъ принялся за выполненіе усмотрѣнныхъ недочетовъ, за подробное и при томъ обоснованное на научныхъ пріемахъ изслѣдованіе и описаніе архангельской губерніи.

По его иниціативѣ и подъ его руководствомъ, по воспоминаніямъ М. А. Огарева, близко и при томъ лично знавшаго П. П. Чубинскаго[1]), началось статистическое изслѣдованіе архангельск. губ., явились преданные этому дѣлу работники: тутъ были, кромѣ молодежи изъ чиновниковъ и изъ интеллигентовъ (невольныхъ обитателей губерніи), волостные писаря (а отъ себя прибавимъ—и сельскіе священники), появились корреспонденціи изъ уѣздовъ и т. п., вообще губернія оживилась. Надо сказать, что покойный П. П-чъ, по отзывамъ того же Огарева, «какъ человѣкъ многоталантливый, разносторонне образованный, энергичный, радушный, краснорѣчивый и съ направленіемъ по своимъ убѣжденіямъ въ высшей степени честнымъ, производилъ на соприкасавшихся съ нимъ людей чарующее впечатлѣніе, послѣдствіемъ чего обыкновенно бывало то, что люди съ задаткомъ доброй воли и честнаго труда предавались ему всецѣло». Для работъ по статистическому комитету онъ привлекъ такія научныя силы, какъ извѣстный этнографъ П. С. Ефименко, Ф. Хоревичъ, студентъ медико-хирургической академіи, проживавшій въ то время въ г. Холмогорахъ. Благодаря энергіи Павла Платоновича и участію въ работахъ его по статистическому комитету Ефименка, Хоревича и многихъ другихъ преданныхъ ему лично и его дѣлу лицъ, работа закипѣла въ статистическомъ комитетѣ, и какъ результатъ этого появились многіе цѣнные труды, сохранившіе свое значеніе и по настоящее время. Труды эти намъ показываютъ, какъ много силъ и энергіи вложилъ П. П. Чубинскій въ дѣло изслѣдованія и описанія архангельск. губ., какимъ онъ обладалъ тактомъ и умѣньемъ въ обхожденіи съ людьми, чтобы

---

[1]) М. А. Огареву мы приносимъ глубочайшую благодарность за доставленіе весьма цѣнныхъ указаній о жизни и дѣятельности П. П. Чубинскаго въ арханг. губ.

возбудить дремавшіе безполезно въ захолустьи силы, привлечь ихъ къ работамъ!..

Въ числѣ другихъ общеполезныхъ учрежденій въ г. Архангельскѣ въ то время существовала городская публичная библіотека, основанная еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, лѣтъ за 30 до прибытія Чубинскаго въ г. Архангельскъ. Несмотря на свое продолжительное существованіе, библіотека эта, благодаря нераспорядительности и апатіи лицъ, завѣдывавшихъ ею, пришла къ тому времени въ жалкое состояніе и далеко не удовлетворяла запросу и требованіямъ своихъ немногочисленныхъ подписчиковъ. Желая придти на помощь обществу и съ этой стороны, со стороны удовлетворенія любознательности читателя, Павелъ Платоновичъ, несмотря на свои многочисленныя занятія, съ разрѣшенія губернатора принялъ въ свое завѣдываніе и Городскую Публичную Библіотеку и съ свойственною ему энергіей принялся за приведеніе ея въ порядокъ. Такая необычная и разнообразная дѣятельность Чубинскаго, а главное-оживленныя сношенія его по дѣламъ статист. комитета съ такими людьми, какъ П. Ефименко и Хоревичъ, обратили на себя вниманіе подлежащихъ сферъ. Къ этому несомнѣнно присоединились и обостренныя отношенія къ нѣкоторой категоріи чиновничьяго люда, коей честная и энергичная дѣятельность П. Платон. были бѣльмомъ въ глазу. Въ особенности великую опасность усмотрѣли въ завѣдываніи Чубинскимъ городск. публичн. библіотекой: явилась боязнь, что «малограмотные люди не будутъ ограждены отъ пользованіи вредными для нихъ сочиненіями». Все это взятое вмѣстѣ создало для него большую непріятность. Правда, благодаря заступничеству губернатора, князя С. П. Гагарина, эта непріятность не имѣла серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ губернаторъ разъяснилъ кому слѣдуетъ, что въ перепискѣ Чубинскаго со состоявшими въ ссылкѣ Ефименкомъ и Хоревичемъ ничего запретнаго не заключалось, да и вся переписка съ ними совершалась подъ контролемъ чиновъ полиціи, что публичная библіотека весьма жалка по количеству имѣвшихся въ ней книгъ и по числу своихъ подписчиковъ и что, благодаря этому, явилась только мысль о сое-

диненіи ея съ библіотекой статист. комитета, гдѣ предсѣдательствуетъ самъ губернаторъ. Тѣмъ не менѣе, когда Чубинскій обратился послѣ этого къ министру внутрен. дѣлъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи его изъ-подъ надзора полиціи, въ этомъ ходатайствѣ было ему отказано...

Дѣятельность П. П. Чубинскаго не ограничивалась только исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей. Стоя близко по должности чиновника особыхъ порученій къ губернаторамъ и пользуясь ихъ расположеніемъ, основаннымъ на его личныхъ качествахъ, и главнымъ образомъ расположеніемъ кн. Гагарина, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ разнаго рода мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію благосостоянія арханг. губ. Такъ, по воспоминаніямъ лицъ, близко стоявшихъ къ нему, при Чубинскомъ и при его непосредственномъ участіи было изготовлено и представлено нѣсколько проектовъ объ улучшеніи экономическаго положенія губерніи; при чемъ былъ выработанъ и проектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ архангельской губ.; редакцію этого проекта принялъ на себя упомянутый выше А. П. Стронинъ. Но всѣ эти проекты, представленные въ М-во Внутреннихъ Дѣлъ, по словамъ тѣхъ же лицъ «остались подъ спудомъ».

Стоя близко къ губернаторамъ и пользуясь ихъ расположеніемъ къ себѣ, П. П. Чубинскій старался принести пользу мѣстному населенію и непосредственно. По своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, онъ, по словамъ М. Огарева, «былъ заклятымъ врагомъ чиновничьяго произвола и взяточничества, всегда стоялъ за дѣльныхъ и честныхъ тружениковъ... и во время пребыванія его въ арханг. губерніи взяточничество и произволъ если и не совсѣмъ отсутствовали, за то очень боялись выходить на свѣтъ Божій».

Такой взглядъ на чиновническую этику того времени немогъ не создать для П. П. Чубинскаго массы затрудненій и непріятностей. Эти непріятности, въ связи съ исторіей его сношеній съ Ефименкомъ и Хоревичемъ по дѣламъ статистическаго комитета и по завѣдыванію публичной библіотекой, а также въ связи съ окончаніемъ задуманныхъ работъ по изслѣдованію и описанію архангел. губ., побудило его въ 1868 г. воспользоваться ранѣе даннымъ разрѣшеніемъ пересе-

литься во внутреннія губерніи Россіи, и онъ предпринялъ въ этомъ направленіи нѣкоторыя мѣры...

Но вырваться изъ этихъ мѣстъ и затѣмъ устроиться по своему желанію помогли Чубинскому работы его по статистическому комитету. Эти работы настолько прекрасно были выполнены, что на нихъ обратили вниманіе Императорское Вольное Экономическое и Русское Географическое Общества; послѣднее дало ему порученіе изслѣдовать состояніе хлѣбнаго и льняного производства и торговли въ Сѣверномъ краѣ. Павелъ Платоновичъ съ обычною, присущею ему, энергіей отнесся къ данному ему порученію. Для выполненія этого порученія онъ, по словамъ М. Огарева, объѣхалъ архангельскую, вологодскую, вятскую и, быть можетъ, пермскую губернію, изслѣдуя на мѣстѣ условія производства и сбыта означенныхъ продуктовъ, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ земскими управами сосѣднихъ губерній, а также сѣверныхъ уѣздовъ костромской и ярославской губ., и съ лицами, производившими въ Архангельскѣ и его губерніи торговлю хлѣбомъ и льномъ. Несмотря на данный ему Обществомъ короткій срокъ, всего 5 мѣсяцевъ, Чубинскій съ успѣхомъ выполнилъ въ этотъ срокъ данное ему порученіе. Напечатанный въ 1868 г. въ Трудахъ экспедиціи означеннаго выше Общества отчетъ его «*О состояніи хлѣбной торговли въ сѣверномъ районѣ*» представляетъ изъ себя книгу около 300 страницъ; въ немъ разсматривается не только вопросъ о хлѣбной торговлѣ, но и вопросъ о произростаніи вообще на сѣверѣ хлѣбныхъ злаковъ, при чемъ вопросы эти разсмотрѣны обстоятельно, разносторонне съ приведеніемъ подлежащихъ цифровыхъ данныхъ. Составленный Павломъ Платоновичемъ отчетъ, по своей полнотѣ и обстоятельности, произвелъ сильное впечатлѣніе въ Обществѣ. Имъ настолько остались довольны, что члены Общества пожелали видѣть въ Петербургѣ автора его для полученія отъ него лично разъясненія по нѣкоторымъ вопросамъ. Тогдашній вице-президентъ Общества гр. Литке, удовлетворяя желаніе членовъ, вошелъ въ М-во Внутрен. Дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Чубинскому прибыть въ зиму 1868—1869 г. въ С.-Петербургъ.

Ходатайство графа Литке было уважено, и въ началѣ 1869 года П. П. Чубинскій навсегда оставилъ г., Архангельскъ и его губернію [1]). Затѣмъ, въ томъ же 1869 г. «во вниманіе добросовѣстнаго исполненія Чубинскимъ своихъ служебныхъ обязанностей», снятъ былъ съ него и полицейскій надзоръ, такъ сильно стѣснявшій его, и ему разрѣшено было *повсемѣстное жительство* [2]). Впослѣдствіи тѣмъ же Обществомъ изданъ былъ и другой отчетъ Чубинскаго къ данному ему порученію «*Отчетъ о льноводствѣ въ сѣверномъ районѣ*». Кромѣ перечисленныхъ выше трудовъ, П. П. Чубинскому принадлежатъ еще слѣдующіе, имѣющіе отношеніе къ Архангельской губ., составленные и изданные имъ въ г. Архангельскѣ: «*Солевареніе въ архангельск. губ.*, изд. 1866 г.; «*Сѣверо-екатерининскій путь*», изд. 1867; «*Вятско-двинская желѣзная дорога*», изд. 1868 г. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ Чубинскій доказываетъ необходимость проведенія желѣзной дороги изъ вятской губ. на Сѣв. Двину для обезпеченія жителей архангельской губ. продовольствіемъ и избавленія ихъ отъ голодовокъ, которымъ они ранѣе подвергались вслѣдствіе недостатка своего собственнаго хлѣба и дороговизны по причинѣ неудобства сообщенія привозного хлѣба. Мысль, высказанная Павломъ Платоновичемъ въ 1868 году, осуществлена была болѣе 30 лѣтъ спустя проведеніемъ Пермь-Котлаской жел. дороги, связавшей Пермь и Вятку, а также хлѣбородныя мѣста Сибири съ Сѣверной Двиной, а чрезъ нее и съ Архангельскомъ.

Такова была служебная и общественная дѣятельность П. П. Чубинскаго во время 6-тилѣтняго пребыванія его въ г. Архангельскѣ и его губерніи! Не долго онъ пробылъ, но много сдѣлалъ...

О частной жизни его въ г. Архангельскѣ мы, со словъ знавшихъ его, а главнымъ образомъ на основаніи воспоминаній М. А. Огарева, можемъ сообщить слѣдующія данныя: какъ истый

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно: Чуб-ій 2 раза ѣздилъ въ Спб. и только за вторымъ разомъ былъ отпущенъ. *Ред.*

[2]) Кромѣ Архангельской губерніи, въ которую первоначально былъ высланъ. *Ред.*

сынъ Украины, отторгнутый отъ нея, П. П. Чубинскій страстно любилъ свою родину, говорилъ о ней восторженно и съ увлеченіемъ; дома, внѣ службы, его часто можно было видѣть въ малороссійскомъ костюмѣ; любимой его пищей были малороссійскія блюда. Земляки его всегда были дорогими гостями у него. Хозяйство вела сестра его Настасія Платоновна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за чиновника Таратина, и своимъ пребываніемъ вблизи брата она много скрашивала жизнь его на далекой чужбинѣ. Настасія Платоновна и мужъ ея умерли уже.

Г. Б.

А. И. Маркевичъ.

(Некрологъ).

Еще одна тяжелая утрата. 5 іюня въ 12 ч. дня въ г. Одессѣ скончался отъ удара бывшій профессоръ Новороссійскаго университета и популярный лекторъ, Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ. Въ послѣднее время онъ много работалъ надъ исторической статьей, которую писалъ для «Кіевской Старины», но неумолимая смерть отняла отъ насъ этого неутомимаго труженика и сѣятеля добра, свѣта и правды.

А. И. Маркевичъ родился въ 1847 году въ с. Смоши, прилукскаго у., полтавской губ., и происходилъ изъ малорусскихъ дворянъ. Получивъ среднее образованіе весьма несистематично, т. к. не разъ мѣнялъ учебныя заведенія, А. И. Маркевичъ въ 1867 году поступилъ въ Нѣжинскій лицей кн. Безбородко, но занимался не юриспруденціей, а русской исторіей XVI и XVII вѣковъ; такое направленіе занятіямъ его далъ проф. Лашнюковъ, съ которымъ А. И. Маркевичъ близко сошелся и сдружился. Съ уходомъ Лашнюкова въ Кіевскій университетъ, А. И. оставилъ лицей и переѣхалъ въ г. Одессу, гдѣ хотѣлъ поступить на историко-филологическій факультетъ университета, но не могъ, потому что студенты лицеевъ принимались въ университетъ только съ дополнительнымъ экзаменомъ, къ которому, вслѣдствіе несистематичности своего средняго образованія, А. И. былъ неподготовленъ. Не могъ онъ поступить и вольнослушателемъ, т. к. сту-

денты въ вольнослушатели тоже не принимались. Послѣднюю, чисто формальную, причину устранилъ проректоръ университета Богдановскій, согласившійся въ видѣ исключенія разрѣшить Маркевичу посѣщать лекціи и заниматься въ университетѣ, а дополнительный экзаменъ держать впослѣдствіи. Этотъ экзаменъ А. И. засимъ выдержалъ въ Ришельевской гимназіи. Пробывъ въ университетѣ около $1^1/_2$ года, А. И. посѣщалъ лекціи историко-филологическаго факультета, а также по исторіи русскаго права и въ 1869 году выдержалъ экзаменъ и сдалъ кандидатскую работу, а затѣмъ назначенъ былъ учителемъ исторіи и географіи въ Таганрогскую гимназію. Въ 1871 г. А. И. возвратился на учительскую службу въ г. Одессу. Выдержавъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи и защитивъ диссертацію «О мѣстничествѣ», А. И. 25 мая 1879 г. Кіевскимъ университетомъ св. Владиміра утвержденъ былъ въ степени магистра. Въ началѣ 1880 г. онъ прочелъ двѣ пробныя лекціи на темы—«Историческая критика въ трудахъ новѣйшихъ русскихъ ученыхъ» и «Удѣльная система»; послѣ чего получилъ права приватъ-доцента и съ 1880 г. началъ въ Новороссійскомъ университетѣ чтеніе лекцій по русской исторіи. 26 января 1889 г., по защитѣ 28 октября 1888 г. диссертаціи «Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ» и утвержденіи университетомъ св. Владиміра въ степени доктора русской исторіи, А. И. назначенъ былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ на каѳедру русской исторіи въ Новороссійскій университетъ и занималъ это мѣсто до 1895 года. Въ 1895 году надъ А. И. стряслась неожиданная бѣда, заставившая этого талантливаго человѣка оставить любимое имъ дѣло—работу въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ отставкѣ, получивъ за 25 лѣтъ службы пенсію.

Покойный считался не только исторіографомъ г. Одессы, но и живой энциклопедіей для всякаго рода справокъ о прошломъ Новороссіи и г. Одессы. Независимо отъ этого, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ новременныхъ изданіяхъ, и имъ напечатано много рецензій, публицистическихъ и критическихъ замѣтокъ, некрологовъ; онъ редактитировалъ переводъ сочиненія

Литтре «Варвары и средніе вѣка», «Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» и «Записки Крымскаго Горнаго Клуба». Это былъ образецъ неутомимаго труженика, преданнаго дѣлу просвѣщенія и науки до самоотверженія. Кромѣ перечисленныхъ занятій, покойный А. И. служилъ секретаремъ въ Одесскомъ биржевомъ Комитетѣ, участвовалъ въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ, въ дѣлахъ которыхъ принималъ самое живое участіе, съ 1901 г. состоялъ гласнымъ Одесской городской думы и работалъ въ разныхъ комиссіяхъ; будучи почетнымъ мировымъ судьей, онъ, какъ самъ говорилъ это, званіемъ этимъ очень гордился, и, дѣйствительно, онъ аккуратно участвовалъ въ судебныхъ засѣданіяхъ и никогда не манкировалъ ими. Принимая дѣятельное участіе въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, онъ былъ членомъ правленія общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Новороссійскаго университета и Ришельевскаго лицея, попечителемъ по учебн. части въ женскомъ благотворительномъ обществѣ, секретаремъ распорядительнаго комитета общества дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ и т. д., при чемъ очень часто составлялъ отчеты тѣхъ обществъ, въ которыхъ работалъ.

Оставивъ университетскую каѳедру, покойный А. И. нашелъ себѣ другую аудиторію. Онъ прочелъ массу публичныхъ лекцій въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ постоянно читалъ лекціи въ Одесской народной аудиторіи, гдѣ собирается обыкновенно до 5000 слушателей рабочихъ. Обладая блестящимъ ораторскимъ талантомъ, А. И. владѣлъ вниманіемъ слушателей, при чемъ рѣчь его всегда была проста и удобопонятна. Читалъ онъ и о Малороссіи, и о Шевченкѣ, и о Гоголѣ, при чемъ чтенія эти всегда проникнуты были глубокой и горячей любовью къ родному.

А. И. пользовался славой блестящаго лектора и за предѣлами Одессы, никогда не отказывая, если имѣлъ возможность, въ чтеніи лекцій въ другихъ городахъ. Такъ онъ много разъ читалъ публичныя лекціи въ г.г. Тирасполѣ, Бендерахъ, Кишиневѣ въ пользу разныхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ послѣднюю свою экскурсію по указаннымъ городамъ онъ читалъ «О царствованіи

Екатерины II», при чемъ въ лекціяхъ этихъ проводилъ взгляды, которыхъ раньше, до истеченія принятой давности, нельзя было оглашать. Это царствованіе онъ разобралъ всесторонне, какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны, обративъ особое вниманіе на вліяніе реформъ Екатерининскаго времени на судьбы южанъ.

Всѣ многосложныя занятія А. И. не отвлекали его отъ чтенія текущихъ газетъ, журналовъ, изданій, какъ литературныхъ, такъ и научныхъ. Всегда радушный, для всякаго доступный, добрый и отзывчивый, онъ пользовался всеобщей симпатіей.

7 іюня А. И. похоронили на новомъ кладбищѣ. Отдать послѣдній долгъ покойнику пришли люди самыхъ разнообразныхъ положеній: градоначальникъ, городской голова, профессора, судьи, ректоръ университета, врачебный инспекторъ, гласные думы, представители биржи, члены разныхъ благотворительныхъ учрежденій и лекціоннаго комитета народной аудиторіи, купцы, чиновники, обыватели, чернорабочіе, ремесленники и т. д. За гробомъ, который отъ университета понесли на рукахъ рабочіе—слушатели покойнаго въ народной аудиторіи—и несли до самой могилы, слѣдовала огромная толпа народа. Возлѣ съѣзда мировыхъ судей, въ университетѣ, возлѣ народной аудиторіи и на кладбищѣ было произнесено много рѣчей. Говорили судьи, учителя, профессора, присяжные повѣренные, рабочіе, при чемъ среди послѣднихъ многіе плакали. Каждый изъ ораторовъ подчеркивалъ то, что покойникъ былъ носителемъ и сѣятелемъ просвѣщенія, христіанской любви къ ближнему и гуманной культуры.

За гробомъ слѣдовали двѣ колесницы, наполненныя вѣнками. Между послѣдними выдѣлялся огромныхъ размѣровъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью на лентѣ: «Сіячеві добра, освіти й правди Олексієві Івановичу Маркевичу від земляків».

Всѣ рѣшительно считаютъ смерть А. И. незамѣнимой утратой для Одессы. Особенно много потеряла народная аудиторія, которая за годъ лишилась, такимъ образомъ, трехъ тружениковъ: Смирнова, Андреевскаго и Маркевича. Кто же замѣнитъ ихъ?—вопросъ, который теперь приходится слышить очень часто.

Послѣ покойнаго осталась огромная библіотека—свыше 20,000 томовъ. Особенно богатъ въ ней отдѣлъ по исторіи и украиновѣдѣнію. Покойный оставилъ также нѣсколько неоконченныхъ работъ по исторіи юга.

Библіотеку свою покойный оставилъ въ распоряженіе жены своей. Въ настоящее время, какъ мы слышали, отдѣлъ библіотеки по исторіи и украиновѣдѣнію г-жа Маркевичъ рѣшила пожертвовать Черниговскому музею, въ дополненіе къ сокровищамъ, оставленнымъ В. В. Тарновскимъ. Изъ остальныхъ отдѣловъ будетъ устроена библіотека Народной читальни на Молдаванкѣ (въ Одессѣ).

Позволимъ себѣ отмѣтить еще одно обстоятельство, на которое обратило вниманіе «Южное Обозрѣніе» (№ 2176 отъ 6 іюня). Газета, перечисливъ заслуги покойнаго, говоритъ: «Еще одна не маловажная черта въ немъ: онъ былъ украинофиломъ. Украинофильство это въ немъ было такого глубокаго, просвѣщеннаго характера, что, конечно, никѣмъ и никогда не могло бы быть поставлено ему въ вину. Онъ любилъ малорусскую націю такой высокой гуманной любовью, которая дѣлаетъ только честь человѣку... Это была любовь къ народу, своему народу. Въ *такой* любви нельзя упрекнуть. Напротивъ, такая просвѣщенная любовь возвеличиваетъ человѣка».

Миръ праху твоему, дорогой человѣкъ!

С. Ше - хинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу объ источникѣ „Москаля-Чаривныка" Котляревскаго *(М. Н. Кочубей: Постой(.) или когда одинъ теряетъ, то другіе пользуются. Фарсъ въ 1 дѣйствіи. Къ генетической связи «Москаля-Чаривныка» и «Простака». Спб. 1902 г.).* Разбирая произведенія И. П. Котляревскаго, Кулишъ («Основа» 1862 г. февр.) далъ слишкомъ суровый отзывъ о его «Москалѣ-Чаривныкѣ», считая эту пьесу маловѣроятной, неестественной выдумкой автора. Г. Петровъ въ своихъ «Очеркахъ исторіи укр. литер. XIX ст.» не соглашается съ этимъ мнѣніемъ Кулиша и, сравнивая „Москаля-Чар." съ нѣкоторыми малорусскими народными произведеніями, приходитъ къ выводу, что эта комическая опера Котляревскаго, равно какъ и «Простакъ» Гоголя-отца, глубоко народны, такъ какъ оба эти произведенія „заимствованы изъ украинскихъ народныхъ преданій". Къ тому же выводу склоняется, повидимому и Н. Ф. Сумцовъ, когда, приведя рядъ малорусскихъ сказокъ на тему о невѣрной женѣ: говоритъ: „На народной сказкѣ... построена комедія И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ" („Этногр. Обозр." XII: „Пѣсни о гостѣ Терентіи..."). —Не отвергая сходства „Москаля-Чаривныка" съ народными малорусскими сказками и пѣснями, проф. Дашкевичъ идетъ, однако, дальше: онъ указываетъ на существованіе у другихъ восточныхъ и западныхъ народовъ не только устныхъ, но и письменныхъ, литературныхъ произведеній съ подобнымъ же сюжетомъ и потому ставитъ вопросъ: «Воспользовался ли Котляревскій какою-нибудь изъ многочисленныхъ литературныхъ обработокъ разсказа о приключеніи съ невѣрной женой и ея любовникомъ, или же почерпнулъ идею своей пьесы изъ народ-

ной пѣсни либо изъ сказки, какъ то утверждаютъ, напр., г.г. Петровъ и Сумцовъ?» («Кіевская Старина» XII: «Вопросъ о литерат. источникѣ...», стр. 466). Сопоставляя затѣмъ содержаніе и нѣкоторыя детали комической оперы Котляревскаго съ такой же французской оперой «Le Soldat Magicien», авторъ только что названной статьи приходитъ къ убѣжденію, что «Котляревскій былъ знакомъ съ оперой «Le Soldat Magicien» и воспользовался ея схемой для своей пьесы; онъ воспроизводилъ ситуацію французской оперы, имѣя ее передъ собою, либо по памяти» (Ibid, 475), при чемъ нашъ поэтъ, заимствуя изъ «Le Sold.-Mag.» общія очертанія фабулы, остается самостоятельнымъ «въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и въ основной идеѣ» своей пьесы (Ib., 476).

М. Н. Кочубею удалось недавно отыскать въ лавкѣ одного флорентійскаго букиниста пьесу на итальянскомъ языкѣ, озаглавленную такъ: «L'allogio militare ovvero uno spende e gli altri godono. Farsa in un atto libera traduzione dal francese dell' artista drammatico Luigi Vestri» (т. е «Постой, или когда одинъ теряетъ, то другіе пользуются». Фарсъ въ 1 дѣйствіи. Вольный переводъ съ французскаго драматическаго артиста Л. Вестри). Дѣйствующихъ лицъ въ этомъ фарсѣ, какъ и въ «Москалѣ Чарив.», четыре: 1) Маэстро Барбаціано Финоккіо, 2) Бриджида—его жена, 3) Сержантъ Петруччіо Франки—римлянинъ и 4) Панкраціо—сельскій учитель. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Фраскадъ, въ горахъ близъ Сарцана. Сцена представляетъ комнату съ сельской обстановкой; съ одной стороны входная дверь, съ другой лѣсенка, ведущая на чердакъ; въ концѣ ея двери; ночь.—Вотъ краткое содержаніе «Постоя». Бриджида, отправивъ изъ дома мужа, ждетъ прихода Панкраціо, своего любовника. Неожиданно является на постой сержантъ и начинаетъ любезничать съ хозяйкой, но та, занятая мыслью о свиданіи съ Панкраціо, холодно отвѣчаетъ на любезности квартиранта. Наконецъ, сержантъ по лѣстницѣ уходитъ въ отведенную ему наверху комнату. Является Панкраціо. Заслышавъ внизу голоса, сержантъ потихоньку пріотворяетъ дверь лѣсенки и, такимъ образомъ, видитъ и слышитъ все то, что происходитъ на сценѣ. Оказывается, что Панкраціо принесъ съ собой закуску и вино. Влюбленные собираются поужинать. Но въ это время слышится стукъ въ двери: возвратился мужъ. Бриджида поскорѣе прячетъ ужинъ въ шкафъ, а Панкраціо бѣжитъ въ подполье (погребъ). Входитъ мужъ Барбаціано; онъ голоденъ и проситъ ужинать. Жена

говоритъ, что у нея нѣтъ ничего съѣстного и что сама она легла спать безъ ужина. Спускается сержантъ познакомиться съ хозяиномъ и попросить чего-либо закусить. Получивъ отъ Бриджиды тотъ же отвѣтъ, что и Барбаціано, сержантъ открываетъ своимъ хозяевамъ секретъ, что онъ умѣетъ колдовать и что при помощи своего искусства онъ раздобудетъ всѣмъ имъ ужинъ; затѣмъ беретъ свою книгу и шомполъ, ставитъ лампы на полъ, описываетъ шомполомъ магическіе круги и, произнося заклинанія, указываетъ на шкафъ, куда духи будто бы принесли и поставили ужинъ и вино. Открывъ шкафъ и найдя тамъ кушанья, мужчины садятся ужинать, а жена, въ гнѣвѣ на сержанта, отказывается отъ закуски. Остатки ужина она уноситъ на кухню, а сержантъ въ это время открываетъ Барбаціано тайну, о которой онъ узналъ изъ своей магической книги,—именно, что у Барбаціоно въ дому поселился домовой и что онъ теперь прячется въ подпольѣ. Объ этомъ мужъ съ ужасомъ сообщаетъ пришедшей изъ кухни женѣ, но сержантъ успокаиваетъ его, обѣщая выселить домового; онъ даетъ Барбаціано палку, чтобы тотъ билъ домового, когда послѣдній покажется изъ погреба, самъ открываетъ подполье и приглашаетъ злого духа, т. е. Панкраціо, уходить оттуда. Панкраціо, закутавшись въ плащъ, убѣгаетъ, а сержантъ и Барбаціано бьютъ его—одинъ шомполомъ, другой палкою.

Переводчикъ этого фарса Л. Вестри жилъ въ первой половинѣ XIX в.; оригиналъ же на французскомъ языкѣ г. Кочубей, при всѣхъ его стараніяхъ не могъ найти; думаемъ, что найти его не такъ то легко, разъ неизвѣстно, насколько *вольно* сдѣлалъ свой переводъ Вестри.

Мы видимъ, что найденная и переведенная на русскій языкъ г. Кочубеемъ пьеса очень близко подходитъ по своему содержанію къ комедіи Котляревскаго «Москаль-Чаривныкъ» и служитъ такимъ образомъ новымъ доказательствомъ справедливости мнѣнія г. Дашкевича о литературномъ источникѣ «Москаля-Чаривныка». Это мнѣніе свое проф. Дашкевичъ высказалъ еще въ 1888 г. въ извѣстномъ «Отчетѣ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова» и потомъ подробнѣе развилъ въ 1893 г. въ статьѣ «Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго «Москаль-Чаривныкъ» («Кіевск. Ст.» 1893 г. № 12). Поэтому странными показались намъ слѣд. слова г. Кочубея въ его предисловіи къ «Постою»: «Такъ (т. е. что «Москаль-Чаривныкъ» возникъ изъ народныхъ источ-

никовъ) я думалъ прежде *и продолжаю думать теперь*, несмотря на то, что случай меня натолкнулъ на открытіе по этому вопросу, совершенно сбившее меня съ толку и поселившее *было* во мнѣ рядъ сомнѣній...» (стр. 5).

А. Малинка.

Къ исторіи м. Варвы, лохвицкаго уѣзда. М. Варва—родина Бодянскихъ: извѣстнаго слависта, Осипа Максимовича, и его брата Федора, занимавшагося этнографіей, и оставившаго въ рукописяхъ не одну сотню украинскихъ пѣсенъ, представляющихъ тѣмъ большій интересъ, что у каждой пѣсни указано лицо и мѣсто записи, и нерѣдко годъ; впрочемъ, кажется, всѣ его записи произведены были въ промежутокъ между 1838 и 1848 годами.

Въ одной изъ этихъ рукописей, собранныхъ въ настоящее время Науковим Товариством ім. Шевченка во Львовѣ и приготовляемыхъ къ печати, въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Ой гаю мій, гаю, густый не проглянý! Упустыла соколонька, да вже не піймаю», по поводу м. Варвы, упоминаемой въ этой пѣснѣ, приведены Федоромъ Бодянскимъ историческія указанія, не лишенныя интереса, которыя мы и выписываемъ дословно.

«Мнѣ неизвѣстно ни по географіи, ни по исторіи—было-ли нынѣшнее мѣстечко *Варва* какимъ-либо городомъ. Но преданіе стариковъ говоритъ: мѣстечко Варва, полтавской губ., лохвицкаго уѣзда, до разоренія ея шведами, была дѣйствительно уѣзднымъ или *сотеннымъ* городомъ Черниговскаго намѣстничества [1]). Въ истинности этихъ словъ удостовѣрить насъ могутъ: 1) чудодѣйственная сила Божіей Матери Варвинской, оказанная Ею жителямъ города Варвы при переходѣ шведами черезъ рѣку Удай и при осадѣ ими г. Варвы. Эти факты чудодѣйственной силы изображены въ 1812 году (не 1712 ли? В. Д.) по преданію стариковъ, на двери тогдашней церкви, отысканной (двери, а не церкви) нынѣшнимъ настоятелемъ Рождество-Богородичной церкви, священникомъ Максимомъ Бодянскимъ. Это изображеніе, какъ несо-

---

[1]) М. Варва, дѣйствительно, была сотеннымъ городомъ Прилуцкаго полка начиная съ 1648 года. См. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 732. Въ качествѣ замѣтнаго поселка упоминается еще въ 1628 г. (Сборн. Лѣтоп. Южн. и Зап. Россіи, 95).

мнѣнно историческій фактъ, хранится и теперь въ одной церкви; 2) *Актовая крѣпость*, сознанная въ 1748 г. пресвитеромъ Варвинскимъ, Григоріемъ Патакою въ Сотенной Варвинской канцеляріи на промѣнъ недвижимыхъ имѣній съ господаремъ Федоромъ Дейнекою; 3) *печать города Варвы*, доставшаяся мнѣ *въ прошломъ 1838 году*, отъ бывшаго Варвинскаго сотеннаго Атамана Михея Пшеничнаго, на которой печати изображенъ въ осьмиугольномъ кругѣ гербъ, вѣроятно Варвинскій: сердце, утвержденное нижнею оконечностію на двухъ вѣтвяхъ, накрестъ поставленныхъ; сверху сердца—крестъ, въ видѣ анненскаго, окруженный пятью звѣздами; кругомъ же поля вырѣзаны слова: *печать город. Варвинская*, и, 4) *самое дѣленіе м-ка Варвы на форштаты:* Перекопи(о)вской, Пугачіевской, Руссомаковской и Зарѣцкой, а городъ, окруженной земляной крѣпостью (валомъ), называется *мѣстомъ* (forum)».

Сообщ. **В. Доманицкій**.

Существуетъ-ли южно-русскій стиль? Этотъ принципіальный вопросъ о существованіи южно-русскаго стиля возникъ и сталъ предметомъ обсужденія по совершенно случайному, частному поводу—по поводу постройки новаго зданія полтавской губернской земской управы. Нѣкто г. Обыватель, говоря о постройкахъ помянутаго зданія, высказалъ на страницахъ «Полт. Вѣстн.» мысль, что «созданіе фасада въ стилѣ южно-русскаго творчества было-бы несомнѣнно самымъ лучшимъ, оригинальнымъ и наиболѣе цѣннымъ въ художественномъ отношеніи». Въ отвѣтъ на это письмо на страницахъ той же газеты (№№ 138, 147 и 149) послѣдовали три довольно обстоятельныя статьи извѣстнаго художника А. Сластіонова. Статьи эти настолько интересны, что мы считаемъ нужнымъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

Г. Сластіоновъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Обывателя, говоритъ, что зданіе земской управы, какъ «общественное учрежденіе цѣлой огромной и весьма оригинальной губерніи, должно имѣть свое типичное лицо, въ которомъ отразились бы всѣ краски юга; оно

---

[1]) Сравн. съ Чигиринской „мѣстской" печатью 1660 г. въ Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нест. Лѣтописца, кн. VIII, ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго", стр. 98—99.

должно выйти изъ обыденнаго унылаго шаблона, изъ подражанія тому доморощенному «*разнесансу*», который примелькался на каждомъ шагу». Г. Сластіоновъ указываетъ на примѣръ Западной Европы, гдѣ муниципалитеты городовъ содержатъ особыя спеціальныя художественныя комиссіи исключительно для разсмотрѣнія проектовъ каждаго вновь строящагося зданія съ чисто художественной стороны, что эти комиссіи могутъ воспретить любую постройку если найдутъ данный проектъ негармонирующимъ съ сосѣдними зданіями, или нарушающимъ красивую линію группы, силуэта или невыдержанности стиля, а то и простой окраски. Эти комиссіи безпощадны ко всякаго рода шаблоннымъ, неоригинальнымъ постройкамъ и часто требуютъ пересоздавать проекты вновь; онѣ настоятельно рекомендуютъ обращаться къ старымъ стильнымъ постройкамъ своей родины или же, наконецъ, къ новому стилю. Указавъ на тщательныя заботы нашихъ западныхъ сосѣдей о художественной внѣшности своихъ городовъ, г. Сластіоновъ говоритъ о невозможности игнорированія подобной заботы и у насъ, такъ какъ такое игнорированіе никогда не выведетъ нашей творческой мысли изъ того духовнаго плѣна, въ которомъ она находится вотъ уже цѣлыя сотни лѣтъ. «А развѣ не тяжело,—спрашиваетъ авторъ,—проводить жизнь подъ чужой личиной и стыдиться быть самими собой? А между тѣмъ кто изъ насъ во всеуслышаніе осмѣлится возразить противъ того, что мы должны смотрѣть на природу глазами индивидуальности, что въ разнообразныхъ воззрѣніяхъ передаваемая природа только и начинаетъ жить и блистать чудными цвѣтами и переливами творческаго духа націи, что эта передача воззрѣній, эта работа, выражающаяся потребностью нашего духа объектировать свой міръ идей и облекать его въ опредѣленную, родную ему форму, и есть тотъ внутренній импульсъ, который придаетъ творческой дѣятельности живое видѣніе и ту сумму разнообразныхъ впечатлѣній, и если можно такъ выразиться, нашептываній, которыя, будучи искренно реализованы, все равно—въ картинѣ, музыкѣ, зодчествѣ, чаруютъ художественно чуткихъ соотечественниковъ и заставляютъ восхищаться пытливыхъ, ищущихъ новыхъ впечатлѣній иностранцевъ? Такъ въ чемъ же дѣло? Почему же мы, все-таки, продолжаемъ питаться падающими отъ сосѣдей крохами? Назовите же хотя одну культуру въ свѣтѣ, которая была бы основана на отрицаніи творческаго духа своего народа, вѣдь нѣтъ таковой—не правда-ли? А мы считаемъ себя тоже народомъ культурнымъ и однако жъ почти не пытаемся обра-

щаться къ этому духу творчества. Монументальныя зданія, какъ и другіе виды творчества, должны носить на себѣ отпечатокъ не только даннаго народа, но и данной мѣстности, ибо они также продуктъ условій самой природы».

Предвидя со стороны составителей проекта новаго зданія управы возможность возраженій въ такомъ родѣ. что «неужели послѣ того, какъ египтяне изобрѣли колонну, римляне—арку, а византійцы—куполъ, неужели возможно въ архитектурѣ сдѣлать что-нибудь новое?—г Сластіоновъ говоритъ: «Можно, отвѣчу я и теперь, и всегда, всегда надо смотрѣть впередъ, а не назадъ: пусть основы будутъ старыя, но трактовка этихъ основъ будетъ вѣчно новая. Готика, ренесансъ, рококо, бароко, ампиръ, новый стиль и безчисленное множество мелкихъ чертъ, внесенныхъ въ сокровищницу архитектуры большинствомъ культурныхъ народовъ,—прямое тому доказательство.

Наконецъ, лѣтъ 40—50 назадъ отвергалось русскими же людьми какое бы то ни было русское искусство и сколько упорнѣйшей борьбы и силъ надо было потратить разумѣвшимъ и, такъ сказать, провидѣвшимъ это искусство, съ мракомъ невѣжества и огульнаго отрицанія, чтобы, наконецъ, добиться нѣкоторыхъ правъ на признаніе этого вопроса. Надо было, какъ и во всемъ у насъ, вмѣшаться въ эту борьбу какому-либо знатному иностранцу, который бы отдалъ дань уваженія предмету спора и призналъ бы существованіе того, въ чемъ сомнѣвались; мало того,—чтобы онъ написалъ интересный трактатъ о немъ, тогда только дѣло могло стать на серьезную почву. Знаменитый французскій архитекторъ Віоле-де-Дюкъ и сдѣлалъ это; онъ написалъ настоящій панегирикъ русскому искусству, за что, впрочемъ, и былъ награжденъ россійскимъ орденомъ со звѣздой.

Для опредѣленія чертъ самобытности русскаго искусства и собиранія остатковъ его немало потрудились такіе знатоки, какъ Рихтеръ, Горностаевъ, Даль, Леоновъ, Веселовскій, Павлиновъ, Сусловъ, Соловьевъ, Преображенскій и т. д. Послѣ ихъ трудовъ въ Россіи появилось много интересныхъ зданій въ русскомъ стилѣ. Пусть этотъ стиль есть смѣшеніе всего, чего угодно, пусть онъ «художественный винигретъ», окрошка азіатско-византійско-норманскихъ и безчисленнаго множества другихъ чертъ и всякихъ бродячихъ мотивовъ, но онъ есть, какъ есть, напр., медъ, который пчелы, эти трудолюбивые архитекторы-художники, собираютъ со всевозможныхъ цвѣтовъ и разнообразныхъ деревьевъ—что, однако-жъ, не мѣшаетъ ему быть медомъ,

такъ и отдѣльныя черты этого стиля, собранныя архитекторами и художниками съ неизмѣримаго поля человѣческаго творчества, во всей ихъ совокупности и общей гармоніи выражаютъ собой новый, самостоятельный типъ, то, что мы называемъ «русскій стиль». Да кромѣ того,—совершенно самостоятельной культуры нѣтъ вѣдь нигдѣ: она всегда лишь наслѣдіе предыдущей. Каждый народъ только пользовался элементами, унаслѣдованными отъ предшествующихъ цивилизацій, и приспособлялъ эти элементы къ своимъ вкусамъ, нуждамъ и потребностямъ».

Послѣ этихъ общихъ разсужденій г. Сластіоновъ переходитъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, существовалъ ли когда-нибудь южно-русскій стиль хотя бы въ видѣ такихъ же «обломковъ», какіе извѣстны и собраны въ Руси сѣверной. Отвѣчая на поставленный вопросъ, г. С. говоритъ: «Что они были и существуютъ—это вамъ скажетъ всякій, кто пытался собирать или даже интересовался ими. Да почему бы имъ и не быть, если Южная Русь до половины XVIII в. жила несравненно высшей культурной жизнью, чѣмъ сѣверная? Ученость, образованность, живопись, музыка—всѣмъ этимъ Южная Русь щедро дѣлилась съ сѣверною; то же, хотя и въ маломъ масштабѣ, было и съ архитектурой (ниже мы это увидимъ), но обратнаго, подобнаго теченія не было».

Въ подверждение своихъ словъ г. С. проводитъ выдержки изъ извѣстныхъ сочиненій путешественниковъ по южной Россіи.

Вотъ двѣ-три выдержки: «Въ извѣстномъ путешествіи московскаго старца Леонтія (1701 г.) вотъ что читаемъ о «преславномъ градѣ Кіевѣ»—Церквей каменныхъ зѣло много. *Строеніе узорочное, тщательные люди...*», а старецъ Леонтій началъ свое путешествіе съ Москвы, гдѣ, конечно, видывалъ не мало всякихъ строеній. Ужъ если «*тщательность и узорочность*» бросились ему въ глаза, то и не даромъ. А вотъ и другое свѣдѣніе приблизительно изъ того же времени, но важно оно потому, что говорится уже не о Кіевѣ, а о городѣ Кролевцѣ, черниг. губ. Вотъ что читаемъ въ запискахъ датскаго посла Юста Юля, бывшаго два года (1709—1711) при Петрѣ Великомъ и возвращавшагося черезъ Украину: «Жители козацкой Украины благоденствуютъ и живутъ припѣваючи. Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и, чѣмъ хотятъ, промышляютъ. Козаки ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ, тогда какъ московиты, даже бояре, не грамотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... *Кролевецъ городъ большой и кра-*

сивый. Улицы въ немъ прекрасны, какихъ я въ Россіи нигдѣ не видывалъ; *дома прекрасные*, прочные, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи. Все населеніе козацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома»...

Еще болѣе поразительны и интересны параллели, приведенныя въ дневникѣ Павла Алепскаго, въ 1652 году путешествовавшаго черезъ Украйну въ Москву. Очень подробно онъ описываетъ разные города и что въ какомъ его поразило; такъ, напр., въ Васильковѣ онъ восхищается изображеніемъ Богоматери въ церкви Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ: «Козацкіе живописцы заимствовали красоты живописи, лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляшскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ, какъ мы видѣли это на портретахъ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго и другихъ». Въ описаніи Кіева онъ говоритъ, что въ этомъ городѣ «среди изображеній козацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть»... Кіевскую лавру онъ описываетъ особенно подробно. Это описаніе является единственнымъ описаніемъ ея до великаго пожара 1718 г., которымъ она уничтожена. О народномъ образованіи при Хмельницкомъ онъ пишетъ: «По всей землѣ козаковъ мы замѣтили возбуждавшую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы: кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами». Восторгаясь украинскими напѣвами и голосами монахинь Вознесенскаго монастыря, Павелъ отвѣчаетъ, что большинство монахинь этого монастыря происходило изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій и что находившіяся тамъ дѣвицы умѣли не только читать, но были знакомы съ философіей, логикой и занимались сочиненіями... Не знаю, есть ли даже теперь такіе женскіе монастыри, въ которыхъ бы монахини занимались логикой, философіей и сочиненіями?... О настоятеляхъ кіевскихъ монастырей Павелъ говоритъ, что между ними есть «люди ученые, законовѣды, ораторы, знавшіе логику и философію и занимавшіеся глубокими вопросами». О кіевской типографіи читаемъ: близъ великой

церкви есть *превосходный, знаменитый печатный домъ* для этой страны. Изъ него выходятъ всѣ церковныя книги удивительной печати, разнаго вида и цвѣта, а также рисунки на большихъ листахъ, примѣчательности странъ, иконы святыхъ, ученыя изслѣдованія и проч.».. Церковное пѣніе особенно понравилось Павлу Алепскому: «Пѣніе козаковъ радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ-бы изъ однихъ устъ. Они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи».

Возвращаясь къ архитектурѣ, можно привести еще свѣдѣніе о томъ, что австрійскій посланникъ графъ Кобленцъ упоминаетъ о кіевскомъ деревянномъ дворцѣ Разумовскаго, бывшемъ на Подолѣ и стоившемъ ему въ тѣ времена болѣе 30.000 руб. Объ этомъ же дворцѣ говоритъ и Вигель, прибавляя, что дворецъ этотъ висѣлъ надъ стремниной. Послѣ приведенныхъ справокъ надо сказать, что было время, когда извѣстныя трехглавыя церкви, самостоятельное слово южнорусской архитектуры, проникли въ сѣверную Русь, и при Алексѣѣ Михайловичѣ эта форма шатровыхъ церквей Украины такъ быстро стала распространяться, что извѣстный духовный соборъ изъ соображенія, чтобы не образовалось новыхъ ересей, запретилъ ихъ строить, и шатровыя церкви одноглавыя, трехглавыя и пятиглавыя были строго воспрещены, но въ глухихъ мѣстахъ Россіи они еще долго появлялись, особенно въ деревянной архитектурѣ. Какъ живой свидѣтель этого вліянія юга на сѣверъ, въ Москвѣ стоятъ еще церкви „Рождества въ Путинкахъ“, «Тройцы въ Гончарахъ», церковь Ивановскаго монастыря въ Вязьмѣ и др. Что касается оставшихся архитектурныхъ памятниковъ южно-русскаго искусства, то ихъ есть не мало, хотя никѣмъ еще этотъ вопросъ не разработанъ. Нѣкоторые архитекторы, писавшіе изслѣдованія по россійской архитектурѣ, не могли, разумѣется, не остановиться и на южно-русскихъ церквахъ, но... (люди какъ люди). Желая представить сѣверно-русскую архитектуру особо чистой, безъ вліяній (да еще Украйны!), начали твердить о томъ, что формы типа трехглавыхъ церквей (продолговатая базилика съ тремя куполами, иначе корабль), вѣроятно, несамостоятельны, а откуда-нибудь, позаимствованы. Начались поиски .. одни, какъ Л. Даль, прямо говорили, что «это форма, очевидно, некатолическая, иначе была-бы изгнана да и не употреблялась-бы даже уніатами, у которыхъ *всѣ наружныя формы сохранялись въ неприкосновенномъ видѣ*, что и на западѣ эта форма неизвѣстна, что есть только какой-то слѣдъ ея на

одной скульптурной двери въ Гнѣзно и что, вѣроятно, эта форма заимствована изъ Сиріи, откуда занесена крестоносцами... Удивительно, право: простѣйшее соображеніе (если бы не предвзятая мысль) могло подсказать, что если южно-русскій народъ, жизнь котораго сложилась на свой особый ладъ, по всей Украйнѣ рубилъ эти церкви и строилъ ихъ изъ камня, видоизмѣняя отъ одной главы до девяти и болѣе, если онъ исключительно развивалъ только этотъ, милый его сердцу и вкусу типъ, то мыслимо-ли, чтобы подобная форма была навязанной, чужой; не проще-ли было южно-русскому народу не искать по свѣту какихъ-то новыхъ формъ, а брать лишь то готовое, что было рядомъ уже у единовѣрнаго, православнаго же братскаго народа? На повѣрку оказалось, что и сами то французскіе крестоносцы оставили по себѣ всего лишь три храмика, а все совпаденіе состоитъ лишь въ томъ, что планъ тѣхъ и другихъ нѣсколько напоминаютъ другъ друга (базилика). Если бы подобное архитектурное новшество было занесено къ намъ съ береговъ Адріатики, то самое вѣроятное, что народъ сталъ-бы бороться съ этимъ новшествомъ, а не культивировать его во всей своей толщѣ. Гораздо вѣроятнѣе предположить другое—эта архитектура есть наслѣдіе ранняго, доисторическаго христіанства; намъ извѣстно, что деревянныя церкви существовали еще до Владиміра, не греки же ихъ тогда строили; какой формы онѣ были? Да вѣроятнѣе всего подобной же, по крайней мѣрѣ, существуетъ предположеніе и легенда, что трехглавыя церкви строились во имя Тройственности Божества—Отца, Сына и Святого Духа, и въ первые вѣка христіанства церкви строились въ видѣ корабля, а не креста, что явилось уже позднѣе. Такимъ образомъ древность этого типа несомнѣнна. Не только въ Польшѣ, но и во всей католической Европѣ никогда купола не располагались по длинѣ храма. Если же католическіе храмы трехкупольные, то непремѣнно два меньшихъ купола устраиваются на углахъ передняго фронтона. Нѣтъ основаній не признать вышеприведенную легенду. Вполнѣ понятно станетъ и толкованіе другихъ не принимающихъ ея; они говорятъ: «Скорѣе всего 3 купола въ рядъ, по длинѣ церкви, соотвѣтствуютъ внутреннему расположенію ея, а именно: олтарь (малый куполъ), средина церкви (большой куполъ) и, наконецъ, притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи «бабинецъ» (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля. Какъ бы тамъ ни было, но важенъ тотъ печальный фактъ, что прошла цѣлая четверть тыся-

челѣтія, какъ Южной Руси запрещено московскимъ соборомъ культивировать и развивать любезный ея сердцу стиль и за эту четверть тысячелѣтія изнашивались и уничтожались слѣды его. Надо удивляться тому обстоятельству, что осталось еще кое-что, а между тѣмъ, приходится часто слышать изъ устъ неосвѣдомленныхъ людей—«какой тамъ еще южно-русскій стиль?—ничего не было и нѣтъ!». Люди рѣшаются съ удивительной увѣренностью отрицать то, о чемъ имѣютъ весьма смутное представленіе, и только на основаніи той уважительной причины, что сей вопросъ имъ неизвѣстенъ. Здѣсь, кстати, невольно приходитъ на мысль вопросъ—что бы осталось отъ тѣхъ «разрозненныхъ остатковъ» сѣверно-русскаго стиля, если бы они не оберегались, а 250 лѣтъ подрядъ только уничтожались? Замѣчательно, что Алексѣй Михайловичъ легко уступилъ собору архитектуру юга, живопись, какъ извѣстно, тоже подверглась гоненіямъ, но когда дошло дѣло до церковнаго пѣнія, принятаго изъ Южной Руси, и семинотной системы, то и онъ, и патріархъ Никонъ настояли таки, чтобы эта система южно-русскаго пѣнія была принята. Слишкомъ ужъ очевидно было это преимущество. Впослѣдствіи вошло въ обычай брать изъ Южной Руси и самихъ пѣвчихъ, которымъ при Елизаветѣ Петровнѣ велѣно навсегда носить украинскіе дворянскіе, шитые костюмы (съ откидными рукавами), а наборъ пѣвчихъ продолжается, кажется, и до нашихъ дней; даже великій Глинка былъ спеціально командированъ для этого въ Малороссію)».

Въ послѣднемъ письмѣ г. С. говоритъ о цвѣтущемъ періодѣ южно-русскаго искусства, хотя дошедшихъ до нашихъ дней образцовъ архитектурныхъ памятниковъ этого искусства сравнительно не такъ много, съ одной стороны вслѣдствіе запрещенія культивировать свой стиль а съ другой—вслѣдствіе того, что Южная Русь часто превращалась въ руину, даже въ «великую руину». Достаточно сказать, что на всю полтавскую губ. сохранилось каменныхъ церквей южно-русскаго стиля всего четыре: превосходная церковь въ м. Лютенькѣ, гадячскаго у., церковь Даніила Апостола въ м. Б. Сорочинцахъ и др.

«Цвѣтущимъ періодомъ южно-русскаго искусства было время XV, XVI и XVII вѣковъ, когда архитектура, живопись, горельефъ, гравированіе и орнаментика развились до степени изящныхъ искусствъ, отличаясь духомъ національнаго творчества. Въ XVII в. распространилась портретная живопись, («контерфекты»), бытовая и пейзажная и, въ концѣ вѣка, аллегорическая. Гравюра стояла такъ высоко, что

для награвированія портретовъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи пришлось обращаться въ Украйну и пригласить оттуда славившихся вполнѣ заслуженной извѣстностью мастеровъ-художниковъ Леонтія Тарасевича и Иннокентія Щирскаго; и такихъ мастеровъ-граверовъ до сихъ поръ отмѣчено около сотни. Центромъ художественной дѣятельности былъ, разумѣется, Кіевъ, но школы искусства, съ нимъ соприкасавшіяся, находились въ Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Почаевѣ, Батуринѣ, Переяславѣ и другихъ значительно населенныхъ городахъ Южной Руси. Мы наслѣдовали массу памятниковъ по живописи, рѣзьбѣ, вообще орнаментикѣ. Отличіе этихъ памятниковъ—яркое по краскамъ письмо, реальное направленіе въ изображеніи лицъ, одежды и цѣлыхъ сценъ. Живопись украшалась золотомъ, серебромъ и вставными самоцвѣтными камнями, фонъ иконъ и самыя матеріи на одеждахъ святыхъ чеканились затѣйливыми изящными орнаментами. Самыя изображенія святыхъ приноравливались къ типичнымъ особенностямъ рассы, народности святыхъ. Нерѣдко всѣ святые и даже Божія Матерь и Іисусъ Христосъ изображались въ украинскихъ костюмахъ XVI и XVII в. Изъ раскопокъ мы знаемъ, что изразцы въ Южной Руси были извѣстны еще во времена великокняжескаго періода, когда Европа и понятія даже не имѣла о «цѣнинномъ дѣлѣ» (кстати, орнаментика этихъ изразцовъ не имѣетъ ничего общаго съ византійской),—керамика въ этотъ періодъ была такъ высока, что изготовлялись рельефные, глиняные, хорошо обожженные образки, дошедшіе до нашего времени. Не буду останавливаться на чудесныхъ эмаляхъ, ювелирномъ дѣлѣ, чеканкѣ по металламъ, рѣзьбѣ по дереву, тканью и шитью цвѣтными шелками и пр. Скажу только, что эти отдѣлы искусства доведены до высокой степени совершенства и изящества».

Давъ вышеприведенныя историческія справки, г. С. говоритъ: «такимъ образомъ, почему бы, кажись, намъ, «народу тщательному», и не попытаться сдѣлать еще одно, свое «преузорочное строеніе» достойное того, чтобы имъ восхищались путешественники, какъ восхищались они двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ? Путь ясенъ—онъ тотъ же, что и всюду при возрожденіи. Я умышленно подольше остановился на пути, по которому шли русскіе архитекторы и художники: они начали собираніемъ остатковъ, а кончили творчествомъ. Они отъ робкихъ попытокъ и опытовъ достигли, наконецъ, того, что имѣютъ

полнѣйшую возможность создавать строенія въ своемъ родномъ стилѣ, не затрудняясь примѣненіемъ тѣхъ или другихъ формъ и комбинацій.

Въ постройкѣ зданія земской управы г. С. видитъ «исключительный случай и широкое поле, гдѣ бы можно было проявить строителямъ, художникамъ и декораторамъ свое искусство и поработать надъ возрожденіемъ мѣстнаго южно-русскаго стиля. Есть, говоритъ онъ, талантливые архитекторы и художники, которые взялись-бы за это дѣло со всѣмъ пыломъ влюбленныхъ въ свое искусство фанатиковъ и въ результатѣ могло-бы быть въ вашемъ симпатичномъ городѣ свое «Палаццо Дожей»... Я вторично напоминаю объ этомъ розово-бѣломъ чудѣ искусства, чтобы оттѣнить ту мысль, что всѣ стѣны и вашего палаццо, вмѣсто цвѣтного мрамора, могли быть убраны цвѣтными изразцами и чаровать своими сочетаніями тоновъ, какъ и тамъ въ Венеціи... «При этомъ г. С. рекомендуетъ только при стремленіи осуществить данную, какъ и всякую новую мысль, не забывать того, что какъ бы ни была ясна, логична и даже удобоисполима какая-либо новая мысль, для того, чтобы ее осуществить, провести въ жизнь, воплотить въ извѣстныя формы, надо вести настойчивую, упорную борьбу, чтобы протестующіе, относящіеся недовѣрчиво люди, успѣли привыкнуть, присмотрѣться и постепенно ознакомиться съ предметомъ отрицанія, т. е. разобраться — что же въ новой мысли есть положительнаго, кромѣ лишь предполагаемаго отрицательнаго, — только тогда успѣхъ обезпеченъ и отвергавшееся становится обычнымъ, а далѣе и общепризнаннымъ.

Результатомъ этихъ статей явилось печатное приглашеніе со стороны члена губернской управы, завѣдывающаго строительнымъ отдѣломъ, Е. Саранчова, представить въ засѣданіе комиссіи, назначенное на 23-е іюня, наброски и конкретно выразить защищаемую симпатичную идею». Г. Сластіоновъ, въ своемъ отвѣтѣ (№ 156) г. Саранчову, указавъ на невозможность выполненія въ теченіе двухъ-трехъ дней такой сложной и трудной задачи, сообщаетъ, что видѣлъ въ Харьковѣ у одного талантливого художника-архитектора изготовляющійся къ 23-му іюня цѣлый сложный проектъ въ южно-русскомъ стилѣ. Несмотря на всю трудность изготовленія такой серьезной работы въ столь короткое время, этотъ проектъ, безъ всякаго сомнѣнія, явится серьезнѣйшимъ конкуррентомъ имѣющимся уже тремъ сестрамъ ренесансамъ. Это, безспорно, очень оригинальное и красивое зданіе, въ которомъ каждая часть, каждая деталь этой части, взята, несомнѣнно, съ чисто южно-русскихъ архитектурныхъ памятни-

ковъ; это, такъ сказать, картина творческаго духа нашихъ предковъ, наглядная лѣтопись южно-русскаго зодчества и даже живой этнографіи полтавщины. И какъ умно выражена идея *«земскаго дома»*: на всемъ главномъ фасадѣ, между прекрасно задуманными отдѣльными частями его, прихотливо разсыпана живая этнографія уѣздовъ, переплетающаяся съ гербами этихъ уѣздовъ, а надъ ними уже доминируетъ гербъ самой губерніи, все это отдѣлано узорчатой изразцовой полихроміей. На такомъ зданіи будутъ переливаться и преломляться свѣтовые лучи, порождая капризные отблески какъ-бы огня и солнца... Это работа одушевленнаго идеею человѣка, потому она такъ и останавливаетъ васъ и захватываетъ своею прелестью новизны и, въ то же время, чего-то знакомаго, родного. Взглянувши на подобное зданіе, никому и въ голову не прійдетъ спрашивать себя—что бы сіе могло быть—вокзалъ, банкъ, курортъ или гостиница? Наоборотъ, всякій только и можетъ сказать одно, а именно: *это зданіе, несомнѣнно, есть губернскій земскій домъ полтавской губерніи.*

Похищеніе священническаго чина внѣ отечества. Въ 1801 году въ Звенигородскомъ Духовномъ Правленіи началось дѣло объ «объявляющемъ себя священникомъ въ Молдавіи» Корниліи Ходзицкомъ. Призванный въ означенное Духовное Правленіе, обвиняемый, именующій себя священникомъ Ходзицкимъ, далъ показаніе, что отъ роду ему 43 года, родился онъ въ м. Екатеринополѣ, звенигородскаго уѣзда, гдѣ проживалъ, исправляя при тамошнихъ церквахъ (2) дьячковскую должность, и по ревизіи 1795 года записанъ въ томъ мѣстечкѣ «между дворянами»; но по совѣту Екатеринопольскаго, въ данное время уже умершаго, протоіерея Ефрема Ольховскаго, «къ скорѣйшему достиженію священства» отлучился съ свидѣтельствомъ того же Ольховскаго въ пограничное мѣстечко Рашковъ, и съ бывшими тамъ молдавскими монахами пропущенъ черезъ границу *стоящими на караулѣ донскими казаками* въ Молдавію, гдѣ тамошнимъ митрополитомъ Іаковомъ рукоположенъ во священники въ с. Бисериканъ къ Михайловской церкви; впрочемъ, на приходѣ этомъ онъ не былъ, а получивъ отъ митрополита ставленную на священство и отпускную грамоты, тотчасъ вернулся на родину, и по прибытіи въ домъ, обратился къ упомянутому выше протопопу Ольховскому, съ просьбой ис-

полнить данное имъ обѣщаніе «остепенить его, Ходзицкаго, гдѣ-либо на приходѣ; но такъ какъ Ольховскаго въ это время перемѣстили изъ Екатеринопольскаго въ Богопольскій повѣтъ, то онъ остался безъ мѣста. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, Ходзицкій предъявилъ ставленную грамоту въ подлинникѣ, а съ отпускной—копію засвидѣтельствованную «въ зборной Калниболотской избѣ», потому что подлинникъ, какъ показалъ письменно звенигордскій протопопъ Радзимовскій, утраченъ въ домѣ, его, протоіерея.

По справкѣ Кіевской дикастеріи съ дѣлами, поступившими изъ Новороссійской консисторіи, оказалось, что хотя Екатеринопольское Духовное Правленіе [1]) и входило съ представленіемъ къ митрополиту [2]), бывшему въ то время епископомъ Новороссійской епархіи, о дозволеніи какъ Корнилію Ходзинскому, такъ и брату его, подобнымъ образомъ получившему священство, продолжать священнослуженіе, которое они, будто бы, въ богопольскомъ уѣздѣ уже и исправляли,—однако митрополитъ приказалъ «не допущая ихъ, Ходзицкихъ, къ оному, отправить изъ Новороссійской Консисторіи въ бывшее Вознесенское намѣстничество, для препровожденія ихъ за границу»; но, за уничтоженіемъ (Вознесенскаго?) правленія, возвращены въ домъ свой и записаны въ мѣстечкѣ Екатеринополѣ въ числѣ *чиншовой шляхты.* Въ силу всего вышеизложеннаго, митрополитъ Кіевскій, полагая мнѣніе, что, хотя его, Ходзицкаго, *яко похитившаго священный чинъ внѣ отечества своего отъ посторонняго Архіерея*, да и вошедшаго въ сіе званіе изъ свѣтскаго состоянія, признать, по правиламъ св. отецъ, въ чинѣ священницкомъ *не должно*, а по указу св. Синода 1800 года, іюня 24, *слѣдовало бы лишить чина* и *отослать въ гражданское правительство*“: но такъ какъ получилъ онъ священство до изданія Высочайшаго манифеста 1801 года, апрѣля 2-го, «на каковомъ основаніи родной его, Ходзицкаго, братъ Максимъ Ходзицкій и два его товарища, Аверкій Кондрацкій и Прокопій Глодсковскій, достигнувшіе подобнымъ образомъ священства, оставлены уже въ ономъ по указу изъ св. Синода 1802 г., іюля 14», поэтому, приложивъ представленную грамоту, подлинную, и переводъ съ отпускной, митрополитъ Гавріилъ обратился съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ, что «по до-

---

[1]) Упраздненное и перенесенное въ 1800 г. въ Звенигородку, новый уѣздный городъ, замѣнившій въ этомъ смыслѣ Екатеринополь (Калниболота).

[2]) Гавріилу Банулеско.

вольному его почерка митрополита Ясскаго Іакова свѣдѣнію», не позволено ли будетъ оставить его, Корнилія, въ священствѣ, на томъ же, что и упомянутые священники, основаніи, и современемъ, судя по его поведенію, дать ему священническое мѣсто; а до тѣхъ поръ, буде согласится, «помѣстить въ причетническое званіе», или же, если не пожелаетъ вступить прежде въ оное, «отправить его въ Кіевское Губернское Правленіе *для обращенія въ первобытное состояніе*».

Святѣйшій Синодъ, въ указѣ отъ 13/xi 1803 г. на имя управляющаго Кіевской епархіей, епископа Чигиринскаго Ѳеофана, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ митрополита, добавивъ, что, если «находясь въ семъ званіи (причетническомъ), дѣятельнымъ исправленіемъ возложенной на него должности и честнымъ своимъ поведеніемъ окажетъ себя достойнымъ къ заступленію священническаго мѣста *и о томъ представитъ отъ прихожанъ одобреніе*, въ такомъ случаѣ можете Вы, разрѣша ему священнослуженіе, опредѣлить на священническое, по разсмотрѣнію Вашего преосвященства, мѣсто».

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ Корнилія Ходзицкаго въ дѣлѣ не имѣется. Кажется, такъ ему и не удалось священствовать.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Мѣры противъ холеры 1830 года. «Попечителя помѣщика Вольскаго, избраннаго для чувствительнаго предохраненія пагубной холеры морбубы (sic!) (morbus), приходскому Искрянскому [1]) священнику самонужнѣйшее

Препорученіе.

Всевышнему угодно было съ предлежащаго отечества (!) сослать пагубу и заразительную для человѣческаго рода болѣзнь холеру морбубы. Царствующій Государь Императоръ, всемилостивѣйшій и державнѣйшій Николай I, вмѣстѣ съ верхнимъ, отъ него жъ зависящимъ нашимъ начальствомъ, милостію отца отечества и чувствительнѣйшимъ своимъ попеченіемъ принялъ мѣры къ пресѣченію сей пагубной болѣзни, столь, сколь возможно человѣку разумомъ и осторожностію спасти себя отъ страданія. Пользуясь таковою монаршею милостію въ

---

[1]) Звенигородскаго уѣзда, близъ м. Шполы.

пользу общаго человѣколюбія, яко избранный попечитель къ лучшему и самоаккуратнѣйшему выполненію моего, на счетъ осторожности, распоряженія, имѣю честь требовать вспомоществованія (яко духовной персоны), и съ вашей стороны нужнаго, дабы во всякій праздникъ, при служеніи въ церкви, благоволили внушать прихожанамъ и другимъ, находящимся въ то время, лицамъ— *1-ое*, дабы никто ни подъ какимъ видомъ, ни предлогомъ не смѣлъ въ домъ свой принимать, хотя бы изъ наиближайшихъ селеній, безъ письменнаго вида отъ помѣщиковъ или ихъ экономій,—шатающихся лицъ и нищихъ—за никакими свидѣтельствами; *2-ое*, дабы чистота по домахъ и по дворахъ сохраняема была; *3-е*, дабы не покупать вещей, тѣмъ болѣе отъ лицъ, не имѣющихъ законныхъ свидѣтельствъ (и) шатающихся; *4-ое*, дабы тоже никто изъ жителей не токмо въ ярмарки, но и въ ближайшія мѣста и деревни не смѣлъ тайнымъ образомъ, безъ свидѣтельства мѣстной экономіи, отлучиться, ибо тѣмъ воли начальства нарушеніемъ можетъ навлечь изъ опасныхъ мѣстъ пагубу или же попасться въ арестъ и караульное себя водвореніе; 5),—на случай (Боже сохрани!) болѣзни заразительной холеры, которой суть слѣдующія примѣчанія, якъ-то: заворотъ головы; рвоты и тутъ же поносъ,—дабы всякій хозяинъ или житель мѣстный сейчасъ доносилъ мѣстной экономіи или же начальству своему для скораго употребленія мѣръ къ излеченію больного и къ отвращенію общей опасности: Всемогущій, подалъ способы,—недолжно жъ (не) пользоваться злоупотребленіемъ.

1830-го года, 23-го ноября. На подлинномъ, за № 51, подписано: «Попечитель помѣщикъ Вольскій». (Изъ церковнаго архива с. Искриной, звенигородскаго у.).

Сообщ. **Доманицкій**.

Мелочи изъ архива юго-западнаго края. 1) *Закрытіе Уманскаго Повѣтового Базиліанскаго училища въ ожиданіи холеры 28 ноября 1830 г.* Командиръ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса [1]), генералъ-лейтенантъ Ридигеръ, писалъ кіевскому военному губернатору генералъ-лейтенанту Княжнину:

Милостивый Государь Борисъ Яковлевичъ, въ городѣ Умани духовенствомъ уніатскаго костела воспитывается болѣе 700 дѣтей, кои

---

[1]) Расквартированъ въ уѣздѣ.

помѣщеніе имѣютъ весьма тѣсное, такъ что по 10 и 15 человѣкъ квартируютъ въ одномъ маломъ жильѣ; дѣти сіи, будучи обязаны въ нынѣшнюю распутицу приходить изъ отдаленныхъ мѣстъ въ классъ, подвергаются простудѣ, принимаемой за первоначальную причину холеры; непрерывное между ими сообщеніе, при заразительныхъ болѣзняхъ, можетъ имѣть пагубныя послѣдствія, и, наконецъ, въ случаѣ необходимости наложить на дома оцѣпленіе, трудно было бы подвергнуть дѣтей строгости карантинныхъ правилъ и досмотрѣть за точнымъ исполненіемъ оныхъ.

Соображая сіе обстоятельство съ другими мѣрами къ огражденію сколько возможно города отъ заноса и распространенія холеры, появившейся уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію дѣйствій оной, я полагаю весьма полезнымъ, чтобы уманское училище было на время закрыто и воспитанникамъ, кои имѣютъ возможность,—дозволено отправиться въ дома родителей, пока болѣзнь прекратится, въ исполненіи чего не можетъ встрѣтиться затрудненій, потому что заведеніе сіе есть партикулярное, курсъ наукъ коего не связанъ съ курсами другихъ публичныхъ училищъ и всѣ обучающіеся изъ ближнихъ мѣстъ,—каковая мѣра послужитъ къ спасенію многихъ изъ нихъ и къ вящей безопасности города.

Поставляя обязанностью сообщить о семъ на усмотрѣніе Вашего Превосходительства, покорнѣйше прошу, если мнѣніе мое признаете уважительнымъ, предписать кому слѣдуетъ объ исполненіи и о послѣдующемъ меня увѣдомить. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Федоръ Ридигеръ.

Генералъ Княжнинъ призналъ предположеніе генерала Ридигера совершенно соотвѣтственнымъ, предписавъ уманскому монастырю учебныя занятія прекратить и дѣтей распутить по домамъ, о чемъ, для надлежащихъ распоряженій, сообщено директору кіевской гимназіи, который имѣлъ высшее наблюденіе за классами при монастырѣ, именовавшимися Уманскимъ повѣтовымъ Базиліанскимъ училищемъ. (Училище состояло изъ приготовительнаго (начинающаго) и 6 другихъ классовъ. Комнатныхъ надзирателей было 12).

—

2) *Порфиръ, мѣдь и золото близъ деревни Янковцы, Махновскаго* [1]) *повѣта.* 6 марта 1841 года махновскій земскій исправникъ доносилъ генералъ-губернатору, что помѣщикъ селенія Янковецъ Гр. Т., въ присланномъ въ земскій судъ объявленіи, между прочимъ, пишетъ: «заимствуясь совѣтами людей, съ назначенія своего занимающихся собираніемъ свѣдѣній и описываніемъ полезныхъ въ государствѣ камней, основываясь единственно на ихъ усмотрѣніи и химической практикѣ, я достаточно удостовѣрился, что въ горахъ, принадлежащихъ къ деревнѣ Я.. и подъ цѣлою рудою имѣется земля въ качествѣ золота и мѣди, равно разнородный камень, называемый порфиръ отличной доброты, могущій быть употребляемымъ во всѣ свойственныя для того работы, и какъ нѣскольколѣтняя въ томъ практика достаточно въ справедливости сего увѣрила, то, предварительно приступа къ происходящимъ отъ того пользамъ, проситъ донести о томъ высшему начальству и назначить къ тѣмъ горамъ стражу».

Генералъ-губернаторомъ приказано исправнику удостовѣриться изъ подъ руки въ качествѣ ископаемыхъ (безъ употребленія однако же при томъ крестьянъ) и доставить въ Кіевъ образцы камней и 20 фунт. содержащей металлы земли. Помѣщику объявить, что охрана горъ лежитъ на его обязанности; въ чемъ полиціей будетъ оказываться возможное содѣйствіе. Въ виду глубокаго снѣга представленіе образцовъ отложено. Состоялось ли оно и каковы ископаемыя оказались—изъ дѣла не видно.

—

3) *Процессъ, веденный корпораціей кіевскихъ бѣдныхъ.* Въ 1863 году 120 кіевскихъ бѣдныхъ и калѣкъ (изъ нихъ 25 мужчинъ; женщины разнообразнѣйшихъ слоевъ общества: дворянки, чиновницы, солдатки и др.) предъявляютъ претензію къ наслѣдству безпотомно умершаго въ 1860 году полковника Орловскаго. По духовному завѣщанію 5500 рублей и вещей на 300 р. назначены на благотворительныя заведенія и для раздачи бѣднымъ разныхъ сословій. Завѣщаніе посвидѣтельствовано не было, но губернаторъ представилъ его въ Правительствующій Сенатъ для утвержденія.

Просители доказываютъ что мѣщанка Коростылева, простирающая претензію ко всему имуществу, предъявила подложную метрику и въ родствѣ съ покойникомъ не состояла. Кіевскій уѣздный судъ, по

---

[1]) Бердичевскаго уѣзда.

мнѣнію истцовъ, поступилъ пристрастно, въ противность указу Кіевской гражданской Палаты, выждавъ рѣшенія Магистрата и Сената. (Судъ имѣлъ въ виду солидный залогъ, предъявленный наслѣдницей).

Представители бѣдныхъ (выборные или самозванные) просили назначить къ оспариваемому имуществу опекуна (подполковника Зуевича—вѣроятно члена тогдашняго благотворительнаго общества?) Сенатъ по 3 Департаменту уничтожилъ рѣшеніе Кіевскаго нижняго суда, указавъ Палатѣ завѣщаніе посвидѣтельствовать, но повѣренный Коростылевой перенесъ дѣло въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ.

Бѣдные, однако же, духомъ не падали и въ 1864 г. свыше сорока женщинъ кіевскихъ пріютныхъ домовъ добивались «правъ своихъ». Изъ имѣющагося въ дѣлѣ донесенія Губернскаго правленія, отъ 8 февраля 1865 г., усматривается, что имущество, [1]) представленное Коростылевой, въ видѣ обезпеченія, при полученіи капиталала Орловскаго,—назначено въ продажу съ публичнаго торга, такимъ образомъ, надо думать, что бѣдные выиграли дѣло, но какимъ путемъ они осуществили свое право, кто былъ признанъ причастнымъ «къ корпораціи»—неизвѣстно.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Эпизодъ изъ польско-украинскихъ отношеній среди Петербургскаго студенчества въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ «Воспоминаніяхъ студенческаго времени» Л. Пантелѣева, печатающихся на страницахъ «Рус. Вѣдом.», находимъ два интереснѣйшихъ очерка (№№ 162 и 174), посвященныхъ польскимъ корпораціямъ и характеристикѣ польско-русскихъ отношеній въ 60-е годы. Въ петербургскомъ университетѣ для уроженцевъ Царства Польскаго существовало нѣсколько спеціальныхъ каѳедръ, которыя были заняты профессорами поляками; они читали на польскомъ языкѣ. Въ польской корпораціи, по словамъ автора, руководящую роль играли «короніажи» (koroniarze, т. е. родомъ изъ Царства Польскаго) не столько благодаря своему численному преобладанію, сколько въ силу исторической традиціи—фактическаго верховенства «короны» въ общественныхъ дѣлахъ. Студенты-поляки, осо-

---

[1]) Терлецкаго, въ кіевскомъ уѣздѣ, слобода Березовка, Севериновка тожъ.

бенно короніажи, держали себя, когда я вступилъ въ университетъ, совсѣмъ особнякомъ отъ русскихъ, никакого сближенія не было; самое большее, что допускалось,—при встрѣчахъ на лекціяхъ вѣжливый поклонъ. Студенты-поляки не принимали никакого активнаго участія ни на сходкахъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ (они бывали иногда на нихъ только въ качествѣ зрителей), ни въ выборахъ въ депутаты и редакторы и никогда не обращались за пособіями въ русскую кассу. Русскіе относились къ полякамъ безъ всякой враждебности, но тоже не искали сближенія; они какъ бы признавали за поляками естественное право на обособленность.

Но среди студентовъ-поляковъ выдѣлялся своими взглядами, отличными отъ взглядовъ большинства, одинъ выдающійся студентъ, В. Хорошевскій. «Я зналъ, пишетъ г. П—евъ, что поляки представляютъ себѣ Польшу не иначе, какъ въ границахъ «до разбора»; къ великому моему удивленію Хорошевскій выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно безусловныхъ правъ будущей Польши на Литву и «Юго-Зап. Край». Со временемъ оказалось, что Х—ій не только пользовался большимъ значеніемъ въ польской корпораціи, но имѣлъ многочисленныя знакомства между русскими студентами; кромѣ того, онъ посѣщалъ русскіе литературные кружки, бывалъ у Чернышевскаго, Добролюбова, скоро очень близко сошелся съ Костомаровымъ, его можно было встрѣчать въ редакціи *Основы*, такъ какъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что обоюдный интересъ требуетъ возможно большаго сближенія поляковъ и русскихъ. Эту идею онъ усиленно, хотя и безуспѣшно, проводилъ и въ корпораціи. «Въ то время, говоритъ г. П., какъ его товарищи поляки читали «Колоколъ» и Герцена только потому, что тамъ встрѣчался интересный обличительный матеріалъ, Хорошевскій, несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ Герцена, проникся идеями славянской федераціи, на принципѣ равноправности. Сначала онъ повелъ единичную пропаганду, а затѣмъ, въ видѣ пробнаго хода, выступилъ въ комитетѣ съ предложеніемъ выписывать «Колоколъ». Предложеніе было отклонено по слѣдующему мотиву: «Колоколъ» проводитъ соціалистическія идеи и идею славянской федераціи, а то и другое вредно для польскаго дѣла. Но самый ходъ жизни явился на поддержку идеямъ, съ пропагандой которыхъ выступалъ Х—ій. Въ подтвержденіе своихъ словъ, авторъ воспоминаній разсказываетъ о слѣдующихъ двухъ фактахъ: панихиды въ католическомъ соборѣ по пяти убитыхъ въ Варшавѣ при подавленіи манифестаціи 13-го февраля 1861 г., и по-

хоронахъ Шевченка. О предстоящей панихидѣ было своевременно извѣстно въ университетѣ, и на нее явилась масса русскихъ студентовъ, а также нѣкоторые изъ русскихъ профессоровъ, напр., Костомаровъ, Борисъ Утинъ и другіе; само собой понятно, что студенты-поляки были въ полномъ сборѣ, равно какъ и профессора-поляки. Было также много публики, конечно, главнымъ образомъ польской, такъ что обширный соборъ былъ переполненъ. Прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, но у меня и теперь какъ передъ глазами тотъ моментъ панихиды, когда для насъ, русскихъ, совершенно неожиданно раздалось пѣніе польскаго гимна и всѣ поляки въ одно мгновеніе пали на колѣни. И надо было видѣть возбужденное выраженіе ихъ лицъ! Одни точно изваянія стояли со взоромъ, обращеннымъ къ алтарю, у другихъ ручьемъ лились слёзы.

Вслѣдъ за панихидой состоялись похороны Шевченка. Имя его и теперь не особенно популярно между поляками, а при жизни они видѣли въ немъ лишь пѣвца братоубійственной розни и ненависти; но въ этотъ моментъ все было забыто, и польская корпорація въ полномъ составѣ проводила Шевченка на кладбище. Тамъ Хорошевскій отъ имени поляковъ сказалъ на польскомъ языкѣ очень умное и теплое слово; оно потомъ было напечатано въ *Основѣ*.

Но вотъ въ университетѣ прошелъ слухъ, что по поводу панихиды начинается слѣдствіе, что предполагаютъ привлечь къ отвѣтственности только студентовъ-поляковъ, а присутствіе русскихъ рѣшено игнорировать. Тогда русскіе студенты постановили: представить въ слѣдственную коммиссію подписные листы въ доказательство, что и они были на панихидѣ. Началось собираніе подписей. Помню, мой землякъ Первовъ проситъ дать ему подписаться.—Да вѣдь вы же не были.—Все равно, пусть будетъ болѣе подписей.—И думаю, что такихъ было не мало. Вѣроятно, освѣдомленный о томъ, что́ происходитъ въ университетѣ, пріѣзжаетъ попечитель, И. Д. Деляновъ, и какъ разъ наталкивается на студента Ш., у котораго въ рукахъ былъ одинъ изъ подписныхъ листовъ.—Покажите, что́ у васъ за бумага,—сказалъ попечитель.—Нѣтъ, не покажу,—отвѣтилъ Ш.— Я вамъ говорю какъ попечитель, покажите.—Нѣтъ.—Вы или покажите, или должны будете оставить университетъ.—Нѣтъ, не покажу.—Попечитель тотчасъ же уѣхалъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, чего домогался попечитель, сейчасъ же собралась сходка; на ней, тоже и ранѣе, самую главную роль играли покойные Н. А. Неклюдовъ и Чу-

бинскій (впослѣдствіи извѣстный своими статистическими и этнографическими изслѣдованіями); первый сказалъ крайне страстную рѣчь; второй, съ малороссійскимъ юморомъ, что называется по косточкамъ, разобралъ Ивана Давыдовича. Неизвѣстно, чѣмъ бы вся эта исторія кончилась, если бы не вмѣшались профессора. Долго И. Д. стоялъ на своемъ,—или онъ оставитъ попечительство, или Ш. долженъ покинуть университетъ; но, наконецъ, сдался: отказался отъ требованія объ удаленіи Ш. и согласился остаться попечителемъ.

Студенты поляки были тронуты рѣшеніемъ русскихъ студентовъ заявить, что и они присутствовали на панихидѣ. Въ корпораціи опять былъ поднятъ вопросъ о болѣе тѣсномъ сближеніи съ русскими, и на этотъ разъ предложеніе уже имѣло за себя внушительное число голосовъ; но комитетъ былъ по-прежнему противъ оффиціальнаго сближенія, однако сдѣлалъ уступку: допускалъ, что никому не могутъ быть поставлены въ упрекъ его личныя тѣсныя связи съ русскимъ студенчествомъ и участіе въ его дѣлахъ. Но это рѣшеніе такъ было дурно принято въ корпораціи, что заправилы комитета, видя, что имъ не остановить движенія, прибѣгли къ остроумному рѣшенію: закрыть корпорацію, какъ нѣчто оффиціально существующее, и предоставить всѣмъ и каждому поступать какъ ему угодно.

Не менѣе интересенъ разсказъ автора воспоминаній и о другомъ фактѣ русско-польскихъ отношеній студенческой среды. Въ мартѣ 1861 г. по инициативѣ русскихъ студентовъ и при дѣятельномъ участіи Хорошевскаго состоялось собраніе делегатовъ изъ русскихъ и польскихъ студентовъ. Оно происходило въ квартирѣ Н. А. Неклюдова въ Соловьевскомъ переулкѣ. Открылось оно чтеніемъ стиховъ, сочиненныхъ на этотъ случай Н. Утинымъ (ему же принадлежитъ посланіе къ М. И. Михайлову, написанное въ крѣпости). Потомъ Утинъ же произнесъ длинную и горячую рѣчь насчетъ братства и необходимости въ виду историческаго момента предать забвенію всѣ счеты прошлаго... Не помню, кто еще изъ русскихъ говорилъ; изъ поляковъ выдѣлился молодой Болеславъ (впослѣдствіи высланный въ Казань и давно умершій), блестящій ораторъ, и не смотря на свою молодость (онъ, кажется, былъ только на второмъ курсѣ) въ то время самый вліятельный въ корпораціи, если не считать Оскара Авейды. Поляки говорили вообще сдержаннѣе; не отклоняя протягиваемой руки, они однако во всѣхъ своихъ рѣчахъ подчеркивали, что у нихъ на первомъ планѣ стоитъ свое собственное дѣло—борьба за

освобожденіе Польши. На это Утинъ отвѣчалъ (а изъ русскихъ онъ больше всѣхъ говорилъ), что русская молодежь въ этомъ отношеніи вполнѣ на сторонѣ поляковъ. Тутъ я нашелъ, что пришла минута свести бесѣду на болѣе реальную почву, и предложилъ полякамъ высказаться насчетъ Литвы и Юго-западнаго края, такъ какъ,—говорилъ я,—отъ той или другой постановки этого вопроса зависитъ отношеніе русскаго общества къ польскому дѣлу. Не знаю, что́ отвѣтили бы поляки, но Н. Утинъ горячо сталъ возражать противъ моего запроса.—Здѣсь не мѣсто,—воскликнулъ онъ,—поднимать разговоръ о томъ, что́ до сихъ поръ раздѣляло поляковъ и русскихъ; мы собрались, чтобы установить сближеніе во имя общихъ цѣлей; у русской и польской молодежи, проникнутой демократическими идеями, не можетъ быть разногласія въ конечныхъ стремленіяхъ, и т. п. Утинъ увлекъ за собой остальныхъ русскихъ, и мой запросъ, никѣмъ не поддержанный, былъ, такъ сказать, снятъ съ очереди».

Дальнѣйшая судьба Х—аго была такова: Въ 1865 году онъ женился на чешкѣ, съ которою познакомился еще въ Прагѣ; въ томъ же году получилъ мѣсто профессора въ главной школѣ въ Варшавѣ; затѣмъ сталъ директоромъ одной изъ варшавскихъ гимназій; но здѣсь оказался plus royaliste que roi même и былъ переведенъ въ Харьковъ съ миссіей подтянуть одну изъ тамошнихъ гимназій. Однако въ исполненіи этой мисіи онъ пошелъ дальше, чѣмъ находило нужнымъ само высшее начальство, и подалъ въ отставку Потомъ дослуживалъ до пенсіи въ должности директора Волчанской учительской семинаріи. Умеръ въ концѣ 1900 года.

Объ уничтоженіи магистерской дисертаціи Н. И. Костомарова Въ «Салгирѣ» г. М. разсказываетъ исторію уничтоженія магистерской дисертаціи Н. И. Костомарова «О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи». Уничтожена была дисертація благодаря соединеннымъ стараніямъ профессора Устрялова, помощника попечителя харьковскаго округа кн. Цертелева и министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова. Предписаніе послѣдняго на имя попечителя округа гласило:

Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло, я нахожу:

1) что самый предметъ означенной дисертаціи, какъ по современности событій, относящихся къ уничтоженію у насъ уніи, такъ и

по многочисленности и запутанности возникающихъ изъ учрежденія и распространенія ею вопросовъ, прикосновенныхъ къ состоянію православной церкви и духовенству нашему не подлежатъ одобренію, и.

2) что многія мѣста дисертаціи, по неосновательности своей и недостатку яснаго критическаго взгляда на происшествія, изложенныя притомъ не всегда согласно съ историческою истиною, отнюдь не долженствовали быть пропущены къ напечатанію.

Вслѣдствіе сего поручаю вамъ, милостивый государь, членамъ перваго отдѣленія философскаго факультета, признавшимъ десертацію Костомарова удовлетворительною и одобрившимъ оную къ напечатанію, поставить на видъ несообразность такого съ ихъ стороны распоряженія, съ подтвержденіемъ быть впредь въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе, самую же дисертацію, по приказанію сочинителю испросить обратно розданные имъ преподавателямъ университета и нѣкоторымъ своимъ знакомымъ экземпляры, истребить, съ предоставленіемъ написать ему на степень магистра новую дисертацію и защищать ее публично на основаніи существующихъ правилъ».

По поводу письма г. Хоткевича въ „Литер.-Науков Вистныку“ (кн. 6-я). Читатели нашего журнала помнятъ, конечно, печатавшуюся въ прошломъ году статью С. Ефремова «Въ поискахъ новой красоты», въ которой авторъ критически отнесся къ представителямъ яко-бы декадентства въ украинской литературѣ, отмѣчая въ произведеніяхъ каждаго изъ нихъ мѣста, наиболѣе рѣзко характеризующія всѣ недочеты этого украинскаго декадентства. Печатая эту статью, мы были увѣрены въ томъ, что она вызоветъ возраженія, и были готовы принять участіе въ полемикѣ, т. к. вопросъ о новомъ и своеобразномъ направленіи въ литературѣ представляетъ большой интересъ, какъ со стороны теоретическихъ положеній въ эстетикѣ, такъ и состороны болѣе или менѣе удачнаго художественнато выполненія ихъ въ практической разработкѣ нашихъ украинскихъ писателей. Къ сожалѣнію, ожиданія наши оправдались далеко не въ той формѣ, на какую можно было разсчитывать. Первымъ откликнулся одинъ изъ подвергшихся разбору въ ст. С. Ефремова авторовъ, г. Хоткевичъ, приславшій намъ въ редакцію свое письмо, нисколько не освѣщавшее вопроса со стороны общихъ теоретическихъ взглядовъ и не дававшее никакихъ фактическихъ исправленій, но за то исполненное злобы и

яда, а также и неприличнхъ, плоскихъ остротъ по адресу автора статьи. Всякій легко пойметъ, что во всѣхъ отношеніяхъ было-бы неприлично нашей редакціи печатать подобное возраженіе и тѣмъ открывать на страницахъ своихъ дорогу къ тому тону полемики, которая только унижаетъ достоинство печатнаго органа. Думая, что г-мъ Хоткевичемъ это возраженіе было написано подъ вліяніемъ раздраженія, мы не желали ему со всей откровенностью сказать о неприличіи его тона и потому отвѣтили, что не печатаемъ его статью, т. к. находимъ неудобнымъ печатать возраженія, не дающія никакихъ фактическихъ поправокъ, а просимъ его помѣстить свою замѣтку въ какомъ-нибудь другомъ органѣ, потому что нами принято за правило не разводить полемики *pro и contra* на страницахъ своего журнала. Какъ оказывается теперь, г. Хоткевичъ попробовалъ дать свое возраженіе въ Литер.-Науков. Вистн., пославъ туда замѣтку подъ заглавіемъ «Клика въ редакціи Кіевской Старины». Уже одно заглавіе этой замѣтки свидѣтельствуетъ о томъ, насколько г. Хоткевичъ способенъ выдерживать спокойно-приличный тонъ въ полемикѣ. Благодаря этому тону въ замѣткѣ г. Хоткевича, редакція Литер.-Науков. Вистн. отказалась напечатать ее. Та-же участь постигла и обширную статью г. Хоткевича «Литературни переживання», посланную тоже въ Литер.-Науков. Вистныкъ: редакція отказалась печатать ее, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ на страницахъ своего изданія помѣщать полемику такого тона. И вотъ послѣ всего этого г. Хоткевичъ посылаетъ въ редакцію Литер.Науков. Вистныка краткое письмо, въ которомъ, по возможности въ сдержанноном тонѣ, знакомитъ публику съ происшедшимъ конфликтомъ. Оставляя въ сторонѣ такія выраженія, какъ статья Ефремова «здобула соби досыть *сумну популярнисть* на Украини»; «д. Ефремовъ *набрехавъ*» и пр.,—мы желаемъ только сказать теперь, что никакъ не можемъ согласиться съ г. Хоткевичемъ, будто ненапечатаніе нами его отвѣта есть «затуляння чужого рота». Если изъ *чужого рота* мы слышимъ разумныя и приличныя слова, то всегда для нихъ мѣсто открыто на страницахъ журнала; но если этотъ *чужой ротъ* изрекаетъ неподобающія словеса, то всякій признаетъ, что для нихъ подходящее мѣсто не въ печати, а гдѣ-нибудь въ болѣе соотвѣтствующей ихъ тону обстановкѣ. Равнымъ образомъ, не признаемъ за собой и той провинности, которую приписываетъ намъ г. Хоткевичъ, будто наша редакція «мае на мети щильно оберегаты чытачивъ видъ тлетворного духу *«новыхъ»* и корыстуется своимъ пра-

вомъ дужого». Скажемъ на это, что не считаемъ себя въ правѣ быть какими-то опекунами своихъ читателей и закрывать отъ нихъ тѣ факты научной, литературной и общественной жизни, съ которыми мы не согласны, но ставимъ себѣ въ обязанность, имѣя опредѣленный кругъ принциповъ, не уклоняться въ стороны и не повергать себя и своихъ читателей въ область шатаній и колебаній, но всегда отмѣчать то, съ чѣмъ мы согласны, и критиковать то, что идетъ въ разрѣзъ съ нашими взглядами.

Еще два слова. Г. Хоткевичъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что г-жа Ефименко, приславшая въ нашу редакцію замѣтку по поводу статьи С. Ефремова, не получила даже никакого отвѣта. Спѣшимъ по этому поводу оправдаться. Уважаемой нашей сотрудницѣ, А. Я. Ефименко, мы не считали себя въ правѣ отвѣтить обычнымъ краткимъ редакціоннымъ извѣщеніемъ, что замѣтка ея не можетъ быть напечатана; мы должны были ей подробно объяснить наши мотивы, что́ и было сдѣлано нами, во избѣжаніе длинной переписки, черезъ одного изъ ближайшихъ нашихъ сотрудниковъ, отправлявшагося въ Харьковъ. Если, какъ заявляетъ г. Хоткевичъ, А. Я. Ефименко за это обидѣлась на насъ, то покорно просимъ ее простить намъ эту невольную ошибку.

Ред.

К. П. Артемовскій-Гулакъ. *(Некрологъ).* 5 іюня въ г. Кишиневѣ умеръ Клеоникъ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, происходившій отъ Ивана Гулака, бывшаго въ 1674 году генеральнымъ обознымъ войска запорожскаго.

Сынъ популярнаго и талантливаго украинскаго поэта, бывшаго ректора харьковскаго университета, К. П. не былъ чуждъ малорусскихъ симпатій, но неблагопріятныя условія и служба внѣ Малороссіи не дали возможности этимъ симпатіямъ развиться широко и дать имъ то примѣненіе, котораго отъ покойнаго можно было ожидать.

Окончивъ харьковскій университетъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, К. П. служилъ по министерству юстиціи, занимая послѣдовательно разныя должности, при чемъ служилъ и въ должности судьи, и въ должности бессарабскаго областного прокурора, и предсѣдателемъ гражданскаго суда, а съ 1870 г. посвятилъ себя службѣ въ г. Кишиневѣ по мировой юстиціи, занимая до 1890 г. должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, и засимъ по день смерти состоялъ почетнымъ мировымъ судьей

Покойный Клеоникъ Петровичъ обладалъ выдающимися музыкальными способностями, посвящалъ музыкѣ все свободное время и,

пройдя школу у скрипача Вьетана, считался въ г. Кишиневѣ блестящимъ скрипачемъ-солистомъ. Послѣ его смерти осталась большая коллекція скрипокъ.

Покойный принималъ дѣятельное участіе въ созданіи его родственникомъ извѣстной оперетты «Запорожець за Дунаемъ». Говорятъ, что нѣкоторые номера этой оперетты написаны имъ почти цѣликомъ. Слышали мы отъ близкихъ покойному людей, что у него въ портфелѣ имѣется нѣсколько музыкальныхъ произведеній, готовыхъ къ печати, есть даже оконченная имъ опера на украинскую тему.

Надо надѣяться, что эти вещи не пропадутъ для потомства, и слѣдуетъ позаботиться о скорѣйшемъ изданіи ихъ.

Свое весьма крупное состояніе покойный К. П. завѣщалъ на дѣла благотворительности: разнымъ учебнымъ заведеніямъ, харьковскому университету; кишиневскому окружному суду и съѣзду мировыхъ судей на стипендіи для дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ (по 15,000 руб.), а также 10,000 руб. кишиневскому музыкальному обществу. Завѣщана значительная сумма и кіевскому кадетскому корпусу.

С. Ше—хинъ.

Текущія извѣстія.

Общество имени Т. Г. Шевченка. Общество имени Т. Г. Шевченка, для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, разослало своимъ членамъ отчетъ за 1902 годъ Изъ отчета усматривается, что общество въ теченіе отчетнаго года довольно интенсивно развивало свою дѣятельность какъ по привлеченію новыхъ членовъ, которыхъ увеличилось за годъ съ 279 до 411, такъ и по оказанію пособій учащимся. Въ прошломъ году было выдано правленіемъ общества пособій 91 лицу, учащимся въ 14 высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, всего 3864 руб.; нѣкоторымъ лицамъ было назначено по два и по три пособія, а четыре лица получали пособіе въ формѣ мѣсячной стипендіи въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ по 10 руб. въ мѣсяцъ. Наименьшій размѣръ пособій былъ въ 20 руб., а наибольшій въ 100 руб. Изъ 14 учебныхъ заведеній было оказано пособій учащимся: въ женскомъ медицинскомъ институтѣ 24 лицамъ, въ технологическомъ институтѣ 15 лицамъ, въ университетѣ 12 лицамъ, на рождественскихъ

фельдшерскихъ курсахъ 7 лицамъ, въ горномъ институтѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ, въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, получили пособіе по 6 лицъ, въ лѣсномъ институтѣ—5 лицъ, въ духовной академіи и институтѣ гражданскихъ инженеровъ по 3 лица, военно-медицинской академіи, въ электротехническомъ институтѣ, на курсахъ профессора Лесгафта и въ училищѣ при академіи художествъ по 1 лицу.

О высоко-гуманной задачѣ общества имени Шевченка не приходится говорить, она слишкомъ очевидна, однако по отчету приходится констатировать тотъ фактъ, что наше южно-русское общество, а также общественныя учрежденія Юга Россіи слишкомъ индеффе-рентно относятся къ этому симпатичному учрежденію. Изъ отчета усматривается, что правленіе общества, желая установить рессурсы на болѣе твердныхъ основаніяхъ, обращаясь въ минувшемъ году за помощью къ общественнымъ учрежденіямъ—въ городскія, уѣздныя и губернскія земскія управы Южной Россіи и получило весьма неутѣшительные результаты: только шесть учрежденій отозвались на призывъ правленія и въ той или иной формѣ пришли на помощь обществу. Характерно то, что въ числѣ учрежденій, отозвавшихся на призывъ правленія отсутствуютъ совершенно учрежденія тѣхъ губерній, которыя даютъ сравнительно большій контингентъ нуждающихся въ пособіи молодыхъ людей. Изъ опубликован. отчета видно, напримѣръ, что уроженцамъ черниговской губерніи было назначено пособій 21 лицу (ни одно земское или городское учрежденіе этой губерніи не пришло на помощь обществу), уроженцамъ кіевской губерніи— 9 лицамъ (тоже), херсонской—9 лицамъ (тоже), подольской—7 (тоже), харьковской—7 (тоже); рядомъ же съ этимъ, заслуживающимъ лучшей участи отношеніемъ учрежденій перечисленныхъ губерній видимъ, что аккерманская городская управа и уѣздное земское собраніе постановили: первая вступить въ члены общества имени Шевченка, а второе выдать изъ остатковъ въ пособіе обществу 100 рублей, между тѣмъ бессарабская губернія въ лицѣ ввспитанниковъ, пользовавшихся пособіемъ общества, отсутствуетъ...

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ аккерманскихъ общественныхъ учрежденій оказали пособіе обществу еще слѣдующія учрежденія: екатеринославское губернское земское собраніе, роменская земская и хорольская городская управа (уроженцамъ полтавской губерніи были выданы пособія 23 лицамъ) и симферопольское земское собра-

ніе. Вотъ и всѣ наши южныя общественныя учрежденія, которыя такъ или иначе оцѣнили задачи симпатичнаго по идеѣ общества.

Такимъ образомъ, правленіе вполнѣ основательно замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ, что на общественную помощь въ настоящее время еще нельзя возлагать особыхъ надежъ, правленіе считаетъ единственнымъ вѣрнымъ источникомъ благотворительныхъ средствъ членскіе взносы. Но въ данное время приходится констатировать даже такой печальный фактъ—крайне не аккуратное поступленіе членскихъ взносовъ отъ лицъ, числящихся членами общества съ самаго его возникновенія.

Несомнѣнно, устраненіе этого ненормальнаго явленія крайне желательно и намъ кажется, что только въ такомъ случаѣ общество можетъ считать «наиболѣе вѣрнымъ источникомъ пріобрѣтенія благотворительныхъ средствъ—членскіе взносы».

Въ настоящее время правленіе общества сильно озабочено пріобрѣтеніемъ необходимыхъ средствъ для устройства столовой и хотя небольшого интерната для учащихся женщинъ Южной Россіи, средства для этой цѣли собираются спеціально, и въ настоящее время общество располагаетъ суммой до 800 рублей (къ февралю 1903 года), черезъ годъ-другой правленіе разсчитываетъ, что средства достигнутъ такого размѣра, что явится возможность осуществить задачу устройства столовой и интерната. Естественно, что скорѣйшее осуществленіе этой послѣдней задачи также вполнѣ зависитъ отъ нашего общества, которое должно проникнуться важностью и необходимостью этихъ институцій на далекомъ Сѣверѣ, для нашего молодого поколѣнія и оказать матеріальную помощь обществу имени Т. Г. Шевченка, хотя бы черезъ устройство благотворительныхъ концертовъ, спектаклей и т. п., какъ это было сдѣлано въ прошломъ году въ Севастополѣ, Екатеринославѣ и Кіевѣ, и просто частными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣромъ; придти на помощь обществу обязываетъ каждаго сознательнаго гражданина, независимо отъ цѣли учрежденія, память о «геніальномъ горемыкѣ», подъ патронатомъ котораго состоитъ благотворительное общество.

Всякія пожертвованія и членскіе взносы слѣдуетъ направлять казначею общества имени Т. Г. Шевченка П. О. Катериничу (С.-Петербургъ, Невскій, 70) («Вѣстн. Юга,» 445).

Преміи имени Н. В. Гоголя. Въ засѣданіи полтавскаго экстреннаго губернскаго собранія 30 апрѣля с. г. докладывались выработан-

ныя по порученію собранія положенія о преміяхъ имени Н. В. Гоголя. По проэкту премируются лучшія сочиненія по слѣдующимъ отдѣламъ: историческія изслѣдованія, разъясняющія основныя вопросы исторіи всей южной Россіи, этнографическія ислѣдованія, касающіяся народнаго быта въ предѣлахъ Старой Малороссіи и главнымъ образомъ въ Полтавщинѣ, и археологическія изслѣдованія разнообразныхъ памятниковъ въ предѣлахъ полтавской губерніи. Премія въ 1000 р. по исторіи, а по этнографіи и археологіи по 500 р., выдаваемыя черезъ каждыя 5 лѣтъ по присужденію Академіи Наукъ. Предпочтеніе при назначеніи преміи должно отдаваться научнымъ трудамъ, по изложенію доступнымъ для пониманія широкихъ общественныхъ круговъ. Выдача первыхъ премій пріурочивается къ 1906 году. Для этой цѣли вносится, по постановленію прошлаго собранія, въ смѣту по 300 рублей въ теченіе пяти лѣтъ. Собраніе утвердило проэктъ. («Хуторянинъ» № 21).

Программа торжества открытія памятника И. П. Котляревскому. Состоявшееся 17 іюня засѣданіе майской сессіи полтавской думы почти всецѣло посвящено было разсмотрѣнію выработаннаго управой и особой комиссіей проекта торжества открытія памятника И. П. Котляревскому и нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся завершенія устройства памятника. По утвержденіи предположенія комиссіи, чтобы открытіе памятника было пріурочено къ дню рожденія поэта—30—31 августа, думѣ доложена была самая программа чествованія. Первый день торжества (30 августа) комиссія рѣшила заполнить такимъ образомъ. 1) въ часъ дня освященіе памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго, при участіи представителей администраціи, духовенства, земства, дворянства и учащихся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) освященіе и открытіе памятника Котляревскому въ городѣ; 3) торжественное засѣданіе городской думы въ просвѣтительномъ зданіи имени Н. В. Гоголя въ $7^1/_2$ часовъ вечера: а) открытіе засѣданія привѣтственной рѣчью городского головы, б) чтеніе краткой исторической записки и отчета управы по сооруженію памятника, в) рѣчь о художественно-литературномъ значеніи произведеній И. П. Котляревскаго и его заслугахъ и г) пріемъ привѣтствій и поздравленій отъ учрежденій, обществъ и лицъ.

Второй день торжества, по мнѣнію комиссіи, долженъ состоять въ слѣдующемъ: 1) общедоступное литературно-вокальное утро комиссіи народныхъ чтеній въ просвѣтительномъ зданіи Гоголя въ часъ дня, по слѣдующей программѣ: а) чтеніе біографіи И. П. Котляревскаго, б) туманные картины, связанныя съ именемъ, жизнью и дѣятельностью поэта и в) кантата, посвященная памяти поэта И. П. Котляревскаго, написанная извѣстнымъ композиторомъ Н. В. Лисенко; 2) въ 4—5 часовъ пополудни въ томъ же зданіи или въ одномъ изъ мѣстныхъ клубовъ обѣдъ отъ города для почетныхъ гостей и для желающихъ, по подпискѣ; 3) торжественный спектакль, состоящій изъ драматическихъ произведеній поэта-писателя, въ просвѣтительномъ зданіи въ 8 часовъ вечера, сборъ съ котораго предназначается на образованіе фонда на открытіе городской народной школы имени И. П. Котляревскаго

Дума единогласно одобрила приведенную программу, давъ при этомъ комиссіи по организаціи торжества полномочіе пригласить отъ имени городского управленія въ числѣ другихъ почетныхъ гостей композитора Лисенко и просить его вмѣстѣ съ тѣмъ, если возможно, руководить исполненіемъ написанной имъ кантаты въ память Котляревскаго. Комиссіи предоставлено также пригласить одного изъ ученыхъ прочесть рѣчь о значеніи твореній И. П. Котляревскаго.

На осуществленіе утвержденной программы дума ассигновала 1000 р., отнеся этотъ расходъ, сообразно указанію городской управы на счетъ запасного капитала. Комиссія признала токже безусловно желательнымъ выходъ ко дню открытія памятника нижеслѣдующихъ изданій: 1) альбома 12 иллюстрацій къ «Энеидѣ» Котляревскаго, художника Мартиновича, 2) портрета Котляревскаго, изъ терракота, издѣлія г, Зарѣцкаго, 3) бюста поэта меньшей и большей величины, работы Миргородской художественной имени Гоголя школы и 4) металлическаго жетона съ портретомъ Котляревскаго, съ одной стороны, и видомъ памятника—съ другой.

По приблизительному подсчету, всѣ эти изданія должны были-бы вызвать со стороны города расходъ не менѣе, чѣмъ въ тысячу рублей, между тѣмъ гарантіи въ удовлетворительности сбыта этихъ вещей комиссія не представила, въ виду чего дума, послѣ непродолжительнаго обмѣна мнѣній, рѣшила отклонить предложеніе о выпускѣ въ свѣтъ какъ альбома рисунковъ Мартиновича, такъ и остальныхъ трехъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ заявилъ членъ управы Маркевичъ,

терракотовыя портреты и бюсты Котляревскаго будутъ, вѣроятно выпущены въ продажу ко времени открытія памятника губернскимъ земствомъ. Что же касается жетоновъ, то они, вѣроятно, будутъ, все-таки, изготовлены если не комиссіей по устройству торжества, то частнымъ предпринимателемъ.

Принято предложеніе комиссіи просить губернское земство безвозмездно предоставить въ распоряженіе города 5 тысячъ экземпляровъ изданной имъ біографіи Котляревскаго. Членъ управы Маркевичъ сообщилъ, что комиссія заказала фотографу Хмелевскому партію снимковъ съ горельефовъ для памятника Котляревскому, которые рѣшено распространить въ публикѣ, при чемъ барышъ отъ этой сдѣлки также пойдетъ въ фондъ на постройку народной школы имени Котляревскаго.

На торжество открытія памятника Котляревскому въ Полтаву будутъ приглашены въ качествѣ почетныхъ гостей многія иногороднія лица, принимавшія горячее участіе въ дѣлѣ осуществленія мысли о постройкѣ памятника, и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ изъ славянскихъ земель, горячо откликнувшихся на призывъ о пожертвованіи на памятникъ украинскому поэту. Кромѣ того въ предстоящемъ торжествѣ примутъ участіе представители духовенства, администраціи, земства, города и учебнаго вѣдомства, а также учащіеся городскихъ начальныхъ школъ и, быть можетъ, воспитанники и воспитанницы среднеучебныхъ заведеній. («Полт. Вѣстн.», № 154 и 155).

Малороссы въ Уссурійскомъ краѣ. По сообщенію корреспондента «Спб. Вѣдом.» главный контингентъ переселенцевъ въ Уссурійскій край составляютъ малороссы. По оффиціальнымъ даннымъ съ 1883 года по 1-е января 1900 г сюда пришло 40,093 уроженца малороссійскихъ губерній, а всего переселенцевъ за это время было 41,278 человѣкъ, т. е. число малороссовъ достигаетъ 97% всего числа переселенцевъ въ Уссурійскій край. За періодъ съ 1900 г. по 1902 г. точныхъ данныхъ о числѣ и этнографическомъ составѣ переселенцевъ въ Уссурійскій край нѣтъ, но указанное выше соотношеніе этнографическаго состава переселенцевъ если и измѣнилось, то въ сторону усиленія малорусскаго элемента.

Какъ извѣстно, малороссъ у себя на родинѣ—сторонникъ подворной формы землевладѣнія. Въ Уссурійскомъ же краѣ, какъ и вообще

во всей Сибири, всѣхъ переселенцевъ, въ томъ числѣ и малороссовъ, надѣляютъ землей на общинномъ началѣ. Искуственно привить форму землевладѣнія, конечно, нельзя, и переселенцы малороссы съ первыхъ шаговъ своей жизни въ Уссурійскомъ краѣ стараются приблизиться къ знакомой имъ формѣ подворнаго землевладѣнія: надѣльная земля подвергается захвату, появляются заимки, хуторы. Въ результатѣ выходитъ то. что на участкѣ въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли всѣ удобныя пространства, наиболѣе легкія для распашки, попадаютъ во владѣніе одного-двухъ десятковъ переселенческихъ семей въ первый—во второй годъ послѣ ихъ водворенія. Объясняется это особымъ пониманіемъ переселенцевъ-малороссовъ права заимочнаго пользованія землей. Сибирякъ, по словамъ корреспондента, занятыми считаетъ только тѣ земли, къ которымъ владѣлецъ ихъ приложилъ и продолжаетъ прилагать свой трудъ. Заимочное пользованіе землей у малороссовъ Уссурійскаго края не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названія, съ таковымъ же у сибиряковъ. Если малороссь, придя на переселенческій участокъ владѣетъ парой воловъ, то онъ закладываетъ ихъ въ плугъ и въ одну борозду, опахиваетъ столько понравившейся ему земли, сколько вздумается. И разъ малороссъ въ одну борозду опахалъ землю, то онъ уже считаетъ ее своей заимкой, хотя бы изъ всего опаханнаго пространства обработанной имъ самимъ земли не было и одной десятины. Захватъ сѣнокосныхъ угодій онъ производитъ еще болѣе легкимъ способомъ: всю прельстившую его луговину онъ окашиваетъ въ одинъ рядъ, и заимка готова.

Еслибы кто-нибудь указалъ малороссу, что занятыхъ имъ земель онъ не въ состояніи использовать не только въ ближайшія 10 лѣтъ, но и въ 20—25, то услыхалъ бы отъ малоросса, что «заимку» онъ дѣлаетъ не для себя и не для своихъ дѣтей, а для внуковъ и правнуковъ. На замѣчаніе, что вслѣдствіе такого захвата другимъ переселенцамъ должны достаться малоудобныя земли, малороссъ хладнокровно отвѣчаетъ: «сами виноваты, приходили бы раньше».

Такъ своеобразно-понимаемое малороссами право заимки вызываетъ массу ссоръ, несогласій и вражды, особенно на первыхъ порахъ. Въ дальнѣйшей же жизни деревни, по словамъ автора замѣтки, на такихъ захватахъ, прежде всего, возникаетъ имущественное неравенство, которое, конечно, существуетъ и въ Уссурійскомъ краѣ, хотя здѣсь оно проявляется не въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ въ Европейской Россіи. Интереснымъ является тотъ фактъ, что до самаго по-

слѣдняго времени хуторское хозяйство у малороссовъ Уссурійскаго края не имѣло подъ собой легальной почвы: земли, несмотря на захватъ, фактически сдѣлавшій ихъ частною собственностью отдѣльныхъ лицъ, de jure продолжали считаться общинными и во всякій моментъ могли поступить въ передѣлъ, разъ того пожелаютъ 2/3 извѣстнаго сельскаго общества. Только съ 1900 г., когда предоставлено было право крестьянамъ Уссурійскаго края, владѣющимъ на общинномъ началѣ землей, передѣлять ее на хуторъ,—только съ того времени явилась возможность дать юридическое основаніе, придать законный видъ той формѣ землевладѣнія, которая фактически уже давно существовала у малороссовъ Уссурійскаго края.

Психозъ на религіозной почвѣ. «Спб. Вѣдом.» со словъ «Правосл. Путев.» сообщаютъ о слѣдующемъ фактѣ изъ религіозной жизни малорусскаго народа. Въ с. Петрокуровѣ объявилась «малеванская богородица», Марина, которая о своемъ превращеніи въ «богородицу" разсказываетъ такъ.

«Въ среду я чистила картошку: вдругъ моя комната засіяла, и я увидѣла голубя; онъ сѣлъ у меня на правомъ плечѣ и сказалъ: „открой ротъ»; я открыла, и онъ влетѣлъ въ меня, послѣ чего у меня въ правой груди, подъ ребрами, родился Христосъ, и взяла меня великая радость, я чувствую и теперь, какъ Христосъ трепещетъ у меня въ груди». Съ этого времени Марина бросила всякую домашнюю работу и, находясь въ особомъ возбужденномъ состояніи, часто пророчествовала, что она—Марина—непорочная дѣвица, Христа родила и проч.,—хотя у нея своихъ дѣтей имѣлось трое. Въ народѣ скоро пронесся слухъ, что на хуторахъ «жинка просвятылась: Хрыстомъ зробылась», или проще: «изъ жинки чоловикъ зробывся». И пошли къ Маринѣ сперва родичи, потомъ штундисты; изъ любопытства повалилъ толпами, на повозкахъ и верхомъ, и православный народъ. Штундисты заволновались и, долго, не думая, стали признавать Марину то за Богородицу, то даже за Отца небеснаго или Христа: „смотрите, чтобы вы не ошиблись: это—Христосъ", говорилъ одинъ сектантъ невѣрующимъ въ Марину православнымъ.

У хаты „богородицы" собрались сектанты, которые просили привратниковъ доложить отцу небесному, т. е. Маринѣ, что они просятся въ царство или рай. Кого Марина допускала, тѣмъ привратники

объявляли: «идите, отецъ небесный благословляетъ войти вамъ въ царство». Входившій у порога падалъ на колѣни и на колѣняхъ ползъ къ богородицѣ и цѣловалъ ей руки и ноги, а Марина благословляла его, подымая надъ нимъ два пальца, и за симъ каждый раскрывалъ ротъ, а Марина плевала ему въ ротъ и спрашивала: «а сладкій мой ароматъ?» или «сладкое мое бреніе?»—Сладко, отвѣчали тѣ. «Вѣруйте же, что въ моей груди Христосъ воскресъ». А одинъ изъ свидѣтелей показывалъ, что Марина не только плевала, а и харкала въ ротъ своимъ почитателямъ: черезъ это харканье и плевки Марина сообщала имъ Святаго Духа. Когда собралось много почитателей, Марина одѣла рубаху мужа и заплела волосы на головѣ въ одну косу. Затѣмъ пѣли „Христосъ Воскресе», плескали въ ладоши, кружились, брались за руки, цѣловали богородицу и безсмысленно кричали: «планъ, планъ! труба, труба; козловъ, козловъ! Тройца, тройца!», причемъ подымали Марину на рукахъ вверхъ, до потолка, а она складывала обѣ руки ладонями вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пальцами и языкомъ Марина представляла игру на дудкѣ и приговаривала: «Марина грае, а Даныло гуляе». Въ это время Данила Діор—а, какъ Давидъ передъ ковчегомъ, скакалъ по хатѣ, а за Даниломъ, еле двигая ногами, плясала 70-лѣтняя вдова старуха По—чыха, приговаривая: „гопъ, гопъ!» Въ этомъ сбывалось пророчество малеванца Кузьмы-пророка, который говорилъ: «если послѣдуете за мною, то вамъ всѣмъ будетъ по 17 лѣтъ». Такъ и вышло: и старые, и малые танцовали.

Перепечатавъ это сообщеніе, газета „Южн. Край (№ 7755) задается вопросомъ; „Кто же виноватъ, что религіозныя исканія малеванцевъ направляются не туда, гдѣ они могли бы найти себѣ полное удовлетвореніе“.

Украинскій театръ. Г.г. Карпенко-Карый, Саксаганскій и Садовскій, стоящіе во главѣ извѣстнаго «товарищества малорусскихъ артистовъ, объявили преміи за оригинальныя пьесы изъ малорусской жизни, признанныя, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, подходящими для постановки на сценѣ. Въ настоящее время прислано на конкурсъ свыше десяти пьесъ, но ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ условіямъ художественности. Прежде всего, огромное большинство пьесъ представляютъ собою «погудки на старый ладъ», проще— замаскированныя передѣлки существующихъ уже малорусскихъ пьесъ,

а затѣмъ никакихъ художественныхъ элементовъ въ себѣ не заключаютъ. При этомъ авторы пьесъ изобличаютъ весьма слабое знаніе народной жизни и малорусскаго языка.

На-дняхъ драматической цензурой разрѣшена къ постановкѣ новая малорусская пьеса мѣстнаго автора Я. Н. Уралова «Сонъ бабы Педоркы» («На прощу»), комедія въ 4 дійств. съ пѣніемъ и танцами. Пьеса бытовая изъ жизни Полтавщины, рисующая нѣкоторые типы современной деревни. Авторъ, намѣренъ послать свою пьесу товариществу малорусскихъ артистовъ объявившему преміи за оригинальныя пьесы изъ малорусской жизни. («Полт. Вѣстн.», № 138»).

Къ составленію исторіи г. Харькова. Харьковская городская дума, какъ извѣстно, поручила профессору Д. И. Багалѣю составленіе исторіи г. Харькова зя 250 лѣтъ его существованія—съ 1655 по 1905 г. Закончивъ составленіе первой части исторіи города—въ XVII и XVIII вѣкахъ, Д. И. Багалѣй приступилъ теперь къ обзору его жизни за истекшій XIX вѣкъ. Желая придать своему труду возможную полноту, внести въ него данныя о развитіи всѣхъ учрежденій, стоявшихъ и стоящихъ въ связи съ матеріальною, умственною и нравственною культурою города, чтобы, такимъ образомъ, имѣть фактическій матеріалъ для опредѣленія общаго хода его развитія, Д. И. Багалѣй обратился въ настоящее время къ мѣстнымъ правительственнымъ, сословнымъ и общественнымъ учрежденіямъ съ просьбой о доставленіи ему матеріаловъ Д. И. Багалѣю необходимо получить точныя свѣдѣнія объ основаніи того или иного учрежденія и его дальнѣйшей судьбѣ, о развитіи его дѣятельности (съ приведеніемъ статистическихъ данныхъ, если таковыя имѣются) и, наконецъ, о его современномъ состояніи по сравненію съ прежнимъ временемъ; желательно, чтобы названы были лица, бывшія его иниціаторами или способствовавшія его росту и процвѣтанію своимъ личнымъ трудомъ и пожертвованіями. Трудъ профессора Д. И. Багалѣя ведется по обширной программѣ и полное осуществленіе этой послѣдней будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того сочувствія, съ какимъ встрѣчено будетъ упомянутое обращеніе. («Южн. Кр.», № 7748).

Ученая командировка. Профессоръ университета св. Владиміра Павлуцкій на лѣтнее каникулярное время сего года командированъ министерствомъ народного просвѣщенія въ города, мѣстечки и села юго-западнаго края съ цѣлью собранія на мѣстѣ и изученія памятниковъ церковной старины въ правобережной Малороссіи, въ видахъ подготовленія матеріала для предстоящаго археологическаго съѣзда въ губернскомъ гор. Екатеринославѣ. (Волынь, № 102).

Пополненіе музея древностей при Харьковскомъ университетѣ Во время пребыванія профессора Д. И. Багалѣя въ Петербургѣ предсѣдатель Императорской археологической коммиссіи графъ Бобринскій подалъ ему надежду на пополненіе музея древностей харьковскаго университета коллекціями коммиссіи по тѣмъ отдѣламъ, которые или совершенно отсутствуютъ въ университетскомъ музеѣ, или представлены въ немъ очень слабо, напримѣръ, древностями классическими (Херсонесъ, Ольвія и т. под.), скиѳо-сарматскими, варварскими—эпохи великаго переселенія народовъ, славяно-русскими и т. д. Если эта надежда осуществится, то въ такомъ случаѣ въ музеѣ харьковскаго университета будутъ собраны не только мѣстныя древности, но и древности разныхъ эпохъ другихъ мѣстностей. («Южн. Кр.», № 7748).

О раскопкахъ Д. И. Эварницкаго. За послѣднее время профессоромъ Д. И. Эварницкимъ былъ произведенъ рядъ весьма важныхъ въ археологическомъ отношеніи раскопокъ въ уѣздахъ Павлоградскомъ и Новомосковскомъ. Изъ всѣхъ этихъ раскопокъ наибольшій интересъ представляетъ раскопка въ селѣ Афанасьевкѣ близъ рѣки Орели, Новомосковскаго уѣзда, въ имѣніи полковника С. А. Ильяшенка. При вскрытіи кургана *найдена была двухколесная боевая колесница* окрашенная яркой карминной краской, съ различными украшеніями и желѣзной оковкой. Подъ колесомъ колесницы былъ найденъ большой мѣдный кувшинъ съ ручкой, а ниже его, въ такъ называемомъ «черномъ пятнѣ», былъ обнаруженъ женскій скелетъ, повидимому, царственной особы.

При скелетѣ найдены: подъ самой головой большое бронзовое зеркало замѣчательной восточной орнаментаціи и съ остатками волосъ отъ головы; на лѣвомъ плечѣ находились два большіе золотые аграфа, тонкой художественной работы, въ видѣ короны, украшенные эмалью,

крупнымъ жемчугомъ и съ восточными надписями; большая золотая звѣзда, орнаментированная крупнымъ жемчугомъ, большая золотая фибула со стекломъ, въ золотой оправѣ: остатки золототканной парчи, шитой серебромъ и нитями жемчуга, а также украшенной 17 золотыми звѣздами, кромѣ того, длинная серебряная булавка.

Въ лѣвой рукѣ скелета находился большой серебряный ковшъ, замѣчательной художественной работы восточнаго стиля съ ручкой, представляющей голову фантастическаго звѣря; на правой рукѣ сохранился золотой превосходной работы перстень съ крупнымъ, дорогимъ камнемъ; тутъ же возлѣ правой руки на серебряной цѣпочкѣ были привѣшены серебряная, тонкой работы, ложечка, въ видѣ систочка и маленькая серебряная ложечка для чистки ушей, а также двѣ изящныя серебряныя тонкія проволочки, для чистки зубовъ. Съ остатками парчи найдены были нити крупнаго и мелкаго жемчуга вмѣстѣ съ бусами, затѣйливой художественной композиціи.

Наконецъ, нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ пуговицъ, нашитыхъ на парчѣ. Всѣ эти цѣнныя и интересныя находки любезно принесены г. С. А. Ильяшенкомъ въ даръ областному музею имени А. Н. Поля.

Кромѣ вышеописаннаго кургана большого вниманія заслуживаютъ раскопки въ имѣніи А. Н. Гана и М. Н. Лалосма, въ Шандровкѣ и Татарбранкѣ. Въ одномъ изъ кургановъ Гана открытъ—большой дубовый срубъ, въ формѣ восьмиугольника, полтора аршина глубины и 11 саженъ въ окружности; подъ срубомъ, въ чорномъ пятнѣ, открытъ челнъ (ладья), выдолбленный изъ цѣльнаго дуба. Въ ладьѣ находился человѣческій скелетъ и подлѣ нея скелетъ лошади съ удилами въ зубахъ и остатками сѣдла. При самомъ скелетѣ найдены: желѣзное копье, стрѣлы, длинный берестовый колчанъ, на ногахъ, ниже колѣнъ, въ видѣ украшенія небольшія металлическія чашечки, остатки кинжала, ножа и другихъ боевыхъ принадлежностей.

Въ другомъ курганѣ, такого же типа, также найдено погребеніе въ челнѣ, но безъ коня. При скелетѣ открыты прекрасной работы длинныя серебряныя съ подвѣсками серьги. Кромѣ того, найдены были серьги безъ подвѣсокъ, но съ крупнымъ жемчугомъ и съ остатками засохшаго уха. Далѣе найдено было нѣсколько серебряныхъ пуговицъ, мѣдная удочка тонкой работы, золотыя массивныя подвѣски, желѣзныя стрѣлы, копья, ножи и бронзовое зеркало, украшенное восточнымъ орнаментомъ, привѣшенное на шелковыхъ снуркахъ. Весьма большое значеніе для опредѣленія времени народности, жившей въ

данной мѣстности, имѣютъ нѣсколько *серебряныхъ монетъ*, найденныхъ въ курганѣ. Всѣ эти курганы съ приблизительной точностію можно отнести къ XI и XII вѣкамъ послѣ Рождества Христова. Въ имнѣніи Гана же, въ одномъ изъ кургановъ, открытъ весьма оригинальный черепъ, въ которомъ не оказалось ни единаго зуба и ни единой лунки для зубовъ; нужно полагать, что этотъ черепъ принадлежитъ весьма глубокому старику. Рядомъ съ имѣніемъ г. Ильяшенка произведены раскопки въ имѣніи С. Н. Родзянко «Попасномъ». Здѣсь вскрыто болѣе 10 кургановъ, изъ которыхъ большинство оказалось каменнаго вѣка, неолитической эпохи. Во всѣхъ этихъ курганахъ найдено было множество посуды, самой примитивной, ручной, безъ станка, работы. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ могилъ не оказалось у скелетовъ правой и лѣвой ноги до самаго колѣна. Въ одной, въ Попасномъ, открыто было погребеніе болѣе близкой къ нашему времени эпохи.—Открытъ скелетъ воина и при немъ взнузданнаго коня, съ сѣдломъ, со стременами, длиннымъ копьемъ, съ желѣзными стрѣлами съ большимъ желѣзнымъ яуромъ съ лѣвой руки, съ мѣдными ушными привѣсами и кожанымъ «гаманомъ», въ которомъ оказался кремень и огниво Всѣ эти находки также поступили въ даръ областному музею имени А. Н. Поля. (Вѣстн. Юга, № 444).

Подготовка къ XIII археологическому съѣзду. Комитетъ по устройству въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда разсылаетъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ циркуляры, въ которыхъ, придавая громадное культурное значеніе предстоящему въ 1905 году въ Екатеринославѣ археологическому съѣзду, выражаетъ увѣренность, что съѣздъ, при которомъ будутъ устроены археологическая и этнографическая выставки, принесетъ въ культурномъ отношеніи громадную пользу краю и областному музею имени А. Н. Поля. Далѣе комитетъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что до послѣдняго времени всѣ археологическіе съѣзды устраивались въ университетскихъ городахъ, дающихъ значительный контингентъ профессоровъ, историковъ и этнографовъ, входящихъ, обыкновенно, въ составъ комитетовъ по устройству археологическихъ съѣздовъ. Въ Екатеринославѣ, за отсутствіемъ такихъ ученыхъ силъ, комитетъ по устройству съѣзда организованъ изъ представителей общественныхъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій, изъ про-

фессоровъ высшаго горнаго училища и учащихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Главная же надежда возлагается на предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ, которые, понимая всю важность изученія родного края, могутъ оказать существенную поддержку въ дѣлѣ устройства съѣзда, а потому комитетъ въ первомъ же своемъ засѣданіи постановилъ просить всѣхъ предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ войти въ комитетъ по устройству археологическаго съѣзда въ качествѣ его членовъ («Придн. Кр.», № 1852).

—

Комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ печатаетъ въ настоящее время въ количествѣ 5000 экземпляровъ программы для собиранія разныхъ свѣдѣній. Всѣхъ родовъ программъ пока печатается четыре: для собиранія этнографическихъ матеріаловъ къ выставкѣ на археологическомъ съѣздѣ, для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ, для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ и для собиранія свѣдѣній по древностямъ историческимъ. Комитетъ по устройству археологическаго съѣзда проситъ лицъ, имѣющихъ какія-либо данныя по приведеннымъ программамъ, сообщать о нихъ, причемъ, если въ чьемъ-нибудь распоряженіи имѣются коллекціи разныхъ предметовъ, то до присылки ихъ желательно имѣть краткую опись ихъ. Комитетъ проситъ не стѣсняться присылкой и единичныхъ экземпляровъ предметовъ древности; самый незначительный съ виду предметъ древности имѣетъ научную цѣнность, если извѣстно мѣсто и обстоятельства его находки. Желательно также получить адресы кобзарей и лирниковъ («Придн. Кр.», № 7831).

—

Въ воскресенье, 18 мая, въ залѣ совѣтскихъ засѣданій произошло засѣданіе харьковской коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Настоящее засѣданіе было посвящено этнографическимъ вопросамъ, потому что на предстоящемъ въ Екатеринославѣ съѣздѣ предположено устроить, по примѣру бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, этнографическую выставку, а также рядъ засѣданій для заслушанія рефератовъ по этнографіи. А такъ какъ XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ долженъ являться продолженіемъ бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, то и по этнографическимъ вопросамъ желательно объединить работы обоихъ съѣздовъ такимъ же образомъ, какъ сдѣлано это въ первомъ засѣданіи харьковской коммис-

сіи для археологическихъ раскопокъ и изысканій, предположенныхъ къ предстоящему съѣзду.

Засѣданіе открылось краткой рѣчью предсѣдателя коммиссіи, Н. Ѳ. Сумцова. Онъ указалъ, что коммиссія не имѣетъ своего органа, подобнаго «Трудамъ харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ» и другимъ аналогичнымъ изданіямъ. Между тѣмъ, теперь вполнѣ выяснилось, что харьковской коммиссіи предстоитъ играть далеко не послѣднюю роль въ подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Кромѣ того, едва коммиссія открыла свою дѣятельность, какъ стали поступать статьи и матеріалы отъ различныхъ лицъ, и среди нихъ имѣются очень и очень цѣнныя сообщенія по археологіи и этнографіи южной Россіи. Сомнѣнія нѣтъ, что эти матеріалы все болѣе и болѣе будутъ увеличиваться въ количествѣ и было бы непріятно, если бы и поступающія въ коммиссію сообщенія, и матеріалы, и тѣ очень интересные доклады, которые дѣлаются членами коммиссіи, остались неопубликованными и такимъ образомъ были бы обречены на храненіе въ архивѣ историко-филологическаго Общества, гдѣ они будутъ доступны далеко не всѣмъ. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ пожеланіе, чтобы харьковская коммиссія издавала протоколы своихъ засѣданій по образцу «Извѣстій археологическихъ съѣздовъ» въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Къ протоколамъ можно было бы присоединить въ видѣ приложеній небольшіе доклады членовъ коммиссіи, а также нѣкоторыя сообщенія и замѣтки, поступающія отъ различныхъ лицъ и учрежденій. Впослѣдствіи можно было бы сброшюровать все напечатанное въ одинъ томъ, и такимъ образомъ коммиссія имѣла бы къ XIII археологическому съѣзду свой сборникъ.

Заслушавъ сообщеніе проф. Н. Ѳ. Сумцова, коммиссія постановила войти съ ходатайствомъ въ редакцію «Записокъ Императорскаго Харьковскаго университета» и просить ее о печатаніи протоколовъ коммиссіи въ означенныхъ «Запискахъ» по примѣру того, какъ въ нихъ печатались протоколы харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по этнографіи, которые поступили въ распоряженіе коммиссіи.

Прежде всего онъ остановился на 3 статьяхъ г. Е. И. Криста. Первая статья «Свѣдѣнія о бандуристахъ и лирникахъ» составлена

отчасти на основаніи печатныхъ матеріаловъ, частью же по сообщеніямъ извѣстнаго знатока г. И. М. Хоткевича, и содержитъ списокъ и краткія свѣдѣнія объ образѣ жизни бандуристовъ и лирниковъ харьковской, полтавской и черниговской губерній. Собираніе свѣдѣній о бандуристахъ и лирникахъ является особенно цѣннымъ и необходимымъ въ настоящее время, потому что XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ вошелъ съ ходатайствомъ въ Мин. Внутрен. Дѣлъ объ оказаніи покровительства этимъ представителямъ вымирающей отрасли народнаго искусства, и Министерство отнеслось съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этому ходатайству. Другая статья Е. И. Криста «Дальнѣйшія изслѣдованія о кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губерніи является продолженіемъ статьи этого автора «О кобзаряхъ Харьковской губерніи». Настоящая статья довольно обширна и посвящена главнымъ образомъ изученію домашняго и общественнаго быта слѣдующихъ кобзарей: О. Бутенка, Древкина и Гончаренка. Кромѣ того, авторъ дѣлаетъ сравненіе по содержанію думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ теперешними пѣвцами, съ тѣми, которыя исполнялись прежними, и отмѣчаетъ, что кобзари распѣваютъ теперь, въ видѣ уступки времени, также фабричныя пѣсни. Въ третьей статьѣ «О вліяніи общенія бандуристовъ между собой на взаимное обученіе» авторъ отмѣчаетъ, что репетуаръ теперешнихъ бандуристовъ далеко отошелъ отъ репертуара прежнихъ. Такъ, теперешніе бандуристы исполняютъ только 4 думы изъ извѣстныхъ прежде, а 14—забыты. Поэтому взаимное общеніе бандуристовъ весьма полезно, такъ какъ, сообщая другъ другу пѣсни и думы своего репертуара, они лучше сохраняютъ репертуаръ. Кромѣ названныхъ статей, въ коммиссію присланы также другія замѣтки и матеріалы, съ которыми проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и познакомилъ присутствующихъ. Прежде всего А. Д. Твердохлѣбовъ прислалъ небольшое сообщеніе объ ахтырскомъ слѣпцѣ Т. Г. Сегеденкѣ, при чемъ онъ даетъ свѣдѣнія о бытѣ и репертуарѣ этого слѣпца и прилагаетъ записанныя съ его словъ пѣсни: «Гарбузъ» и «Дворянка». Въ письмѣ на имя проф. Н. Ѳ. Сумцова А. Д. Твердохлѣбовъ сообщаетъ 2 пѣсни: «Про теплого Олексія» и «Іисусе мой прелюбезный»,—эти пѣсни записаны имъ въ г. Ахтыркѣ отъ слѣпцовъ Х. Митриченка и Ларіона Грунича. Затѣмъ Н. З. Ковалевскій записалъ въ сл. Ковягахъ отъ слѣпца-лирника А. Ѳ. Гончарова пѣсни: «Лазарь» и „Чечитка“ и текстъ этихъ записей прислалъ въ коммиссію. Наконецъ, г. Шинкаревъ доставилъ краткую

біографію слѣпца Тарасія Ивановича изъ сл. Бѣлокуракиной, а также текстъ пѣсенъ, записанныхъ отъ этого слѣпца.

Заслушавъ докладъ Н. Ѳ. Сумцова, коммиссія постановила напечатать списокъ бандуристовъ и лирниковъ, составленный Е. И. Кристомъ.

Коммиссія обратилась съ просьбой къ проф. М. Г. Халанскому, пр.-доц. А. П. Кадлубовскому и А. В. Ветухову пересматривать пѣсенный матеріалъ, поступающій въ ея распоряженіе отъ разныхъ лицъ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ, что часть переданныхъ ему матеріаловъ имъ пересмотрѣна.

При этомъ онъ отмѣтилъ, что записи, сдѣланныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ и въ х. Непокрытомъ, могутъ доставить много цѣнныхъ данныхъ по діалектологіи Харьковской губерніи. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи свадебныя пѣсни, собранныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, такъ какъ собиратель отмѣтилъ вездѣ ударенія. Остается только пожалѣть, что г. Водолажскій не поставилъ удареній въ сказкахъ, записанныхъ имъ въ х. Непокрытомъ. Но во всякомъ случаѣ матеріалы, собранные г. Водолажскимъ, весьма интересны въ научномъ отношеніи, и проф. М. Г. Халанскій воспользуется ими для намѣченнаго имъ труда по діалектологіи Харьковской губерніи. Вообще, матеріалы по народной словесности г. Водолажскаго желательно было бы напечатать.

Заслушавъ сообщеніе проф. М. Г. Халанскаго, коммиссія постановила напечатать пѣсни и сказки, собранныя г. Водолажскимъ.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ, что этнографическая коллекція историко-филологическаго Общества заключаетъ очень мало предметовъ изъ Екатеринославской губерніи. Кромѣ того, въ ней отсутствуютъ нѣкоторые отдѣлы вообще, а другіе сравнительно бѣдны. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться въ екатеринославскій предварительный комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ съ просьбой, покупая предметы для этнографической выставки при предстоящемъ съѣздѣ, пріобрѣтать нѣкоторые предметы въ 2 экземплярахъ. Такъ, было бы желательно пополнить коллекцію Общества предметами, относящимися до чабанства, а также до каменноугольной промышленности, которая такъ типична для Екатеринославской губерніи и совершенно отсутствуетъ. Затѣмъ на этнографической выставкѣ при съѣздѣ въ г. Харьковѣ совсѣмъ отсутствовалъ отдѣлъ зна-

ковъ собственности, а между тѣмъ интересно было бы собрать коллекцію подобнаго рода, будутъ ли это знаки на ульяхъ, на посудѣ, на скотѣ, на арбузахъ или на чемъ другомъ. Кромѣ того, интересно было бы пополнить и слѣдующіе отдѣлы: 1) ритуальные предметы (хлѣбныя печенія и др.), 2) амулеты, 3) головные уборы и 4) народную медицину. По народной медицинѣ Екатеринославской губерніи необходимо составить коллекцію, такъ какъ географическія особенности этой губерніи несомнѣнно должны вызвать и нѣкоторыя черты различія въ народной медицинѣ этой губерніи и Харьковской. Но желательно, чтобы при собираніи травъ и другихъ предметовъ, служащихъ населенію въ качествѣ медикаментовъ, были отмѣчаемы и мѣстныя названія ихъ.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что на этнографической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ почти не было снимковъ тѣхъ крестовъ, которые ставятся въ Малороссіи и Бѣлоруссіи при дорогахъ и колодцахъ. Между тѣмъ въ Харьковской губерніи ему удалось зафотографировать одинъ крестъ надъ колодцемъ. Эти кресты въ различныхъ частяхъ намѣченной области имѣютъ свои мѣстныя особенности, а въ Бѣлоруссіи ему пришлось видѣть весьма своеобразное явленіе: крестьяне увѣшиваютъ крестъ различными рубашечками, передничками и другими принадлежностями, преимущественно дѣтскаго туалета, а также полотенцами. Дѣлается это или въ благодарность за исцѣленіе, или при прошеніи исцѣленія. Интересно было бы установить, не встрѣчается ли нѣчто подобное въ Харьковской или Екатеринославской губерніи.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ напомнилъ, что передъ XII археологическимъ съѣздомъ харьковскій предварительный комитетъ обращался ко всѣмъ экскурсантамъ съ просьбой дѣлать этнографическіе снимки, хотя бы экскурсія совершалась и не съ этнографической цѣлью. Благодаря этому, удалось собрать весьма обширную коллекцію фотографическихъ снимковъ этнографическаго характера. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться съ подобной же просьбой къ тѣмъ членамъ коммиссіи, кто предполагаетъ совершить какія-либо экскурсіи.

Присутствующіе члены коммиссіи вполнѣ присоединились къ сказанному. («Южн. Кр.», № 7740).

2-го іюня, какъ сообщаютъ харьковскія газеты, въ залѣ совѣтскихъ засѣданій харьковскаго университета состоялось засѣданіе харь-

ковской коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Предсѣдатель коммиссіи, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, открывая засѣданіе, указалъ, что настоящее засѣданіе собрано экстренно съ цѣлью выяснить вопросъ объ экскурсіяхъ, предложенныхъ на лѣто 1903 г.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ, что имъ получено письмо отъ П. И. Харитоненко, который готовъ предоставить рабочихъ, лошадей, экипажи, помѣщеніе и столъ лицамъ, желающимъ производить археологическія изслѣдованія въ его имѣніяхъ, какъ въ Натальевскомъ, такъ и находящихся въ Сумскомъ уѣздѣ, о чемъ имъ сдѣлано уже распоряженіе.

Какъ указывалъ уже въ первомъ засѣданіи коммиссіи проф. Д. И. Багалѣй, желательно было бы произвести изслѣдованія въ Натальевскомъ и Сумскомъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, и теперь является полная возможность осуществить это, благодаря просвѣщенному и щедрому содѣйствію владѣльца. Дѣйствительно, въ Натальевскомъ имѣніи имѣется нѣсколько группъ кургановъ различной величины, состоящихъ изъ 4—7 кургановъ.

На прилегающихъ къ этому имѣнію крестьянскихъ земляхъ извѣстны тоже 4 группы кургановъ, содержащія по 20—40 кургановъ, а сверхъ того, тамъ же имѣются и городища—майданы. Изслѣдованіе этихъ курганныхъ группъ было бы весьма важно въ томъ отношеніи, что дало бы возможность пополнить свѣдѣнія о погребеніяхъ скиѳскаго типа въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Но не менѣе интересно было бы произвести раскопки въ сумскихъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на прилегающихъ къ нимъ крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, потому что и тамъ извѣстно много одиночныхъ кургановъ и курганныхъ группъ, причемъ иные изъ этихъ кургановъ, повидимому, заключаютъ погребенія скиѳскаго типа, мало изученнаго въ предѣлахъ Харьковской губерніи.

Коммиссія постановила просить профессора Д. И. Багалѣя, пр.-доц. В. Е. Данилевича и пр.-доц. А. М. Покровскаго произвести раскопки кургановъ и другія археологическія изысканія въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на сосѣднихъ съ ними крестьянскихъ и частныхъ земляхъ. («Вѣстн. Юга», № 451).

Кладъ. Изъ книги «Клады и древности херсонской губерніи» (стр. 56) извѣстно, что въ с. Спеѣ въ 1896 г. найденъ былъ кладъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ XVI и XVII столѣтій; теперь получено извѣстіе о новомъ кладѣ. найденномъ случайно въ окрестностяхъ того-же села, именно въ камнеломнѣ, весной этого года. Кладъ состоялъ изъ 31 серебряной монеты. Какъ извѣстно, по закону, случайныя находки предметовъ старины представляются губернскому начальству для сношенія съ Императорской археологической комиссіей. Найденный теперь въ Спеѣ кладъ пока находится у содержателя камнеломни, а одна изъ него монетка, купленная І. Як. Стемпковскимъ, прислана имъ въ даръ херсонскому музею. Она оказалась римской, чеканенной при императорѣ Коммодѣ (177—192 г.). Весьма желательно, чтобы и остальныя монеты этого клада были осмотрѣны и опредѣлены людьми свѣдущими. Гдѣ-то въ тираспольскомъ уѣздѣ найдена и другая серебряная монета, также присланная г. Стемпковскимъ въ херсонскій музей; это монета римскаго императора Филиппа Аравитянина (244—249 г.). («Югъ», № 1490).

Археологическія находки въ с. Исачкахъ лубенскаго у. По сообщенію св. Романова въ окрестностяхъ с. Исачекъ, въ песчаныхъ буграхъ, и даже на поверхности ихъ, находится много орнаментированныхъ и гладкихъ черепковъ отъ погребальныхъ урнъ каменаго вѣка. По заявленію пастуховъ, тамъ случается находить «разныя штуки», и они находили ихъ, но или затеряли, или за непригодностію забрасывали. За два посѣщенія бугровъ въ одномъ только пунктѣ г. Р—вымъ собрана колллекція въ 35 фунтовъ. Наиболѣе интересны бугры съ усѣченными и углубленными вершинами. Встрѣчаются и довольно крупные камни со сглаженными или заостренными краями.

Что касается рисунка орнаментовъ, встрѣчающихся въ здѣшнихъ буграхъ, то въ собранной коллекціи онъ имѣетъ слѣдующіе виды: 1) продольныя полоски; 2) полоски перпендикулярныя; 3) насѣчка мелкая продольная; 4) насѣчка частая, косая; 5) насѣчка разнообразная; 6) вѣточки; 7) орнаментъ сердцевидный и лучистый; 8) очень мелкій, узорчатый; 9) точки; 10) дырочки; 11) углубленія и 12) нарѣзка (по краямъ). При этомъ всѣ, какъ находимые предметы, такъ и самое мѣсто нахожденія ихъ, имѣютъ, по мнѣнію автора, замѣтки несомнѣнное

археологическое значеніе, служа указаніемъ одного изъ обиталищъ древняго человѣка на территоріи нынѣшней полтавской губерніи.

Для желающихъ прибыть лично, ближайшая станція ж. д.— «Ромоданъ»; адресъ для писемъ: полтавск. губ., почт. отд. Литвяки, священнику Василію Романову. («Полт. Вѣд.», № 42.

Древній кладъ. «Кіевское Слово» сообщаетъ о находкѣ древняго клада во время земляныхъ работъ въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Найдены нижеслѣдующіе предметы великокняжеской до-татарской эпохи: 1) девять маленькихъ золотыхъ круглыхъ звеньевъ отъ ожерелья или подвѣски, орнаментированныхъ перегородчатою эмалью прекрасной работы; 2) серебряная шейная витая гривна и двѣ серебряныя монетныя гривны кіевскаго типа; 3) три пары серебряныхъ колтовъ, изъ коихъ двѣ съ изображеніями фантастическихъ птицъ и одна оригинальная, въ видѣ звѣздъ; 4) пять ожерельевъ, изъ коихъ два, повидимому, золотыя и одно серебряное съ эмалевыми узорами; на нѣкоторыхъ ожерельяхъ сохранились даже нитки или снурки, на которые они были нанизаны; 5) пара ручныхъ широкихъ браслетовъ, съ изображеніями фантастическихъ птицъ, раздѣленныхъ колонками; 6) одинъ полуширокій серебряный браслетъ съ оригинальными узорами; 7) пара серебряныхъ витыхъ ручныхъ браслетовъ; 8) до десяти паръ серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, съ тремя шипами; 9) около десяти серебряныхъ колецъ и перстней; 10) два каменныхъ крестика въ серебряной оправѣ; 11) серебряная лунница съ орнаментомъ; 12) куски парчевой ткани съ золотыми или позолоченными нашивками, и 13) куски желѣза и между ними, кажется, рукоятка отъ меча. Кладъ найденъ какъ разъ въ срединѣ выемки земли, вѣроятно, въ оградѣ бывшаго Димитріевскаго монастыря, основаннаго великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ, въ крещеніи Димитріемъ Ярославичемъ, и оконченнаго въ 1062 году. Кладъ былъ зарытъ въ землю, вѣроятно, въ Батыево нашествіе на Кіевъ въ 1240 году, когда владѣльцы древнихъ кладовъ, находимыхъ въ Кіевѣ, погибли отъ руки татаръ, не воспользовавшись зарытыми въ землю своими сокровищами или не указавъ на нихъ своимъ родственникамъ. На основаніи существующихъ указаній, кладъ имѣетъ быть представленъ въ Императорскую археологическую комиссію. Въ немъ несомнѣнно есть улики, проливающія новый свѣтъ на русское искусство до-татарской эпохи.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 2356 руб. 50 к. (см. № 6-й, стр. 184) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) Н. Н. Аркасъ—(Билетъ съ выигр. дворян.)—286 р.; 2) А. Богаевскій—25 р.; 3) Л. Ск—ій—3 р.; 4) Стопановскій - 3 р.; 5) Гр. Федоровскій—1 р.; 6) Студ Сергій Волох і товариши—12 р. 50 к.; 7) В. Мировець— 5 р.; 8) Сергій Ефремовъ—5 р.; 9) В. С.—5 р.; 10) В. Ч--ая—3 р.; 11) В. Ч—ій—2 р.; 12) Д. Симоновъ зъ Тифлиса—1 р.; 13) М.—1 р.; 14) М.—50 к.; 15) В. В Гогинъ—1 р.; 16) П. Н. Кандиба—15 р.; 17) П. Я. Дорошенко—10 р.; 18) И. Л. Шрагъ—10 р. 19) В. Панч.—3 р.; 20) А. Коров.—5 р.; 21) С. Горбач. - 1 р. 22) И. Алекс.—1 р.; 23) Писар.—2 р.; 24) Дорош.—3 р.; 25) Д. Панч.—3 р.: 26) М. Кузнец.—1 р.; 27) М. Гащ.—2 р.; 28) М. Горбач.—1 р.; 29) П. Рѣдьк.—1 р.; 30) Кравч. - 50 к.; 31) М. Г—ко—50 к.; 32) П. Г—діусъ—50 к.; 33) Штанг.—30 к.; 34) Чуднов.—20 к.; 35) Демяновъ—20 к.; 36) В. Трух.—2 р.; 37) И. Коров.—50 к.; 38) І. Черк.—1 р. 50 к.; 39) А. Фес.—50 к. 40) С. Горбач.—1 р. 50 к.; 41) Лиза і Марко П.—80 к. 42) Ю. О—кій—1 р.; 43) Д. Б.—5 р.; 44) У. Д. Г.—2 р.; 45) Ив. Д—ка—2 р.; 46) Д. Д—ка—1 р.; 47) М. К—въ—25 р.; 48) Л. и Е. С—кіе—5 р.; 49) А Ш--ій--5 р.; 50) Д. С—чъ—10 р.; 51) Е. В -ій—5 р.; 52) Н. Б—ій—5 р.; 53) Ф. Ш—а—5 р.; 54) П. К—чъ—5 р.; 55) И. Л--а—10 р.; 56) А. Ф—ко—5 р.; 57) С Ш - инъ—10 р.; 58) Г. Е. Козловъ—1 р. 59) В. Кобызскій—50 к.; 60) Мих. Шаповалъ—50 к.; 61) Леон. Радченко—50 к.; 62) Леон. Терещенко—50 к.; 63) Земскіе статист. изъ м. Воронежа (глухов. у.)—4 р.; 64) Звязельцы—42 р.; 65) А. В. Лихнякевичъ—5 р.; 66) В. І. К. и М. М К.—3 р.; 67) А. Сластенъ—25 р.; 68) А. и В. Алексѣевы—25 р.; 69) П. Саладиловъ—5 р.; 70) Игнатовичъ—10 р.; 71) П. Стебницкій—25 р.; 72) Балашевъ—10 р.; 73) Иващенко—10 р.; 74) Пелехинъ—30 р.; 75) Дубяга - 5 р.; 76) Кистяковскій—5 р.; 77) Шкляревичъ—10 р.; 78) Левитскій—2 р.; 79) Грибинюкъ--10 р.; 80) NN.—3 р.; 81) Муркенъ-Гребенюкъ—10 р.; 82) Катериничъ—10 р.; 83) Славинскій—5 р.; 84) Янишевскій—10 р.; 85) Забѣлло—5 р.; 86) Г. Морской—5 р.; 87) В. А.—1 р.; 88) Мельниченко—1 р.; 89) Л. Я.—3 р.; 90) А. Маркевичъ—5 р.; 91) Д. Мордовець—5 р.; 92) М. Дубяга—5 р.; 93) Жилко—3 р.; 94) М.

Фабриціусъ—5 р.; 95) А. А. Русовъ - 25 р.; 96) П. Гр.—12 р.; 97) Коломіець—5 р.; 98) Сарчинскій - 2 р.; 99) Илля Іоранъ - 3 р. Всего съ прежде поступившими—3230 р. 50 к.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Польско-москвофильскій союзъ. Острое оппозиціонное движеніе противъ уничтожительныхъ полонизаторскихъ предпріятій польскихъ верховодовъ охватило весь русинскій народъ. Обезпокоенные противники выискиваютъ способы остановить это опозиціонное движеніе и прежде всего пользуются услугами старо-русской партіи. Во всѣхъ мѣстахъ Галичины поляки систематично протежируютъ москвофиловъ и вызываютъ на всякія вліятельныя должности; самымъ яркимъ проявленіемъ этой политики служитъ рядъ выборовъ въ «повітові ради», гдѣ москвофільско-польскіе союзные списки съ помощью знаменитыхъ галицкихъ избирательныхъ «способовъ» вышли побѣдителями противъ опозиціонно-народныхъ русинскихъ списковъ. Такъ польско-москвофільскій союзъ побѣдилъ на выборахъ въ «повітові ради» въ Коломіи, Соколі, Рави руській, Бережанахъ и мног. друг. мѣстахъ. До сихъ поръ оба эти врага самостоятельнаго національнаго дѣла русиновъ работали, такъ сказать, въ тайномъ, секретномъ союзѣ, теперь они объединяются явно, при дневномъ свѣтѣ; въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи теряютъ всякій политическій тактъ и крайне компрометируютъ себя. «Союзъ братскихъ народовъ» проявляется и въ томъ услужливомъ довѣріи, съ какимъ школьныя краевыя власти относятся къ москвофильскимъ ложнымъ доносамъ на русинскія гимназіи, когда москвофиламъ понадобится устранить невыгодныхъ для нихъ и стоящихъ имъ на дорогѣ русиновъ-патріотовъ и просвѣтительныхъ дѣятелей. Таковъ, наприм., доносъ на Коломійскую гимназію. То-же единеніе видимъ мы какъ въ антистрайковой агитаціи, которую москвофильскіе органы ведутъ «для баламученя» крестьянъ, такъ и въ горячихъ похвалахъ, съ которыми можно ежедневно встрѣтиться въ польской прессѣ. Такова, напр., статья «Пересторога въ коломійскій Рускій Раді» и, похвалы ей со стороны Gazety Narodowej и др. польскихъ газетъ.—Очевидно у польскихъ верховодовъ нѣтъ заботы о

дѣйствительномъ, справедливомъ мирѣ въ краю; имъ нужно только разбить боевые ряды, пошатнуть боевыя фаланги русинскаго народа, посѣять въ нихъ измѣну и сервилизмъ. Москвофильское вліяніе въ галицкомъ обществѣ слишкомъ слабо и дискредитировано, чтобы остановить оппозиціонную борьбу русиновъ.

Кто кого обижаетъ? 31 мая и 1 іюня по н. ст. было временемъ съѣздовъ и вѣчъ народныхъ въ Галиціи, какъ польскихъ, такъ и русинскихъ. Среди этихъ съѣздовъ особеннаго вниманія, по своему характеру и тѣмъ резолюціямъ, какія приняты на нихъ, заслуживаютъ два: „Zjazd narodowy" во Львовѣ и съѣздъ, который устроило «Towarzystvo szkoły ludowej». На «zjazd'ѣ narodowem», между прочимъ, состоялись слѣдующія постановленія: 1) стремиться къ объединенію края и всѣхъ властей и институцій краевыхъ; 2) сохранить польскій характеръ львовскаго университета, политехникума, среднихъ и спеціальныхъ школъ, учительскихъ семинарій и народныхъ школъ; 3) стараться о сохраненіи польскаго характера городовъ, мѣстечекъ и селъ съ польскимъ населеніемъ; 4) поднимать благосостояніе польскаго населенія восточной Галичины посредствомъ предоставленія работъ и облегченія заработковъ, сельскохозяйственныхъ товариществъ и кассъ, а также поднятія домашнихъ промысловъ. Постановленія съѣзда, организованнаго „Towarzystwom szkoly narodowej», проникнуты тѣмъ же духомъ. Галицкая украинская пресса, обсуждая постановленія названныхъ съѣздовъ, говоритъ: стремленія каждаго народа къ національной и политической, а также и экономической независимости, несомнѣнно, дѣло святое, которое всякій свободомыслящій человѣкъ долженъ не только уважать, но и высоко цѣнить, и полякъ, который не носилъ бы этой святыни въ своемъ сердцѣ, не былъ бы достойнымъ имени поляка. Вслѣдствіе этого и мы признаемъ за стремленіями поляковъ полное право, и къ ихъ борьбѣ съ тѣми, кто угнетаетъ польскую націю, относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Когда же, однако, народъ въ стремленіи къ достиженію своей святой цѣли, хочетъ сдѣлать то-же самое, противъ чего онъ борется, именно когда онъ разомъ съ этимъ старается угнетать и порабощать другія націи, по-ростовщически, безстыдно ихъ эксплоатировать, то необходимо рѣшительно заявить, что это—не святая борьба, а профанація высокой святыни!

Этотъ справедливый вполнѣ укоръ польскому съѣзду вызванъ тѣмъ рѣзко бросающимся въ глаза обстоятельствомъ, что ни въ одной изъ резолюцій съѣзда ни разу даже не упоминается имя украинцевъ, какъ будто бы на той территоріи, на которой будетъ осуществляться начертанная съѣздомъ программа, украинской націи вовсе не существуетъ. Такая недальновидность поляковъ, отсутствіе въ нихъ чувства справедливости и началъ гуманности, заставляетъ галицкую украинскую прессу напомнить полякамъ печальные уроки исторіи. Не менѣе рѣзкій протестъ со стороны галицкихъ русиновъ вызвала резолюція съѣзда относительно полонизаціи путемъ школъ и костела Буковины, гдѣ поляковъ совершенно незначительный процентъ.

Въ виду надвигающейся на украинскій народъ въ Галиціи опасности въ формѣ организованной полонизаціи, украинскіе парламентскіе и сеймовые послы сочли необходимымъ выступить съ протестомъ противъ поляковъ Комитетъ, сзывавшій польское народное вѣче, въ своемъ приглашеніи на вѣче, между прочимъ, заявилъ, что «всѣ большія стремленія русиновъ украинизовать польскій народъ въ среднихъ и восточныхъ уѣздахъ Галичины, требуютъ энергичной борьбы». Послы въ своемъ печатномъ заявленіи по поводу этой «відозви» польскаго комитета отмѣчаютъ процитированную нами выше фразу «відозви», какъ горькую насмѣшку надъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ восточной Галиціи. Дѣйствительное же положеніе дѣлъ тамъ таково, что, при 64% русиновъ 21,8% поляковъ Галиціи, все, что имѣетъ власть и вліяніе, находится въ рукахъ поляковъ, какъ-то: крупное землевладѣніе, состоятельный средній классъ, большинство интеллигенціи, капиталъ, торговля и промышленность, все не только автономное, но и государственное управленіе, всѣ высшія школы, почти всѣ среднія, кромѣ лишь 4-хъ, всѣ краевыя и почти всѣ народныя школы въ городахъ—все въ польскихъ рукахъ, даже сельскія школы въ чисто украинскихъ селахъ и тѣ утраквистическія. И вотъ теперь, въ концѣ концовъ противъ русиновъ призывается все польское общество. Свою «Заяву» русинскіе послы заканчиваютъ слѣдующими словами: «такъ перекручувати правду—значить правді в лице плювати»!.. И если польскій комитетъ желалъ этими словами выразить мысль, что считать восточную Галичину польскимъ краемъ, а защиту его отъ дальнѣйшей полонизаціи угрозою для Польши, и съ этой цѣлью обращается ко всему польскому обществу для противодѣйствія этой защитѣ, то мы отъ имени всѣхъ русиновъ въ краѣ за-

являемъ «що східна Галичина була руська, е руська і мусить руською остати».

Лекціи проф. М. Грушевскаго въ Парижѣ и Берлинѣ. Проф. исторіи во Львовскомъ университетѣ М. С. Грушевскій въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая мѣсяца прочелъ въ Парижѣ, въ «Ècole russe des hautes études sociàles», курсъ исторіи украинскаго народа. Весь курсъ составилъ 18 лекцій; онъ заключаетъ въ себѣ исторію Украины-Руси съ древнѣйшихъ временъ, кончая національнымъ возрожденіемъ 19-го вѣка. Одинъ изъ крупныхъ парижскихъ книгоиздателей берется издать на свой счетъ этотъ курсъ на французскомъ языкѣ; курсъ будетъ изданъ къ концу этого года.

Возвращаясь изъ Парижа, проф. М. Грушевскій исполнилъ также просьбу литературно-научнаго товарищества русскихъ студентовъ въ Берлинѣ и прочелъ лекцію объ украинскомъ національномъ возрожденіи 19 вѣка. Лекція собрала многочисленную аудиторію и вызвала продолжительныя собесѣдованія, прерванныя необходимостью проф. Грушевскому поспѣшить къ отходу поѣзда.

Пребываніе проф. М. Грушевскаго въ Парижѣ имѣло своимъ слѣдствіемъ тотъ очень важный результатъ, что профессора, преподающіе въ парижской школѣ славянскіе языки, выразили желаніе посвящать одинъ семестръ лекціямъ украинскаго языка. Предположено также издать по-французски краткую грамматику украинской рѣчи. (Лит.-Наук. Вистн.).

Русины и румыны на Буковинѣ. Буковина раздѣлена на девять уѣздовъ. Въ 4-хъ изъ нихъ число русиновъ выше числа румынъ: 1) кицманскій у.—русиновъ 83.389, румынъ 129, 2) выжныцкій у.—русиновъ 53.570, румынъ 301, 3) черновецкій у.—русиновъ 58.378, румынъ 23.184, 4) серетскій у.—русиновъ 26.155, румынъ 16.171. Въ остальныхъ 5-ти—русиновъ меньше: 5) радовецкій у.—русиновъ 8.864, румынъ 47.819, 6) кимполюнгскій у.—русиновъ 7.342, румынъ 28.205, 7) гурагуморскій у.—русиновъ 1.372, румынъ 38.427, 8) сучавскій у.—русиновъ 11.269, румынъ 37.252, 9) сторожынецкій у.—русиновъ 24.308, румынъ 28.020. Всего русиновъ 274.647, румынъ 219.508. Кромѣ того другихъ народностей (нѣмцевъ, евреевъ и др.) 183.112.

Всего на Буковинѣ 677.267 душъ населенія. Въ главномъ городѣ Буковины Черновцахъ преобладаніе принадлежитъ нѣмцамъ, такъ какъ къ нимъ причисляютъ и евреевъ. За нѣмцами—слѣдуютъ русины (19,81%), румыны (14,29%) и поляки (13,08%. («Русланъ» № 28).

Библіографія.

Наталка - Полтавка малороссійская опера И. П. Котляревскаго. *Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и открытому списку 1820 г.) подъ редакціей И. Стешенка. Кіевъ. 1903 г. 46 стр. 8⁰.*

Что у насъ до сихъ поръ нѣтъ почти ни одного хорошо изданнаго, съ точно установленнымъ текстомъ, украинскаго писателя, это, къ сожалѣнію, врядъ-ли требуетъ доказательствъ; но совсѣмъ уже плохо то, что начинатель новаго періода украинской литературы И. Котляревскій издается чуть-ли не хуже всѣхъ, и его многочисленныя изданія испещрены еще болѣе многочисленными и часто очень грубыми, искаженіями текста. Изданіе провѣреннаго и точно установленнаго текста его произведеній напрашивается поэтому само собой.

Проба такого изданія знаменитой пьесы Котляревскаго сдѣлана въ настоящее время г. Стешенкомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Стешенко, за неимѣніемъ исходящей отъ самого автора рукописи, положилъ въ основаніе своего изданія первый печатный текстъ «Наталки-Полтавки», опубликованный въ 1838 г. Срезневскимъ въ Харьковѣ [1]); но онъ далъ къ нему еще и варіанты изъ недавно открытой

---

[1]) Кстати: въ „Покажчикѣ“ г. Комарова обозначено, что впервые „Наталка-Полтавка“ была издана въ 1819 г. Откуда взято это свѣдѣніе? Въ предисловіи къ изданію 1838 г. Срезневскій говоритъ совершенно ясно о піесѣ: „она доселѣ была неиздана“ (стран. 7). Насколько мы знаемъ, въ 1819 г. „Наталка-Полтавка“ была лишь поставлена, *по рукописи,* на сцену.

рукописи 1820 г. Не знаемъ только, почему г. Стешенко въ своемъ предисловіи все время называетъ *печатный* текстъ 1838 г. *спискомъ* также точно, какъ и *рукопись* 1820 г.—это вноситъ путаницу въ его поясненія, такъ какъ читатель можетъ на нѣкоторое время предположить, что г. Стешенко располагалъ *двумя рукописями*. Что касается самой перепечатки текста, то жаль, что г. Стешенко пренебрегъ хорошимъ обычаемъ, примѣняемымъ въ подобныхъ изданіяхъ: указывать въ перепечаткѣ (при помощи поставленныхъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ строки цифръ въ скобкахъ) страницы воспроизводимаго изданія: это даетъ возможность пользоваться ссылками на старую книгу, не имѣя ея въ рукахъ.

Но обратимся къ самому тексту, установленіе котораго составляетъ задачу изданія.

Прежде всего о правописаніи: можно было просто воспроизвести точно правописаніе перепечатываемой книги или-же употребить современное. Г. Стешенко не дѣлаетъ ни того, ни другого, такъ какъ даетъ, безъ всякихъ поясненій, смѣшеніе правописанія Срезневскаго со своимъ собственнымъ, и при томъ смѣшеніе, въ которомъ нѣтъ никакой послѣдовательности. Напр., Срезневскій русскія слова Вознаго: *дназваніе*, *предложеніе* (стр. 12), *признаніе*, *опредѣленія* (15) оставляетъ въ ихъ русской формѣ; г. Стешенко передаетъ нѣкоторыя изъ нихъ сообразно съ украинской фонетикой: *названые* (6), *предложеные* (6), *состояные* (8), но тутъ же рядомъ оставляетъ: *прызнаніе* (8), *опредиленія* (8) и пр. Срезневскій вездѣ пользуется русскимъ *ё*; г. Стешенко передаетъ его разъ просто буквою *е* (безъ точекъ): *слезы* (5), потомъ буквою *ё* (съ точками): *по всёму* (7) и наконецъ буквами *іо: по прежніому* (40). Срезневскій секундарное *і* изъ *ѣ* обозначаетъ буквою *ѣ*, г. Стешенко въ большинствѣ случаевъ передаетъ это *ѣ* буквою *и* передъ согласною и *і* передъ гласною (*недилю, зрозумію)*, но въ то же время пишетъ *имиеть* (8), *пидкрепылыся* (10) и пр.

Въ изданіи, подобномъ настоящему, точная передача перепечатываемаго текста является условіемъ, безъ котораго самое изданіе утрачиваетъ значеніе. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи разсматриваемая нами работа далеко не свободна отъ упрековъ. Оставивъ въ сторонѣ пѣсню, которой начинается пьеса, мы свѣрили двѣ первыя страницы изданія г. Стешенка (стр. 6 и 7) съ соотвѣтствующими (12--14) страницами изданія Срезневскаго и вотъ что мы нашли:

У Срезневскаго (страница 12, строка 4) есть ремарка къ словамъ Наталки: *плачетъ*,—г. Стешенко (стр. 6, строка 4) отмѣчаетъ, что ея у Срезневскаго нѣтъ.

Какъ разъ та-же самая ошибка повторяется и съ ремаркой: *шедшій мимо, подходитъ къ Наталкѣ* (первая строка второго явленія).

У Срезневскаго (стр. 12) Возный говоритъ. *Я хотѣвъ-бы, що-бъ ты звáла мене́—тее-то якъ ёго—не вышеупомянутымъ имянемъ;* г. Стешенко (стр 6) замѣняетъ слово *имянемъ* словами *имья-рекъ*.

Нѣсколько ниже у Срезневскаго (внизу 12 страницы): *изъ медовыхъ устъ твоихъ;* у г. Стешенка эти слова переставлены: *изъ устъ твоихъ медовыхъ* (стр. 6).

Строкой ниже у Срезневскаго: *Названіе, сообразное моему чувствію;* у г. Стешенка: *сообразно* (стр. 6).

На стран. 13-й у Срезневскаго Возный поетъ: *Наталки видъ ясный;* г. Стешенко исправляетъ: *Наталкынъ выдъ* (стр. 6) и исправляетъ совершенно противно украинской фонетикѣ, измѣняющей въ такомъ случаѣ *К* въ *Ч* (*Наталчынъ*).

У Срезневскаго на стр. 13-й, послѣ пѣсни Вознаго, нѣтъ ремарки: *говоритъ*, а г. Стешенко даетъ ее, какъ существующую въ изданіи 1838 г.

У Срезневскаго въ слѣдующей за этимъ строкѣ: *на видъ тебѣ;* у г. Стешенка слова переставлены: *тоби на выдъ* (стр. 7).

Итакъ, оставя въ сторонѣ мелкія неточности и странную интерпункцію, восемь значительныхъ отступленій отъ текста на двѣ страницы—слишкомъ много для того, чтобы можно было положиться на дальнѣйшія страницы. И дѣйствительно, мы наткнулись на слѣдующую удивительную ошибку новаго изданія. Для сравненій текста мы пользовались экземпляромъ изданія 1838 г., принадлежащимъ библіотекѣ редакціи «Кіевской Старины»; экземпляръ этотъ, очевидно, когда то былъ употребленъ при представленіи пьесы на сценѣ и носитъ на себѣ рядъ режиссерскихъ помарокъ—исключеній и исправленій текста; одно изъ такихъ исправленій сдѣлано карандашемъ на стр. 62-й въ строкѣ пѣсни Петра. которая у Срезневскаго такова:

Тебе жъ, мое серденятко, по *смерть* не забуду.

Слово *смерть* режиссеръ переправилъ на слово *вікъ*, и это исправленіе какъ разъ находимъ, безъ всякой оговорки, и у г. Стешенка:

Тебе жъ, мое серденятко, *по викъ* не забуду. (стр. 40).

Перейдемъ къ пользованію другимъ источникомъ--рукописью 1820 г. Къ сожалѣнію, г. Стешенко ничего не сообщаетъ въ предисловіи о ея происхожденіи, внѣшнемъ видѣ и пр.; правда, онъ сдѣлалъ это раньше, въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» (1901, IV); но въ изданіи, спеціально посвященномъ рукописи, безусловно необходимо было всѣ эти свѣдѣнія повторить,—тѣмъ болѣе необходимо, что г. Стешенко даже не сообщаетъ въ предисловіи, что эти свѣдѣнія были имъ когда-либо даны. Насколько хорошо использована г. Стешенкомъ эта рукопись, мы, не имѣя ея въ рукахъ, не можемъ, конечно, сказать опредѣленно. Повидимому, г. Стешенко старался использовать ее въ полной мѣрѣ: онъ отмѣчаетъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, не только цѣлый рядъ мало интересныхъ мелкихъ подробностей ея, но даже и явныя описки,—такъ, напр., у Срезневскаго Возный поетъ:

Какъ камень, *духъ* въ пучину золъ тонетъ

и г. Стешенко отмѣчаетъ, что въ рукописи вмѣсто *духъ* переписчикъ написалъ—*бухъ* (стр. 7). Но въ то же время очень удивляетъ то невниманіе, съ которымъ г. Стешенко относится къ болѣе значительнымъ отличіямъ текста, существованіе которыхъ въ рукописи онъ самъ же отмѣтилъ въ помянутой замѣткѣ («Кіев. Старина», 1901, IV, Докум., изв. и зам., стр. 2 и слѣд.). Вотъ, напр., что указано тамъ г. Стешенкомъ:

		У Срезневскаго (въ скобкахъ страницы изданія г. Стешенка):	*Въ рукописи.*
Стр.	11(5):	поплачу;	заплачу;
»	14(7):	я рѣчи вашои въ толкъ собѣ не возьму;	я ричи вашои не розумію;
»	18(10):	всёму земству урвалася;	всему земскому суду увирвалась;
»	20(11):	молодець не убогій;	чоловикъ не убогый;
»	27(16):	зъ огненною ризкою злетѣвъ;	зъ огненною рызою застыгъ;

» 48(31):	и уже де и чортъ не зможе;	и вже де й чортъ не озьме;
» 45(29):	до сёго часу	до якого часу.

Всѣ эти отличія рукописи отъ текста Срезневскаго, отличія, которыя самимъ же г. Стешенкомъ признаны важными и заслуживающими быть спеціально отмѣченными въ особой замѣткѣ, въ новомъ изданіи г. Стешенка совершенно не упомянуты.

Приведенные примѣры указываютъ, насколько точно было сдѣлано сравненіе текстовъ и насколько «Наталка-Полтавка» нуждается въ новомъ изданіи съ внимательно установленнымъ текстомъ.

Б. Гринченко.

М. Чернявськый. „Зори". Збирныкъ поезій. *У Кыиви, 1903, 3—276 стр., ц. 65 коп.*

Названный сборникъ стихотвореній М. Чернявскаго, пріобрѣвшаго уже широкую извѣстность въ кругахъ, интересующихся успѣхами новѣйшей украинской литературы, содержитъ въ себѣ сто шестьдесятъ четыре стихотворенія, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1888-го по 1901-й годъ.

Содержаніе книги крайне разнообразно. Тутъ нашло себѣ мѣсто, все, что когда-либо такъ или иначе встрѣчалось поэту, на чемъ онъ останавливалъ свое вниманіе, что интересовало его и волновало. Касается поэтъ и своихъ личныхъ состояній, но не забываетъ и внѣшней природы и ей чуть ли не больше всего отводитъ мѣста въ настоящемъ сборникѣ. Лѣсъ, море, картины родной природы—очень часто встрѣчаются на страницахъ книжки. Наша южная степь, родина поэта, особенно мила ему. Ея однообразный просторъ, ея могилы, эти нѣмые свидѣтели давно когда то кипѣвшей здѣсь жизни, роскошь ея весенней растительности и сильныя грозы въ жаркіе лѣтніе дни привлекаютъ вниманіе поэта къ себѣ и даютъ матеріалъ для необыкновенно гармоничныхъ и увлекательныхъ стихотвореній.

Въ книгѣ встрѣчается все, что всегда занимаетъ человѣка, что всегда волнуетъ его. Здѣсь можно встрѣтить и изображеніе самыхъ разнообразныхъ настроеній, вызываемыхъ музыкою («Рояль рыдавъ, немовъ людына», 154 стр.), и умиротворяющее дѣйствіе молитвы на дѣтски простыя сердца вѣрующей матери и ребенка («Молытва»—48 стр.), и вопросы о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни и дѣятельности, и постоянная, неразрѣшимая загадка о томъ, что будетъ съ каждымъ изъ насъ,

«якъ панъ отецъ землю кыне на мовчазну... труну («Загадка» —91—92 стр.), и меньшой братъ съ его всегдашней матеріальной нуждою и окутывающимъ его умственнымъ убожествомъ... Словомъ, тутъ затронуты всѣ тѣ вопросы, которые волновали, волнуютъ и будутъ волновать всегда каждаго, кто сознаетъ себя человѣкомъ и членомъ многолюдной семьи—своего родного народа.

Жгучіе и тревожные для всякаго вопросы о цѣли и смыслѣ жизни въ дѣятельности человѣка рѣшаются въ томъ смыслѣ, что надо отдать себя на служеніе ближнему, посвятить себя убогимъ, несчастнымъ пасынкамъ судьбы, удаленнымъ отъ участія на жизненномъ пиру и отъ благъ просвѣщенія.

«Въ сумни часы жыття важкого
Николы другыхъ не клены
Зъ словамы посмиху гиркого
И тыхымъ серцемъ помяны
Не ворогивъ своихъ чванлывыхъ,
Не друзивъ влеслывыхъ своихъ,
А тыхъ убогыхъ, нещаслывыхъ,
Людей занедбаныхъ, малыхъ.
И знай—багато ихъ на свити
Въ тяжкій темноти загыба.
Воны голодни, неукрыти,
Ихъ кровъ пье люта боротьба.
Прымы до серця ты ихъ мукы,
Видъ слизъ очей не одверны;
Якъ сыльный самъ—подай имъ рукы:
Не закаляются воны!.. (Стр. 216).

И такое служеніе ближнимъ, такая «безгришна» любовь къ нуждающемуся брату

«. . . тилько й е
Того достойна, щобъ святыты
Едыній ій жыття свое» (Ibid, 216).

Ей поэтъ отдается всецѣло, рвется къ тому, чтобы помочь меньшому брату, чѣмъ только можетъ, и молится:

«О, Боже, Ты
Слаби пиддержуй наши сылы
И поможы намъ донесты
Любови свитъ у ти хаты,

Братамъ у питьми тамъ сыдячымъ,
Прыгриты серцемъ ихъ гарячымъ,
Шобъ зерно правды изійшло
И добре сим'я прынесло»!.. (Вечирни мріи, 112 стр.).

Съ подобной же мольбою обращается онъ и къ своему доброму генію и проситъ его оказать ему свою поддержку въ дѣлѣ служенія «одному изъ малыхъ сихъ».

«О, мій учытелю незнаный,
. . . .
Мои благання си прыймы!
Безсылый голосъ мій и мова,
И не гучни мои писни,—
Дай сылу огненного слова
Тому, що шепчешъ ты мини.
Дай слизъ, щобъ плакавъ я зъ братамы,
У ихъ журби щобъ участь бравъ,
И плакавъ щырымы слёзамы,
Колы про долю ихъ спивавъ.
Не дай гарячою душею
Мени згорити безъ пуття,
Щобъ не зогрить никого нею
На свити симъ за все життя...
. . . .
. . . .
Зробы жъ ты такъ, щобъ гордисть впала
И въ серци мылость процвила!..
Тоди надтхненымы устамы
Я заспиваю про любовъ
И въ небо чыстымы очамы
Тоди дывытымусь я зновъ».
(«До мого генія»—40—41 стр.).

Такой идеалъ, идеалъ самоотверженнаго служенія и всецѣлой, святой и безкорыстной любви къ обездоленному, предносится въ мысляхъ поэта! Его онъ и стремится осуществлять.

«Я правды прагну и просю,
Щобъ лекше дыхать всимъ було намъ»
(«Не въ лони ридного народу»... стр. 102).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хочетъ, чтобы и другіе слѣдовали тому же идеалу любви и правды. Конечно, между этимъ идеаломъ и наличной дѣйствительностью, полной мелочности, пошлости и борьбы изъ-за мелочныхъ эгоистическихъ разсчетовъ, существуетъ поразительная дисгармонія. Жизнь преподноситъ многое, свидѣтельствующее о полномъ отсутствіи любви и правды во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою. Такое печальное явленіе вызываетъ въ душѣ поэта горечь разочарованія и заставляетъ его разражаться горькими упреками по адресу нашей обыденной жизни со всѣми ея дрязгами и ненормальностями, среди которыхъ «гасне духъ Божый въ роди людському».

Якъ все никчемне наше щоденне,--
Праця зъ-за хлиба въ нетряхъ, въ болоти,
Щасте мищанське темне, злыденне,
Сльозы безсылыхъ, чванство страшенне
Дурнивъ вельможныхъ, сыльныхъ по плоти!
Въ свити жъ такъ тыхо, въ свити такъ глухо;
Гасне духъ Божый въ роди людському...
Слухае серце, слухае вухо,—
Тыхо скризь, глухо въ свити пустому!
Втоптани въ смитте неба дарункы—
Розумъ высокый, вира жывуча;
Зводе шахрайство зъ честю стосункы,
Дружна зъ безчестемъ слава блескуча...
Де жъ ти пророкы, пóсланци Божи?
Де ти катюгы, виснықы злобы?.. (Стр. 24).

Все это, конечно, старыя истины, избитыя, давно извѣстныя уже всѣмъ. Такое возраженіе могутъ сдѣлать искатели чего-то новаго, неслыханнаго еще, презирающіе землю съ ея интересами живого человѣка и стремящіеся въ заоблачные міры. Но въ нашей небогатой украинской литературѣ такое повтореніе старой истины въ формѣ звучнаго стихотворенія, услаждающаго своею прелестью, далеко не излишне... Если такого рода стихотворенія могутъ не заинтересовывать людей, жаждущихъ новинокъ, то тѣ, которыя посвящены изображенію степи и настроенія, вызываемаго ею въ душѣ человѣка, могутъ удовлетворить самаго требовательнаго читателя. Стихотворенія, рисующія степь въ разнообразныхъ проявленіяхъ ея жизни и красоты, являются наилучшими въ сборникѣ. Для примѣра можно привести отрывокъ одного изъ нихъ:

«Далеко, далеко степы простяглысь
И зъ небомъ гарячымъ пидъ млою злылысь.
И выдно навколо лышъ небо мутне;
Далеки могылы та поле смутне;
Та ще у лощыни маяче верба,
Неначе сумуе сама тамъ журба.
Надъ шляхомъ отара стоить на гори,
Лежать биля неи сумни вивчари.
Собакы завылы—до шляху бижать,
Щобъ гавкать на коней: набрыдло лежать.—
И йидемо дали—картына одна:
Те жъ небо безхмаре, краина сумна.
Лышъ часомъ незнани пташкы просвыстять
Сполохани дрохвы зъ земли пидлетять,
Прытыхнуть колеса, попавшы въ писокъ,
Та иноди зъ балкы прогляне лисокъ
Все ридне, знайоме зъ дытынства мени:
Се небо гаряче, могылы сумни,
И сонъ безтурботный змарнилыхъ степивъ,
Овечи отары й табунъ лошакивъ...

(«Степъ», 180—181 стр.).

Степь изображается во всѣхъ видахъ—и днемъ, и ночью, и утромъ, и вечеромъ, и въ знойный лѣтній день, и въ грозу, и во всѣ времена года («Степовый ранокъ»—10 стр., «Степови огни»—51—53 стр., «Степъ и степъ одынъ безъ краю»—248 стр., «Воля»—136 стр., «Могыла»—246—247 стр. и др.). Не ограничиваясь настоящимъ степи, поэтъ переносится мыслью къ прошлому ея; онъ нерѣдко вспоминаетъ давнія времена, когда на равнинахъ полуденной Россіи жили, смѣняя другъ друга, разные народы, и находитъ «поезію въ ныхъ, степахъ сихъ шырокыхъ, пустыняхъ сумныхъ», потому что

«Оттутъ вси народы у часъ свій пройшлы,
Тутъ скыѳы и гунны на воли жылы,
А потимъ татарынъ въ степахъ сихъ блукавъ,
Козакъ-запорожець кордоны державъ.
И все те мандривне, таемне, смутне.
И все те въ симъ краи чаруе мене.
И чую, що духъ той жыве и въ мени,
Що варварамъ давнимъ я, певне, зъ ридни,

(Ibid., 181 стр.).

Каждая строка, посвященная степи, отличается особенной теплотою чувства и задушевностью и написана съ замѣчательнымъ увлеченіемъ. Вездѣ сквозитъ горячая любовь и крѣпкая привязанность къ степи.

«О, степе мій, мое життє, мій раю,
Прыхылокъ всихъ моихъ найкращихъ мрій,
Безъ тебе тутъ я гыну, помираю,
Але хочъ вмерты бъ на межи твоій»!..
(«Вечирня дума», стр. 15).

Любовь къ степи, какъ къ мѣсту своей родины, поэтъ переноситъ и на весь свой родной край. Судьба послѣдняго немало занимаетъ его; и ему онъ посвящаетъ нѣсколько теплыхъ стихотвореній, въ которыхъ касается положенія своего родного народа, его нуждъ и неотложныхъ потребностей. Въ одномъ мѣстѣ онъ сравниваетъ родной край съ «полемъ—батькивщыною», которое «здавна засіяно тугою, бидою, заросло бурьянами, терномъ, лободою» («Ныва»—стр. 63—64); въ другомъ—скорбитъ о томъ, что его «туманъ повсюды залягае» («Вечирни мріи»—стр. 109—112). Сильно скорбитъ поэтъ о современныхъ невзгодахъ своего родного края и съ грустью заявляетъ:

«Я не такымъ тебе, мій краю,
О, не такымъ хотивъ бы зрить («О краю ридный,
якъ люблю»...—стр. 270).

Заслуживаетъ особеннаго вниманія стихотвореніе «На ридній ныви» (стр. 195—196). Въ немъ родной край отожествляется съ нивой, которая не только «неорана» и «несіяна», но и «всимы покынута, всимы забутая, кривавымы слизьмы полывана, туманамы, млою окутая». Такое безотрадное положеніе родной нивы поражаетъ поэта, и онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

«Де твои ратаи, де твои сіячи?
. . . . де подивалыся»?

Далѣе, вспоминаетъ онъ почившихъ «ратаивъ», что

«Сіялы зерно воны, не жаліючы»

и, выразивъ надежду на появленіе новыхъ «сіячивъ», призываетъ благословеніе Божіе на трудъ послѣднихъ, а первымъ желаетъ получить «домовыноньку чесну, шановну» и проситъ у Неба «на вичную ниченьку сну имъ спокійного».

Интересно и небольшое стихотвореніе «Въ риднимъ краю» (стр. 261), въ которомъ рисуется обычная, такъ сказать, будничная картина родного края, его села, занятаго жестокой и упорной борьбой за существованіе.

«Сире небо, сири люде,
Навить сири и хаты...
И верба, мовъ свитомъ нуде,
Нахылылась до воды.
Пидъ горою по дорози
Визъ немазаный повзе:
До млына мишкы на вози
Сонный парубокъ везе.
И рыпыть той визъ скрыпучый,
Слухъ нещадно мій дере...
О, нашъ край, нашъ край спивучый,
Въ ёму писня не умре»!..

Передать содержаніе всей книжки трудно, въ виду большого его разнообразія; но и по изложенному выше можно судить объ ея интересѣ и содержательности. Всѣ находящіяся въ ней поэтическія произведенія отличаются свойственной г. Чернявскому красотою и тщательной отдѣлкой формы, звучностью и музыкальностью, дѣлающими чтеніе ихъ легкими и увлекательными. Встрѣчаются очень часто удачныя сравненія, дѣлаемыя авторомъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній. Таковы, напримѣръ, сопоставленія состоянія природы осенью съ предсмертными часами тяжко больного („Осинь", стр. 19—20)—или—забытаго, гнилого, заросшаго густою травою пруда, надъ которымъ наклонилась верба,—съ жизнью, гдѣ все «злылося, сплелось безъ пуття» („Ставъ", стр. 233). Оригинально сравненіе степныхъ будяковъ съ княжескими дружинами:

«.....будякы, въ колючій зброи стрилъ,
Стоять, немовъ гризни князивъ дружыны».
(«Степовый ранокъ», стр. 10).

Языкъ—чистый, изящный; мѣстами только попадаются чисто русскія слова, несвойственныя украинской литературной рѣчи. Впрочемъ, такого рода вольности въ настоящемъ сборникѣ «Зори» встрѣчаются въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ книгѣ того же г. Чернявскаго „Писни кохання", первомъ его печатномъ сборникѣ, вышедшемъ въ Бахмутѣ въ 1895 году. Сопоставленіе перваго со вторымъ напраши-

вается какъ-то само собою и дѣлается необходимымъ въ виду того, что послѣдній былъ встрѣченъ нѣкоторыми читателями не совсѣмъ-то радушно. Одинъ изъ рецензентовъ уже несуществующаго журнала «По морю и сушѣ» (выходилъ еженедѣльно въ Одессѣ) подвергъ книгу самому тщательному разбору и, отмѣтивъ выдающееся дарованіе и незаурядный талантъ поэта, упрекалъ его за то, что тотъ сосредоточилъ свое вниманіе исключительно на себѣ самомъ, на своемъ „коханни“, все же прочее выключилъ изъ сферы своихъ интересовъ. Подобный упрекъ рѣшительно не примѣнимъ теперь къ г. Чернявскому, такъ какъ въ разсматриваемой книжкѣ, какъ и выше было замѣчено, содержаніе очень разнообразно и свидѣтельствуетъ о томъ, что поэтъ сочувственно отзывается на всѣ явленія и запросы жизни и на первый планъ выдвигаетъ высокіе идеалы любви и правды. Сравненіе названныхъ двухъ сборниковъ краснорѣчиво говоритъ намъ о томъ прогрессѣ, какой обнаруживается въ развитіи поэтическаго творчества ихъ составителя. Отъ души желаемъ, чтобы онъ не ослабѣвалъ въ своей дѣятельности и не переставалъ обогащать своими произведеніями нашу родную литературу.

В. Степовый.

Еще нѣсколько словъ о сборникѣ „Дубове лысте“ [1]).

Мы вполнѣ согласны съ г. Мировцемъ, что сборникъ «Дубове Лысте», какъ своею внѣшностью, такъ и содержаніемъ «красной литературы» производитъ очень выгодное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, сборникъ этотъ представляетъ собою одно изъ болѣе свѣтлыхъ и симпатичныхъ явленій родной литературы послѣдняго времени, а потому обратитъ на себя всеобщее вниманіе и получитъ широкое распростра-

---

[1]) Въ № 5-мъ за текущій годъ у насъ былъ помѣщенъ отзывъ г. Мировця объ альманахѣ „Дубове лыстя“; въ этомъ отзывѣ, главнымъ образомъ, было обращено вниманіе на основную часть альманаха—беллетристику и поэзію. Теперь мы получили замѣтку г. С. Ше-хина, разсматривающаго исключительно вводную статью къ альманаху г. Б. Гринченка „До чытачивъ“. Авторъ замѣтки, почти не касаясь содержанія этой вводной статьи, останавливается на ея стилѣ, подробно отмѣчая тѣ выраженія, которыя, по его мнѣнію, оказываются неудачными и придаютъ научно-философской украинской рѣчи нежелательный отпечатокъ. Хотя мы не вездѣ согласны съ авторомъ замѣтокъ по поводу его упрековъ, носящихъ иногда характеръ мелкой придирчивости, но, ввиду важности вопроса объ украинской стилистикѣ, требующей

неніе. Но несомнѣнно также, что всѣ хулители и гонители малорусскаго языка, настаивающіе на его непригодности къ изложенію на немъ всякаго рода «поважно-науковыхъ росправъ», изъ 10 страницъ статьи „до чытачивъ" почерпнутъ обильный матеріалъ для того, чтобы еще разъ бросить грязнымъ комомъ недоброжелательства въ ни въ чемъ неповинный малорусскій языкъ и, поставивъ промахи автора въ счетъ самаго языка, еще разъ попытаться указать на его непригодность къ разработкѣ на немъ публицистическихъ, біографическихъ, научныхъ и т. п. темъ.

Правда, путемъ такихъ пріемовъ можно доказать „никчемнисть" какого угодно, даже самаго развитого и испытаннаго языка, но въ особенности эти пріемы всегда практикуются по отношенію къ малорусскому языку. Это фактъ настолько общеизвѣстный, что авторы малорусскихъ произведеній, особенно такіе опытные, какъ г. Гринченко, должны бы ни на минуту не забывать его и избѣгать всякаго повода, могущаго стать въ рукахъ безразборчиваго противника какимъ ни на есть, а все таки орудіемъ, аргументомъ. Нельзя же не помнить, что эти противники, прикрываясь дутымъ авторитетомъ всезнайства и честности мнимо ученаго, все-таки имѣютъ, да еще и не малую, аудиторію, черезъ которую сѣютъ заблужденіе.

Промахи замѣтки „до чытачивъ", составленной однимъ изъ редакторовъ сборника г. Гринченкомъ, тѣмъ досаднѣе, что виновникомъ ихъ является редакторъ. Не будь послѣдняго обстоятельства, мы сочли бы ихъ за результатъ неудачной попытки автора взяться за изложеніе на малорусскомъ языкѣ такихъ предметовъ, о которыхъ другіе пишутъ превосходно, а онъ еще только начинаетъ учиться. Но это написалъ г. Гринченко, имя котораго уже извѣстно въ малорусской ли-

---

очень многихъ коррективовъ, только и возможныхъ при помощи серьезнаго научнаго разсмотрѣнія какъ общихъ положеній, такъ и частичныхъ случаевъ, мы помѣщаемъ замѣтку г. С. Ше-хина, заявляя, что и впредь страницы нашего журнала будутъ всегда открыты для спокойнаго и беззлобнаго обсужденія всѣмъ намъ дорогого вопроса. Только что мы сказали, что не во всѣхъ случаяхъ мы согласны съ авторомъ замѣтки, но помѣщаемъ всѣ его замѣчанія безъ пропусковъ и оговорокъ, такъ какъ надѣемся, что прежде всего авторъ разбираемой статьи, г. Б. Гринченко, пожелаетъ первымъ дать отвѣтъ на эти замѣчанія; мы же оставляемъ за собой право сказать впослѣдствіи и наше мнѣніе по этому вопросу.

Ред.

ратурѣ, да еще и редакторъ сборника. Что же это за языкъ и на что онъ пригоденъ, скажутъ многіе, если даже извѣстный писатель и редакторъ такъ пишетъ на немъ!

Начнемъ съ первой строчки.

«Выдаючы сей альманахъ на згадку про *славетного* (?) діяча»... (стр. 5). Почему „славетного", а не «славного»? «Славетный»—отъ слова славить, прославлять, а «славный»—отъ слова «слава». «Славный діячъ»—это тотъ, который пользуется славой, извѣстностью, а «славетный діячъ»—это тотъ, который прославилъ кого-либо, которымъ прославились. Въ данномъ случаѣ, по содержанію періода, надо было написать «славный».

«Не вси ще Кулишевы творы *повыдруковувано*» (?)... (стр. 5). Надо сказать «надруковано», а не „повыдруковувано", т. к. полнаго изданія сочиненій Кулиша пока не было и никто пока не занимался собираніемъ и изданіемъ всего написаннаго Кулишемъ.

.....«Найголовнійши рысы його діяльносты выявылыся вже добре и можна йихъ *позначыты*» (?)... (стр 5). Надо было сказать «зазначыты»—отмѣтить, а не «позначыты»—положить клеймо, заклеймить. Пожалуй, можно было бы и «позначыты», но послѣ того, какъ ихъ кто-либо «зазначывъ»—это обозначило бы status послѣ извѣстной отмѣтки, знака—т. е. «по знаку», отсюда и «позначыты».

...«Семья встыгла вже *перекынутысь* (?) на полупанкивъ». Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать «превратиться въ полупанковъ». Но, по-малорусски это будетъ не «перекынутысь», а «перевернутыся въ полупанкивъ», отсюда и слово «*перевертень*». Можно сказать также «обернутыся въ...», но не «перекынутысь»—«опрокинуться».

«*Оприче* вкраинського»—слѣдуетъ «опричъ украинського». Вѣдь это не поэзія, гдѣ позволительны иногда почти беззаконныя вольности.

Сказавъ о томъ, что Кулишъ, кромѣ малорусской «мовы», въ дѣтствѣ иной и не зналъ, авторъ продолжаетъ: «ся... ричъ... *перешкоджала йому въ науци* въ повитовій школи». Надо бы сказать: «шкодыла йому».. или «перешкоджала його науци (ученью) въ повитовій школи» (стр. 5).

Тамъ же мы читаемъ: «зробывся першымъ (чымъ?) у класи»—гдѣ же существительное?

«Пани Мужыловська, сусида Кулишивъ и *богыня мрій* (sic!) маленького хлопця». Мы не понимаемъ, и другіе, кого спраши-

вали, не понимаютъ, почему «богыня мрій» и какихъ «мрій»? Это для «маленького хлопця», да еще выросшаго въ патріархальной обстановкѣ, и психологически невѣрно. А вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Мужиловская была въ семьѣ Кулишей столь вліятельной особой, что къ ней прислушивался и старикъ Кулишъ, ибо она *«обстояла»* (?), чтобы мальчика опредѣлили въ гимназію. Почему же «обстояла»?—защитила? Отъ кого защитила? Мужиловская убѣдила старика отдать сына въ гимназію и настояла на этомъ, но настаивать—«настоюваты, намагатыся», а убѣждать—„переконаты, упевняты, доводыты“ и т. д., смотря по тому, какой характеръ или оттѣнокъ желательно придать этому выраженію мысли.

На стр. 6-й мы читаемъ: «зъ колысь *чутого* (?) оповидання своеи матери напысавъ»...—это совсѣмъ не по-малорусски. Надо было бы сказать: «зъ того оповидання, що колысь чувъ одъ своеи матери»...

.....«Не мигъ винъ *зробыты* (?) алгебраичного *завдання»* (?)—это невозможный подборъ словъ и опять неудачный переводъ съ русскаго, на которомъ авторъ, очевидно, мыслилъ, когда писалъ и переводилъ. По-русски, дѣйствительно, вмѣсто «рѣшилъ», говорятъ неправильно «сдѣлалъ алгебраическую задачу». Но рѣшить по-малорусски будетъ «розъязаты» или, какъ говорятъ въ полтавской губ. «ришыты», а задача такъ и будетъ «задача». «Завдання»—это отглагольное существительное отъ слова «за-в-даваты». Можно «завдаты» тѣсто, чтобы кисло и всходило—создалось броженіе; «завдаты» кулакомъ «въ ухо»; «завдаты» мячъ при игрѣ «въ гылкы» и т. д., но къ алгебраическимъ комбинаціямъ это слово не приложимо. «Задаваты—задача—задання», какъ „вдача“ и «вдання». Говорятъ—«така його *вдача*», «алгебраична *задача*».

На стр. 6-й сказано: «...половыну литературнои діяльносты Кулишевои»—надо «Кулишевои литературнои діяльносты».

Дальше мы читаемъ: «У гимназіи винъ до кинця курсу *не добувъ*»...—такъ нельзя сказать. Если существуетъ обязательство или обязанность „буты“, тогда говорятъ, напр., «робитныкъ не добувъ сроку» и т. д., а объ ученикахъ и школѣ можно сказать: „до кинця курсу не дійшовъ“ или «не довчывся».

«*Бувшы ще Кулишъ* въ университети»...—оборотъ, который можно употребить только развѣ вслѣдствіе lapsus linguae. Это не малорусскій періодъ рѣчи. Вотъ въ предисловіи къ «Байкамъ Глибова»

(изд. 1895 г.) Б. Г. написалъ такой же періодъ совершенно правильно: «Ще бувшы малымъ хлопцемъ, почавъ Глибовъ складаты вирши, и якъ бувъ винъ у гимназіи»... Это правильно.

На этой же 6-й стр. читаемъ: «...Кулишъ... *зазнайомывся* (?) зъ проф. М. Максымовычемъ», а 14 строкъ ниже находимъ: «Винъ *познайомывся* зъ Костомаровымъ, зъ Шевченкомъ»... Какая разница въ характерѣ знакомствъ и почему съ Максимовичемъ «зазнайомывся», а съ Шенченкомъ и Костомаровымъ „познайомывся"?

Дальше сказано: „...вперше *выдруковано* (?) Кулишеву працю". Почему „выдруковано", а не „надруковано?"

Нельзя также сказать «*помишныкъ*» куратора, въ смыслѣ помощникъ. „Помишныкъ" отъ слова „мишать", а отъ слова «помичъ», „помогаты"—«помичныкъ». „Когда въ ироническомъ смыслѣ хотятъ выражаться о помощникѣ, то называютъ его „помишныкъ", т. е. человѣкъ, который мѣшаетъ, а не помогаетъ. Въ такомъ смыслѣ мы много разъ слышали это выраженіе у малороссовъ полтавск. губ.— лубенскаго и золотоношскаго уѣздовъ.

На стр. 7-ой мы нашли уже нѣчто невѣроятное: «Кулишъ тымъ часомъ захопывся украинськымъ мынулымъ:... криваву *эпопею* (sic) народньои боротьбы за волю *вывчае* (sic) вінъ *по* (?) кныгахъ, та старыхъ документахъ, *по* (?) раскопаныхъ *мертвыхъ могылахъ* (?!) та *по* (?) жывыхъ поэтычныхъ переказахъ и писняхъ ридного села. На його повіяло духомъ старого героизму вкраинськои исторіи и *постала* (?) въ його думка сотворыты... вкраинську Иліяду".

Этотъ періодъ лучше всего иллюстрируетъ наше утвержденіе, что авторъ мыслилъ русской литературной рѣчью и переводилъ ее на малорусскую, но очень и очень неудачно. Авторъ думалъ такъ: «Кровавую эпоху народной борьбы за свободу изучаетъ (или изслѣдуетъ) онъ по книгамъ и старымъ документамъ, по раскопаннымъ мертвымъ могиламъ и по живымъ поэтическимъ сказаніямъ и пѣснямъ родного села. На него повѣяло духомъ стараго героизма украинской исторіи и у него родилась (возникла) мысль создать... украинскую Иліяду".

Замѣна слова „эпоха" словомъ „эпопея" совершенно невозможна, такъ какъ слова эти заключаютъ въ себѣ разныя понятія. „Вывчыты" можно кого, что, изъ чего. „Вывчывъ граматку"; „вывчывъ хлопця"; «вывчывъ молытву зъ кныжкы». Но «вывчыть эпопею по мертвыхъ могылахъ»—это невозможный наборъ словъ. Изучать, изслѣдовать— по-малорусски—*дослиджувати*, *стежыты*, *студіюваты*, *вызнаваты*.

Надо было бы сказать ,напр., такъ: «Криваву эпоху народньои боротьбы за волю студіюе (выстежуе, дослиджуе, пизнае) винъ *зъ* кныгъ та старыхъ документивъ... зъ жывыхъ... переказивъ и писень ридного села. На його повіяло духомъ старого героизму вкраинськои исторіи и въ його склалася (народылася, вынықла) думка сотворыты... украинську Иліяду».

На стр. 8-ой мы находимъ: „...одружывся... зъ давно знаною (?) сестрою свого...“ Съ «знайомою» надо, или «видомою», но только не „знаною“.

А дальше сказано: «...выйихалы до Варшавы, щобъ извидты простувати (?) за кордонъ». Почему же не „вырядытыся“, „пойихаты“, „рушыты за кордонъ“, а „простуваты“? Выраженіе для даннаго случая неумѣстное.

«А тымъ часомъ *выкрыто* (?) вже було ...братерство, (и ?) Костомарова, Шевченка... позабирано». Очевидно авторъ хотѣлъ сказать—обнаружено, открыто, раскрыто, а сказалъ наоборотъ—„выкрыто“, т. е. совершенно закрыто, скрыто. По-малорусски надо было сказать *видкрыто, выявлено*...

Далѣе читаемъ: „...Кулишъ видбувъ кару въ фортеци... а потимъ заслано його до Тулы, заборонывшы (?) служыты... й пысаты“. Построеніе и согласованіе невозможное и синтаксически невѣрное. Надо было написать „заслано його до Тулы и заборонено служыты“.. или какъ говорятъ въ Полтавщинѣ: „заслано... зъ забороною служыты“...

На стр. 8-ой читаемъ: «Одна по одній *выявляються* (?) його кныгы». А гдѣ же и у кого онѣ были спрятаны или скрыты, что имъ пришлось „выявлятысь“, т. е. обнаруживаться? Надо было бы написать: «Одна за другою выходять його кныгы».

Тамъ же сказано: «...выдруковано (?) й дви перлыны нашого пысьменства красного», вмѣсто: «надруковано й дви перлыны нашого красного пысьменства».

«Выдруковано», вм. «надруковано», «духовнои», вм. «духовои», «рахуваты», вм. „сподиватысь“ или „уповаты“, „завсигды“ вмѣсто „завжды“ и т. д.—эти замѣны словъ попадаются на каждомъ шагу и дѣлаютъ рѣчь непонятной.

Въ примѣч. на стр. 8 сказано: „вона (кулишивка) теперъ ужываеться... по всихъ народныхъ школахъ, *въ* украинськыхъ гимназіяхъ и *на* вкраинськыхъ катедрахъ *на* (?) университетахъ“. Въ дѣйствительности малорусскій языкъ имѣетъ право гражданства на нѣкото-

рыхъ каѳедрахъ *въ* Львовскомъ и Черновецкомъ университетахъ, но «*въ*», а не «*на*».

О проповѣдяхъ Гречулевича на стр. 9 сказано, что Кулишъ ихъ «выдрукувавъ» (вм. надруковавъ) «*поперероблявшы*». А кто же ихъ «перероблявъ», если Кулишу пришлось ихъ «поперероблягы» и развѣ ихъ кто-либо до Кулиша «перероблявъ»?

Тамъ же читаемъ: «Добре проредактувавшы (вм. проредагувавшы) й выдрукувавшы (вм. надруковавшы) зъ своею *хвальною* (?) передмовою»... «Хвальный» значитъ хвастливый. «Докы хвалько нахвалытся—будько набудется». Надо сказать «хвалебного», «ухвального», но не «хвального».

Далѣе мы находимъ такой періодъ: «Сю гарну збирку зъ творивъ своихъ и кращыхъ тодишныхъ пысьменныкивъ *появывъ р. 1860* и тоди жъ выдае у 4 томахъ свои»... Гдѣ подлежащее? Р.—рикъ? Вѣроятно «р »—«року» и надо сообразить, что подлежащимъ будетъ «винъ», т. е. Кулишъ.

А ниже читаемъ: «...повстававъ проты *городянськои* (?) цивилизаціи панськои»... Отъ «городъ» прилагательное будетъ «городськый», а отъ «городянка»—«городянськый». Слѣдовательно, надо сказать «проты городськои цивилизаціи».

На стр. 10 читаемъ: «...*здолавъ* прегарною... мовою выкладаты ричъ». «*Здолавъ*» здѣсь неумѣстно, т. к. ничего Кулишу тутъ превозмогать (здолаты) не приходилось. Авторъ самъ же говоритъ, что малорусскій языкъ для Кулиша былъ роднымъ и никакихъ трудностей не представлялъ. Слѣдовало сказать не «здолавъ», а «умивъ», «зумивъ».

Точно также немного ниже неумѣстно употреблено слово „заклыкъ“ вм. „поклыкъ“ (см. и на стр. 13).

Въ концѣ 10 стр. мы находимъ: «... що „Основа“ писля 22 кн. *не стала* выходыты, т. е не пожелала, отказалась выходить!

Этими неправильностями рѣчи далеко не исчерпываются погрѣшности автора противъ лексикона, синтаксиса и духа малорусскаго языка, но и указаннаго на пять листиковъ замѣтки „до чытачивъ“ черезчуръ много. Вообще, вся замѣтка написана языкомъ, который рѣжетъ нашъ слухъ, пріученный съ дѣтства къ чистой малорусской разговорной и литературной рѣчи. Кулишъ, въ память о которомъ изданъ сборникъ „Дубове лысте“, не похвалилъ бы г. Гринченка за

такую замѣтку. Очевидно, авторъ питаетъ большое пристрастіе ко всякаго рода новшествамъ, заковыристымъ словечкамъ и приставкамъ.

Малорусскій языкъ представляетъ изъ себя богатую сокровищницу народнаго духа. Надо только владѣть дорогой къ ней и умѣть пользоваться ею. Такъ и дѣлалъ Кулишъ, владѣвшій родной рѣчью въ совершенствѣ. Онъ не нуждался въ томъ, чтобы превратиться въ кузнеца словъ, такъ какъ каждое слово у него просто выливалось для выраженія понятія. Но для этого Кулишъ не зарывалъ таланта, даннаго Богомъ, не игнорировалъ первоисточника—народной рѣчи, а изучалъ, работалъ надъ нею, собиралъ и снова изучалъ. Трудъ не легкій, но плодотворный. И мы не знаемъ ни одного человѣка, который не преклонялся бы передъ удивительнымъ умѣньемъ Кулиша владѣть родною рѣчью.

Къ сожалѣнію, многіе малорусскіе писатели уклоняются отъ указаннаго, единственно правильнаго, пути развитія родной литературной рѣчи, а предпочитаютъ для себя болѣе легкій трудъ. Они, если не знаютъ слова для выраженія того или иного понятія, не обращаются къ живому первоисточнику, а принимаются за собственную выковку слова и куютъ, какъ придется, какъ случится. Такихъ ковалей развелось достаточно, и они принесли своей работой огромный вредъ. Не говоря уже о страшномъ диссонансѣ, внесенномъ ими въ гармоничную родную рѣчь, эти ковали многихъ отвернули отъ малорусской литературы и дали въ руки недоброжелателей обильный матеріалъ для отрицанія и даже для насмѣшекъ. „Недотепнисть“ авторовъ стала синонимомъ непригодности языка. Синтаксиса родной рѣчи также авторы совсѣмъ не признаютъ.

Невольно, съ горечью вспоминаешь предсказаніе Шевченка:

«Неслы, неслы съ чужого поля
И въ Украину прынеслы
Велыкыхъ словъ велыку сылу...
. . . .
Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудристь бы була своя;...
. . . .
...Колысь будемъ
И по своему глаголать,
Якъ нимець покаже,
. . . .

Добре заходылысь
По нимецькому показу,
Та й заговорылы
Такъ, що й нимець не второпа.
Учытель велыкый,
А не то, щобъ прости люде!»

Дѣйствительно, многія писанія не только не понятны народу, но даже разохочивають его къ чтенію книги на родномъ языкѣ. Какъ ни грустно сознаться въ этомъ, но факта отрицать нельзя.

Чистотѣ языка мы придаемъ особое значеніе не только изъ любви къ родной рѣчи, но изъ желанія ей высокаго развитія и пріобрѣтенія правъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ нѣсколько словъ по поводу перечня псевдонимовъ Кулиша (стр. 247). Въ перечнѣ псевдонимовъ пропущенъ «Иванъ Горза» (въ Основѣ), сказано «Н. Необачный», а надо „П. Необачный", указанъ псевдонимъ „Гургурдядько".

По поводу послѣдняго мы, со словъ доктора О. Д. Цысса, автора „Ятривкы", „Сватання невзначай" и сборника драмъ подъ заглавіемъ „Стародавня Украина", позволимъ себѣ, съ его разрѣшенія, сообщить слѣдующее. Въ молодости О. Д. Цыссъ писалъ стихи (см. напр. его «вирши» въ «Народн. Календ. на 1865 р.», Львивъ). Поступивъ въ Кіевскій университетъ, онъ вскорѣ написалъ поэму «Могыльни сходыны» и отправилъ ее для печатанія въ Галицію. Первая часть поэмы была напечатана въ 1 кн. «Меты» за 1863 г, и эту книгу г. Цыссъ получилъ, а дальше «Мета» не была допущена въ Россію. По поводу содержанія первой книжки «Меты» журналъ, издававшійся при Кіевской духовной академіи, въ февралѣ или мартѣ 1863 года, помѣстилъ замѣтку, въ которой авторъ угадывалъ, кому изъ украинцевъ какая статья «Меты» принадлежитъ и сдѣлалъ на нихъ литературный доносъ. О сотрудничествѣ въ «Метѣ» украинцевъ и содержаніи ихъ статей онъ писалъ, что это casus belli между Австріей и Россіей, а потому настаивалъ на принятіи строгихъ мѣръ относительно авторовъ, а Гургурдядька, какъ знакомаго молодого человѣка, приглашалъ въ редакцію для личныхъ назиданій. Такъ О. Д. Цыссъ и не видѣлъ окончанія своей поэмы, которая, какъ ему писали, засимъ была окончена печатаніемъ въ 4 книжкѣ „Меты".

Такимъ образомъ, Гургурдядько—это псевдонимъ О. Д. Цысса, а не П. О. Кулиша.

С. Ше-хинъ.

№ 27. Левицькый М. За коліивщыны. Оповидання. Ц. 5 коп. № 28 Н. Гринченко Вуря на мори. Ц. 7 к., № 29. П Мырный. Лыхый попутавъ. Оповидання. Ц. 5 к., № 30. И. Левицькый. Рыбалка Панасъ Круть. Ц. 5 к. *Кыивъ, 1903 р.*

Среди многихъ условій, стѣсняющихъ развитіе украинской литературы, въ особенности приходится сожалѣть о невозможности печатать на украинскомъ языкѣ всякаго рода научныхъ произведеній. Благодаря этому, украинская литература лишилась въ весьма значительной степени того практическаго значенія, какое она могла бы имѣть по своему существу въ жизни простого народа. Большинство нашихъ народныхъ изданій, даже въ лучшей своей части, по прочтеніи ихъ народомъ, не даетъ ему тѣхъ практическихъ знаній, которыя онъ смогъ-бы немедленно примѣнить въ своей жизни и благодаря которымъ смогъ-бы убѣдиться, что подобныя книжки пишутъ не для забавы праздные люди, а настоящіе друзья народа.

Отрадное исключеніе изъ общаго правила составляютъ нѣсколько книжекъ спеціальнаго характера въ родѣ брошюръ Чикаленка, Немоловскаго,—по предметамъ сельскаго хозяйства или—М. Левицкаго, Коваленка—по медицинѣ. Очевидно жизнь не всегда согласуется съ писанными законами и можно думать, что существенный успѣхъ именно этихъ послѣднихъ брошюръ обезоружитъ въ будущемъ даже самыхъ закоренѣлыхъ враговъ народнаго языка и книжки, а пока что приходится отмѣчать только тѣ явленія въ нашей народной литературѣ, которыя хоть отчасти приближаются къ своей задачѣ—возможному всестороннему развитію украинскаго народа.

Такія мысли невольно приходятъ въ голову при взглядѣ на лежащія предъ нами брошюры.

Всѣ они по существу прекрасны, и каждая изъ нихъ смѣло можетъ быть рекомендована для чтенія простому народу, для котораго это чтеніе не пройдетъ безъ пользы, но при этомъ приходится еще разъ пожалѣть о томъ, что издатели принуждены кормить голод-

ный народъ, такъ сказать, сладкими пирожками, а не питательнымъ хлѣбомъ.

Однако обратимся къ книжкамъ.

Въ разсказѣ «За коліивщыны» М. Левицкій въ формѣ занимательнаго разсказа знакомитъ читателя со всею исторіею гайдамацкаго движенія. Къ достоинствамъ разсказа нужно отнести вѣрную характеристику главныхъ событій и дѣятелей этой эпохи; различіе сословныхъ интересовъ, жестокость нравовъ, обиліе кровавыхъ эпизодовъ и пожаровъ также удачно иллюстрированы г. Левицкимъ.

Другія двѣ брошюрки, принадлежащія перу нашихъ маститыхъ писателей, П. Мырнаго и И. Левицкаго, рисуютъ уже современную жизнь нашего народа.

П. Мырный въ разсказѣ «Лыхый попутавъ» передаетъ несчастнымъ романъ уботой крестьянской дѣвушки, попавшей на службу въ городъ и не сумѣвшей устоять противъ ухаживаній городскихъ донжуановъ. Попутно авторъ замѣчательно правдиво передаетъ психологію молодой несчастной женщины и рисуетъ экономическое положеніе деревни.

Разсказъ И. Левицкаго въ иномъ родѣ. Отраднаго и тутъ немного, но поэтическая обстановка мѣста дѣйствія, эпическій тонъ разсказа отчасти смягчаетъ то тяжелое настроеніе, которое должна бы вызвать въ читателѣ исторія стараго неудачника рыбалки Панаса Крутя.

По языку оба эти разсказа не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Съ особымъ удовольствіемъ мы останавливаемся на небольшомъ сборникѣ разсказовъ для дѣтей въ книжкѣ г. Н. Гринченка подъ заглавіемъ «Буря на мори».

Умѣлый выборъ произведеній изъ различныхъ иностранныхъ авторовъ и прекрасный языкъ перевода дѣлаютъ честь молодой писательницѣ. Въ особенности хорошъ первый разсказецъ—Буря на мори,—рисующій великую душу малаго ребенка. Юный читатель найдетъ въ этой книжкѣ свѣдѣнія о жизни людей и животныхъ въ другихъ странахъ (Середъ снигивъ), увидитъ примѣры прекрасныхъ отношеній дѣтей къ родителямъ (Машыныстивъ сынъ), людей вообще—къ исполненію долга (Старчыха), поучится товарищескимъ отношеніямъ къ своимъ сверстникамъ («Ворожиння»)—и все это въ самой доступной формѣ, безъ всякой примѣси дидактическаго тона. Безъ сомнѣнія эта книжка будетъ прочтена дѣтьми съ интересомъ и пользой и вполнѣ заслужи-

ваетъ того, чтобы быть отмѣченной среди нашей небогатой дѣтскими книгами литературы.

Говоря о внѣшней сторонѣ книжекъ, нельзя не указать на опрятность и дешевизну изданія. Въ разсказѣ „Лыхый попутавъ" приходится отмѣтить мелкую, сравнительно, для простолюдина, печать.

Возвращаясь къ началу, мы не можемъ не пожелать, что-бы кѣмъ-нибудь, хотя бы напр., отъ имени Петербургскаго благотворительнаго общества, было возбуждено въ надлежащемъ порядкѣ ходатайство о разрѣшеніи издавать для Украины книги научно-популярнаго характера на родномъ языкѣ и о допущеніи подобныхъ книгъ въ народныя читальни и библіотеки.

М. Павловскій.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 6 и 7; 2) Русская Старина, № 6; 3) Историч. Вѣстн., № 4—6; 4) Всемірн. Вѣстн., № 4; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 6; 6) Научное Обозрѣніе, № 5; 7) Кіевск. Унив. Изв., № 5; 8) Учен. Зап. Казан. Унив., № 4—6; 9) Варш. Унив. Изв., № 3; 10) Записки Харьк. Унив., № 2 и 3; 11) Труды Кіев. Дух. Акад., № 5 и 6; 12) Археологич. Лѣтоп. Южн. Россіи, № 2; 13) Вѣстн. Евр., № 5 и 6; 14) Русск. Вѣстн. № 6; 15) Міръ Божій, № 6; 16) Русская Мысль, № 5 и 6; 17) Русское Богатство, № 5; 18) Книжки восхода, № 5; 19) Земскій Сборн. черниг. губ., № 5; 20) Литер.-Науков. Вистн., № 6 и 7.

Русскій Архивъ № 6 и 7.

А. А. Титовъ. Черное малороссійское духовенство былого времени (№ 6, стр. 145—166). Статья эта составлена по превосходной книгѣ А. С. Лебедева «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности». Здѣсь выбраны наиболѣе характерныя картинки изъ жизни и дѣятельности Бѣлгородскихъ владыкъ съ конца 17 вѣка и до начала 19-го. Картинки эти даютъ поразительные факты грубыхъ и далеко не нравственныхъ поступковъ многихъ владыкъ Бѣлгородской епархіи.

Историческій Вѣстникъ, № 4—6.

Т. А. Мартемьяновъ. Общества нетрезвости на Руси. (№ 4, стр. 201—213). Въ этой статьѣ, отмѣчающей разновременно возникавшіе въ Россіи кружки усиленнаго пьянства, начиная съ конца 17-го в. и до 40-хъ годовъ 19-го, идетъ рѣчь объ извѣстномъ въ Малороссіи въ 40-хъ годахъ „обществѣ мочемордія", въ которомъ нѣсколько времени вращался и поэтъ Т. Г. Шевченко. Ничего новаго объ этомъ обществѣ въ статьѣ г. Мартемьянова не сообщено.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. 13-й. Стат. В. Грибовскаго. (№ 4, стр. 318—320); 2) Д. И. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ (№ 4, стр. 322—323); 3) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Очерки народнаго быта. Стат. Серг. фонъ-Штейна (№ 4, стр. 352—353); 4) И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ 19 вѣка. Очерки по архивнымъ даннымъ. Вып. 1-й (№ 4, стр. 353—354); 5) М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Историческое изслѣдованіе Стат. Н. Фалѣева (№ 5, стр. 714—715).

Въ отдѣлѣ *«Смѣсь»* помѣщена маленькая замѣтка „Кіевскій музей древностей", въ которой говорится о дарѣ музею Императорской археологической коммиссіи многихъ предметовъ изъ раскопокъ гр. А. А. Бобринскаго и В. Е. Гезе (№ 6, стр. 1152).

Всемірный Вѣстникъ, № 4.

В. В. Святловскій.—Очерки по экономической исторіи древней Руси (стр. 102—131, продолженіе).—Въ настоящей главѣ своего изслѣдованія авторъ намѣчаетъ этапные пункты внѣшней исторіи Черноморскаго побережья, дѣля ее на три эпохи: на финикійскую, греческую и италіанскую. Начало первой эпохи авторъ относитъ къ X в. до Р. Х., когда на побережьи Чернаго моря появились піонеры древней культуры, финикіяне, и положили начало торговыхъ сношеній съ туземцами. Ко времени расцвѣта эллинской культуры греки вытѣсняютъ отсюда финикіянъ и надолго устраиваются на новыхъ мѣстахъ. Изъ смѣшенія грековъ съ прибрежнымъ туземнымъ населеніемъ образуются интереснѣйшія государства такъ называемаго Босфора Киммерійскаго.

Паденіе восточной римской имперіи и броженіе, возникшее въ началѣ среднихъ вѣковъ на востокѣ, смели съ лица земли эти государства, миніатюрные культурные мірки эллинистическаго характера. Черноморскимъ побережьемъ завладѣли итальянцы, пока ихъ, въ свою очередь, не изгнали монголы, отъ которыхъ, наконецъ, Россія получила въ свое владѣніе это историческое побережье. Одновременно съ этой смѣной народовъ измѣнялось и туземное ядро населенія. Но авторъ не беретъ на себя задачи установленія и опредѣленія національности народностей, сталкивавшихся на томъ побережьи, бывшемъ очагомъ культуры, которая не могла не распространять своего вліянія далеко вокругъ на сосѣдніе народы; онъ ограничивается лишь простымъ констатированіемъ факта, что славянское населеніе края познакомилось съ высшей культурой еще задолго до заключенія договора первыхъ князей и появленія о томъ первыхъ оффиціальныхъ данныхъ. Въ послѣдующемъ изложеніи авторъ говоритъ объ экономическомъ бытѣ, торговлѣ и главныхъ предметахъ торговаго обмѣна колоній.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 6.

И. Якубовскій.—Земскіе привилеи Великаго княжества Литовскаго. (Окончаніе, стр. 245—303).—Въ настоящей, второй части, своего солиднаго научнаго изслѣдованія авторъ посредствомъ тщательнаго критическаго разбора текстовъ областныхъ привилеевъ позднѣйшаго времени (XVI или конца XV ст.), являющихся подтвержденіемъ прежнихъ, не дошедшихъ до насъ основныхъ грамотъ, пожалованныхъ областямъ въ концѣ XIV или въ XV ст., возсоздаетъ цѣлый рядъ потерянныхъ документовъ, выдѣляя позднѣйшія наслоенія и опредѣляя ихъ хронологическою послѣдовательностью. Такимъ образомъ, молодому ученому удалось изъ-подъ наросшей коры позднѣйшихъ наслоеній добыть первоначальное ядро въ цѣломъ рядѣ областныхъ привилеевъ, а именно: луцкой земли, дрогочинскаго и бѣльскаго повѣтовъ; жмудской, полоцкой, витебской, смоленской, кіевской и волынской земель. Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію находимъ тексты привилеевъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 477) напечатана замѣтка на VII т. «Жерел до историі Украіни-Руси», издаваемыхъ Археографічною комісиею Науков. Товар. ім. Шевченка подъ редакціей проф. Грушевскаго.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

А. Грушевскій.—Пинскіе акты XV—XVI вв. Приложеніе къ сочин. «Очерки исторіи Турова и Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI вв.»; стр. 97—128.

Ученыя Записки Казанск. Университ. № 4, 5 и 6.

И. Смирновъ.—Очерки культурной исторіи южныхъ славянъ (№ 4, стр. 1—34; продолженіе). Настоящій очеркъ обширнаго изслѣдованія посвященъ ознакомленію съ однимъ изъ элементовъ первобытной славянской религіи съ анимистическимъ созерцаніемъ природы. Авторъ систематизируетъ и дополняетъ прежнія указанія о томъ, какъ первобытный славянинъ представлялъ себѣ свое *я* и различалъ его отъ внѣшняго міра, отъ не--*я*.

А. Архангельскій.—По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина. (№ 4, стр. 41—48).—Замѣтка даетъ въ извлеченіи документальный матеріалъ изъ двухъ «дѣлъ», связанныхъ съ именемъ извѣстнаго ученаго и публициста, имѣющихся въ архивѣ казанскаго университета. Одно «дѣло» относится ко времени пребыванія А. Н. Пыпина студентомъ названнаго университета (1849—1850 г.); второе--къ эпизоду избранія его въ томъ-же университетѣ въ 1856 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы.

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 5 и 6.

А. Войтковъ—Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и участіе его въ политической жизни польской Украины 1771—1776 г. (№ 5, стр. 79—102; № 6, стр. 320—332).—Изслѣдованіе представляетъ собою небольшой историко-біографическій очеркъ, въ первой части котораго авторъ даетъ общій обзоръ разсматриваемой эпохи съ избранной имъ спеціальной точки зрѣнія: сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о происхожденіи западно-русской церковной уніи и противодѣйствіи ей со стороны православнаго украинскаго населенія, авторъ приходитъ къ разсмотрѣнію диссидентскаго вопроса во время преосв. Іова; говоритъ о сеймѣ 1767—1768 г., Барской конференціи и гайдамацкомъ бунтѣ, о положеніи диссидентскаго вопроса послѣ перваго раздѣла Польши и участи русскаго правительства въ рѣшеніи его

Вторая глава посвящена личности преосв. Іова и его служебно-административной дѣятельности.

Д. Вишневскій. — Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII ст. (№ 6, стр. 179—212; продолженіе). Въ настоящей главѣ авторъ говоритъ о задачѣ академическаго образованія и средствахъ выполненія ея; о наукахъ, преподававшихся въ академіи, преподавателяхъ и сохранившихся учебникахъ, библіотекѣ, внѣклассныхъ занятіяхъ учителей и, наконецъ, объ общемъ состояніи нравственно-воспитательнаго дѣла въ академіи.

Археологическая Лѣтопись Южной Россіи, № 2.

Въ настоящей книжкѣ названнаго журнала заслуживаютъ вниманія статьи: *А. Миллера* «Археологическія изысканія въ окрестностяхъ Таганрога», съ 3-мя таблицами (стр. 87—94); *Л. Падалки.* «Остатки старины на Нижнемъ Днѣпрѣ» (стр. 95—107) и замѣтка *Н. Бѣляшевскаго* «Икона, сооруженная гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ», съ одной таблицей (стр. 108—111).

Вѣстникъ Европы, № 5 и 6.

А. В. Романовичъ-Славатинскій „Моя жизнь и академическая дѣятельность“. Въ главѣ 10-й разсказывается о жизни и дѣятельности автора воспоминаній въ Кіевѣ, въ періодъ очень интересный—польское возстаніе, введеніе университетскаго устава 1863 года,—но нужно признаться, что разсказъ ведется очень отрывочно и бѣгло, благодаря чему чтеніе этой главы для человѣка, знающаго эти годы въ жизни Кіева и кіевскаго университета, совершенно не даетъ ничего рельефнаго, а для свидѣтеля всѣхъ этихъ моментовъ кажется слишкомъ неудовлетворительнымъ, такъ какъ при чтеніи вспоминается гораздо больше того, что даетъ авторъ. Есть тутъ характеристики многихъ лицъ, очень выдававшихся въ жизни Кіева (Иванишевъ, Авсѣенко, Драгомановъ, Кистяковскій); есть и упоминаніе о такомъ громкомъ въ свое время дѣлѣ, какъ дѣло о докторскомъ дипломѣ Шульгина,—но все это передано такъ блѣдно, что никакихъ впечатлѣній не получается. Въ главѣ 11-й останавливается вниманіе читателя больше всего на томъ, какъ университет. уставъ 1863 года началъ подвергаться колебаніямъ, благодаря министерству гр. Д. А. Толстого, несмотря на всѣ

тѣ хорошія стороны въ немъ, которыя любовно отмѣчаются авторомъ воспоминаній (№ 5-й, стр. 181—205). Въ послѣдней, 12-й, главѣ разсказано о коммиссіи для пересмотра университетскаго устава, о временныхъ правилахъ 1879 года, о студенческихъ волненіяхъ и университетскомъ судѣ (№ 6, стр. 499—508).

Народное образованіе въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. М. Ц. (№ 6, стр. 750—763). Статья составлена на основаніи отчета попечителя кіевскаго учебнаго округа за 1901-й годъ. Здѣсь разсмотрѣны данныя о среднихъ и низшихъ школахъ, при чемъ наиболѣе интереснымъ является сопоставленіе данныхъ о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской—съ одной стороны, и въ черниговской и полтавской—съ другой: въ первыхъ народное образованіе находится значительно въ худшихъ условіяхъ (почти въ четыре раза), чѣмъ во вторыхъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ важности значенія органовъ самоуправленія въ дѣлѣ культурнаго развитія страны.

Русскій Вѣстникъ, № 6.

Въ «Современной лѣтописи» помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ «Усовершенствованный способъ отрезвленія и просвѣщенія народа». Здѣсь передается инцидентъ въ одной изъ кіевскихъ народныхъ чайныхъ попечительства о народной трезвости. Весь инцидентъ сводится къ тому, что мѣстный приходской священникъ, очевидно, хотѣлъ въ этой чайной играть первую роль, что ему въ началѣ и удалось, но затѣмъ почему-то главное руководство перешло въ другія руки, и вотъ возмущенный пастырь начинаетъ вести агитацію противъ развлеченій для народа въ видѣ спектаклей, концертовъ и танцовальныхъ вечеровъ, преимущественно почему-то нападая на малорусскіе спектакли. Кончилъ пастырь тѣмъ, что, при освященіи новаго зданія народной чайной, куда онъ былъ приглашенъ для совершенія чина освященія, онъ разразился рѣчью, въ которой кратко разсказалъ исторію своего разногласія съ другими дѣятелями чайной и съ осужденіемъ отнесся къ работѣ ихъ, говоря, что дома этого *нельзя сквернить непристойными зрѣлищами*. Въ какомъ тонѣ все это передано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», догадаться не трудно, но кто присутствовалъ при произнесеніи этой рѣчи пастыря, тотъ посвидѣтельствуетъ, съ какимъ непріятнымъ и болѣзненнымъ чувствомъ была она принята всѣми, благодаря нетактичности оратора. (Стр. 733—736).

Міръ Божій № 6.

Н. Рожковъ.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII в.). (Продолженіе стр. 53—75). Гл. 5. Церковь и духовенство. Въ этой главѣ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о церкви, какъ учрежденіи, и духовенствѣ, какъ общественной группѣ, о происхожденіи и организаціи этихъ учрежденій. Въ частности, при разсмотрѣніи этой организаціи, авторъ говоритъ объ отношеніи русской церкви къ византійской и о церковномъ управленіи. Отъ очерка внѣшняго устройства церкви авторъ переходитъ къ вопросу о церковномъ законодательствѣ и судѣ и, наконецъ, къ опредѣленію отношеній церкви къ государству. Глава шестая посвящена характеристикѣ духовной жизни общества древней Руси; въ ней трактуется объ этическихъ понятіяхъ, обычаяхъ, привычкахъ, взглядахъ на право, справедливость и взаимныхъ отношеніяхъ людей въ кіевскій періодъ исторіи.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 5.

Н. Василенко.— Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ черниговскаго полка 1729—1730 гг.

Літературно-Науковый Вістник, № 6 и 7.

№ 6. Із поезій *Петра Корманського* (стр. 181—182). Із поезій *Олекси Коваленка* (стр. 182—183). Із поезій *Юл. Панкевича* (стр. 183—184). *Грыцько Грыгоренко.* Ніяк не вмре; оповідання (стр. 185—202). Два нариси *Марійки К.* 1) Без щастя; 2) Отсе житте (стр. 203—209). Із оповідань *Надії Кибальчич:* 1) На канікули; 2) Безсонна ніч, (стр. 210—217). Метелик. Фантазія *Л. Яновської* (стр. 218—222). Дрібні малюнки: 10) Plebs mobilis est. *М. Дерлиці*; 11) Перша вильгота. *Л. Левицького* (стр. 223—229). *Олива Шрайнер.*—Мріи и сни; перекл. Н Грінченко: 3) Серед райских садив; 4) Въ далекому сьвіті; 5) Три сни в пустині під мімозою (стр. 230—238). *Шарль Фолеі.* Вандейці; нариси, перекл. М. Грушевськоі; 3) Горожанка Каріє; 4) Сховок; 5) Криниця любови; 6) Молитва (стр. 239—252). *Остап Терлецький.* Галицько-руське письменство 1848—1865 р. (стр. 157—180). *С. Е—ов.* Наука нам. (стр. 181—189) *М. В.* Картка з історіі польско-литовсько-украінських відносин (стр. 190—194). *Г. Кайзер.* Теорія електронів, перекл. д-ра В. Левицького (стр. 195—207). *П.*

Перекидько. По малярських виставах у Москві (стр. 208---212). Нерозуміне яко доказ. *Катрі Гриневичевої* (стр. 213---214). Лист *д. Хоткевича* (стр. 214---218). Хроніка і библіографія (стр. 219---236).

—

№ 7. Із поезій *М. Старицького*: I---IV.---*Ів.Франко:* Із ціклю «Злоба дня»: О. Люнатикови.---*Я. Жарко:* Андрійко, оповідане.---*А. Чайківський:* Ні разу не вдарив, образок із судовоі салі.--- Пеня: Сердечна опіка, Згадка.---Знайда: Дебют, нарис.---*П. Барвинський:* Співачка Варка.—*Зельма Лагерлеф:* Скарбничка цісаревоі, легенда перек. *І. Франка.* –*Семен Земляк*: Савка Дудар, новеля, перек *Ів. Франко.*

О. Терлецький: Гал.-руське письменство 1848---1865 р. Уваги й спомини.---*Вільхівський:* Педагогічне крутійство.---Із чужих літератур: французські повісти Семена Земляка, *І. Франка.*---Дискусіі: VIII. З приводу уваг д. Ефремова, *І. Стешенка.* IX Право критики і симво лізм, *д-ра І. Копача*---Перший з'ізд российських фільольогів: I. Статя *проф. В. Ягіча* II. Доповнене, *В.*---Хроніка і бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Украинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ. Съ мая т. г. въ Вѣнѣ началъ издаваться на нѣмецкомъ языкѣ украинскій журналъ „Rutenische Revue". Въ первой статьѣ перваго номера журнала редакція о мотивахъ и цѣли настоящаго изданія говоритъ слѣдующее: украинцы по численности занимаютъ шестое мѣсто въ ряду народностей Европы, такъ какъ доказано, что украинцевъ далеко болѣе 25 мил., однако они не только не занимаютъ соотвѣтствующаго имъ мѣста въ семьѣ европейскихъ народовъ, даже само́е существованіе ихъ мало, а то и совершенно, неизвѣстно образованнымъ людямъ и политикамъ европейскимъ. Причина этого заключается въ томъ, что исторія украинцевъ, ихъ историческое развитіе, въ значительной своей части связаны съ исторіей и историческимъ развитіемъ великороссовъ и поляковъ, а также и въ томъ, что они являются племенемъ родственнымъ этимъ обоимъ народамъ, вслѣдствіе чего на украинцевъ смотрятъ какъ на составную часть великороссовъ или поляковъ, тѣмъ болѣе, что поляки и нѣкоторые ученые обоихъ названныхъ народовъ всѣми силами стараются игнорировать и замалчивать украинскую націю. А

между тѣмъ украинцы имѣютъ свой языкъ, свой самородный племенной характеръ, свое національное самосознаніе, наконецъ, свои собственные идеалы. Но если этотъ народъ въ теченіе послѣднихъ 600 лѣтъ, не смотря на крайне неблагопріятныя для него обстоятельства, сумѣлъ сберечь свою національную самостоятельность, если онъ въ послѣднее время снова, несмотря на громадныя препятствія, ревностно работаетъ надъ своимъ культурнымъ развитіемъ, если онъ проявляетъ разнообразныя выдающіяся свои способности, то это свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о его способности сопротивленія, а съ другой— о его немаломъ значеніи для остальной Европы, такъ какъ онъ можетъ явиться немаловажнымъ факторомъ въ ея культурномъ, экономическомъ и политическомъ развитіи. Вслѣдствіе этого для Европы интересно и важно познакомиться съ украинской націей; а для последней также интересно и важно, если съ нею познакомятся европейцы. „Rutenische Revue" ставитъ своей задачей слѣдующія цѣли: сблизить украинскую націю съ Европой, уяснить послѣдней, что это за народъ, каково его современное положеніе, его развитіе, потребности и нужды. При чемъ редакція считаетъ нужнымъ заявить, что при выполненіи взятыхъ ею на себя задачъ, она будетъ руководиться исключительно сущностью самаго дѣла, избѣгая партійности. „Мы, заявляетъ редакція, далеки отъ всякаго шовинизма и думаемъ, что искренностью и объективностью окажемъ наилучшую услугу какъ самому украинскому народу, такъ и Европѣ. Общественное мнѣніе Европы будетъ имѣть возможность сравнить наши сужденія съ тѣми информаціями, какія отъ времени до времени пускаются въ свѣтъ про украинскій народъ. Мы постараемся дать самое точное изображеиіе жизни украинскаго народа съ различныхъ сторонъ: политики, экономики, науки, литературы и искусства". Къ сожалѣнію, недостатокъ матеріальныхъ средствъ вынуждаетъ редакцію заявить, что все это возможно лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Въ Петербургской «Зарѣ» (№ 105) помѣщена изъ Хотина, бессарабской губ., корреспонденція слѣдующаго содержанія:

«Нашъ городъ посѣтилъ недавно извѣстный украинскій (австрійской Украины) писатель Осипъ Маковей, который пріѣхалъ сюда изъ г. Черновецъ, гдѣ онъ состоитъ профессоромъ учительской семинаріи по преподаванію русской литературы и языка. Посѣтилъ Осипъ

Маковей Россію съ цѣлью осмотра Хотинской, Жванецкой и Каменецкой фортецъ, имѣя въ виду писать историческую повѣсть временъ осады Хотина турками въ 1621 году. Матеріаломъ для повѣсти служатъ ему старые польскіе мемуары, лѣтописи и пр. Крѣпости произвели на г. Маковея выгодное впечатлѣніе въ смыслѣ матеріала для будущей повѣсти. «Добре уявляю соби всю подію»—сказалъ онъ по осмотрѣ крѣпостей. Но г. Маковей очень возмущается тѣмъ, что такіе прекрасные памятники [старины, какъ хотинская и каменецкая фортецы, остаются безъ всякаго досмотра. «За кордономъ—говорилъ, между прочимъ, онъ,—у людей кожный каминьчыкъ бережуть, якъ око въ лоби, а въ васъ и на найкращу старовыну не звертають ніякои увагы—все завалюеться, пропадае даремно». Это сообщеніе въ „Зарѣ“ оканчивается замѣчаніемъ: „нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго малорусскаго литератора; нѣтъ у насъ традиціи культурнаго народа, «щобъ зберегты, пошануваты старовыну».

Въ № 7742 „Южнаго Края“ напечатана статья проф. Сумцова „Изъ отношеній польскаго общества Юго-западнаго края къ крестьянской освободительной реформѣ“, представляющая собою извлеченіе изъ письма къ автору статьи одного престарѣлаго польскаго писателя, личнаго друга Сырокомли. Письмо это было вызвано упоминаніемъ со стороны г. Сумцова въ одной изъ его статей о сочувственномъ стихотвореніи Сырокомли, посвященномъ крестьянской реформѣ. Авторъ письма довольно яркими красками рисуетъ намъ ту сильную народническую струю, какая существовала въ польскомъ обществѣ юго-запад. края, въ 60-е годы, особенно среди университетской молодежи. „Тогдашніе студенты кіевскаго университета, говоритъ авторъ письма, жили общею и самою интимною жизнью со всѣмъ населеніемъ края. Не было во всѣхъ провинціяхъ юго-западнаго края почти ни одной интеллигентной семьи, въ которой такъ или иначе не участвовалъ студентъ. Это одинаково относится ко всѣмъ слоямъ и сословіямъ тогдашняго населенія края, безъ различія состоянія, званія и вѣроисповѣданія. И нельзя при этомъ отрицать, что тогдашній университетъ св. Владиміра игралъ въ жизни общества, такъ сказать, роль камертона.

Мало того, онъ рѣшительно говоритъ, что нигдѣ реформа эта не пользовалась такимъ сочувствіемъ и не насчитывала столь горячихъ

приверженцевъ, какъ въ сферахъ польской интеллигенціи вообще, и въ сословіи польскихъ писателей въ особенности. Никто не бичевалъ такъ крѣпостниковъ—поляковъ, какъ польскіе беллетристы.

Интересны также воспоминанія автора письма объ извѣстномъ писателѣ и ученомъ А. Вериго-Даровскомъ. Несмотря на свои уже немолодые годы, онъ былъ очень близокъ къ молодежи; а послѣдняя его просто боготворила. Онъ отличался необыкновенно острымъ, ѣдкимъ языкомъ. Авторъ письма приводитъ одинъ экспромптъ его противъ крѣпостниковъ, начинающійся „Chlopi mają być swobodni“ и кончающійся обращеніемъ къ Украинѣ съ ироническимъ вопросомъ, какъ она проживетъ безъ кнута.—

Bez panszczyzny i bez bata
Tóz to istny koniec swiata! [1])

Затѣмъ напечатанъ переводъ двухъ стихотвореній Сырокомли; одно изъ нихъ серьезное, проникнутое глубокою гуманностью, а другое юмористическое, подъ заглавіемъ „Nagrobek obywatelewi“:

Мужиковъ билъ плеткой,
Спаивалъ ихъ водкой,
Обладалъ душами,
Кушалъ борщъ съ грибами.
Пилъ усердно пиво,
Грошъ копилъ ретиво,
Въ праздникъ же съ азартомъ
Предавался картамъ;
Откупъ сдалъ еврею,
Съ нимъ дѣлилъ идею:
Будемъ ли спокойны,
Иль настанутъ войны.
На одно разъ блюдо
Мяса съѣлъ полпуда
И сваренныхъ въ тѣстѣ
Колдуновъ штукъ двѣсти.
Съѣвши черезъ силу,

---

[1]) Напечат. въ Кіев. Стар. 1890 г. № 3.

Легъ себѣ въ могилу
И подъ дерномъ скуднымъ
Сномъ спитъ непробуднымъ.

Въ „Этногр. Обозр." г. Хоткевичемъ напечатана статья о кобзаряхъ и лирникахъ, въ которой авторъ, между прочимъ, говоритъ, что въ публикѣ пользуется большимъ распространеніемъ мнѣніе, будто Остапъ Вересай былъ послѣднимъ украинскимъ бандуристомъ. Что сказать на подобное мнѣніе? Приходится лишь удивляться, какъ мало интересуются жизнью Украины люди, науки, живущіе на ея территоріи. И странно,—вымираетъ какой нибудь зубръ, и этимъ все встревожено, учреждается цѣлая институція съ канцеляріями, бумагами, чиновниками, слѣдящими за благополучнымъ исходомъ сносей самки зубра, а умеръ послѣдній, яко бы, украинскій бандуристъ, носитель духа народнаго,—и всѣ какъ-то удовлетворились простымъ констатированіемъ факта.. Но, къ счастью, Остапъ Вересай не былъ послѣднимъ украинскимъ бандуристомъ. Я не велъ систематическихъ записей о существующихъ кобзаряхъ, но и то у меня имѣются слѣдующія цифры: въ харьковскомъ, богодуховскомъ и отчасти лишь въ прилегающихъ уѣздахъ у меня записано 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Опрошенный мною черниговскій бандуристъ сказалъ, что знаетъ у себя въ сосницкомъ уѣздѣ (и отчасти въ прилегающихъ) 6 бандуристовъ и 21 лирника; Мыхайло Кравченко—въ миргородскомъ уѣздѣ и части прилегающихъ—знаетъ 9 бандуристовъ и 15 лирниковъ, а подобныя цифры свидѣтельствуютъ о чемъ хотите, только не объ исчезновеніи кобзарей. Кобзари не вымираютъ, а если и вымираютъ, то весьма и весьма медленно; они все еще хранятъ, хотя и съ трудомъ, свое пѣсенное богатство и все ждутъ и не дождутся лѣнивыхъ адептовъ науки, чтобы ими занялись, какъ они того заслуживаютъ, и сохранили бы ихъ достояніе для послѣдующихъ поколѣній. Но ученые медлятъ и всякія «начальства» прилагаютъ усиленныя старанія къ искорененію кобзарства.

Чѣмъ вызвано гоненіе на бѣдныхъ слѣпцовъ—непонятно, но думается, что не кому другому, а именно людямъ науки нужно обратить на это вниманіе. Вѣдь, подобный образъ дѣйствій терпятъ не одни только бандуристы, а и сама наука. Учреждаются общества для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, но что же они будутъ соби-

рать, если всѣ кобзари будутъ «выкыдаты зъ головы» свое пѣсенное богатство, какъ это сдѣлалъ Мыхайло Кравченко, выкинувшій изъ своей памяти нѣсколько думъ, не надѣясь на улучшеніе современнаго положенія вещей и заранѣе приговоривъ себя, какъ музыканта, къ преждевременной смерти.

А сами бандуристы? Вѣдь, очень и очень многимъ изъ нихъ приходится содержать своимъ пѣніемъ не только себя, а и семьи, и эта скрипящая лира или кобза является часто кормилицей многихъ ртовъ. Обиженные самой природой, поставленные въ рѣшительную невозможность добывать иными путями средства къ существованію, что могутъ предпринять они, когда ихъ кобзу разобьютъ объ уличный столбъ?

Въ заключеніе авторъ приглашаетъ общество позаботиться на будущее время о сохраненіи этихъ смирныхъ и полезныхъ пѣвчихъ птицъ. Первый починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ принадлежитъ XII археологическому съѣзду, собравшемуся въ Харьковѣ, въ августѣ 1902 года. По постановленію съѣзда, было возбуждено ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ огражденіи кобразей отъ преслѣдованія властей, и отъ г. министра полученъ сочувственный отзывъ на это ходатайство. Дай Богъ, чтобы это не осталось только на бумагѣ, а получило бы примѣненіе къ жизни. Тогда для кобзарей настанетъ новая эра,—многіе перлы музыкально-національной старины будутъ спасены отъ забвенія, а хранители этой старины за это... «будуть Бога молыты, щобъ давъ вамъ Господь щасно въ свити прожыты».

Въ № 463 «Вѣстн. Юга» напечатана замѣтка г. Жука подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о слѣпцахъ-бандуристахъ». Основная мысль замѣтки сводится къ требованію поставить слѣпцовъ-бандуристовъ въ такія условія жизни, при которой они могли бы съ большею пользой для народа выполнять свою просвѣтительную миссію. «Бандуристы и лирники, говоритъ авторъ, занимаютъ въ исторіи малорусскаго народа почтенное мѣсто, какъ хранители народнаго творчества, и въ думахъ и пѣсняхъ, передававшихся отъ поколѣнія въ поколѣніе, дали намъ живую, полную художественными образами и правдивую съ дѣйствительностью исторію многочисленнаго народа, геройски боровшагося цѣлые вѣка за свою свободу. И если эти почтенные историки, будучи въ то же время носителями народнаго искусства, такъ

много способствовали развитію музыкальнаго чувства въ народѣ, а пѣніемъ думъ и замѣчательною въ своемъ родѣ игрою на бандурахъ, лирахъ и другихъ инструментахъ замѣняютъ массамъ современную намъ, культурному обществу, симфонію, оперу, концерты и т. п. развлеченія,—то не пора ли въ настоящее время поставить этихъ полезныхъ и безкорыстныхъ, обездоленныхъ судьбою людей въ такія условія существованія, при которыхъ они-бы съ наибольшей пользой для общества и наименьшимъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства служили тому искусству, къ которому имѣютъ призваніе?»

Изданіе альбома южно-русскаго орнамента Полтавская губернская земская управа, озабочиваясь изданіемъ альбома южно-русскаго орнамента (рисунка) по шитью, ткачеству, рѣзьбѣ по дереву и металлу, обратилась съ просьбой къ корреспондентамъ статистическаго бюро прислать ей, если у кого-нибудь изъ нихъ имѣются вещи съ стариннымъ южно-русскимъ орнаментомъ, для зарисованія таковаго, или-же указать мѣста и лицъ, у которыхъ такого рода вещи имѣются. По зарисованіи орнамента, вещи будутъ возвращены лицамъ, приславшимъ ихъ; при чемъ управа отвѣчаетъ за цѣлость присылаемыхъ вещей. („Полт. Вѣстн.“, № 150).

Въ № 24 «Руслана» помѣщенъ фельетонъ д-ра *Я. Окуневскаго*, посвященный Драгоманову. По поводу этого фельетона въ слѣд., №№ (26 и 27) напечаталъ г. *А. Барвинскій* «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневського про М. Драгоманова», вызвавшую въ свою очередь возраженіе г. *М. Павлика* въ №№ 45—50 «М. Драгомановъ, „високий рівень“ украінства та „нова ера“».

Въ №№ 53—63 помѣщена статья г. Озирного о „*Положеніи русиновъ на Буковинѣ*“.

Въ № 127 «Куб. Вѣдом.» напечатана статья, посвященная Н. В. Лисенку по поводу 35-лѣтняго юбилея его артистической дѣятельности. Авторъ статьи, послѣ краткаго біографическаго очерка, перечня про-

изведеній нашего композитора и выясненія громадныхъ заслугъ юбиляра, выражаетъ увѣренность въ томъ, что многочисленные почитатели украинскаго Баяна на Кубани „примутъ участіе въ чествованіи неутомимаго талантливаго работника на нивѣ служенія родному искусству".

Въ 5-ой книжкѣ журнала «Бесѣда» (бывш. «Почтальонъ») напечатаны интересныя «Воспоминанія о П. А. Кулишѣ», принадлежащія женѣ покойнаго, небезызвѣстной нашей малорусской писательницѣ Ганнѣ Барвинокъ. Эти «Воспоминанія» не столько касаются покойнаго П. А. Кулиша, сколько первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ самой Ганны Барвинокъ.

Въ «Воспоминаніяхъ» разсказывается, какъ въ 1847 г. Ганна Барвинокъ съ мужемъ и братомъ ѣздили заграницу, и покойный П. А. далъ женѣ карандашъ и бумагу и просилъ ее записывать все, что услышитъ или увидитъ интереснаго въ пути. Между прочимъ проѣзжали Волынь и Новоградволынскъ—и результатомъ этого путешествія явились разсказы Ганны Барвинокъ «На Волыни», напечатанные мужемъ ея въ «Основѣ», а затѣмъ и разсказы «Въ осены лито» и «Лыхо не безъ добра».

Въ «Воспоминаніяхъ» упоминается о Костомаровѣ, Номисѣ, Стороженкѣ, какъ поддержавшихъ Ганну Барвинокъ на ея поприщѣ, сочувствовавшихъ ей и поощрявшихъ ее; упоминается о Маркѣ Вовчкѣ и Шевченкѣ.

Разсказывается, какъ покойный П. А. далъ образованіе пяти своимъ племянникамъ, и что у П. А. вообще было много учениковъ и ученицъ изъ простого народа. Цѣлью покойнаго П. А. было «обогатить Украину цивилизованными людьми, въ особенности подготовить для нея хорошихъ матерей; развить украинокъ и возбудить въ нихъ любовь къ родинѣ».

Въ № 111 «Волыни» помѣщена библіографическая замѣтка г. Ков.-Кол. на вышедшій недавно въ Одессѣ подъ редакціей М. Вороного украинскій альманахъ подъ заглавіемъ «Зъ-надъ хмаръ и долынъ».

Новая земская газета. Екатеринославской губернской земской управѣ разрѣшено издавать въ Екатеринославѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ редакторствомъ предсѣдателя управы, еженедѣльный журналъ подъ названіемъ «Вѣстникъ Екатеринославскаго земства».

Предполагаемое изданіе повѣстей И. Франка. А. Хойнацкій, извѣстный во Львовѣ издатель цѣлаго ряда книгъ украинскихъ авторовъ, недавно опубликовалъ программу предположеннаго имъ изданія повѣстей И. Франка. Изданіе будетъ обнимать 10 томовъ беллетристики и 2 тома научныхъ статей. Въ него не войдутъ только тѣ повѣсти, которые изданы уже или будутъ изданы «Выдавнычою Спилкою», но за то въ немъ будутъ помѣщены и новыя произведенія автора. Подписная плата на всѣ 12 томовъ (томъ около 10 печатныхъ листовъ) 16 кор.—на обыкновенной бумагѣ, и 24 кор.—на лучшей бумагѣ и въ переплетѣ; каждый томъ отдѣльно будетъ продаваться по 2 кор.—на обыкновенной бумагѣ, и по 3 кор.—на лучшей.

Предполагаемый къ изданію альманахъ «Багаття». (Письмо въ редакцію). Милостивый Государь, Г. Редакторъ! Не откажите помѣстить на страницахъ Вашего уважаемаго журнала нижеслѣдующее:

Задумавъ издать новый альманахъ на украинскомъ языкѣ «Багатте», мы встрѣтили горячее сочувствіе нашей мысли среди украинскихъ писателей, за что и приносимъ имъ здѣсь глубокую благодарность. До настоящаго времени въ распоряженіи редакціи имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ: Л. Яновской Г. Хоткевича, И. Франка, Днипровои Чайки, Н. Полтавки, С. Павленка, О. Романовои, П. Мырного, О. Кобылянськои, Н. Кибальчичъ, М. Колцунякъ, П. Карманського, М. Левицького, Б. Лепкого, Б. Гринченка, М. Вороного и др. До сихъ поръ матеріалы собирались лишь благодаря непосредственному обращенію къ авторамъ. Но такъ какъ адреса большинства украинскихъ писателей редакціи нашей неизвѣстны, то мы позволяемъ себѣ обратиться къ нимъ чрезъ посредство Вашего уважаемаго журнала съ покорнѣйшей просьбой присылать намъ рукописи для альманаха (до 1-го сентября) по слѣдующему адресу: Одесса, Херсонская 48, д-ру И М. Луценко.

Редакторъ альманаха «Багатте» *И. Лыпа.*

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Bonmariage.—La Russie l'Europe. Topographie, relief, géologie, hugrologie, climatologie, regions naturelles; les peuples et leur modes de répartition. Gr. in—8 avec grav. et cartes.

Бессарабія. Географическій, историческій, статистическій, экономическій, этнографическій, литературный и справочный сборникъ. Съ 224 иллюстраціями. Подъ редакц. П. Крушевана. М., 1903 г. Ц. 2 р.

Ол. Бобикевичъ. „Настоящи", ком. въ 1-ой діи. Львивъ, 1903 р , Ц. 50 сот.

Яр. Винцковськый. Наши звуки; збирныкъ творивъ хоральныхъ. Лыпськъ, 1903 р. Ц. 40 сот.

Марко Вовчокъ. Народни оповидання. Т. I. (Беллетрист. библіот., ч. 52). Львивъ, 1903 р. Ц. 2 кор.

Городъ Кіевъ, его святыни и достопримѣчательности. К. 1903. Ц. 20 к.

Горькый М. На дни жыття. Сцены. Зъ російськ. перекл. *В. Темныцькый.* Львивъ, 1903 р. Ц. 70 сот.

Горькый М. Мищане. Драматычный нарысъ. Перекл. *Маруся Полтавка.* Зъ переднимъ словомъ и портретомъ автора, Чернивци, 1903 р. Ц. 1 кор.

Гульдманъ В.—Помѣстное землевладѣніе въ Подольской губ. Изд. 2-е. К.-Подол. 1903. Ц. 2 р. 50 коп.

Деде В. «Роботи!» Оповідання. Чернивци, 1903 р., ц. 40 сот.

Деде В. «Салдатики». Малюнокъ изъ селянськыхъ розрухивъ. Чернивци, 1903 р. Ц. 20 сот.

Дядько Дмытро. Оповидання про те, куды идуть мужыцьки гроши. Чернивци, 1903 р. Ц. 20 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 53-й. Львивъ, 1903 р.

Ст. Коваливъ. Рыболовы и инши оповидання (Беллетрист. библ., ч. 51). Львивъ, 1903 р. Ц. 2 кор.

Иванъ Ем Левыцькый. Поглядъ на розвій нызшого и высшого шкильныцтва въ Галычыни въ рр. 1772--1800 и розвій руськонародного шкильныцтва въ рр. 1801—1820. Львивъ, 1903 р. Ц. 75 сот.

Осипъ Маковей. Три галыцьки граматыкы (Иванъ Могыльныцькый, Йосыфъ Левыцькый, Йосыфъ Лозынськый). Львивъ, 1903 р. Ц. 1 кор.

„Нова Сичъ“. Хоръ мужескый, сольо баритонове и дуетъ въ супроводи фортепяна. Слова Ю. Федьковича, муз. О. Нижанковскаго. Перемышль, 1903 р. Ц. 1 кор.

Орда Л. Страничка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни. Луцкъ. 1903 г. Ц. 40 к.

Образовательныя прогулки по Россіи. 1894—1902 г. Сост. Н. Р. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Овсянико-Куликовскій. Д., проф.,—Н. В. Гоголь. М., 1903. Ц. 1 р.

Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. Изд. 2-е, Спб. 1903. Ц. 30 к.

Перетцъ В.—Очерки старинной малорусской поэзіи. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. VII. Малороссія. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Степ. Руданськый. Т. 6-ой и 7-ой. Омырова Ильйонянка; часть 1-ая (пѣсни I—XII) и 2-ая (п. XIII—XXIV). Цѣна кажд. тома по 1,50 кор. Львивъ, 1903 р.

Сидоровъ А. Польское возстаніе 1863 г. Историч. очеркъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Силантьевъ А. Черноморское побережье Кавказа въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи. Вып. I. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности имп. Академіи Наукъ. Т. 72-й. Спб., 1903 г. Ц. 2 р.

Соболевскій А. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Библіограф. матеріалы. Спб. 1903 г.

Л. Н Толстой. Смерть Ивана Ильича. Перекл. зъ російськои мовы *Волод. Гнатюкъ.* Львивъ, 1903 р Ц. 55 сот.

И. Трембицкій. Тарасъ Шевченко, картина изъ житья поэта въ 1 дѣйствію. Коломыя, 1903. Ц. 20 сот.

Юр. Федьковычъ Новобрачныкъ; поэма. Чернивци, 1903 р. Ц. 10 сот.

Халанскій М., проф. - Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности. Харьковъ, 1903, Ц. 30 к.

Шемунова Л.—Изъ поѣздки по Амуру и Уссурійскому краю. М., 1903. Ц. 30 к.
